

63.3(2Р-4ТУ1)-22

Г80

В. Я. ГРЕКОВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ
КАФЕДРАЛЬНОГО
ГОРОДА

БЕЛОВ

СКР

БЕЛЕВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ
КАФЕДРАЛЬНОГО
ГОРОДА

Храм Рождества Богородицы

Лестивий сбъзанелътъ
элъс спир

В. Я. ГРЕКОВ

БЕЛЕВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ
КАФЕДРАЛЬНОГО
ГОРОДА

860-ЛЕТИЮ ГОРОДА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Тула
Издательский Дом «ПЕРЕСВЕТ»
2007

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

До чего же приятно выйти из подъезда дома ранним летним утром, когда наш город еще спит, но солнце уже встало. Улицы чистые, умытые ночным дождиком, дышат утренней прохладой. Небо голубое бездонно простирается над крышами домов и куполами церквей. Заросли сирени источают настолько приятный аромат, что невозможно удержаться, чтобы не сломать веточку. На душе тихо и спокойно, повседневные проблемы и заботы где-то за гранью.

Центральная улица города, прямая, как стрела, пестрит новыми современными магазинами и рекламой, но сейчас этого не замечаешь. Просто идешь и радуешься, что на душе благостно, что улицы чистые, что листья шелестят, что по мере приближения к автостанции открываются бескрайние просторы полей, что в первых лучах солнца блеснула излучина Оки.

Вот она, знаменитая русская река, омывающая наш старинный город. Она такая же тихая и спокойная, как и прежде. А на крутом ее берегу - монастырская стена и храмы с величественными следами былой красоты, которые видны издалека, когда подъезжаешь к городу.

Века наш город стоит, и повидал он многое. Главное - оставался самим собой и ни перед кем колени не преклонял, ценя независимость превыше всего. Разные периоды были в его жизни. Было хорошее, было и плохое. Революция 1917 года, гражданская война, коллективизация, годы первых пятилеток, построение развитого социализма. Затем страшные испытания в годы Великой Отечественной войны, послевоенное восстановление разрушенного народного хозяйства. Ведь верили, трудились не покладая рук, не щадя здоровья ради светлого будущего. Верили, и ездили за продуктами в Москву, и по великому блату «доставали» что-нибудь вкусненькое к празднику, и старались побаловать мандаринами детей хотя бы к Новому году, и считали, что так и должно быть и что так и будет. Но так продолжаться дальше не могло.

Когда в стране началась перестройка, когда ломали старое и отжившее, не все верили в добрые перемены. Было от чего. Месяцами сидели без зарплат и пенсий, наблюдая пустые полки магазинов и слушая пустые разглагольствования бывших партийных руководителей, которые плавно, на волне борьбы за народное благосостояние, перешли в кресла руководителей новой формации.

К счастью, народ разобрался, с кем ему по пути, пусть и ушло на это немало времени. Теперь добрые перемены радуют нас день от дня. Вопрос с обеспечением жителей товарами повседневного спроса решен давно и в полном объеме. На повестке дня - решение социальных проблем, и в этом большую помошь городу оказывает администрация Тульской области и лично губернатор Вячеслав Дмитриевич Дудка, руководитель нового типа, с неординарным мышлением, человек, который за совсем короткий срок смог не только поднять жизнь в области на качественно новый уровень, но и заставил руководителей на местах изменить свою работу в лучшую сторону.

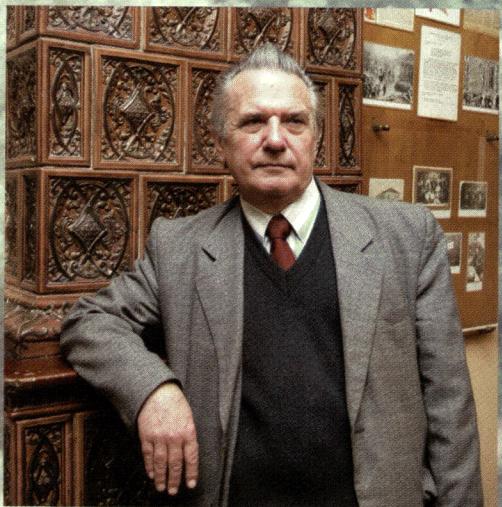
Таким образом, мой родной город, не остаешься ты без внимания, а ведь тебе уже 860 лет, и это зрелый возраст. Порою трудно приходится тебе. Но к чести твоей надо отметить, что хороших людей рожала земля твоя, которые и вдали от тебя о тебе не забывают. Малиновый перезвон колоколов над действующим Свято-Троицким храмом. Недавно возродилось это чудо духовности благодаря нашему земляку, а ныне московскому предпринимателю Александру Егоровичу Митину. Низкий поклон ему за это!

Многие знают наш город, любят его всей душой. Один из них - Виктор Владимирович Соколовский. Его имя у всех на слуху за доброту и щедрость, за бескорыстность и готовность всегда прийти на помощь. Газификация города и района. Уже одно это рождает в наших сердцах глубочайшее к нему уважение. А сооружение часовни с двумя купальнями на святом источнике Жабынце в Свято-Введенской Жабынской Макарииевской пустыни? Да воздастся ему за дела его благие.

Обо всем этом и о многом другом вы, уважаемые читатели, прочтете в книге, которую держите в руках. Эта книга о нашем городе, о его истории, о его людях, а значит, и о нас с вами. Это рассуждение о времени, о нашем предназначении в жизни, о долгах наших перед тем святым местом на земле, где мы родились и выросли, где сделали первый шаг и произнесли первое слово.

В суете будней мы порой забываем взглянуть вокруг, что-то переосмыслить, что-то изменить в лучшую сторону, а потом сетуем: мол, текучка заела. Отложите в сторону дела, отвлекитесь от них на время и возьмите в руки книгу. Обязательно прочтите ее, дайте прочитать детям и сохраните для внуоков. Ведь книга написана по большому счету и не для нас, а для наших потомков. Когда-нибудь потом они снимут ее с полки, откроют и узнают, как мы любили свой город и по мере сил берегли его. Они обязательно задумаются над прочитанным и добавят новую главу в повествование. Думаю, у них будет что рассказать. Ведь жизнь не стоит на месте, и добрым делам нет конца. Так было, так есть и так будет в нашем родном городе Белеве...

Михаил Иванович БОЧАРОВ,
глава муниципального образования
Белевский район

ПО ПУТЯМ СЕРДЦА ВЯТИЧА

Не претендуя на масштабный экскурс в прошлое, панорамный взгляд на цепь событий, автор попытался раскрыть исторически сложившийся характер человека Верховья Оки, проникнуть в святая святых его духовно-нравственного развития в диалектической связи во времени. Тем более что Белев – город в Тульской епархии **кафедральный**. Но и не только: в царствование Фёдора Алексеевича серьезно замышлялось учредить ещё несколько епархий, присовокупив к действующим, - в том числе особо Белевскую епархию.

Так кто же это, Божьей милостью – **окари**? На какой почве их глубокие корни?

«...человек сам по себе не есть предмет исторического изучения, — отметил в этой связи В.О. Ключевский в своем Курсе лекций по истории России, — предмет этого изучения — совместная жизнь людей». И важно было определить, какова доминанта гравитационного поля общности Верховья Оки, которую в древности называли «Страной князей» из-за большого числа княжеств на скромном пространстве Поочья.

И все-таки каков же он, белевич, составляющий эту общность исторического Поречья? Динамичный и предпримчивый, но и чрезвычайно инертный, когда ему «против шерсти», как говорится в среде этого народа: хоть кол ему на голове теш! Отчаянный в бунте, в протесте.

Отчего это он демонстративно негодует, когда чиновники от власти преддержанной несправедливы, однако в то же самое время белевичи усердно трудятся и хлопочут по хозяйству: «Дружба дружбой, а табачок врозь!»

Тихий и смиренный, работящий в своем ремесле, по извечному статусу демиурга, белевич вместе с тем «восторж держит ухо»: а не ударит ли набат? – уж тогда ему, как сам о том говорят, «... и черт не брат!»

Или вот такой пассаж шекспировского размаха! Известно, что до страшного пожара 1719 года в городе Белёве было 34 церкви, - и это на пять тысяч населения. А чуть позднее открылась тайна: Белёв, как оказалось, снискал и другую славу - прямо

противоположную... Как пишет историк беловских церквей М.Ф. Бурцев: «...Белев сам сделался центром раскола, гнездом, откуда в течение 150 лет выходили раскольнические попы, уставщики, начетчики, старцы и старицы...»

И что же? Все завершилось примирением. Каким образом? Это представить едва ли возможно, непредставимо! Якобы примирение произошло по инициативе белевского же раскольника Ветковского согласия белого пола Алексея (Игнатьева), который «... в 1782 году был судим за пьянство и буйство в своем доме и послан на один год в подначальство в Добрый монастырь, опять возвращен к той же церкви, но через семь месяцев снова бы осужден за те же проступки на подначальство в Тихоновой пустыни с запрещением священнослужения».

В знак примирения было дозволено преосвященным Амвросием «построить в г. Белеве единоверческую церковь во имя Вознесения Господня».

Воистину, неисповедимы Твои пути...

Предстояло размыслить, выстраивая логический ряд: а каково его родовое начало, если ему Ока – земля обетованная? В вятских ли недрах? Или все-таки восходил его темперамент несумный от корней угро-финских? Не случайно же А. Блок єоскликнул:

...Что там услышишь из песен твоих?

Чудь научила, да Меря намерила

Гамей, дорог, да столбов верстовых...

Задумайся, когда вместе с окарем пройдешь путями-дорогами в рядах знаменитого Белевского 71-го пехотного полка, обретенного Российской армией еще во времена Екатерины Великой. Ведь он, по вековечности, под стать казачьему Войску; судите сами: за свое героическое долголетие заложил несколько опорных пунктов в России и Европе, из которых два получили впоследствии статус города с одноименным названием «Белев». Причем один на южном порубежье Отечества нашего, другой – в Болгарии.

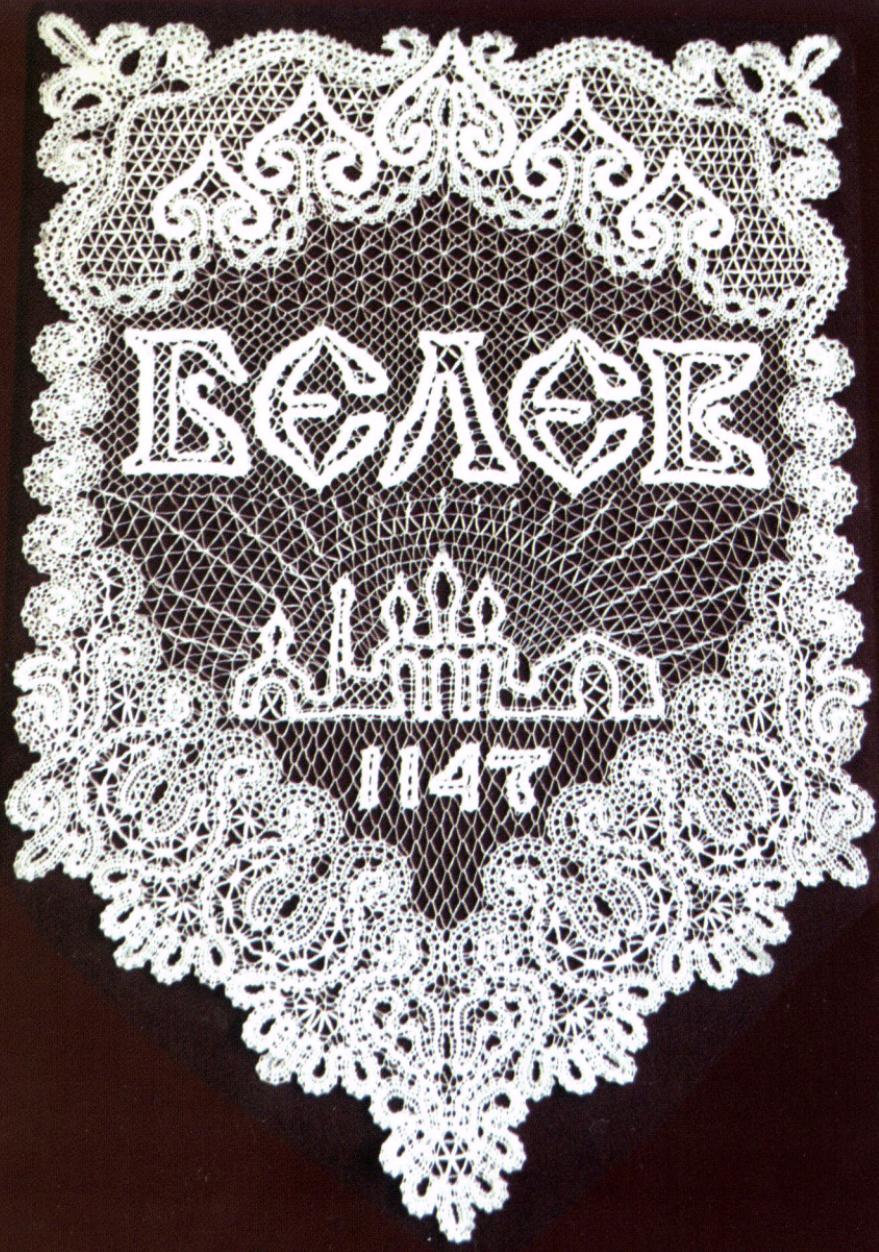
А где сыскать аналогичное с белевским маркиантством? Ведь у него, у окаря-белевича разудалого, даже промысел стал доподлинным образом жизни: таково его состояние души, и — «назад ни шаг!».

Таким образом, автору важно было, чтобы читатель сам погрузился в атмосферу исторического бытия и ощущал ритм жизни – именно сто, а то и двести, пятьсот лет тому назад. Чтобы ощущал вкус той жизни, почувствовал бы интонацию происходившего с окарями неугомонными, прошедшими в историческом времени всеми этапами развития родного Отечества.

Разумеется, был избран в исследовании так называемый дифференцированный подход, ведь важно было, чтобы государственный человек «Страны князей» проявился в событиях, явлениях, потрясениях и катаклизмах социальных - во всех своих ипостасях, чтобы высветился характер в блеске всех граней.

Итак, заглянем в историю окарей, страницы всех листая...!

Виктор Яковлевич ГРЕКОВ,
директор Белевского районного художественно-
краеведческого музея,
член Союза писателей России,
лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого,
почетный гражданин г. Белева

Дорогие друзья!

Тому, что книга увидела свет, белевская обществоность обязана спонсорскому вспомоществованию в издании – глубокочтимому Игорю Евгеньевичу Здорову и всемерной поддержке главы муниципального образования Белевский район Михаила Ивановича Бочарова.

Автор выражает сердечную признательность коллективу сотрудников Белевского художественно-краеведческого музея за помощь в подготовке к изданию и лично Светлане Леонидовне Дорофеевой, сформулировавшей концепцию заключительного раздела книги – «Родники святости».

*Автор В. Я. ГРЕКОВ,
декабрь 2006 г.*

ДУХОВНОЕ НАЧАЛО ДРЕВНЕГО КРАЯ, или Заметки о нравах

Богата, содержательна и необычайно насыщена яркими событиями история города Белева. Причем эти события неразрывно связаны со всем происходящим в стране — сперва в границах Черниговского княжества, затем — Великого Московского, после — Руси и т. п. Ослабевает взаимосвязь лишь в конце XVIII века и — вплоть до новейшего времени.

На этой основе, своеобразной и энергетически плодовитой, со многими причудливыми особенностями, как раз и сложился характер обычавших как бы на рубеже леса и степи. Не случайно, что именно здесь образовались ни на что не похожие в Европе так называемые Верховские княжества. Их породило и взлелеяло вкупе со многими неповторимыми особенностями Верховье реки Оки.

По существу истории развития, характера становления этого края В. О. Ключевский пишет следующее. «Берег, как звали в старину течение Оки, южного предела этого узлового края, служил операционным базисом степной борьбы и вместе опорной линией этой степной военной колонизации. Переселенцы из разных областей старой Киевской Руси, поглотив туземцев-финнов, образовали здесь плотную массу, однородную и деловитую, со сложным хозяйственным бытом и всё осложнявшимся социальным составом,— ту массу, которая послужила зерном великорусского племени».

Разумеется, мы ведем речь о более узком и достаточно ограниченном пространстве, то есть фактически о Белевском уезде в рамках бывшего Белевского княжества. Однако корни его настолько глубоки и в такой степени переплелись с корнями целого бассейна в междуречье (между Волгой и Окой), что и наш край четко характеризует очень меткое

выражение историка Ключевского: «На этот раз наша история пошла в достаточном согласии с естественными условиями: реки во многом начертали её программу».

А на самом деле, чем не крылата фраза Василия Осиповича Ключевского? Будучи четко очерченной, содержательной и образно приметной, она лаконична, исчерпывающе проста и в то же время весьма энергична — «реки во многом начертали её программу».

Само географическое положение края белевского, местоположение посреди Верховских княжеств и на торговом пути, связующем Север и Восток, Ока с её многочисленными притоками, перемежающиеся лес и степь привнесли немало в особенности нравов белевича.

Не случайно краеведы XIX века удивлялись присущему только белевичу — любопытнейшему на территории Тульчины промыслу. И назывался этот присущий только белевичу промысел маркитантством.

Так, И. П. Сахаров в очерке «Белев», опубликованном в журнале «Маяк» (Санкт-Петербург, в типографии Конрада Вингебера, 1843 г. том 8), писал следующее.

«В Белёве существует ещё особенный род промышленников, известных под именем маркитантов. Эти промышленники, при начале каждой войны, оставляют все свои занятия и партиями отправляются к действующей армии».

Другой автор — П. М. Мартынов, педагог и краевед из Белева (1828—1895), пишет о том же более пространно и более экспрессивно, рассматривая маркитантство среди белевичей как характерный признак их природы, словно это врожденный инстинкт. Однако написано живо, увлекательно и панорамно.

«Можно смело сказать, что между многочисленными городами нашего обширного отечества едва ли същется другой, так сильно усвоивший себе эту промышленность. Отдаленные места Грузии и царства Польского, станицы Дона и Черномории, а более всего — Кавказский край, служат многим белевцам местами постоянного жительства: на Кавказе нет почти укрепления или mestечка, где не находилось бы хоть одно из них.

Маркитантство для белевца представляет какую-то особенную заманчивость, и лишь только звук военной трубы прогремит в каком-нибудь краю нашего отечества, в Белеве уже начинаются приготовления и сборы к отъезду в армию: складываются артели и капиталы, скапуваются повозки, лошади, местный, нужный товар и прочее. Наконец назначается день отъезда.

После необходимой молитвы явленной иконы св. Угодника Николая Чудотворца и скорбящей Божией матери, и после истинно товарищес-

кой и преизобильной на дорогу пирушки, весь поезд, в веселом расположении, окруженный множеством родных и близких, отправляется в путь искать счастья, для него еще скрытого и неопределенного, а может быть, и могилы на неродной земле и под чужим небом».

Вот эта самая лирическая нотка, исподволь как бы прорвавшаяся через заслоны сдержанного описания существа маркитантства, выводит нас в познании нравственных черт белевича на новые, незнакомые рубежи, далеко за границы официальных сообщений энциклопедического характера. Примечательно, что у Мартынова наш герой-белевич — это прежде всего удалой, в высшей степени предприимчивый человек, любящий и умеющий творить дело сообща, во товариществе, в тесном содружестве. Но свобода действий для него — главнейшее условие обожжения, сообщества.

Но вот и еще одна грань темперамента белевича как лица исторического. Петр Мартынович Мартынов пишет прелюбопытные вещи о деталях редкого на Тульщине промысла.

«В памятные 1812 по 1815 годы весь почти Белев, говоря в переносном смысле, выезжал в чужедальние страны, и редкий из его граждан не прошел тогда всей Германии и не побывал в Париже, редкий не расскажет вам истории военных действий того времени. И вот только ли недавно умерли старики, которые ещё молодыми маркитантами были свидетелями взятия Очакова и Измаила, и великого Суворова знавали ещё Фанагорийским полковником! (Статья П. М. Мартынова написана и опубликована в 1855 году.— *Прим. автора В. Я. Г.*).

Но не один звук трубы военной влечет наших граждан на чужбину: и в мирное время они, обыкновенно в числе нескольких человек, отправляются кто на Кавказ, кто в царство Польское — поискать счастья, пожить там, нажить — если придется — деньжонок, приехать в Белев прожить их, а потом опять пуститься в дальнюю дорогу...

...Из всех этих обстоятельств видно, что дух маркитантства есть в Белеве давний и наследственный, точно так же, как, например, в Ярославской губернии — промысел по трактирным заведениям, в Волхове — сапожное мастерство, в Боровске — огородничество и прочее. Можно сказать, что почти половина собственно белевцев живут вне своего города, посещая его только по разу в течение 10 лет, а то и совсем никогда не посещая. Есть лица, не видавшие со своими односемьями в городе около 50 лет».

Читающий эти сокровенные строки Петра Мартынова, полагаю, несколько не удивится так называемым особенностям, а проще говоря, «причудам» белевича, ибо на своих родственниках, а частично и на себе, проверил правду искренних умозаключений автора. Впрочем, некогда и местная газета нередко возвращалась к этой теме «всеохватности»

путей-дорог белевича: от Мурманска до Курил, от Кушки до крайней точки тундры — вот так разбросала судьба земляков нашего края, и редкий, за малым исключением, навещает «сердцу милый край» хотя бы один раз в пять лет. Хотя, впрочем, тяга к малой Родине достаточно велика, судя по ряду опросов.

Кстати, в связи с этим и о тяге к знаниям, к культуре, к просвещению в частности. Вот, скажем, в том же материале Петр Мартынович Мартынов замечает: «Должно признаться, что большая часть граждан Белёва получают мало теоретического образования, но, находясь с малолетства на чужой стороне, невольно обращаясь между чужим народом и пройдя, как говорится, огонь и воду, белевцу необходимо становиться большим практиком в жизни».

Послушайте, но ведь и по сию пору так, словно, как говорится, на роду ему написано: быть таковым и в новой эпохе — без особых перемен в характере, в принципах и манерах, в нормах нравственных и т. д.

Естественно, за годы советской власти был сделан значительный шаг ко всеобщему образованию; были и такие, которые, блестательно окончив десятилетку, получили высшее образование, причем есть, так сказать, свои ученые мужи, талантливые артисты, поэты и художники. И это традиционно, в особенности — увлечение театром. Ну, уж тут-то и в этом-то у белевича особая стать — театрал до мозга костей. Испокон веков. Многоглавая история...

Так к какому же времени относится первое упоминание о том, что в Белеве был свой театр? Мнения краеведов и прочих знатоков разноречивы.

Так, ещё в конце семидесятых годов минувшего столетия удачливый краевед Куртенков Алексей Михайлович благодаря общению с секретарем Л. Н. Толстого — Валентином Федоровичем Булгаковым — произвел интересные разыскания, и его поиски увенчались любопытным успехом.

Оказывается, в 1834 году в Белеве побывал по делам службы выдающийся критик, писатель, профессор Московского университета по кафедре изящных искусств и археологии, редактор журнала «Телескоп» — Николай Иванович Надеждин (впрочем, кто только из великих и известных не посещал Белёва, начиная от Ивана Грозного). В нашем же примере важно отношение гостя (к чему бы вы думали?) к белевскому театру. Вот что сообщил Надеждин в одном из своих писем адресату от 26 августа 1834 года:

«Театр в Белёве! Можете представить, как это должно быть забавно..., но я просидел только первое действие, стало скучно от смеха...»

Краевед, довольный своим открытием, счастливо заявляет, что театр в Белёве — это яркая страница истории края и Белева в частности.

Разумеется — да! Яркая! Несомненно. Но вот что любопытно в связи с этим, когда заглянешь в святая святых музея и некоторых частных архивов белевичей. В 1836 году в Белёве был поставлен спектакль по знаменитой пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор». О, сейчас бы нашему читателю прелюбопытно бы было заглянуть и в афишку того времени: шутка ли?! — 1836 год.

Что привлечет внимание в ней любознательного? То, что от руки в печатном тексте записано: «В воскресенье, 30 августа». А чуть выше достаточно крупным шрифтом, то есть вровень, так сказать, с начертанным словом «Ревизор», характерное преуведомление: «С дозволения начальства». Как теперь модно стало говорить, этакое — и открытым текстом, слева направо через всю афишу. Не шокирует ли? Нынешних-то? Нет?

Впрочем, это к слову. А вот нижеизложенное остановит внимание любого из соприкоснувшихся с этим документом. В перечне «Цена местам» перечислены следующие, в определенном порядке: «Ложи Визави — 15 р. (ассигнациями); Бельэтажи боковые — 10 руб.; Бенуары — 5 р.; Кресла первых трех рядов — 1 р. Прочих — 75 коп. Места за креслами — 30 к. серебр. Амфитеатр — 20 коп. серебр. Галерея — 25 коп. серебр.».

Так где же оно, это типовое здание театра первой половины XIX века в моем родном Белёве? Может быть, заглянуть в мемуары-записки Н. Н. Эльмановича, бывшего в 20-х годах XX столетия в Белевском театре актером, ставшего впоследствии профессионалом и проработавшего много лет главным режиссером театра на Сахалине? Пожалуй, стоит заглянуть. Но прежде обратимся всё к тому же известному на всю Тульщину в XIX веке краеведу и писателю Сахарову. В своем очерке о Белёве он оставил занимательную фразу, никак не растолковав детали по существу белевского театра. «Почти на самом берегу Оки заметны здания, где был когда-то театр (1816)...».

Мы ещё обратимся к этой теме, по принципу: где? что? когда? Пока же нас занимают нравы белевича, в частности, его преданная любовь к искусству, к тончайшим ремеслам — приметный штрих к портрету.

Эльманович пишет следующее. «Надеждин действительно в 1834 году посетил театр в Белёве. Может быть, это был крепостной театр (помещиков, и крупных, в Белевском уезде было много); может быть, это был любительский спектакль, может быть, это был спектакль заезжего гастролера?

Единственное, что могу с достоверностью утверждать, так это то, что помещение для спектаклей в Белёве в прошлом веке было. Узнал я об этом совершенно случайно, и вот как.

Когда в 1918 году я с Н. Н. Сабининым (о Сабинине Николае Николаевиче речь пойдет ниже! — *Прим. автора В. Г.*) искал прибежище

для наших спектаклей (театральное помещение в то время было занято украинской труппой), кто-то мне подсказал, что в доме Федосеевых, который стоял на углу Пятницкой (Базарной) площади и Козельской (теперь улица К. Маркса), когда-то размещался чай-то клуб, и там в прежние времена устраивались вечера, балы, давались спектакли и концерты.

Я обратился к одному из Федосеевых, который в те годы работал в одном из Белевских учреждений, с просьбой показать нам это помещение, что он охотно сделал.

Войдя в дом со стороны Козельской улицы через маленькую дверь (а дом-то был большой), мы поднялись по ветхой, узкой деревянной лестнице (ну прямо как на колокольню) на чердачный этаж (кажется, 3-й) и там мы обнаружили небольшой зал, человек на 50–70, и крохотную сцену... Я поднялся на сцену и сразу почувствовал себя великанином — так мала была сцена. Сквозь пыль я разглядел на задней стене сцены подобие леса, изображенного масляными красками, о чем, впрочем, можно было только догадываться — так всё истлело, обветшало. На боковых стенах сцены оставались следы краски и каких-то надписей. Одну из этих надписей мне удалось разобрать. Она сообщала о том, что в 189(?) году на этой сцене играла великая русская актриса М. Н. Ермолова...»

Вот уж, воистину, чем дальше в лес, тем больше дров! Ну чем не детективное повествование? Как говорится, театр налево, театр направо! Какой простор для театралов. Каков выбор в 1918–1919 годах,— действуют местная и приезжая (гастролирующая) труппы. Но и это ещё далеко не всё о театральных увлечениях и, естественно, в провинции — о приключениях. Вот, скажем, Эльманович утверждает, что «...до революции в Белёве было три клуба: общественное собрание (на Калужской, теперь Советской улице); купеческий клуб (в доме купца Рыжкова на Козельской улице, теперь улица К. Маркса,— предположительно, здесь ныне располагается музей, где есть смотровой зал, ориентированочно на 55–60 мест.— Прим. мое — В. Г.); и клуб железнодорожников — на той же Козельской, напротив, наискосок от купеческого клуба».

Как бы там ни происходило, в детективном ли ключе иль в духе повествовательно-эпического жанра, но театр в Белёве — это естественное для белевича явление. Театр, торжество искусств — это для белевича состояние души. Так было двести, триста лет назад, так продолжалось с утроенной энергией в годы революции и Гражданской войны, так явилось новому поколению сразу же после окончания Великой Отечественной войны. С театром — и в радости, и в горе! Спектакли по вечерам — это в Белеве не праздник, а, напротив, как бы и элементарный быт, привычная повседневность, когда вдруг зажигаются огни рампы и

светлеет на душе рядового, может быть, и затюканного, замордованного текучкой обывателя. Ясно, что на спектакли ходила не только праздная публика из числа высших сословий — ведь билеты были и копеечные, о чем мы поведали выше.

Театр в Белеве явно существовал задолго до упомянутого 1816 года, ибо здесь, в древнем городе, жил и творил Василий Алексеевич Левшин — энциклопедист, писатель и переводчик, автор сказок и пьес. И были «домашние» спектакли в дворянских усадьбах, о чем поведали рассказы очевидцев о юности Василия Андреевича Жуковского, с детства увлекавшегося театром, ставившего как режиссер спектакли в доме отца и в Туле, в доме тетушки и сестры. Если не едва ли ни повальное увлечение театром, другими искусствами в Белёве, откуда бы малолетнему подростку Васеньке Жуковскому иметь представление о режиссуре, о декорациях, о театральных костюмах, о гриме? — всё это в его детстве достоверно. Так это было!

Но вот доподлинно известно, что в 1834 году сгорело театральное здание в Туле, а через два года такая же участь постигла здание театра в Калуге. Вследствие такового происшествия, где бы вы, читатель, думали — разместился театр? Да, тульский губернатор разрешил тульским артистам открыть театр в Белёве. Разрешил, что означает лишь то, что его об этом кто-то просил?! Разумеется, да! — просил антрепренер театра Турчанинов. Почему? Да потому, что в ряде статистических обозрений городов Российской империи Белев в Тульской губернии именовался «первым после города губернского». Эльманович в своих мемуарных записках терялся в догадках, на спектакле какого театра присутствовал Николай Иванович Надеждин. Так вот, достоверно известно из других источников, что он удостоил своим вниманием спектакль тульского театра — комедии французского драматурга Ф. Детуша «Деревенский поэт, или Любовь хитра на выдумки».

Через два года в Белев приезжает калужская труппа, именно в их репертуаре был «Ревизор» Н. В. Гоголя. Что в этом, собственно говоря, примечательного? А то именно, что калужане в оптимальные сроки поставили спектакль по знаменитой пьесе Гоголя — ровно через три месяца после Малого театра в Москве и через четыре — после Александринского театра в Петербурге.

Вот почему нельзя исключить и того, что Белев оказался первым уездным городом в России, где была поставлена бессмертная гоголевская комедия «Ревизор». А в 1850 году сам автор комедии нагрянул в Белев, чemu иллюстрацией служит переименованная в Гоголевскую Троицкая улица.

Ах, любители, подлинно театралы, ценители и почитатели, таланты и поклонники! — как много вас прошло во времени в свете рампы, и

каждый оставил свой след в памяти потомков. И не надо ходить куда-то далеко за яркими примерами и иллюстрациями к сказанному с пафосом! — ибо участие в спектаклях в качестве актера-любителя знаменитого купца А. П. Прохорова — очень и очень многое стоит и о многом в нашем контексте говорит. Красноречиво говорит! Вот что пишет Эльманович, рассказывая о том, как был поставлен спектакль по пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы». Над спектаклем работали он и Николай Николаевич Сабинин, о котором речь пойдет ниже.

«Из отдельных моментов мне почему-то запомнились два: спектакль начинался прологом-пантомимой, главным образом которой был Л. Н. Толстой в исполнении нашего известного по «чисто-яблочной белевской пастиле» земляка А. П. Прохорова. Кроме того, он был ярым поклонником Л. Н. Толстого и его идей; он и по своим внешним приметам чрезвычайно походил на Льва Николаевича. Сходство было поразительным».

Кстати отметить для полноты сведений о семье Прохоровых, что основатель династии не только стал первым производителем знаменитой пастилы яблочной, которую вывозил для продажи за границу, но и основателем белевского банка. Произошло это в 1863 году, а промышленное производство пастилы получило в Белеве «прописку» в 1888 году.

Так как это было? Если мы этого, хотя бы вкратце, не узнаем, то и, соответственно, не поймем сути самого поступка Амвросия Павловича Прохорова, потомка, уже в 1918 году бросившего обывателю своеобразный вызов, выйдя в роли Льва Толстого на сцену в вышеупомянутом прологе-пантомиме.

Разрешение на открытие общественного банка Амвросия Прохорова с сыном последовало 12 декабря 1863 года, и вот на каких основаниях он стал действовать. Основной капитал банка должен был составить — и непременно! — 10 тысяч рублей серебром. Эту сумму внес Амвросий Павлович Прохоров, потомственный почетный гражданин Белева, купец второй гильдии, с условием пользоваться капиталом до тех пор, пока в банке составится капитал, равный 10 тыс. серебром, и чтобы банк именовался Прохоровским. Его сын, Павел Амвросиевич, стал пожизненным директором банка, затем носил звание попечителя.

Примечательно, что именно Прохоровскому банку на Тульчине выпала доля просуществовать, и безбедно, более полувека. Это, так сказать, долгожитель в губернии.

А как это отразилось на общественной жизни купеческо-дворянского города? Атмосфера взаимовыручки, взаимопомощи и доброжелательства позволила сложиться традиционной в этом случае преемственности, когда основатель производства пастилы и создатель банка пользовался

вался всеобщим к нему душевным расположением с искренним чувством признательности.

После сына Прохорова одно время директором банка был белевский первой гильдии купеческий брат Григорий Иванович Игнатов, а в товарищах у него — белевские купцы Александр Николаевич Богданов и Алексей Сергеевич Хохлов.

А вот в 1888 году, когда Прохоров поставил на промышленную основу производство яблочной пастилы, директором был купеческий сын Николай Васильевич Киселев с товарищами — купцом Василием Николаевичем Рыболовым и потомственным почетным гражданином Амвросием Павловичем Прохоровым. Так вот он-то, Амвросий Павлович, и удивил нашего автора, а в 1918 году начинающего артиста на подмостках белевского театра — Эльмановича. Какие личности! Какие крупные фигуры испытывали тягу к высокой культуре, к искусству! Какие судьбы и повороты в них!

* * *

В нынешнее время, в век чрезвычайного притока информации, разве что ленивый не назовет вам с десяток монастырей России — бывших и действующих. В Белеве их было два — мужской Спасо-Преображенский и женский Крестовоздвиженский. И много-премного по безбрежной России, однако лишь в Белеве произошло несравненно исключительное: в Крестовоздвиженском было освоено населенниками причудливое, оригинально-самобытное, впечатляющее кружевоплетение и затем, так сказать, было поставлено на поток, да так, что белевское кружево на международном рынке по чести и по праву заняло свое место. Оно пользовалось спросом и в Париже, и в Амстердаме, не говоря уже о Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве. Отчего это произошло? И почему именно в Белеве? Потому что традиции, ставшие образом жизни, сложившийся своеобразный, отличный от уездов-соседей — Калужской, Орловской и собственно Тульской губерний, менталитет, мобильный быт обитателей города и уезда и в то же время испытанная на прочность веками оседлость духовной жизни, осиянная святостью Жабынской Введенской Макарievской пустыни, отстоящей от Белева всего на семь верст, определили стези и этого, буквально новоявленного, золотоносного промысла. О, как дорожили и по сию пору дорожат белевичи памятью о серебряном веке кружевоплетения, молодежь, из числа особо одаренных, приобщается к ремеслу, и уж некоторые сами становятся мастерами, и хранителями традиций, и учителями юных: обучение протекает в Доме творчества детей. Искусству кружевоплетения детей обучает талантливый педагог. Прекрасное не гибнет, оно со

временем вновь и вновь возрождается, но уже в преображенном виде, ибо — если по Н. Г. Чернышевскому! — прекрасное — есть жизнь. И не их вина, а их беда в том, что кружево мастеров высочайшего класса не было востребовано в период существования советской власти. Не было!

Из каких же других составляющих исторически складывался характер белевича как достаточно культурно-просвещенной величины: и неукротимого предпримчивого купца, и волевого правдоискателя, и искусного мастера разнообразных ремесел, и тонкого ценителя искусств, а также — доблестного воина, удачливого и сметливого воеводы, неутомимого труженика, праздного гуляки и затворника-домоседа, однако во всех его ипостасях — всенепременно вольнолюбивого патриота.

И всё ли уж так, до благости,— без сучка и задоринки в исторически сложившемся характере и нравах белевича? Ой ли?! Хватало — и порой с лихвой! — того самого, что, как говорится, из ряда вон — и куража напоказ, и вздорного через край, и прочего сумасбродства сколько угодно, но! — типичного лишь для отдельных особей, пусть и впечатляющие ярких, самобытных и неповторимых.

Так, в частности, из мемуарных записок о театральной деятельности в Белеве в 1918—1920-х годах старейшего актера столичных театров А. Г. Бутылкина мы узнаем немало забавного о полной приключений жизни барона Черкасова, чье имение располагалось на правом берегу Оки и граничило с землями Жабынской пустыни. Бутылкин описывает состояние нашего города в холодном и голодном 1918 году. Зима.

«Интересно вспомнить трех «знаменитых сторожей» города Белева, охранявших город с колотушкой, электростанцию и Центральный Белевский театр. Они трое, вместе, каждую ночь ходили по городу и стучали в колотушку. Мол, видите, граждане Белева, это мы идем — сторожа города! Сила! Им, то есть каждому сторожу, больше семидесяти лет в то время,— едва идут по улице, в зимнюю пору, в снегопад, когда пуржит и выюжит; они, в башлыках, друг друга вытаскивают из сугробов.

Ночью вокруг темень. Электроосвещение — лишь до полуночи... Так кто же они, эти сторожа ночные? Сила эта? То были два белевских генерала: Рупrecht (отец нашего в театре электромонтера Рупрехта), и некто Толстой (родственник Льва Николаевича), и барон Черкасов, помещик Володьковской волости Белевского уезда.

Барон Черкасов в молодости был богатый человек. У него было много земли и до трех тысяч десятин леса. Так вот лес он проиграл в карты белевскому калачнику-лотошнику Рыболову. До революции Рыболов сделался знаменитым промышленником: торговал Черкасовским лесом.

Барон Черкасов в молодости много куражился. Если в воскресенье, в базарный день, барон на своей тройке, едучи в церковь, не проедет на

базарной площади по выставленным в рядок горшкам гончаров, то они, гончары, ей-ей останутся в убытке. А дело в том, что каждый раз следом за тройкой барона обязательно ехал управляющий имения Черкасова и платил за разбитые горшки. Гончары рассказывали, чего им стоило «терпеть» убытки, причем они сами подсчитывали, сколько у них горшков разбито сумасшедшей тройкой барона, и управляющий никогда не перепроверял их «счет».

Какие метаморфозы, однако! Как живописна картина прошлого, сколько сочных красок на палитре нескучного быта горожан. Романисты, где вы нынче, ау?! — спешите запечатлеть прошедшее, ибо оно ушло навсегда. Преобразите, преображая!

* * *

Знаток истории церквей в Белевском уезде, великолепный краевед и приличный писатель — протоиерей Воскресенской церкви в Белеве Михаил Федорович Бурцев скрупулезно подсчитал, работая с документами Средневековья, что в XVI веке в Белеве было около 35 церквей, не считая домовые. Их унесли три сильнейших пожара, и первый из них разразился в 1719 году, когда огненные «шапки» летели аж на 25 верст от пылающего города, то есть, как замечает автор, от Белева до Лихвина, ибо в том направлении дул сильнейший ветер.

Тридцать пять церквей, пусть и деревянных,— это же святая святых Руси великой, если в одном-то, всего на 5 тысяч жителей, городе?! Какою же должна быть при этом сила веры людской — и в Бога, и в святость тех, кто отправляет церковную службу. Каковыми должны быть в этих обстоятельствах укрепы духа человеческого? Не случайно и сам автор истории церквей Белевского уезда записал в своем труде сакриментальное по тем временам: «Все это ясно свидетельствует о том, что в XVII столетии благочестие в г. Белеве действительно процветало».

И уж если мы повели речь о нравах, то всенепременно обязаны, сказав «А», продолжить чтение по алфавиту, сказав далее «Б». Да и на самом деле, благочестие, наверное, процветало,— но до определенных сроков, пока не грянул раскол, и тогда-то, как пишет Бурцев, в Белеве раскол «утвердился так, что в скором времени и само количество церквей в нем сократилось до 15, и он сам сделался центром раскола, гнездом, откуда в течение 150 лет выходили раскольничьи попы, уставщики, начетчики, старцы и старицы; келейные учительницы и другие лица, имевшие влияние на раскольников разных сект, совершившие у них богослужение и занимавшиеся обучением раскольнических детей грамоте,— и куда стекались с разных концов Калужской (теперь) и Тульской губерний юноши и девы учиться старой вере и старой грамоте.

Ведя с самых времен Петра I большую торговлю с петербургским портом, Белев представлял для раскольников удобное убежище, в коем можно было укрыться от преследований правительства пришлуому раскольническому лицу, живя в нем в качестве приказчиков, конторщиков, трепальщиков пеньки, или сортировщиков ея, прядильщиков канатов, бондарей и огородников, и не принадлежа ни к какому приходу в городе не только тогда, когда они были одиноки, но и в том случае, если жили в городе целыми семьями на квартирах, или целыми десятками в келяях у богатых купцов.

С другой стороны, и для коренных жителей Белева, приверженных к расколу, Белев был благонадежным убежищем, потому что мужчины-торговцы и купцы постоянно по делам торговым разъезжали по городам и губерниям, легко могли входить в сношения с другими раскольниками в разных местах и посещать раскольничьи «скиты» и «молельни», особенно с тех пор, как среди граждан Белева развилось маркитантство, давшее возможность свободно ездить по России и по Польше, и по Кавказу, и даже за границу, в Молдавию, Валахию и Австрию.

Таковые раскольники обыкновенно носили личину благочестия, числились прихожанами городских церквей, изредка посещали церкви, жертвовали на украшение церквей и даже состояли церковными старостами, принимали к себе приходское духовенство во время его хождений по приходу, хотя сами во время пения не показывались, чтобы не прикладываться ко кресту (четвероконечному, если священник ходит с таковым), венчались в православных церквях, а потом в «кельях» и «молельнях» ночью «перевенчивались», крестили и детей своих, а потом «перекрецивали» и «перемазывали» их, когда к ним приезжали «белые попы» или «старцы», — но на исповеди и у св. Причащения никогда у приходских священников не бывали, даже и перед смертию, и в душе своей оставались заклятыми раскольниками».

Вчитываясь в строки воспоминаний о последнем из рода баронов Черкасовых, иль прослеживаешь роковую эпопею раскола и его последствий, сопереживаешь ли с земляками минувших годин на крутых поворотах истории, — взлеты в постижении мастерства в сфере редчайших промыслов, а затем и угасания всеобщего интереса к хорошо освоенному и поставленному на поток, и невольно ловишь себя на мысли, что ты, как бы исподволь, думаешь сейчас о фразе Дмитрия Карамазова из романа Ф. М. Достоевского — «Широк человек!..» Немало вместил в русло своей многовековой жизни Белев, многому из происходящего со страной отдал он дань — и нерасторжимы связи его с судьбами великой родины: и утраты, горше которых нет ничего на свете, и обретения, радуешься которым, как будто это твоя личная счастливейшая находка.

В заключение поднятой темы о характере белевича, о нравах и перипетиях переменчивой судьбы на проселках истории, следует остановиться на белевском наречии, как это, скажем, толковал историк, искусствовед, генеанолог, этнограф и фольклорист, член русского географического общества, замечательный туляк — Иван Петрович Сахаров. Но прежде необходимо сделать одну оговорку относительно рода баронов Черкасовых.

Это был прославленный род, хотя, как говорится, в семье не без урода — были и самодуры. Гордостью фамилии был и остается декабрист Алексей Иванович Черкасов, человек высокообразованный, доблестный воин и верный товарищ. Член Южного общества с 1824 года, он входил в группу ближайших соратников П. И. Пестеля, участвовал в сокрытии «Русской правды» после ареста Пестеля и позднее был жестоко наказан: осужден на два года каторги с дальнейшим поселением в Сибири. Каторгу он отбывал в Чите, а на поселении находился в Ялуторовске. С истечением срока поселения принимал участие в боевых действиях на Кавказе, вследствие чего выслужил вновь офицерский чин, был уволен в отставку с непременным обязательством проживать безвыездно в с. Володькове, то есть в родовом имении, под надзором полиции.

Итак, наречие коренного населения города, уезда, края формируется под влиянием целого ряда факторов, ибо язык, как известно,— это средство общения, обмена мыслями и взаимопонимания. А ещё язык — это достояние племени на ранней стадии развития человеческого общества — народности, нации.

Определенная, характерная для белевского жителя речь, присущая лишь белевичу, вырабатывалась в самом тесном общении с близкими и далеко отстоящими соседями — лесного, лесостепного и степного краев, а также посредством торговых отношений, когда, к примеру, вышеупомянутые маркитанты, скитаясь долгое время на чужбине, привносили, возвращаясь, некоторые элементы совершенно чуждого наречия. И что-то сходу отвергалось, не приживалось, что-то входило в обойму новояза, что-то подновлялось, хотя бы за счет ударения словесного.

Однако, обратимся же к И. П. Сахарову. В его очерке о Белеве в известном журнале «Маяк» есть прелюбопытная характеристика наречия белевского. Он пишет следующее: «Белевское наречие, удаляясь от правильного тульского, приближается более к Калужскому и отличается особенным употреблением предлогов, своеобразным выговором слов, незаметных в других областных наречиях. В коротком и звучном произношении мужчин слышно всегда грубое «о» и редко встречаются мягкие тона; напротив того, «е» переходит в «о».

Белевец в быстром, почти всегда в визгливом выговоре звук «в» превращает в «у» и всегда говорит: «был у Туле; был у гостях, живу у

моем доме». Так только говорят люди среднего класса. В выговоре поселян Белёвского уезда заметно более приятности, и очень редко можно встретить людей с городскими, тяжелыми словами».

Но как бы там ни было с наречием, облик среднестатистического обывателя выковывался в течение веков на наковаленке торговых операций, то есть на торговых площадях,— и это его альфа и омега. Да и, впрочем, само преобразование Руси шло, как утверждает В. О. Ключевский, похожими путями. Вот как складывался облик города иль селища, в глубокой древности (а Белеву, как никак, стукнуло уж 860 годков!).

«С развитием торговли... возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, когда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название погостов. Впоследствии, с принятием христианства, на этих местных сельских рынках как привычных людских сборищах прежде всего ставились христианские храмы: тогда погост получал значение места, где стоит сельская приходская церковь. При церквях хоронили покойников: отсюда произошло значение погоста как кладбища».

А отсюда проистекали генеральные причины того, как складывались и уклад, в том числе семейной жизни, и нравы, и разговорная, а точнее, площадная речь.

ДОРОГАМИ ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ

О доблести, о подвигах, о славе здесь предпочитали не говорить, тем более — всуе. Зачем? — это было их сутью. Образом жизни... По этому поводу, однажды выступая перед призывниками, Иван Иванович Кочанов, ветеран войны, полковник в отставке, почетный гражданин города Белева и патриот сказал так: «У нас в Белеве не мы выбираем военную профессию, она выбирает нас».

От корней глубинных это, еще когда город был форпостом на юго-восточном рубеже Черниговского княжества; когда возводились затем на протяжении века крепости порубежья с засечной чертой в Пooкском краю, когда бились с полчищами степняков потомственные воеводы Левшины когда как эстафету героизма и воинского долга приняли в Смутное время известные Отечеству воеводы, и среди них, только в XVII веке:

1. 119 (1610), октября 2, Федор Григорьевич Желябовской.
2. 121 (1613), июль—122 (1614), князь Семён Никитич Гагарин.
3. 122 (1614) — 123 (1615), князь Михайло Борисович Долгоруков (в другом месте Долгорукой) да Иван Григорьевич Юшков, во 122 (1615) г. вместо Юшкова, показан Пётр Никитич Бунаков.
4. 123 (1616), Иван Посников сын Кутузова да голова Артемий Шеншин.
5. 125 (1617) — 126 (1618), Афанасий Михайлович Толочанов.
6. 126 (1618), февраля 26—127 (1619), князь Михайло Иванович Сонцев-Засекин, Михайло Никитич Тиханов.
7. 127 (1619), Семён Гаврилович Коробин.
8. 128 (1620), Василий Кирикрейской.
9. 129 (1621) — 130 (1622), июля 29, Андрей Иванович Загряжской.
10. 131 (1623) — 134 (1626), Иван меньший Никитич Давыдов.
11. 134 (1626) — 135 (1626), сентября 16, Иван Прохорович Писемской.

12. 135 (1626), сентября 16 – 135 (1627), июня 1, Пётр Ефстафиевич Стрешнев.
13. 137 (1629) – 138 (1629–1630), Александр Иванович Маслов.
14. До 142 (1634), июля 21, Павел Давыдов.
15. с 142 (1634), июля 21, Иван Григорьевич Квашнин.
16. 145 (1635), октября 8 – 147 (1638), декабря 6, Степан Михайлович Вильяминов.
17. 147 (1638), декабря 6 – 149 (1640), сентябрь, Юрий Васильевич Колединской.
18. 151 (1642), сентябрь – 155 (1646), декабря 25, Севастьян Дементьевич Хитрой.
19. 155 (1646), декабря 25 – 157 (1648), декабря 25. Константин Селивёрстович Сытин.
20. 157 (1648), декабря 25, Фёдор Тимофеевич Пестриков.
21. 160 (1651) Юрий Захарьевич Быков.
22. 167 (1659), августа, Дмитрий Варфоломеевкч Хитрово.
23. 173 (1664), октября 5 – 173 (1665), мая 26, Емельян Толстой.
24. 184 (1676), марта 20, Леонтий Григорьевич Желтухин.
25. 186 (1677) – 78, из дворян Афанасий Иванович Лёвшин.»

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: По напечатанным правительственным актам. (СПб., 1902, стр. 30–31.)

Станет понятным этот масштаб бытия древнейшего города, если вникнуть в смысл неординарного в его судьбе. Именем Белева были названы: Белевская крепость на Украине, Белевский пехотный полк и село Белослав в Болгарии.

Россия страдала от набегов крымских татар. И вплоть до первой четверти XVIII столетия не было значительных преград на пути конницы степняков. Поэтому указом Военной коллегии России от 25 мая 1730 года было предписано соорудить заградительные линии на большом пространстве – от Днепра до реки Северный Донец.

С 15 января 1731 года началось строительство крепостей. Были брошены на это грандиозные по тому времени силы, состоявшие из казаков, крестьян, которым помогали повсеместно солдаты драгунских полков, расположенных на южной границе России, – около 30 тысяч человек.

Было построено 10 крепостей, а в последующие три года – еще 6 крепостей. Украинскому корпусу ланд-милиций было поручено несение пограничной службы на этом участке. Для этого было решено сформировать 20 полков, причем набор в рекрутты произвести в Белгородской и Воронежской губерниях.

Белгородским военным столом был сформирован один полк из числа рекрутов Белева, так как на тот момент город находился в составе Белгородской губернии.

Полк занял крепость под номером 10, разместившуюся на берегу реки Берестовая, составлявшей бассейн Днепра. В 1738 году все построенные крепости были поименованы, соответственно, и крепость 10-я по размещенному в ней гарнизону стала называться Белевской. Она находилась в центре оборонной линии и была стратегически главным опорным пунктом всей здесь оборонительной системы. Именно здесь находился штаб Украинского корпуса, а также комиссия ланд-милиции. Комиссия ланд-милиций занималась вещевым и финансовым обеспечением пограничных служб. Однако семьи воинов гарнизона остались в крепости, то есть поселенцами фактически стали здесь коренные жители города Белева.

До 1784 года крепость сохраняла свое название, прирастало количество жителей, рос и расширялся посад, и спустя некоторое время здесь вырос город, получивший название Константиновград, а в советское время город был переименован в Красноград.

Но как избежать реформ, если вся империя при Екатерине II подверглась коренному переустройству? И вот, по указу императрицы, последовавшему 15 декабря 1763 года, Белевский полк был переформирован в полевую часть. А в 1771 году Белевский пехотный полк принимает участие в первой войне с турками, участвует в штурме крепости Бендера.

В 1771 году, как только русские войска освободили Крымский полуостров от турок, Белевскому полку было приказано охранять его от «противника», и полк нес здесь службу вплоть до 1804 года.

И последовало новое назначение, полк был передислоцирован на Кавказ и высажен близ крепости Поти, и опять-таки с прежней задачей — оборонять твердыню от турок. Здесь-то и был выстроен прославленный затем «Редут Кале». В 1809 году полк взял-таки Поти, причем операция была произведена тактически настолько грамотно, что было взято в плен немало пленных вместе с комендантом Поти. Таким образом, белевичи стали здесь первым русским гарнизоном.

Не обошла блистательная судьба стороной наш знаменитый полк и в Отечественную войну 1812 года. Как это происходило? Значительная часть полка была направлена в действующую армию и участвовала в знаменитой битве на Бородинском поле.

В хронологическом порядке его послужной список выглядит следующим образом.

По состоянию на декабрь 1763 года полк состоял из двух батальонов, каждый из которых состоял, в свою очередь, из пяти мушкетерских рот

и одной гренадерской. В 1796 году был переименован из пехотного — в мушкетерский; с 29 марта 1801 года он стал называться Белевским Мушкетерским. В 1815 году вошел в состав Грузинского корпуса, а 28 января 1833 года переименован в Егерский, с присоединением к нему 31-го егерского полка. В 1834 году упразднен 6-й резервный батальон из состава полка, а в 1842 году, соответственно,— 5-й батальон.

23 февраля 1845 года 3-й батальон поступил на укомплектование Люблинского егерского полка. И взамен был сформирован новый.

В 1856 году назывался Белевским полком пехотным, а в 1864 году получил наименование «71-й пехотный Белевский».

Бывал ли он в Белеве, если едва ли не беспрестанно принимал участие в больших и малых военных кампаниях, военных операциях, в защите крепостей и в Крыму, и на Кавказе?!

В 1829 году был заключен так называемый Адрианопольский мир с Турцией, наступили дни мира. И Белевский полк некоторое время стоял в городе Зарайске, затем — в городе Белеве, недолго — в городе Ефремове и уже оттуда, в 1853 году двинулся на Кавказ, где участвовал в упорной и славной битве при Кюрюк-Дара. Именно здесь прославленный русский отряд из 18 тысяч разбил 60-тысячную армию турок. Остатки турецкой армии бежали в Карс.

В 1855 году полк участвовал в ночном штурме Карса и в дальнейшей блокаде Карса, вплоть до его сдачи турками. Вот здесь Белевский полк совместно с Тульским полком составил самый первый русский гарнизон покоренной твердыни противника. Большая часть, высокое доверие.

В начале 1859 года Белевский пехотный полк был занят подготовительной работой к предстоящей осаде небезызвестного в то время аула Ведена. Вследствие двухчасовой осады аул был взят штурмом.

Любопытно, что как трофей здесь достался белевичам деревянный походный стол легендарного Шамиля, стол с арабской надписью. Этот почетный трофей долго хранился в полку как свидетельство ярких побед над грозным противником, сражавшимся в отчаянии, до последнего бойца отряда горцев.

Отличился в горах полк и при взятии Бурундукальской башни. И лишь в 1861 году полк из Темир-Хан-Шуры двинулся на родину, с честью и воинской доблестью выполнив свою миссию.

15 декабря 1863 года полк в торжественной обстановке отмечал свой 100-летний юбилей, а 25 марта 1864 года как раз и получил свой знаковый на долгие и долгие годы номер — 71-й.

19 февраля 1877 года 71-й пехотный Белевский полк вошел в состав 14-го армейского корпуса, а 26 апреля выступил из Киева в военный поход — в Турцию.

22 мая 1877 года перешел границу и вступил в пределы Румынии.

21 июня 1877 года переправился через Дунай из города Браилова — в город Мачин.

17 июля 1877 года участвовал в бою при взятии города Меджидия и в преследовании противника. Воины полка проявили храбрость при взятии штурмом Базарджика.

После перемирия 71-й пехотный Белевский полк располагался и стоял лагерем в окрестности города Адрианополя, в 1879 году отсюда через Бургас он отправился в Одессу морем. Сперва расположился в Красноставе Люблинской губернии, затем, 15 октября 1888 года, был расквартирован в городе Ново-Александрии.

Во время Первой мировой войны полк действовал в составе 18-й пехотной дивизии, которая входила, в свою очередь, в состав 14-го армейского корпуса и участвовала в операциях на юго-западном, северо-западном, западном фронтах. Принимал полк участие и в Галицийской операции.

В 1914—1915 гг. участвовал в сражении у города Красника; в 1916-м — в наступлении в районе г. Двинска и озера Нарочь; в 1917-м — в обороне у реки Двины.

Солдатский комитет полка отказался поддержать выступление генерала Корнилова и его поход на Петроград. Командование армии, в которую на тот момент входил полк, разбросало подразделения полка по разным частям, и таким образом он был окончательно расформирован.

За заслуги перед отечеством полк был удостоен высоких наград:
за участие в войне с Турцией — знаменем с надписью: «За отличие в 1838—1839 гг.»;

за битву при Кюрюк-Дара — лентами на головные уборы с надписью: «За отличие в 1854 году»;

турецкой тамбур-мажорной тростью, отбитой при сражении под Кюрюк-Дара 24 июля 1854 года;

15 декабря 1863 года — знаменем с надписью «1763—863» с Александровскими лентами.

Кроме того, имя 71-го пехотного полка занесено на мраморные плиты стен Георгиевского зала Большого Кремлевского Дворца в Москве за подвиги в войне 1828—1829 гг.

В 1878 году русские войска освободили Болгарию от турецкого ига. 71-й пехотный Белевский полк освободил от турок ряд болгарских селений, в том числе село Гебедже.

После освобождения и последовавшего затем перемирия полк был расквартирован именно в селе Гебедже. Позднее, в знак благо-

дарности освободителям, жители села решили присвоить своему селу имя полка, назвав его сначала Белево, а затем — Белослав. Ныне это промышленный и хорошо благоустроенный город. В свою очередь белевичи переименовали одну из улиц своего города и назвали ее Белославской.

Ко всему следует добавить, что в Белославе жители установили памятник в честь освобождения села воинами 71-го Белевского пехотного полка.

ИЗ БЫЛИННЫХ ГЛУБИН ИСТОРИИ

Что происходило? Происходило то, что киевский престол стал предметом притязаний потомков Рюрика, из ветви Святославичей и Всеволодичей.

Причиной кровавой бойни стало пресловутое изгнание Святослава Ольговича из Новгорода Северского. Его двоюродный брат, Владимир Давидович, захватил его земли, дом.

Не остались безучастными братья Святослава, что характерно для той смутной годины. Это были братья по материнской линии — половецкие князья. Город Белев — один из древнейших городов России. Первое упоминание о нем относится к 1147 году. Была эпоха междоусобных войн. Развернулись военные события и на территории так называемого Верховья реки Оки.

Вмешательство половецких братьев-ханов осложнило и усугубило отношения между Святославом и Давидовичами. Чем ответили Давидовичи на таковой выпад половцев? Они значительно упрочили союз с сыном великого князя киевского, Мстиславом, и не замедлили вторгнуться в Северскую землю. Здесь они взяли Путивль, отчину Святослава Ольговича, разграбили его родовой дом, надругались над святынями — осквернили церковь Вознесения в Путивле. Они полонили до 700 горожан и угнали их в рабство.

Затем направлением главного удара по Святославу стал Новгород Северский. Сюда-то и устремились Давидовичи, поспешно сколотив многочисленную рать. А верные Святославу Ольговичу люди сейчас же уведомили его о грозящей опасности: «Спасай жену, детей своих и супругу брата своего Игоря».

Доброхоты советовали князю, над которым нависла беда, чтобы он шел в более безопасное место, а именно — в Каравчев, окруженный дремучими лесами, топкими дебрями. Совет был прост: отсидеться в бе-

зопасном месте, а тем временем на помощь подойдет Юрий Долгорукий со своим воинством. На тот момент сторонник Святослава Ольговича находился уже в Козельске.

Святослав прислушался к голосу разума, пошел к Карабчу. Самонадеянный противник его, один из сторонников Давидовичей, устроился вслед — всего лишь с тремя тысячами воинов. То был Изяслав Давидович. Молодеческая безрассудная удаль была характерной чертой этого человека. Святослав был в отчаянии: удалец Изяслав Давидович мог отсечь его от основного ядра бегущей его рати и пленить его жену и детей, а также и челядь.

В отчаянии, поддержаный родственниками-половцами, Святослав повернулся лицом к настигвшему его врагу и... разбил его. Фактически он лишь выиграл время для спасения, и потому, не медля, держась границ Дикой степи, где находились дружественные ему половцы, Святослав Ольгович поспешил, минуя крупные опорные пункты, — к спасительным границам отечества.

Скорбный путь его пролег через Белев. Вот здесь-то, в Белеве, и застает его летописец.

Однако до упоминания в летописи у города Белева уже была достаточно глубокая история. Согласно выводам ученых с мировым именем, опиравшихся на результаты исследований археологических экспедиций, в том числе В. А. Городцова, начало истории Белева следует отнести к IX—X вв.

Предполагается, что здесь, на крутой осыпи берега над Окой, располагалось в течение длительного времени несколько городских поселений славян-вятичей.

В. А. Городцов в фундаментальном своем труде «Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки» указывает на то, что одно из поселений располагалось на холме, на левом берегу речки Белевки. Другое городище находилось на правом берегу, на высоком месте, над устьем речки Белевки, при слиянии ее с Окой. Вот как раз это-то городище и стало со временем ядром княжеского города. Здесь-то и была возведена крепость белевских князей.

Уместно здесь отметить в кратчайшей форме, что родоначальником князей белевских, а до них — и новосильских, был сын святого Михаила Черниговского — Семен Глуховский. А вот, образно говоря, первый камень в основание удельного княжества положил Василий Романович, прия из Одоева княжить в Белев.

Что за поселение представлял собою город, строившийся как бы вокруг крепости? Сперва это было небольшое поселение. Оно, по мере разрастания, вытягивалось в неровную линию вдоль берега Оки, равно удаляясь от крепостных стен. Не сразу, но все-таки из административно-

хозяйственной целесообразности, определилась главная дорога, ставшая позднее улицей. Она связывала хозяйственно-административными узами Белев с Козельском, на тот период достаточно развитым. Пролегая близ крепости, она сходила по крутоярю вниз, с обрыва над Окой, достигала речки Вырки и, держась бровки со строениями посада, уходила в направлении на Болхов.

По мере возведения церквей, и не только в крепости, но и на посаде, с расширением торговых отношений с соседями вырисовывается путь на Лихвин. Образовывались торговые площади, которые обустраивались. Здесь же, на торговых площадях, строились церкви, как правило, во имя покровителей торговых дел и достатка, семейного благополучия. Это было характерно в ту пору и вообще для славянских поселений.

Но преобразовывался и сам княжеский город-острог. Он преображался, четче и структурнее определялись его башни согласно их назначению.

Будучи в составе Великого Черниговского княжества, город Белев становился постепенно приметным в кругу Верховских княжеств. Более того, он оказался постепенно и в самом их центре, когда благодаря хорошим водным путям, всему емкому бассейну Оки здесь стремительно развиваются востребованные временем промыслы, множатся опорные пункты вдоль побережья. Естественно, сюда тянутся люди с соседних земель, население прирастает численно и качественно. Определяется профиль занятий людей ремеслами.

Не случайно, что еще в эпоху неолита, как отмечают археологи, город над Окой был благоприятен для жизни и быта умельцев. Река Ока полноводная, леса богаты дичью, луга окрест — пойменные, пахотных земель в округе — предостаточно, даже есть черноземные почвы.

Кроме того, здесь, на холмах, на высокой окской круче, отгороженной от Поля сетью страшных оврагов, можно было отсидеться в лихую пору набегов диких степняков, в дни осады недругами и многолетними врагами.

В XIV—XV вв. местоположение Белева в соседстве с сильными княжествами Верховья Оки, угрозы со стороны Дикого поля и рейды печенегов, затем и половцев, крымчаков, обязывали быть и находиться всегда начеку, во всеоружии. Обязывало также к тому, чтобы и сам ландшафт как бы подчинить одному (во времена Средневековья) — надежной защите от недругов.

Все это определяло характер оборонительных сооружений, архитектуру построек и само расположение внутренних дорог-улиц. Увеличивалось и количество искусственных рвов.

Не исключено, что и в связи с этим город Белев уже в начале XVI века, будучи в составе Московского государства, сохранял относитель-

ную самостоятельность — как форпост, твердыня, мощный заслон от всяких агрессивно-воинственных полчищ, и в то же время и прирастал, и развивался экономически.

В административном отношении Белев прошел все примечательные стадии реформирования Московского государства. В 1708 году Белев Смоленской губернии был приписан к Киевской. В 1719 году, соответственно, Белгородской губернии — к Орловской провинции, а в 1777-м — к Тульскому наместничеству, за которым, как писали об этом в статистических протоколах, «и остался при переименовании его Тульскою губерниею в 1802 году».

Герб и план города были Высочайше конформированы, первый — указом 1778 года, второй — указом 1779 года. На первом: «в голубом поле сноп ячменный, из которого «выходит пламя». (В связи с этим есть любопытная сноска в статданных за 1841 г., где говорится следующее, не бесспорное: «Сноп, с выходящим из него пламенем, даны гербом Белеву не в память ли частых вражеских опустошений, от которых не спасалась и сама жатва на окрестных нивах?»).

Отмечалось также в том же документе, что Белев «лежит на трактах Киевском и Украинском, по левому, нагорному берегу Оки и что земли в черте города до 300 десятин. Из этого количества занято строениями, садами и огородами около 200, отведено для улиц и площадей около 50 десятин. Остальная часть, вовсе неудобная, находится под оврагами.

Крепость была внушительной, грозной и величественной посреди прочих строений и между слободами. Что было в ней примечательного? В ней «... двои проезжие ворота — одни Болховские, другие Калужские, трети Тайницкие, восемь башен глухих и наугольных...» Примечательно для башен — они многогранные: четыре-, «ши»-, «осмистенные» на «большой воротней башне, называемой Волховской или Полевой,— колокол «вестовой о семи пудах».

После целой цепи событий, вошедших в историю города как значительные, определившие его историческое место в развитии Московского государства, строится новая крепость, на левом берегу речки Белевки, на мысу. Эта крепость теперь во многом превосходила прежнюю, но втрое уступала территории посада. Фактически крепость в Белеве была типичной в подобных городах пограничья, и это был «новый рубленый дубовый город о четырех углах».

Теперь, к северу и северо-западу от посада и новой крепости, позади нового крепостного рва,нского, фортификационного, разместились слободы: пушкарская, стрелецкая, затинная, казачья. А также менее значимые, где селились с семьями воротники, кузнецы, «розсыльщики», «засечные сторожа», ямщики.

«Казацкая слобода начиналась у московской проезжей башни за крепостным рвом и тянулась по берегу Оки справа от дороги на Лихвин и Москву. Затинная слобода занимала землю вдоль оврага и старой Козельской дороги. Единственная её улица была направлена на Лобовскую угловую башню крепости.

Севернее, за отвершком оврага, к Затинной примыкала Пушкарская слобода. К крепости устремлялись две ее улицы: одна — на Срединную башню, другая — на угловую Мироносицкую.»

По сути дела, крепость новая стала военным центром окружавших ее слобод. Впрочем, со временем крепость сделалась и своеобразным административным центром. Что, в свою очередь, определило необходимость в сооружении здесь храма, в противовес Спасскому собору в старом княжеском кремле. Вблизи от угловой башни, Спасской, была воздвигнута церковь Архангела Михаила, соборная.

И вот что еще примечательно и своеобразно: находилась и слобода у крепостной стены, где жили так называемые служилые люди. Они ютились под бровкой крепостной стены. Буквально на склоне Белевского оврага и берега Оки, между Тайницкой башней и Болховской — Полевой.

ЕСЛИ ОТЧИЗНА В ОПАСНОСТИ

Согласно архивным данным (ЦГВИА) уже в августе, во втором месяце вторжения неприятеля на русскую землю, осуществлялось формирование и Тульского ополчения. Естественно, в его состав входило и Белевское подразделение ополченцев.

Сам М. И. Кутузов, скромный на похвалы, по достоинству оценил боевой дух и состояние подготовки к действиям тульских ополченцев. Это было мощное подразделение обороны. Оно располагалось по правому берегу Оки, на линии от г. Алексина и до г. Каширы, протяженностью в 200 км.

11 сентября 1812 г. Михаил Илларионович доносил из Красной Пахры царю о принятии в действующую армию конного Тульского полка: «Я при сем случае ... долгом считаю свидетельствовать... об успехе, с коим большая часть Тульских ополченцев сформирована.» («М. И. Кутузов», т. 4, ч. 1, стр. 278).

Прославленный, ставший знаковым, Тарутинский марш-маневр М. И. Кутузов проводил при непосредственном содействии Тульского ополчения, и в частности об этом действии штаб светлейшего сообщал, что по повелению командующего армиями предписано всем полкам Тульского военного ополчения, составленного на защищение губернии, выступить к границе (ЦГВИА, ф. 103 оп. 2080, св.о.д., ч.14, л.73.— стр. кн. 141).

Здесь же отмечено, что 3-му пехотному полку было приказано сдержать кордон от города Белева до Одоева и Крапивны, 1-му пехотному полку — занять линию правого берега Оки от пункта против Серпухова вверх к деревне Лукьянновке и даже до Тарусы и по берегу вниз по реке Оке 10 верст...» А два егерских полка должны были «держать кордоны от г. Одоева к Белеву и к Кашире».

В кампании 1812 года свою ленту в победу «над галлами», как писали в то время «Тульские ведомости», внесло Белевское ополчение.

Само собой разумеется, в формировании ополчения принимали участие все народные (читай – социальные) слои Белевского уезда,— война-то шла народная: стала таковою, как только в июне 1812 года огромная армия Наполеона Бонапарта переправилась через Неман и агрессивно вторглась в пределы России.

Средства, поступаемые в порядке пожертвований, сдавались на хранение в губернские казенные палаты либо находились в распоряжении комитетов ополчений. Губернские комитеты пожертвователей обязаны были нести строгую отчетность расхода денежных и материальных средств, поступивших в фонд ополчения. Подводя итог народной помощи ополчению, следует вывод, что в создании фонда материальной помощи ополчению принимало участие население не только 16 ополчающихся по манифесту губерний, но и вся страна.

Дух патриотизма достиг самой высокой отметки, и сердце продолжало трепетать за судьбу Отечества. Немудрено, что белевские обыватели прислушивались и к мнению своего земляка поэта В. А. Жуковского, сверяли по его решению записаться в ополчение и свои намерения, поступки родных, близких, знакомых. Через друзей его были наслушаны об этом. На плечи граждан Белева и Белевского уезда лег груз дополнительных, непредусмотренных тем более расходов. «Многочисленное ополчение содержалось в течение периода своего формирования,— отмечал историк тульского края,— и вплоть до вступления их в ряды действующей Армии на средства местных организаций населения. Для мобилизации этих средств в каждой губернии создавался Комитет пожертвований (представители дворянства, купечества и командования ополчения). Добровольный сбор денежных средств, продовольствия, вооружения, обмундирования явился примером яркого проявления народного патриотизма... По всей губернии и уездам, городам и селам принимались единодушные решения, касающиеся участия населения в добровольном сборе материальных денежных средств в помощь ополчению. Вооружение, обмундирование и продовольственное снабжение ополчения стало делом поистине всенародным.

Таким образом, народы России внесли в фонд ополчения только денежных средств 83 310 486 руб. Серебра — свыше 50 пудов, золота — свыше 12 фунтов. Таким образом, только величайшее напряжение всех материальных и духовных сил народа России могло послужить предпосылкой этой победы. (Из книги: В. Бабкин. «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». 1962 г., стр. 105—108).

Тульское ополчение, говоря военным языком, поставленные перед ним задачи выполнило. Оно своими действиями преградило путь мелким неприятельским отрядам, которые в поисках главных сил русской армии стремились проникнуть на территорию Тульской губернии. То

есть ополченцы во время «Тарутинского периода» обеспечили безопасность тарутинского лагеря, пресекая проникновение на этот участок не только лазутчиков, но и мелких отрядов противника.

Позднее, в 1872 году, в «Тульских губернских ведомостях» наш земляк Пётр Мартынович Мартынов, отмечая в юбилейной статье яркие эпизоды, чествовал тульских и, частности, белёвских героев-ополченцев. Автор при этом для достоверности происходившего 60 лет тому назад писал: «Во время формирования Тульского ополчения все знамёна полков его с торжественною церемонией освящены были в Успенском соборе преосвященным Амвросием в присутствии генералитета... и обер-офицеров и при многочисленном стечении жителей. Граждане Белёва в это же время поднесли третьему пехотному полку знамя, которое по возвращении ополченцов из похода, рассказывают, было отправлено в Белев. После благополучного исхода первой войны с галлами пехотные полки под командованием полковника Бобрищева-Пушкина прибыли из-за границы на родину вместе со вторым казачьим полком. В рядах их не доставало много ратников...

С соизволения Государя, в конце 1813 года, ополченцы были распущены немедленно по домам. Бобрищев-Пушкин оставил в это время в соборе одно знамя. В июле 1814 года возвратился из Парижа и первый конный полк. Командир полка, князь Щербатов, сообщил коменданту ополчения, что «Управляющий военным министерством генерал от инфантерии кн. Горчаков приказал ему сдать лошадей, оружие и обоз в артиллерийское ведомство, а амуницию в комиссариатство». Желая сохранить для потомства знамена своего ополчения, князь Щербатов внес их сам в кафедральный собор и вручил преосвященному Амвросию, который, приняв знамена с великой почестью, поместил у большого архиерейского места, где они стояли лет десять вместе с знаменами третьего пехотного полка. Когда же это место близ правого клироса было разобрано, знамена перенесли в холодную соборную ризницу. «С чувством глубокого патриотизма,— говорил г. Андреев,— рассматривали мы эти памятники национальной славы! ...Ограждая себя крестным знаменем, мы поклонились святыне и с горячею верою приложились к ней. Одно из знамен писано на тафте абрикосового цвета, с изображением Святого Николая Чудотворца, а на другой стороне Богоявления Господня. Оно принадлежит третьему пехотному полку, о чем свидетельствует бывший адъютант полковника Свечина. ...Следующие два знамени из парусины, на которой изображены лики Всемилостивого Спаса и Владимирской Божией Матери. По свидетельству современников данных событий, на Руси эти два знамени принадлежат первому конному полку казачему, которым командовал А. Ф. Щербатов. На обороте этих двух знамен от времени краски потемнели так, что самое

напряженное зрение едва может рассмотреть что-нибудь, мы заметили, однако, что предметы живописи взяты из священной истории, и потому необходимо живопись реставрировать. Образа писаны маслом и довольно хорошей работы... (П. М. Мартынов):, «А. Сперанский, секретарь тульского приказа общественного призрения, произведен был в прапорщики во время осады Данцига, он умер не очень давно. Свечин же, если не ошибаюсь, жил в Белеве, в казачьей слободе, где около его дома, на террасе, обращенной к реке, стояла пушка, из которой он иногда даже стрелял. В шестидесятых годах умер в Белеве дьякон Мироносицкой церкви, служивший прежде в ополчении и имевший знаки за заслуги».

Длительное время в истории Белева оставалось, образно говоря, «за кадром» ополчение времен Крымской кампании (1853–1856 гг.).

Кампания для России была трудной, стремительной и не принесла ожидаемых успехов. Напротив, согласно подписанному 18 марта 1856 года Парижскому трактату между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссиией, Россия возвращала Турции Каре, уступила Молдовскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным. Россия и Турция не могли держать там свои военные флоты. Подтверждалась автономия Сербии, Дунайских княжеств.

Кампания начиналась в царствование Николая I, а завершилась при Александре II.

Известно грустное, однако точное по сути изречение другой эпохи: «Города берут генералы, а сдают солдаты». В нашем случае уместно было бы подчеркнуть воинские доблести солдат и офицеров, а неуспех отнести на счет стратегов войны и вершителей политики.

В марте 1855 года ополчение, получившее официальное название «Дружина» (№ 80), было доукомплектовано начальствующим составом. Среди них начальник – надворный советник Василий Андреевич Озеров (в конце августа будет уволен от службы в ополчении государем императором по докладу об имевшем месте неслужебном конфликте, окончившемся дракой!) На должность начальника Дружины № 80 был назначен майор Исаев; далее – капитан Пущенков Николай Яковлевич, штабс-капитан Петр Иванович Новоковиц, штабс-капитан Домбровский У. А., штабс-ротмистр Скоробогач П. С., поручик артиллерии Юний Н. П., поручик Бровцин С. Д., поручик Федоров И. Ф., поручик Щедринский В. Н., подпоручик Жуанов М. П., подпоручик Цуриков Я. П., подпоручик Дмитриев И. Д., коллежский секретарь Елагин Н. А., губернский секретарь Пожидаев М. Г., подпоручик Даровский Н. Ив., подпоручик Шумовский Н. А., губернский секретарь Льзов К. Ф., прапорщик Афремов А. И., коллежский регистратор Шеламов В. И.

Дружины № 80 формировалась в Белеве, но в ее состав были включены ратники, набранные в Одоеве: дело в том, что Одоевский уезд согласно учрежденному реестру не имел своей дружины на то время, и его ратники, как тогда именовали ополченцев, а также лица офицерского состава были распределены по дружинам — Тульской, Алексинской и Белевской.

В дружине № 80 числилось ратников белевского призыва — 655 человек, одоевского — 413, а всего личного состава насчитывалось 1068 человек.

Личный состав имел свою форму — погоны темно-зеленого цвета с красной выпушкою и номером дивизии — «10».

Немаловажно подчеркнуть, что в собственно белевском наборе насчитывалось ратников из числа помещичьих крестьян — 499 человек, государственных — 113 и 43 человека из числа так называемого смешанного набора.

Это воинство в полном составе от Тульской губернии должно было дислоцироваться в Таврической губернии, в районе местечка Васильевки. В июле 1855 года шестью колоннами выступили в поход после напутственного молебна на площадях городов по месту набора и, естественно, города Белева.

По пути следования, а это значит — в Туле, Кашире, Алексине, Белеве, ратников торжественно приветствовали, угостили булками, мясом, вином, а в Белеве и пивом, а для офицерского состава устраивались обеды.

Далее путь пролегал через Харьков, куда поэшелонно двигались подразделения в течение недели, с 19 по 26 августа. Туляки затем были прикомандированы 4 октября частью своей к Полоцкому резервному полку, другой частью 7 октября — к Смоленскому резервному. 7 октября 1855 года главнокомандующий князь Горчаков произвел смотр дружины.

Белевская дружины № 80 с 8-го по 14 октября по прибытии на боевые позиции находилась под непрерывным огнем противника на северной стороне Севастополя. С 14 октября по 8 ноября участвовала в боевых операциях на Инкерманских высотах, а с 8-го по 12 ноября вновь была брошена на северную сторону Севастополя. С 12 ноября удерживала позиции на одной из стратегических высот.

С 16 марта 1856 года ополченцы находились на позициях у деревни Зеленковой. 5 апреля, согласно высочайшему указу Правительственно-го Сената, ополченцы подлежат возвращению в свои губернии, где и последовал затем приказ об их роспуске.

Относительно событий 1812 года есть публикации в «Тульских губернских ведомостях» за 1872 год деликатного свойства.

Так, в частности, наш краевед и хроникер П. М. Мартынов рассказал о случае с бывшим командиром grenадерского корпуса, генералом от инfanterии А. И. Остерман-Толстым.

«10 августа 1818 года,— пишет Петр Мартынович в «Тульских губернских ведомостях»,— командир grenадерского корпуса, генерал от инfanterии А. И. Остерман-Толстой прислал в новопостроенную Николаевскую церковь в Белеве сосуды серебро позлащенные весом вместе с принадлежностями 3 фунта 5/8 золот...»

Этот вклад якобы объясняется тем, что grenадерский корпус вскоре после кампании 1812 года прибыл на стоянку в Калужскую и Тульскую губернию. Один из полков корпуса, а именно — Сибирский, квартировал в городе Белеве около 10 лет, куда по делам службы приезжал и генерал Остерман-Толстой... По устроении Аракчеевым военных поселений весь корпус был отправлен в Новгородскую губернию, где и оставался до 1872 года.

Эта памятная история нашла свое отражение в очерке протоиерея Бурцева М. Ф. «белевского собирателя истории храмов уезда и города». Дело в том, что в Белеве на тот момент значительными по приходам, по истории и т. п. были три церкви одноименного названия.

«Никольская, что в Казачьей слободе», «Никольская на посаде», и — на Берестовой». Церковь эта называется Никольскою, что на посаде, в отличие от другой Никольской же приходской церкви в Белеве, что в Казачьей слободе, и построенной в 1869 году Никольской же, монастырю мужскому принадлежащей церкви, что на Берестовой.

«Настоящий каменный храм во имя св. Николая Чудотворца и пр. Михаила Малеина, как видно из надписи на храмозданном кресте, освящен был в 1811 году, но как строился этот храм и на какие средства, не известно».

Вот почему, полагаем, не случайно П. М. Мартынов в своей заметке в «Ведомостях» назвал церковь «Новопостроенной».

«В 1814 году,— находим уже у М. Ф. Бурцева,— в теплом приделе того храма освящен алтарь во имя св. Сергия Радонежского. По сохранившемуся преданию, этот придел построен был на деньги, переданные во время Отечественной войны 1812 г. одним умиравшим фельдфебелем Сергеем маркитанту Сныховскому с тем, чтобы он употребил их на благоустройство храма.

По возвращении в Белев Сныховский передал эти деньги белевскому казначею Сергею В. Сечину, стараниями которого и был устроен этот придел.

Не подлежит сомнению, что Никольская церковь существовала уже в начале XVIII столетия: в переписной книге она уже значится, и при ней — два священника и два дьячка... После своего построения в 1811

году подвергался неоднократным поправкам и поновлениям снутри и снаружи».

То есть, как и у П. М. Мартынова с историей об Остремане-Толстом, речь о том, что церковь как бы «Новопостроенная».

Но церковь «Никольская на посаде» отличалась от остальных особым предметом, уникальным в том числе, иконой св. Николая. И у Бурцева она отмечалась буквально так: «Последняя особенно замечательна». В нашем поиске истинного это замечание очень важное, ибо далее речь идет о деталях, совпадающих с характеристикой преподнесенного церкви г. Остреманом-Толстым.

«Резное изображение Святителя стоит под особым балдахином; на нем серебряно-позолоченный оклад чеканной работы в 2 фунта весом, сверх того омофор, фелон и подrizник по фольге низаны мелким жемчугом с разными по местам драгоценными камнями; во правой руке Святителя меч, а в левой изображение города вычеканены из серебра и вызлащены, а изображение города украшено бирюзою и стразами, митра же на главе Святителя серебряно-вызолоченная, унизана жемчугом с драгоценными камнями мелкими бриллиантами».

ИЗ НЕДР ГОСУДАРСТВА

Белев — это, по меркам XV—XVII веков, край земли московской — «...редкая птица долетит» до крепостных стен его. Это — порубежье; пограничье леса и степи. Это средостение легендарного междуречья российского, в котором Дон-батюшка, устремляясь к югу, а Ока-кормилица, напротив, уклоняясь к северу, едва ли не соприкасаются на благословенной Тульшине. От Москвы до Белева на Оке все пути-дороженьки косточками белыми устланы: половецкими, печенежскими да татарами,— и не один тут молодец-славянин сложил свою буйну голову. Ох, далеконько было когда-то, в былинные столетия, скакать богатырю от Москвы-реки до Дона Тихого, а там и до стен Белевских на береговой окской осыпи.

Но едва вострубит зазывно Аника-воин, ударит сполошный колокол на Москве златоглавой, тотчас же всгомонится люд поокский. Недаром говоривали: «Не успеет на Москве аукнуться, как в Белеве отклиknется!»

Знать, не понапрасну почитался исстари Белев важным посреди так называемых Береговых городов, где Калуга слыла наипервейшим градом.

Едва затлел горючий пал Смуты, взявшиись огнем безвластия где-то аж в самих московских верхах, как понизу, в Белеве, поползли зловещие слухи: «Власть Бориса не от Бога!», а молва, как жесть по ветру, далеко разносила, от уха к уху, сокровенное, дескать, царевич-то Дмитрий и не убит вовсе, а Божией милостью спасен; на Москву идет, с войском тьма-тьмущая.

Предошущением неминучей беды маялись давно, не только на посаде, а в домах — воеводских, дворянских. Будто тень князя белевского, Ивана Ивановича, сосланного Грозным в Вологду и, сказывали, уморенного там, бродила, неприкаянная, под стенами и блазнилась над погостами, в захудальных и без Смуты поместьях.

А тут еще морока пуще неволи: белевские земли объявлены вотчиной Грозного — «опричные». И уж не тень блазнящаяся, а всамделишная фигура редко видимого наяву князя Дмитрия Вишневецкого маячила неотступно. Непонятный, загадочный, не свой — словно сатанинской силой навязанный при Божием попущении.

Дмитрий Вишневецкий. Загадочная фигура. Представитель знаменитого, но угасшего затем княжеского рода в Литве. Происходили Вишневецкие от некоего Корибута, сына литовского великого князя Олгерда. Название они получили свое от местечка Вишневицы.

Дмитрий Иванович Вишневецкий одно время прославил свое имя, будучи предводителем малороссийских казаков. К тому же был обладателем обширнейших поместий на Украине. Одаренный стратег, храбрый вояка, жаждавший подвигов, воинской доблести, он вскоре приобрел особую любовь и расположение казаков. Местом своего пребывания на тот момент избрал знаменитый остров Хортицы, неподалеку от Днепровского устья.

Здесь воздвиг редкие по тому времени укрепления, грамотные в фортификационном отношении. На этом не остановился и попытался создать своеобразный форт из таких же укрепленных островов. Для этого он значительно оборудовал остров Томаковка.

Именно ему, казачьему гетману Вишневецкому, принадлежит инициатива, своеобразное авторство в создании легких речных челнов из буйволовой кожи. Их легко было переносить, и казаки прытко управлялись с ними в экстремальных ситуациях.

Вскоре его имя устрашающее гремело по всему Крымскому побережью. Он наводил страх и ужас на крымских татар. Так, в 1556 году он сжег ранее неприступную крепость и вывез оттуда пушки в свою Хортицкую крепость. Крымчаки всполошились не на шутку — уж слишком дерзко действовала в сущности горстка смельчаков, отважных воинов днепровского казачества.

В 1557 году турецкое войско вместе с крымчаками осадило знаменитые Хортицы. Вишневецкий глубокой осенью вынужден был оставить любимое детище и пристанище храбрецов. Он разместился в Черкассах. Затем занял Канев. И что же? Бездействовал? Жил на покое? Кипучая энергия молодца не знала устали. Не иссякала.

К тому времени было заключено перемирие между воюющими Россией и Литвой. Ненадолго. Ибо устремления царя Ивана Грозногошли далеко — он с вожделением взирал на прибалтийские земли. И что же Вишневецкий на тот час? Скучая в бездействии, но будучи православным от рождения, он вызвался покорить для царя Ивана всю Украину.

Государь Московский Иван IV приблизил к себе отчаянного вояку, призвал его в Москву и — дал в поместье Белев.

А уже в 1558 году Вишневецкий был послан в Тавриду, дошел благополучно до устья Днепра. В Поле неприятеля не встретил. В следующем году построил на Днепре суда, оснащенные по последнему слову военной технологии, отплыл к Азову и по пути следования истребил несколько сот воинственных крымцев, встретивших его во всеоружии.

В 1560 году он был послан в Кабарду на помощь князьям черкасским. И неизвестно, чем кончился этот поход. Также неизвестно, что побудило Вишневецкого оставить службу царскую. Однако на сей счет отправленному в 1563 году из Москвы в Польшу гонцу велено было отвечать тамошним вельможам на вопрос о причине бегства Вишневецкого: «Прошел он к Государю нашему как собака и пошел от Государя нашего как собака, и Государю нашему и Земле никакого убытка не учинил!»

А между тем Вишневецкий в том же году вмешался в борьбу за молдавский трон, пленен турками и казнен ими. Избыток энергии, авантюрное начало в природе характера привели-таки героя днепровского казачества к трагическому концу, а подобная фосфорическо-магниевой вспышке, блеснувшая призраком, жизнь его долго будоражила сознание окарей.

Еще не избавились от одного призрака, а события на Москве вбросили в растрепанное слухами сознание белевичей другого оборотня, самозванца Дмитрия. Не случайно патриарх Иов писал в Грамоте к архимандриту Соловьевичегодской обители: «Нам и всему миру о том подлинно ведомо, что к. Дмитрия Ив(ановича) не стало на Угличе в 99 году, тому ныне 14 лет, и ныне лежит на Угличе, в Соборной церкви, а на погребении его была мать его и братия ее, Нагие... Статочное ли дело, что князю Дмитрию из мертвых воскреснути прежде общего воскресения и Страшного Суда? Делает то Жигимонт (Сигизмунд.—*Прим. автора*), король и паны радные, хотячи Северские земли городов допустити к Литве: для того страдника назвали князем Дмитрием.» (страдник — то есть оборотень.— *Авт. В. Г.*).

Но и с другой стороны, если посмотреть на состояние души окаря вкупе происходившего,— не сладко приходилось на тот период в экономическом отношении. Значительно увеличились расходы его на устройство Засечного Рубежа, пролегавшего всего лишь в двадцати — двадцати пяти верстах от Белева. Так называемая Бобриковская засечная линия составляла значительный участок грандиозной военно-стратегической системы протяжением в несколько сот километров. Она требовала для своего нормального функционирования огромного количества людей — и для гарнизонов «городов», и для защиты засечных линий, и для обслуживания подвижных звеньев обороны, то есть «сто-

рожей» и «станиц». Такие же крупные людские ресурсы поглощало и само строительство основных сооружений оборонительной системы, а именно — городов и засечных черт.

Со всей Руси великой свозили сюда служилых людей и строителей; государева служба на окраинах требовала и немало денег. Теперь, после разгрома Орды, Дикое поле стали называть Русским полем, и основную массу населения его стали составлять в совокупности как раз все эти группы служилых людей, набранные по городам и весям «по прибору»: стрельцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, плотники и так далее. А еще всех этих людей стали называть польскими людьми,— то есть от названия Поле русское.

О расширении границ Российского государства, о прирастании земель всяческими способами и их защите от враждебных сил, в том числе с южного направления, из Дикой степи, говорят документы и времен Бориса Годунова, в сущности во многом пунктуального последователя политики Ивана Грозного, деда его Ивана III.

Источники доподлинно повествуют о кропотливой работе по созданию засечных рубежей, на что правительство Годунова не жалело средств и людских ресурсов. Правительство Годунова понимало, что Белев служит своими засечными рубежами надежной преградой для любой интервенции в районах края, весьма трудных или во всяком случае чрезвычайно затруднительных для обхода, и прежде всего конницей противника.

В одном из таковых источников говорится: «Царь Борис раз смотрел чертежи городов Перемышля, Лихвина, Белева, Тулы, Боровска и Рязани и послал туда особых воевод».

Далее более конкретно сообщается: «По Боброку в Белевском уезде сечена лесом засека, и надолбы к реке Оке поставлены были, и остроги, и ров копан, и в воде по реке по Боброку честник колье дубовое, востре, в колоды оставлен» (запись 1595 г.).

Устроение государства Российского, начатое еще Василием Темным, при котором на Оке едва-едва расхлебали напаст «Белевщины», а после Темного продолженное Иваном III, оказалось на грани трагических катаклизмов в царствование Ивана IV.

Противоречия переустройства больного организма, едва оправившегося после ордынской неволи, сделались со смертью Ивана Грозного н е р а з р е ш и м и . Все смешалось. Нигде — ни во власти, ни в одном из социальных слоев не стало согласия и мира, а в доме русича не стало благочестия. Раскололось, как сказочное наливное яблочко, б о я р с т в о , служившее гарантом государственности.

Обезземелилось, обесправилось, утратило статус кормильца земли русской крестьянство. Схлынуло оно подобно паводковым водам с на-

сиженных мест. Городские обыватели, трудовые посадские люди потеряли интерес к делу, к промыслу и были в сумятице пе-ре-уст-рой-ства буквально выброшены из своего гнезда, а будучи выброшенными, стали пополнять неуемные полчища «гулящих» людей окраинных областей в Низовьях Дона и в Верховье реки Оки.

Восторжествовали холопы, поднятые со дна мирской жизни на поверхность штурмящего людского моря. Они были востребованы стрепительным, не знавшим аналогов расширением границ государства. В те времена воин из числа холопов стал — на вес золота. Почему? Потому что отвоеванные, захваченные, прирезанные дипломатическим путем земли остро нуждались в защите, в уходе. Вот и пригодилась жесткая воинская наука холопам, когда пошли гулять по великой российской земле самозванцы: мыслимые и немыслимые.

Что произошло? Особенно за четверть века, пролетевшего над страной? То есть начиная от смерти последнего белевского князя до смерти самого его погубителя Ивана Грозного? И был ли Дмитрий, сперва как бы доподлинно убиенный, а затем воскрешенный людской мольбой?

Страна в смятенную годину правления Бориса Федоровича, казавшегося могутным и всесильным, тем более вездесущим и недосягаемым за кремлевскими стенами, в одночасье, как только разразился недород, а за ним прокатился голод, затем и грянул мор, обратилась в вулкан. Кратер в нем — Москва. Из глубин государственного устройства, противоречивого, причем противоречивого не устремленного, вырвался смерч вселенского заговора против власти.

Да, о нем, о заговоре, «позаботились» те, кого еще Иван Грозный потряс репрессиями опричнины. Огнем и мечом настиг он их в собственных домах. И если бы не было на самом деле Дмитрия, его придумали бы в хоромах репрессированных бояр. И это отметил сам прозорливый Годунов — старый дока в заговорщицкой стряпне. Явился же на свет божий едва ли не в тот же час, как и взращенный за кулисой Лжедмитрий, «досточтимый» Лжепетр?! Да, явился. А подлинное его имя — казак Илейка Муромец.

Дело еще и в другом, а не только в заговоре наивысшей аристократии, вскормленной за долгий период, начиная еще от Дмитрия Донского. Дело в том, что устройство государства на основе утверждения монархического полновластия, но с помощью старой администрации, само собой входило в противоречие, и выйти из него не удалось ни Грозному, ни Годунову.

Да, Грозный гениально «вычислил», в чем корни противоречия: аристократия (а это московские бояре, с коими ходили в поход его дед и прадед, но которые стали на пути продвижения государства вперед, к расширению границ, к созданию сильнейшей армии Евразии), как раз

и была сильна земельными родовыми владениями. В отчинах! Впрочем, и сам государь московский был наикрупнейшим вотчинником. Вот Грозный и ударил по таковым магнатам, по вотчинникам, по древнейшей в государстве аристократии, а по сути дела — по своей администрации, по аппарату своей власти, которую он, в связи с крутыми переменами в принципиальных основах, давно перерос.

Иван Грозный принял решение решать стратегическую задачу. Неотложную. (Конечно же, методы были изуверскими, и их ничем нельзя было оправдать!). Но, видимо, выбора не было, и Иван IV нанес сокрушительный удар по боярству: он порвал их связь с родовой землей и тем самым лишил их прежнего масштабного значения.

Аристократы были разбиты. И что же? А то, что свято место пусто не бывает. На смену им пришли неродовитые. То есть простые боярские роды. Но и такие, как, например, пришедший на смену потомственным князьям белевским — гетман Вишневецкий. А на Москве? На Москве администрацию царя возглавили Годуновы, Захарьины и прочие, прочие.

Да, худородные, но не менее блестательные, чем Шуйские, Воротынские, Мстиславские, Головины. Не слагали легенд о князьях белевских, но молва шла: не случайно же Грозный царь заточил ни с того, ни с сего. Зато гетман Вишневецкий за свой короткий век совершил мастерский взлет к известности, но и окончил жизненный путь трагически. Вот цена переменчивой эпохи!

Конечно же, Годунов не смог, не сумел решить тех задач, которые унаследовал от Грозного. Ангельский образ младенца-царевича витал духом святым над троном Годунова, и уж полупризрак Димитрия «неубиенного» плутал в сознании разгромленного боярства. Порой кажется (в непреходящей боли за Отчизну!): а что если бы не погиб царевич, минула бы нас участь со всяческими злокознями Смуты? Наверное! Снаряд дважды в одну и ту же воронку не попадает. Баллистика власти.

Но и вот еще что существенно. Двум генеральным противоречиям сопутствовала третья напасть: обнищание народа. Прежде всего — обстоятельного люда. Домовитого. Состоятельного. Стабильного в достатке.

Обездолилось земство. Земство разорилось. Посадским не стало чем жить и духовно, и морально, а нравственный урон нанесла Смута. Как маятник качалось и земство, особенно во времена Тушинского сидения Вора — Лжедмитрия II.

Пока страна прирастала за счет побед и на юге, и на юго-востоке, и на западе новый служилый класс, востребованный временем, другой эпохой, сам потребовал за заслуги земель, много земель в награду. И правительство, идя новому сословию навстречу, изыскивало возможности передать в руки служилых людей громадные пространства земель

именно в центральной части страны. Началось массовое переселение крестьян. Куда? На окраины. Со старыми хозяевами? Конечно.

Земля начинает опустевать — ее некому пахать, некому засевать. И наступил такой момент, когда переселение из центра на новые земли окраин стало походить на массовое бегство.

И грянули мрачные деньки: недород, голодание, эпидемии, плюс ко всему — опустошительные набеги орд кочевников, крымских татар. Белев особенно страдал от них вместе с новосильским крестьянством и одоевским. Бежал с насиженных мест и посадский люд. То есть, если реформа, даже начатая из лучших побуждений, бьет по посадскому люду, то жди — вот-вот наступит катастрофа. И она не замедлила явиться в полном своем обличье.

Любопытно проиллюстрировал суть происходившего среди землепользователей в белёвском крае во времена Смуты, а именно — результат падения земледелия в смутные времена, историк В. О. Ключевский.

«Так, в уездах Белевском, Мценском и Елецком на землях уездных служилых людей в 1622 году находим 1187 крестьян и 2563 бобыля. Значит, Смута заставила огромное количество крестьян бросить пашню или сократить ее».

Случайно ли В. О. Ключевский обращает свой взор на эти три уезда, Белевский, Мценский и Елецкий? Нет, не случайно. Именно они окажутся в эпицентре событий в период действий Лжедмитрия.

Известно, что Иван Исаевич Болотников, организатор и вождь похода на Москву, выступил из Путивля и двинулся на Кромы. Почему? Потому что Кромы прикрывали путь на Москву именно с юга. Причем Кромы оказались в числе первых, которые подняли мятеж против Василия Шуйского.

Из Кром восставшие двинулись на Елец, едва ли не беспрепятственно, так как болотниковцы наголову разгромили под Кромами правительственные войска. Известно, кстати, что под Кромами войска Василия Шуйского потеряли несколько тысяч убитыми. Царские войска отошли поближе к Орлу.

Что это означало? Только то, в нашем случае, что действия происходили и в районе Белева, и двигались войска, в частности, и по Белевской дороге, а это значит, что на территории бывшего Белевского княжества непосредственно попеременно образовывались стратегические плацдармы для решительных действий противостоящих войск. А так как все происходившее по сути дела было войной внутренней, а не с внешними противниками, то участие белевичей в этих событиях было и прямым, и косвенным, и опосредованным.

Болотников одержал блестательную победу и под Ельцом, от которого до Белева рукой подать. Здесь был разбит прославленный воевода

Воротынский, о котором мы, в частности, говорили выше как представителе родовой аристократии.

В. О. Ключевский пишет далее по поводу разорительных действий времен Смуты, и как отразились они на состоянии земельного хозяйства страны на примере Белевского и Мценского уездов:

«Приведу не для памяти, а для справки несколько данных по разным наудачу взятым уездам из десятн 1622 г., когда следы разорения уже заметались.

Боевая годность служилого класса зависела от доходности его имений, от количества и состоятельности крестьян, населявших его вотчины и поместья. У немногих уездных дворян были вотчины; огромное большинство жило доходами с поместий. Так, в Белевском уезде вотчины составляли $\frac{1}{4}$ всего уездного дворянского землевладения, в Тульском — немного более $\frac{1}{5}$, в Мценском — $\frac{1}{17}$, в Елецком — $\frac{1}{157}$, в Тверском даже у выбора, наиболее состоятельного слоя провинциального дворянства, — $\frac{1}{4}$.

Напомним, кстати, что и И. И. Болотников начал свое движение к Москве как воевода с многотысячным войском из Путивля на Елец, пополняя армию восставших свежими силами за счет прибывавших из Мценска, Новосиля, Белева.

«Поместья уездных дворян,— далее пишет В. О. Ключевский,— были вообще очень мелки и населены крайне скучно: среднее поместье в Тульском уезде заключало в себе 135 десятин пахотной земли, в Елецком — 124 десятины, в Белевском — 150 дес., в Мценском — 68 дес. Тяглых хлебопашцев, крестьян и бобылей в этих четырех уездах приходилось по 2 человека на 120 десятин поместной земли, т. е. по 60 десятин на каждого работника.

Но не думайте,— заключает историк,— что вся эта пахотная земля действительно обрабатывалась и именно крестьянами и бобылями: вспахивалась незначительная ее доля, да и то не вся ими... Крестьянская запашка больших размеров была довольно редким явлением. Притом в Елецком и других южных уездах было много дворян совсем безземельных, однодворцев, имевших только усадьбы, без крестьян и бобылей, и «пустопоместных», у которых не было и усадеб.

Некоторые дворянне бросали свои вотчины и поместья, поступали в казаки или шли в боярские дворы кабальными холопами и в монастыри служками или же, по замечанию десятни, валялись по кабакам».

Все это усиливало разрушительные силы государства. Недовольство становится со временем господствующим настроением в обществе в целом, и подавляющее большинство людских масс разных сословий становится готовым к любым неадекватным действиям. Начинались времена мятежей.

Чрезвычайно любопытно развивает мысль о сущности Смуты историк С. М. Соловьев: «Мы упоминали о сильном развитии козачества во второй половине XVI века, видели и характер козаков. Беглец из общества потому ли, что общественные условия ему не нравились, или потому, что общество преследовало его за нарушение наряда, козак, разумеется, не мог согласить своих интересов с интересами государства, беспрестанно действовал вопреки последним... Но когда открылась Смута, наряд исчез, то козакам явилась полная возможность войти в пределы государства и жить на его счет...

...Смутное время мы имеем право рассматривать как борьбу между общественным и противобщественным элементом, борьбу земских людей, собственников, которым было выгодно поддержать спокойствие, ... с так называемыми козаками, людьми безземельными, бродячими людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами». («История России с древнейших времен», т. VIII, гл. 2).

О том, что холопского звания люди взошли в Смутное время на немыслимую ранее для них ступень и утвердились как народные вожди, говорит и судьба Ивана Исаевича Болотникова, до конца оставшегося верным однажды и навсегда данной клятве, что делает ему честь, хотя и не голубых он кровей.

Но, однако, есть основания, вопреки прежним представлениям о нем как человеке низкого звания, затюканном землепашце, предположить, что он происходил если не из поместных дворян, то из служилых людей достойного ранга (а что если, скажем, из тех самых, упомянутых В.О. Ключевским, «пустопоместных»?). Все может быть!

«Сей человек, взятый в плен татарами, проданный в неволю туркам и выкупленный немцами в Константинополе, жил несколько времени в Венеции, захотел возвратиться в отечество, услышал в Польше о мнимом Дмитрии, предложил ему свои услуги и явился с письмом от него к князю Шаховскому в Путивле... имея ум сметливый, некоторые знания воинские и дерзость, сделался главным орудием мятежа, к коему пристали еще двое князей Мосальских и Михайло Долгорукий».

Таким образом, пламя смуты поддерживалось тем, что в Московском государстве все были недовольны и даже озлоблены. Интересы недовольных и озлобленных то пересекались, то выстраивались в одну согласную линию, то круто равноудалялись друг от друга — в зависимости от того, в чьих руках оказывалась на тот момент власть, какому из слоев общества или какой из групп его принадлежал трон.

Одно дело стоять некоторое время заслоном на границе, другое — здесь жить и одновременно обзаводиться хозяйством, растиль детей.

По-особенному складывался характер белевского жителя. Принимая судьбу как она есть, внешне белевский житель тех лет был спокоен и мудр, рассудителен и несуетлив. Однако внутренне он был всегда на чеку, и это ставшее нормой постоянное ожидание внезапного набега ордынских отрядов, прихода под крепостные стены лютого ворога определяло ритм и пульс обывательской жизни.

Движение из-под Кром и Ельца несметных войск «большого воеводы» И. И. Болотникова поначалу не удивило: всякое видели, пройдет и минет и это. Но вскоре обнаружилось иное. Оказалось (как только разобрались обыватели, земские людишки), что не за попранные права Дмитрия идут на смерть мятежники. И это значит, пора и самим задуматься, на чьей стороне правда. Ведь вот и письма Гермогена о чем говорят и к чемузывают? Воззвания Болотникова, отмечает с негодованием Гермоген, внушают черни «всякие злые дела на убийство и грабеж», «велят боярским холопам побивати своих бояр, и жены их, и вотчины, и поместья им сулят; и шпням и безымянникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество».

Было над чем земским людям задуматься? Было. Тем более что слух доносил и такое, будто в северных окраинах, на Рязанщине, поднялось служилое дворянство. Дескать, оно не хочет терпеть боярское правительство Шуйского. Что во главе поднявших меч на правительство Шуйского встали досточтимые люди – Григорий Сунбулов и братья Ляпуновы, Прокопий и Захар.

Более того, уж и тульское (и вовсе близкое к Белеву) ополчение двинулось под начальством боярского сына Истомы Пашкова. И белевские дворяне, белевские земские люди – пошли, пустились во все тяжкие! В этом отношении любопытные факты сообщают нам исторические документы, рожденные в окрестностях Белева.

Это подтверждают документы Разрядного Приказа, в которых сообщается в строгой документальной форме, в частности, что, четвертую группу из пленных восставших составляли «мелкие дворяне главным образом городов: Тулы, Ливен, Белева, Каширы, Мещовска, Курска и др.» (л.2 – об., 3, 7 об., 12-12 об., 14, 51-51 об., 60 об., 64, 77 и др.).

Запись Расходной книги денежного стола Разрядного Приказа за 18 октября 1606 года – 5 августа 1607 года доводит до сведения следующее: «Декабря в 9 день курским казаком Ваське Горбунову с товарыщи на проезд полтина. Дано. Посланы з грамотами в Лихвин, в Белев, в Болхов, на Орел, в Кромы, в Курск.» (л.2Р об.).

Таким образом, «Береговые города» подвергались идеологическим атакам двух противоборствующих сторон, и каждая была настойчиво

агрессивной. Горючая смесь, накопленная за предшествующие Лжедмитрию годы, достигла критической точки, когда самозванец появился на Тульщине. А тем временем и под Белевом бродили шайки бесприютных, согнанных со своих земель, из своих посадских гнезд. Пламя только занялось во всю мощь, а предшествовавший экономический кризис, набравший огромную силу энергии, все подбрасывал и подбрасывал горючего материала.

Вследствие этого Самозванца признали не только служилые люди среднего слоя, набранные из холопов, беглецов всякого сословия и авантюристов мелкого пошиба, но и — шутка помыслить! — из боярского сословия.

Так, в Туле, более или менее еще благопристойной, Самозванца встретили представители высоких родов — и в том числе князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, князь Мстиславский, князь Воротынский. Правда, Самозванец пока еще, видимо по недомыслию, этого жеста недооценил. Хуже того, выказал некоторое, весьма заметное пренебрежение к боярству. А вот казаков жаловал.

Разумеется, это недомысление Самозванца тотчас обернулось против него — родовитые отвернулись от него. Они, родовитые, аристократы, знали, почем фунт лиха во времена Грозного царя, и без того едва убереглись от репрессий. Шли с распластанными руками, и вдруг такой пассаж. Но шок быстренько пережили.

А пережив и устояв — «и сполчились». То есть не прошло и двух недель, как Шуйские уж подняли знамя борьбы с Самозванцем.

Избавление же от Самозванца, избрание на царский престол Василия Ивановича Шуйского резко обострило обстановку и круто изменило расстановку сил. И опять «Береговым городам» надо было при-но-рав-ли-вать-ся ко всенародно объявленному вельможному строю бывших, разгромленных некогда Иваном Грозным, во имя утверждения Новой России, и побиваемых Годуновым.

В Белеве недолго рядились. Как только Шуйский восшел на престол, белевичи пополнили ряды восставших. Более чем тридцатиглавый, истово веривший в Христа и его Народную проповедь, богобоязненный, на четверть монашеский, Белев, видимо, поставил в лоно мятежников и своих священнослужителей. Не случайно же в числе попавших в полон в руки правительственные войск были и люди разных сословий. Вот как это выглядело в документе Разрядного Приказа: «Ноября в 12 день полонянником выходцом Данилова монастыря человеку Исленьеву Парfenку Юдину, да Данилова монастыря крестьянину села Деревья — Данилку Митрофанову, да села Колменского крестьянину Микитке Дементьеву, да Григорьеву человеку Измайлова Фролку Костентинову, да новокрещену Московского уезда Фетьке Обешеву,

да Пушнова ряду даточному человеку Петруше Пушнику, да Данилова монастыря вотчины села Подола с Похры попу Елисею, да приставу их сыну боярскому суждальцу Петру Бибикову на корм на два дня по 2 деньги человеку на день, итого 4 алтыны и 4 деньги. Да и о. Сидели в Розряде для роспросу». И все это люди, попавшие в плен в стычках под Белевом.

Той же рукой, в то же самое время, в связи с отправкой по разным адресам всяких воззваний, названных «Грамотами», написано следующее: «...в Кромы, в Курск...

Декабря в 10 день по приказу диаков думного Григорья Желябужского, да Истомы Корташова, да Петра Лошакова, тульских черкас подручнику Роману Клюковскому на проезд рубль денег. Дано. Послан на Тулу, да на Дедилов, да на Кропивну к дворянину, И к детям боярским, и к посадцким и ко всяkim волостным людем з грамотами».

Белев сполна хватил лиха всякого в четверть века смутного, с тех самых пор, как потерял своего князя, Ивана Ивановича, погубленного Иваном Грозным. И разной мерой платили за участие в крамоле белевичи, каждый и всякий глубоко по-своему: и по степени «воровства», и по соучастию на той или другой стороне. А перемен за четверть века было немало.

Так, Н. М. Карамзин пишет в «Истории государства Российского»: «... в правление Семибоярщины, в 1611 году, Белев присягал королевичу Владиславу Сигизмунду, за что клевреты атамана Заруцкого — черкасы казаки, разграбили Козельск и Белев с окрестностями, но воры разбиты были подоспевшими войсками под командованием князя Феодора Елецкого и Григория Тюфякина...»

Находим и не менее важное, где Белев в начальное время Смуты: «...в бедственное время Самозванцев, с 1605 года, Белев становится главным участником мятежа; беспрестанно осаждаем войсками, находясь в южном углу между Тулой и Калугой возмущившихся городов...»

«Тульские губернские ведомости» сообщают лаконично: «... под Белевом сошлись мятежники, шедшие из Болхова с Мосальским, в Калугу... с войком царя Шуйского, под командованием Ивана Никитича Романова. Говорится, что произошла лютая сеча на берегах реки Вырки».

Польские интервенты, в основном авантюристы, не раз появлялись с огнем и мечом под стенами Белева, и один из них — печально известный пан Лисовский.

«Лисовский,— пишет о нем Н. М. Карамзин,— беглец, за какое-то преступление осужденный на казнь в своем отечестве: смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель».

Но вот в другом источнике лаконичная запись об одном из рода Левшиных. О том, что Иван Данилович (сын Данилы Семеновича Лев-

шина) «служил с 1606 года осадным воеводою в Москве и царем Василием Ивановичем Шуйским был послан в Брянск для отражения войск вора Тушинского, соединившегося с поляками, и одержал победу.

В 1614 году 25 декабря Московский Великий князь Михаил Федорович за ратные успехи пожаловал ему в Белевском уезде село Темрянь на реке Темрянке, пустошь Горицы и луг от речки Темрянки вниз по р. Оке к городу Белеву. Село Темрянь не выходило из рода Ивана Даниловича Левшина. Сын его — Афанасий Иванович, родившийся 2 марта 1620 года, был главою московских стрельцов».

О сражении на Вырке Н. М. Карамзин пишет, охватывая круг военных людей, так или иначе задействованных в смутных событиях под Белевом. «Ежедневно надеясь победить Болотникова если не мечом, то голодом — надеясь, что Воротынский в Алексине и Хилков в Кошире заслоняют осаду Калуги и блеют безопасность Москвы — главный воевода князь Мстиславский отрядил бояр, Ивана Никитича Романова, Михаила Нагого и князя Мезецкого против злодея, Василия Мосальского, который шел со своими толпами Б е л ё в с к о ю дорогою к Калуге. Они сразились с неприятелем на берегах Вырки, смело и мужественно. Целые сутки продолжалась битва. Мосальский пал, оказав храбрость, достойную лучшей цели.

Так пали и многие клевреты его: уже не имея вождя, теснимые, расстроенные, не хотели бежать, ни сдаваться: умирали в сече; другие зажгли свои пороховые бочки и взлетели на воздух, как жертвы остервенения, свойственного только войнам междуусобным».

Автор очень серьезной работы, хотя и не бесспорной в смысле ее некоторой тенденциозности, И. И. Смирнов — «Краткий очерк истории восстания Болотникова» — считает, что к моменту прихода восставших к Москве территория мятежников насчитывала около семидесяти городов, и среди них — Белев.

Здесь же он приводит любопытный документ, в котором вышеупомянутый нами думный дьяк Григорий Желябужский пишет в приходно-расходной книге Разрядного приказа в 1606—1607 гг. (Кстати, род Желябужских имел владения в Белевском уезде).

«Того же дни — (5 февраля 1607 г.— Прим. автора) — по приказу думного дьяка Григория Желябужского сыну боярскому резанцу Степану Фомину за конь 10 рублей дано. Что он поимался за отца своего конь у Истомы у Пашкова. А тот де конь отца его взяли воры на Ельце на разгроме. И государь Истому пожаловал, того коня имати у него не велел, а велел за тот конь тому сыну боярскому дати 10 рублей денег».

Документ подтверждает то, в частности, что тульский Истома Пашков и под Ельцом участвовал в сражениях, и под Белевом в стычках.

События Смутного времени под Ельцом, Болховом, Тулой и Калугой имели непосредственное отношение к Белеву и его обитателям, его служилым людям, его дворянам. Так, согласно «Карамзинскому хронографу» «ис Тулы вылоски были на все стороны на всякий день по трожды и по четыреже, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали».

А вот местами этой самой «посылки воевод из-под Тулы» как раз и были города Белев и Козельск, а еще Болхов и Лихвин, также Крапивна и Одоев.

Смутное время окончилось избранием на трон Михаила Федоровича Романова, в 1613 году. Но Белев всё ещё оставался в пекле сражений с остатками интервенции, в центре стычек с казаками украины и с прочими любителями повоевать на чужой счет.

Так, в июне 1613 года «черкасы и литовские люди взяли Белев и сожгли острог».

В 1618 году под стенами Белева появился польский гетман Чаплинский, но был отбит «с большим уроном воеводами Иваном Левшиным и Наумом Афремовым».

В 1616 году, в январе, «воеводы побили пана Соколовского, который хотел пробраться через Московскую дорогу на Белевскую, у Боловны; при этом поимали литавры, знамена и взяли до 200 плен. Начальн. людей и шляхтичей; за эту сл. февраля писано к ним с похвалой и послан стряпчий кн. М. Ф. Волк». (То есть князь Волконский, сокращение в тексте документа).

В этой связи особый интерес вызывает «Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года». Здесь документ той поры говорит следующее: «В том же 1615 году Июня 20 числа, по слухаю нашествия Литовских людей на Брянск и Болхов, Царь Михаил Федорович прислал Боярина Князя Дмитрия Михайловича Пожарского в Боровск, чтоб он тут (в Боровске), собрав детей Боярских, стрельцов, пушкарей, згинщиков и новокрещен татар из Боровска, Ярославецкаго и Медынского уездов, шел с ними в Калугу, и в Калуге, взяв у воеводы Князя Данилы Долгорукаго находившихся там Калужан, Мешовцов, Серпян, Козлич, Воротынцев, Медынцев и собрав таких же военных людей в Калужском, Воротынском, Мошевском, Серпейском, Козельском, Лихвинском и Перемышльском уездах, шел с ними из Калуги в Белев и далее против неприятелей» (см. Собр. Грамот, ч. III, стр.131).

Далее следует текст, который красноречиво иллюстрирует оценку, данную Н. М. Карамзиным пану Лисовскому, что совпадает с текстами из других материалов, рассказывающих о действиях Дмитрия Пожарского по ликвидации банды Лисовского в районе городов Болхова, Брянска и Белева.

«В том же 1615 году Польской Полковник Лисовский, разорив и выжегши Белев, пришел к Лихвину».

В «Русском библиографическом словаре» («Минин и Пожарский, прямые и кривые в смутное время»), о событиях под Белевом и в Белеве повествуется следующее.

«Михаил Федорович послал против Лисовского кн. Пожарского, а с ним воеводу Ст. И. В. Исленьева и дьяка Заборовского.

...кн. Пожарскому и Исленьеву предписывалось останавливаться в Боровске, Калуге, Белеве и Болхове и рассыпать по уездам за дворянами и детьми боярскими, которых не окажется еще в городах.

...в Белеве к кн. Пожарскому пришли казаки, оставшиеся от шайки казненного Боловня — разбойника, грабившего и убивавшего в окрестностях Москвы,— просили прощения за свои вины; кн. Пожарский привел их ко кресту и взял с собою в Болхов, а затем в Карабчев.

Услыхав о приближении кн. Пожарского, Лисовский выжег Карабчев и направился к Орлу, куда подоспал и кн. Пожарский одновременно с ним.

Воевода Иван Гаврилович Пушкин, шедший впереди с ертоулом, вступил с поляками в бой, а Исленьев, Заборовский и большая часть ратных людей бежали.

Видя, что с кн. Пожарским немного войска, но ничего не зная о бегстве Исленьева, Лисовский также ожесточенно стал наступать на войско кн. Пожарского, что он велел оградиться повозками и сел в этом обозе.

Ратные люди, оставшиеся с кн. Пожарским, опасались поражения, так как у Лисовского было втрое больше войска, и уговаривали кн. Пожарского уйти к Болхову, но кн. Пожарский ответил им: «Лучше желаю тут же умереть, нежели бежать.»

Много поляков было побито и ранено и тридцать человек взято в плен, а Лисовскому не удалось взять ни одного пленного, от кого бы он мог узнать о количестве ратных людей в войске кн. Пожарского, и он ушел на ночевку за 2 версты от места сражения.

К вечеру вернулись Исленьев и Заборовский и понемногу стали собираться разбежавшиеся ратные люди.

Кн. Пожарский со свежими силами пошел против Лисовского, но он бежал, к Кромам, а оттуда к Болхову, сделав в течение суток полтораста верст.

Лисовский рассчитывал врасплох напасть на Болхов, но тамошний воевода Ст. Ив. Волынский счастливо отбился от его нападения.

Белевские же воеводы кн. Долгорукой и Бунаков поступили совершенно иначе: они покинули город и бежали в лес, вследствие чего Лисовский, найдя город пустым, выжег его, и посады, и церкви, и направился к Лихвину, но был отражен оттуда воеводой Стрешневым.

Прииля к Перемышлю, Лисовский остался там со своим отрядом, а Перемышльский воевода со всеми людьми ещё до его прихода бежал в Калугу.

Услыхав, что Лисовский в Перемышле, кн. Пожарский намеревался пойти туда и послал перед собою голов с сотнями в Калугу, но Лисовский бежал в Лихвин.

«И в таком бегании,— говорит «Новый летописец»,— боярин (кн. Пожарский) невозможно снитися с ним, а одержати его стало не с кем». Войско кн. Пожарского убывало вследствие того, что приходилось оставлять ратных людей в разных городах для защиты их от внезапных нападений Лисовского, а многие ратники ещё не успели к нему явиться»

ТВОЯ РОДИНА – СТРАНА КНЯЗЕЙ

«Старый государь русский вместе со вну-
ком своим управляет всеми землями, а сыновей
своих не допускает до правления; не дает им
уделов; это для магистра Ливонского и Ордена
очень вредно: они не могут устоять пред такою
силою, сосредоточеною в одних руках».

(Из письма кенигсбергского
командора к своему магистру.
С. Соловьев. История России.
кн. I. Стр. 1486)

Медленно и артась, нехотя и, болезненно цепляясь за древние устои, уходила, источаясь в прах истории, словно оплывающий огарок свечи, эпоха Василия II (Темного). Неторопливо, с оглядкой, словно усталый матрос на трапе, со своей раскачивающейся походкой, восходило время Ивана III.

Правы своееволия, мелочности сходили на нет; их место заступали новые духовные устремления людей, сориентированных на Отечество — сильное, единое и неделимое.

В одиночестве ли находилось Великое Московское княжество, в обретении единства государства, в обретении святости отеческого? В этот процесс была вовлечена вся Европа; во всяком случае в него были втянуты все соседи России. Так, в частности, Людовик XI (1461—1483) фактически завершил создание единого французского королевства сразу же после присоединения Бургундии. То есть восторжествовали центростремительные силы на всем континенте.

В Московском государстве помыслы великого князя стали наконец соразмерны его деяниям, плоды были достойны потраченных сил и величины усилий целого народа.

А что же Белев? Каково его место в происходящем с ним и его страной?

Как и прежде, он не находился в стороне от грандиозных событий, и по его траектории в той эпохе можно сравнительно легко определить характер времени, направление очистительных бурь, свежих ветров, пронесшихся над Русью. О нет, не долго оставался в забвении, будто былинный Бел-горюч камень, и сам город, и весь поокский край. Животворная вода перемен, а именно национального и политического единения, подтекла-таки, пусть и исподволь, и под этот бел-горюч камень, лежащий на рубеже леса и степи, в бассейне сильной тогда еще и привередливой реки Оки.

Видимо, так было предназначено, видно, так было уготовано, что Белев оказался (даже географически!) в центре, в ядре Верховских княжеств, названных историками «страной князей». Вследствие этого история Белева оказалась в центре внимания ученых с мировым именем. Потому еще, что Белевское княжество оказалось связанным с Великим Московским всеми мыслимыми и немыслимыми нитями, и именно в тот момент, когда государственное начало одержало стратегическую победу над прочими.

Откуда же взялась эта «страна князей»? Отчего же, в силу каких фундаментальных причин князья верховские, ну, скажем, одоевские, белевские, вели свою политику, служа, так сказать, «на две стороны» — одновременно и Литовскому и Московскому великим княжествам?

Итак, когда древнерусское государство распалось, Белев вошел в состав Черниговского княжества. А уже в 1246 году, после смерти наипоследнего черниговского князя Михаила Всеволодовича, распалось и оно. Распалось на более мелкие уделы. Одним из таковых было княжество Новосильское. Вот в его-то состав и вошли Белев с соседом, с Одоевом.

В 1368 году один из новосильских князей, Роман Семенович, присягает на верность Московскому великому князю Дмитрию Донскому. Сын Новосильского участвует в Куликовской битве. Не преминул он поучаствовать и в сражениях и походах на стороне Москвы. И это ему не простилось. Новосильское княжество подверглось со стороны великого князя Литовского Витовта опустошительнейшему разорению. Кстати, Витовт захватил и Белев, присоединил его к своим владениям.

Тогда же, спасаясь от литовской мести, Роман Семенович покинул Новосиль и перебрался в более безопасный Одоев, окруженный со всех сторон лесами. Однако и Одоев в свою очередь был захвачен Литвой в 1407 году, присоединен к ее владениям.

После смерти Романа Семеновича Литва стремится усилить свое влияние захваченных ею русских землях, расположенных по верхнему

течению Оки; но Гедиминовичи, действуя в согласии с династической логикой, не просто «прихватывают» чужие города и земли, но и стремятся вбить между русичами клин поострее и поглубже. Так, стремясь закрепить Одоев и Белев за собой, Литва дарит Белев с волостями брату Одоевского князя Льва Романовича — Василию Романовичу в удельное княжение. Правда, дарит «с условием», а именно — с условием верной службы и принятия унии. Вот всему этому произошедшему в верховьях Оки мы и обязаны возникновением Белевского княжества.

Что происходит на стратегическом просторе становления централизованного государства Российского?

В последней четверти пятнадцатого века пограничная война Московского государства Ивана III с княжеством Литовским обострилась, политика централизации государства Ивана III набирала обороты, а противодействующие силы Литвы все более и более иссякали: ветры перемен сильнее дули в паруса великой Московии, где восторжествовала могутная сила стремления к центру. Так называемые порубежные столкновения приобретали серьезный и необратимый характер.

По этому поводу очень красноречиво письмо Ивана III крымскому хану, тогда с московитами «заединщику», — Менгли-Гирею, что его, великого князя, люди «беспрестанно емлют королеву землю»... (То есть королевскую землю прибирают к своим рукам).

Как это происходило на самом деле? Известно, например, что с Литовской стороны поступали жалобы Ивану III на массовый увод жителей из литовских земель «за московский рубеж». Особенно это проявлялось в юго-западной части княжества. Историки согласно летописным данным отмечают, что во время похода около 1489 года было выведено из владений Воротынских и других «украинных» князей, по словам Казимира, 7 тысяч человек.

Следствием этого похода, когда люди Ивана III «беспрестанно емлют королеву землю», был переход на сторону Москвы князей Воротынских и Белевских. Так, в частности, в 1489 году в Москву приехал «служить» великому князю князь Дмитрий Федорович Воротынский «с своею отчиною». И в том же году в Москву приехали «со своими отчинами» князь Иван Михайлович Перемышльский (Воротынский) и князь Белевские: Иван, Андрей и Василий.

Но было бы несправедливым ограничиться в нашем повествовании рассказом по существу наступательной политики Московии. Это означало бы рассматривать взаимоотношения отдельных князей, удельных в том числе, и верховских в частности, «вне временной связи событий». Отнюдь! В годы «Белевщины», когда правил Великим Московским княжеством Василий Васильевич (Темный), вокруг происходили события противоположного толка. Ведь Василий Васильевич (он же Васи-

лий II) приходился великому князю Литовскому Витовту внуком. И были дни, когда отношения между внуком и дедом называли благожелательными. Чего же боле?!

Но одно дело родственно-династические отношения, другое — диктат государственных интересов. По сути дела, уже в то время Витовт все более и более простирая руки Литвы, подгребая «отчину» внука в свою собственность, в то же время словно тисками стискивал Витовта московские владения между Тверью и Рязанью. Особенно эти действия падают на время между 1426 и 1428 годами. Под ударами Витовта именно тогда были поколеблены устои Твери, Рязани, Новгорода и Пскова.

Однако всему приходит конец, и вскоре, со смертью Витовта, внутри Литвы разразились династические споры, и временно, на десяток лет, притязания, тем более агрессивные, на московские земли сошли на нет.

Так, договорная грамота Свидригайла с Новгородом датирована уже 25 января 1431 года, а Витовт умер 27 октября 1430 г. Причем в данном договоре, как видно, поспешном, выгодном для новгородцев, нет никаких обязательств Новгорода, которые могли бы поставить его в невыгодное положение, тем более — в неравноправное.

Таким образом, как сказали бы сегодня комментаторы, «бои местного значения шли с переменным успехом». А как же иначе? Оба трона, и литовский, и московский, были шаткими, и едва успевал усесться на нем кто-либо из претендентов, как тотчас менялась политическая установка в отношениях с соседями.

Судите сами: десять лет спустя после смерти Витовта избирается великим князем Литовским Казимир IV Ягайлович. И что же? В первые же годы своего правления он стремится поддерживать мирные отношения с великим соседом, со всеми соседними русскими землями. Но вот его избирают еще и польским королем, и его положение собственно в Литве дает трещину: литовская верхушка крайне была озабочена возобновлением династической унии с Польшей. Посыпались упреки в адрес Казимира от состоятельного панства. Якобы он принес в жертву польской короне интересы Литвы. И вот под давлением панства Казимир делает уступки, активизирует свою восточную политику. Каким образом? А в духе предшественника, Витовта.

Что изменилось коренным образом в московско-литовских отношениях? Между Василием Васильевичем и Казимиром вспыхнула вражда. Это время приходится на конец сороковых годов пятнадцатого века. Естественно, полетели в обе стороны посольства с предложением хотя бы какого-нибудь замирения, ведь ни лично Казимир, ни тем более Темный не были заинтересованы в очередных схватках, когда под одним и другим троном продолжал оставаться шатким.

Не случайно, что в результате очередного посольского соглашения был в договоре означен пункт, по которому Казимир обязывался не принимать к себе «недруга» князя Дмитрия Шемяку и быть с Василием Темным на него, то есть Шемяку злополучного,— «заодин».

Ну как тут не обменяться любезностями, если под обоими шатается трон и в голове Василия Темного все еще свежи тяжкие и черные воспоминания о «Белевщине»? Естественно, поэтому в договоре также любезно оговаривается тезис, что Василий Васильевич обещает не принимать к себе «недруга» короля — некоего князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстутовича, и — (что неудивительно!!!) — быть с королем «заодин».

А тут приспела новая напасть — разразилась война Польши с Тевтонским орденом и надолго увела наших героев от порубежных дел. Что дала эта затяжная война Казимиру? Только то, что его положение в Литве опять стало нестойким. Обернулось это попыткой насильственного свержения Казимира. А в пользу кого грозились отобрать законную власть мятежники? Одного из братьев Олельковичей. Кто такие? Вопрос резонный. Ибо возвращаемся на круги своя: матерью Олельковичей была сестра Василия Темного, Анастасия, то есть тетка Ивана III, на царствование которого и падает пик отношений между Литвой и Московией, на окончательный вывод Московии и всего русского государства из-под ига Орды, на возвращение Верховских княжеств из Литвы и прекращение двойственного их положения, когда удельные князья, братья, «служили на обе стороны».

Отчего же в «пользу Олельковичей»? Оттого, что они, дети Анастасии, сохраняли в высшей степени привилегии и приоритеты, права на литовский престол в качестве потомков одной из старших линий Ольгерда. Подлинно династические права...

Пройдет время, наступит 1470 год, и интересы Казимира и Олельковичей опять столкнутся, окажутся на грани глубокой вражды и даже пролития крови.

Это обстоятельство надо прояснить, хотя они косвенно влияют на раскрытие основного содержания темы: Верховские княжества и роль, и место в «стране князей» белевских удельных князей, опыта государственного обустройства на территории будущей Тульской губернии.

Итак, осенью 1470 года умирает киевский князь Семен Олелькович, которого в вышеупомянутом заговоре мятежники прочили на литовский престол вместо Казимира. А в то же время Новгород испытывает на себе удары судьбы похожего толка. Здесь претендентом стать новгородским князем был брат Семена Олельковича, Михаил Олелькович. Это не нравилось Казимиру, и он как мог противостоял упрочению Михаила.

Находясь в центре событий, а точнее, в самом пекле порубежной войны, Верховские княжества и вели себя адекватно. Ведь это условно так говорится, что они как бы служили на обе стороны, если, разумеется, акцентируется внимание только лишь на противостоянии Литвы, как собирателя русских земель начиная с самого Гедимина, и Московии, не менее отважного и настойчивого собирателя тех же русских земель. Нельзя забывать, что и в эпоху Василия Темного, и при Иване III создание централизованного государства происходило при активизации и противодействии сему крупнейших противников: Большой Орды Ахмед-хана, Казанского ханства, великого княжества Литовского, скрепленного династическими связями с Польшей и Ливонским орденом. Но надо было держать ухо востро и во взаимоотношениях, пока лишь дружественных, с Крымским ханством.

И в этом контексте необходимо во весь голос заявить, что переломный момент относится к событию эпохальной важности — к стоянию на Угре в 1480 году, после которого коренным образом изменилось международное положение Российского государства. Из него не явствует, что конечный переход Верховских княжеств на сторону Москвы был подготовлен всем ходом истории.

Что предпринял Ахмед-хан, ретириуясь с берегов Угры в памятном 1480 году? Он разорил земли, относившиеся на тот момент к Литве. Почему предпринял Ахмед-хан такие злодейские выпады против лучшего своего друга? Потому что, полагают историки, Казимир не выступил против русичей заодно с Ахмед-ханом, хотя и были такие обязательства на этот счет. Исследователи полагают, что уже тогда русские земли проявили по отношению и к Казимиру, и к Ахмед-хану смелость и склонность к противостоянию. Они готовы были отпасть от Литвы.

Какие же города наиболее пострадали от воинов Ахмед-хана в октябре 1480 года, когда Орда была отбита от берегов Угры? Прежде всего Белев, Мценск, Одоев и Переяславль, а также старый и новый Воротынск, старый и новый Залидов, Опаков, Серенеск, Мещовск и Козельск. А всего 12 городов, лежащих по обоим берегам верхнего течения Оки и ее притоков. Князья этого бассейна Оки, будучи «православными», конечно же, находились в положении не столько подданных, сколько, в определенном своеобразии, в положении вассалов.

Итак, не дождавшись помощи со стороны Казимира, Ахмед-хан не решился перейти Угру, фактически, бежал от ее берегов, пограбив по пути двенадцать городов на расстоянии более 100 километров, и в конце концов был убит своими недругами.

Верховские княжества, воспрянувшие духом, тяготевшие к Москве, стали буквально скопом переходить под руку великого князя Москов-

ского. Но прежде состоялся поход на Казань, в 1487 году, и достаточно крупными силами.

А как это происходило, так сказать, на местности? Вот один из типичных эпизодов порубежной схватки, пограничного набега и т.д.

«В отличие от предшествующих лет,— пишет историк К. В. Базилевич,— когда нападения производились местными московскими властями, теперь они исходили от русско-литовских князей, недавно перешедших на московскую сторону. Так, по словам Казимира, находившиеся на московской службе сыновья князя Семена Юрьевича Одоевского, воспользовавшись отсутствием их двоюродного брата, князя Федора Ивановича Одоевского, бывшего в это время у короля, заняли его «отчину», принадлежавшую ему половину города Одоева и волости, составлявшие его удел, захватили его мать, а бояр и «врядников» частью «поимали», частью «привели к крестному целованию».

В то же время перешедший к Ивану князь Иван Васильевич Белевский со многими людьми пришел в «отчину» своих братьев Андрея и Василия, продолжавших служить Казимиру, взял со своего брата Василия крестное целование в том, чтобы ему больше не служить королю, и захватил «отчину» другого отсутствовавшего брата Андрея, а бояр его, слуг и черных людей «привел к крестному целованию».

Тогда же люди князя Дмитрия Воротынского с калужанами и перешлянами «выбрали и выграбили» четыре Брянские волости, причинив, по заявлению брянского наместника, убыток.

При этих нападениях вновь под ударами с московской стороны оказался бассейн верховьев Оки, где особенно упорно старалась закрепиться московская власть. Хотя трудно было сомневаться, что эти воинственные действия бывших королевских вассалов, отдавшихся под власть московского государя, производились с его ведома, а может быть, по его распоряжению, однако Иван III формально оставался в стороне.

На все предъявленные Казимиром претензии по существу порубежных схваток на территории «страны князей» Москва отвечала пространно, неопределенно, в том духе, что это все происходящее и есть всего лишь семейный спор князей, то есть спор между членами одних княжеских родов за старшинство в своем роде, как бы за «великое княжение».

Более того, Иван III, активнейшим образом уничтожавший остатки феодальной вражды, искоренявший ее причины на корню, а именно, уничтожавший жалкие остатки удельной системы в Московии, искусно представлял дело таким образом, что, дескать, сам нуждается в помощи Казимира, чтобы пресечь разбои со стороны Одоевских князей, служивших на стороне Литвы. В письменном ответе это выглядело следующим образом: пусть-де сам король велит своему слуге князю Федору Ива-

новичу Одоевскому «смолву учинити о большом княжении» со своими братьями — слугами московского государя.

В мае 1492 года, на посольском уровне, состоялся обмен письмами короля и Ивана III, когда последний как бы закреплял за собой право на территории «страны князей»: земли, которые «отсели» на московскую сторону, бывшие вассалы короля, князья Одоевские, Воротынские и Белевские, должны были остаться под властью Ивана III, так как эти князья служили прежде «на обе стороны» и их переход к Москве являлся возвращением к прежнему господарю.

Лаконична и уникальна характеристика двух противостоящих сил, которую дал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин.

«...Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменила систему России. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, никоторая не хотела войны.

Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а великий князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с королем в их взаимных неудовольствиях.

С 1487 до 1492 года литовские послы, князь Тимофей Мосальский, смоленский боярин Плюсков, Стромилов, Хребтович и наместник Утенский, Клочко, приезжали в Москву с разными жалобами.

Со временем Витовта удельные князья древней земли черниговской, в нынешних губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя, наконец, возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения сожести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников.

Уже некоторые одоевские, воротынские, белевские, перемышльские князья служили московскому государю и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве.

Так, Василий Кривой, князь Воротынский, опустошил несколько мест в земле королевской. Сыновья князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его.

Дружина князя Дмитрия Воротынского обратила в пепел многие брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложитьсь от короля.

Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; что многие литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч.»

Относительно владений белевских князей в другом источнике находим не менее любопытные исторические факты. Так, по «родословцу» (Временник Моск. о-ва ист. и др. рос., т. X, стр. 70 и 157) говорится следующее: князья белевские Василий и Федор Михайловичи служили великому князю Василию Дмитриевичу и жили на Волоке Ламском. По-видимому, они вместе с отцом прибыли в числе других северских князей с князем Свидригайло, которому великий князь Василий Дмитриевич дал Владимир со всеми волостями, Переяславль, Юрьев-Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны (ПСРЛ, т. VIII, стр. 82). Василий Дмитриевич впоследствии отпустил князей Белевских в их отчину Белев.

Из «Литовской метрики» фрагменты документов к истории «страны князей»

Февраля 6, индикт II. г. Вилья.

«Посольство государя нашего до великого князя Александра
от Московского, Дмитрием Давидовичем, в Вильне.

Иван (Васильевич) божею милостию государь Руси и Великий князь, тебе Великому князю Александру велел говорити: что служил тебе князь Семен Федорович Воротынский, и он нынечи нам был чолом служити и с отчиною и тебе то ведомо было.

Князь велел тебе говорити: да что служили тебе князь Андрей да князь Василий Васильевичи Белевский, да князь Михайло Романович Мезецкий, да князь Василий Юрьевич Вяземский и они нынеча нам били чолом служити со отчинами и тебе бы то ведомо было.

Князь Великий велел тебе говорити: что бы еси приказал своим князем и своим людем, чтобы нашему слуге, князю Семену Воротынскому и его отчине обиды от них никоторой не было.

Князь Великий велел тебе говорити: что бы еси приказал своим князем и всем своим людем, чтобы нашим слугам кн. Андрею, с князю Василью Белевским, и кн. Михаилу Мезецкому и кн. Андрею Вяземскому и их очинам обиды от них никоторой не было...»

Февраля 20, индикт II.

«Посольство из Вильны к Великому князю
Московскому Федком Гавриловичом.

Александр божею милостию Великий князь к тебе Великому князю Ивану Васильевичу всказал:

что еси к нам присыпал посла своего и всказывал до нас о наших слугах о кн. Семене Федоровиче Воротынском, а кн. Андрее, а кн.

Василие Васильевичах Белевских, иж они тебе били челом служити а с отчинами.

Александр божею милостию Великий князь всказал:

Што есть тебе гораздо сведомо, што тыя князей, наших слуг, деды, отцы и они сами по тому докончали отцу нашему Королю, его милости, и записались и присягу на том дали и на нас на дети его, што им служити нам и нашему государству, к Великому княжеству Литовскому неотступно, а мимо нас нашего государя им не искати, и дивуемся тому, и ты, мимо тыи дела, прыймуешь наших слуг. Про то мы их с тое присяги не выпускаем...

«...Александр божею милостью Великий князь всказал: што если перво сего до тебе сказывали нашими послы о слугах наших, о наместника Мценского и Любецкого, о Бориса Семеновича и иных, што еси поймал их безвиннее и теперь их у себя держит, и ты бы тых наших слуг отпустил добровольне со всеми их животы и статки; а есть ли бы было кому дело до слуг наших, ино мы на слуг наших прав никому не отмовляем».

1493 год.

Июля 27, индикт I.

(Документы «Литовской метрики», помещенные в «Сборнике Муханова», изд. в Москве в 1836 г.)

«Та справа при Ивану Яцковичу владыце в Троцех.

Отказ послу Московскому Олешу Голохвостову. Што еси господару нашему Великому князю правил посольство от Великого князя Ивана Васильевича, брата и... его милости (Александру), што сестренец его, Великий князь Рязанский был чолом, и тож слуга его князь Иван Белевский и купцы Можайче и Тферичье и Великого Новогорода, жаловали на его милости люди, на Мецнян и на Рылян и на Путивлян и на Смолнян и на Полочан, иж бы им от тех его милости людей кривды велики сталися в боех и порубех и в грабежох и в иных многих речох.

Господар наш его милость на твоем посольстве и на тих списках жалобных всим тым речам гораздо зрозумел.

Господар наш его милость своим урадникам Украинным таких дел починати не велит, а того его милости не сведом, как ся будут тых дела стали. Своих урадников до городов Украинных посылает без мешкання, и кажет его милость всих тых дел доведатися достаточней: будут ли то люди его милости уделали, и его милость взятое велит отдать, а которыи то чинили, тих его милость кажет сказнити, абы вперед того не было...»

1447 г., февраля 20 день, индикт 5

«Милостию божею и государя Великого князя Казимира королевича, я князь Федор Львович Новосильский и Одоевский был есьми чолом Великому князю Казимиру королевичу, ижбы мене принял в службу, и Великий князь Казимир королевич по моему чолобитью мене жаловал — принял мя в службу, по князя Великого Витовтову докончанию. А мне ему служити Верне, без всякой хитрости, и во всем послушному бытии; а мене ему во чести и в жаловании и в докончании держати по тому ж, как дядя его мене держал, государь Великий князь Витовт, во чести и в жаловании; а полетнее мне давати постарине; а бытии мне по Великому князю Казимирам воли: с Ким Великий князь Казимир милен, ино я с ним милен, а с Ким Великий князь Казимир немилен, с ним и я немилен. А Великому князю Казимиру боронити мене от всякого как и своего; и без Великого князя Казимирам воли мне ни с кем не доканчивати, а ни пособлять никому, а ни которыми делы; нетто мыслит бог над великим князем Казимиром, ино мне и мои детем служити Литовской земли, которой будет держати Литовское княжение, или его наместники, хто будет после него держати Великое княжение Литовское.

А Великому князю Казимиру, по моем животе и моим детям и моему наместнику, в отчину князя Федора Львовича в земли и в воды не вступатися, поколь рубеж Новосильской земли и Одоевской его отчине, прочее того, што давно отошло.

А што мыслит бог над князем Федором Львовичом; а хто останется детей его, тому вся его отчина держати; а Великому князю Казимиру по моем животе и грамоту докончальнюю таковую дати, как сия грамота, и держати ему их по тому же, как мене Великий князь принял в службу и докончал со мною; а только хто не ухочет правды дати и грамоту свое таковуж не всхочет дати, а по тому же их не всхочет держати, ино снять целование долов, а нам воля и суд и справа.

Великому князю Казимиру королевичу давати нам о всех делех суд без перевода; а съехався судьям Великого князя с нашими судьями судити — целовать крест вправду на обе стороны; а што сопруться судьи о которых делах, ино положити на государь Великого князя Казимира. А кого обидит, того судом не надобе, а виноватый истец заплатит.

А с Великим князем Московским, хто будет Московское княжение держати, и с Великим князем Переславским, хто будет Переславское великое княжение держати, и с князем Великим Пронским, хто будет Переславское княжение великое держати, им межи себе суд по старине, и кого межи себе не управят, ино положити на Великое княжение Казимирам воли, и Великому князю Казимиру того досмотрети и управити.

А коли тыи три князи Велики, верху писаныи, с Великим князем Казимиром будут в докончании, или с его сыном или с наместником, который будет держати после его Великое княжество Литовское, а о нем коли мы сами князи Новосильские супремся, и нам положити на государя Великого князя Казимира, и Великому князю Казимиру межи из то управити.

А на том на всем я князь Федор Львович Новосильский и Одоевский целовал есьми крест Великому князю Казимиру королевичу, а по сей ми грамоте правит без хитрости.

А писано в Троцах под Леты Рождества Христова 1447 месяца февраля 20 день, индикт 5.»

№9. 6967 (1459), апреля 21 день, индикт 7. (М.л.ч. VI, стр. 515—516)

(Лист перемирной князей Новосильских и Одоевских с королем Казимиром (II. IV.)

«...Яз князь Иван Юрьевич Новосильский и Одоевский и с своими братаничи с кн. Василем Михайловичем били есьмо чолом королю Казимиру государю Великому князю абы нас принял на службу...» (стр. 11—12) №40 ноября 6 день, индикт 12 (М.л.ч. VI стр. 266—271)

От государя его милости Великому князя Александра посольство з Вильны к Москве паном воеводою Троцким, паном Яновичом, а старостою Жомойтским паном Станисловом Яновичом.

«...Так князей Новосильских всих, которые сдавна служили к Великому княжеству Литовскому, а тых князей и с их отчинами поступитися государю нашему Великому князю Литовскому по давному; а есть ли князь Великий Московский к тому же всхочет приступити, ино Панове послове мают к тому вести, абы тых князей поставлено подлуг старого докончания отца его...» (стр. 65).

№41 7002 (1494 г.) Февраля 5 день, индикт 12. (М.л.ч. VI, стр. 373—377).

(Лист перемирной великого князя Московского Иоанна с королем Александром).

«...Также тебе не вступатися в нас, в Олесин и в Тешинов и в Рославль и во Венев и во Мстиславль и в Торуси и в Беленск и во все, что к тым местам потягло; да и в Козелеск и в Людимеск и в Серенск в весь и во вси Козельскии и в Людимскии и в Серенскии места, што к Козельску и к Людимску и к Серенску потяглоЮ и во вси наши украинныи места, што к ним потягло, тебе Великому князю не вступатисе и не обидити подо мною и под моими детьми; а князи Новосиль-

ским и Одоевским и Воротынским и Перемышльским и Белевским, вси мои, Великого князя Ивановы и моих детей, и во всеми отчинами к нашему Великому княжеству.

А тебе Великому князю Александру в них и в их отчины и што к их отчинам потягло не вступатисе ничым и не обидити и не прыймати с их отчынами....» (стр. 67).

№7 6957 (1449г.), августа 31 день, индикт 12 (М.л.ч. VI, стр. 369—373 и 512—515).

(Лист перемирия вечного Великого князя Московского Василия Васильевича с королем Казимиром).

«...по Божей воле и по нашей любви, божею милостию, се яз князь великий Василий Васильевич Московский... и иных... Я князь Василий и моя братъя молодшая дали есмо сею запись брату нашему Казимиру королю Польскому и великому князю Литовскому... и иных, што есьмо взяли с ним в любви по сей грамоте: а бытии нам с ним везде за один, а добра ему хотети, и его земли везде, где бы ни было. А хто будет ему друг, то и мне друг, а хто будет ему недруг, то и мне недруг;... А пойдут, брате, татарове на наши вкраинные места, и князем нашым и внукам нашым вкраинным людем сослався да боронитися им обоим с-одного.

А в вотчину, брате, в твою мне и моей братъя молодшай во все в твое Великое княжение, ни в Смоленск, ни во все Смоленские места, што издавна к Смоленску потягло, ни в Любутск, ни во Мценеск, ни во вси в твои вкраинные места, что издавна к тем городам потягло, не вступатися. А тебе Казимиру королю Польскому и великому князю Литовскому не вступатися в мою отчину, ни во все мое Великое княжение ни в моее братъя молодшее отчины и во Ржево с волостью... (перечень мест). Тых ты, брате, мест всих подо мною блюсти, а не обидити, а не вступатися в тые места.

А которые места волосте ли ведаху при Великом князе Кестути, и твоим волостемлом ведати; а мне Великому князю не вступатися...» (стр. 7).

«...А Верхомскии князи што будут сдавна давали в Литву, то им нынче давати и больше того не примышляти... А которые люди с которых мест вышли добровольно, ино тым людем вольным воля, где хотят, тут живут...» (стр. 9).

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

- 1447 год.** Грамота князя Федора Львовича Воротынского великому князю Казимиру о держании города Козельска к Литве.
- 1447 г., 20 февраля.** Перемирная грамота кн. Федора Львовича Новосильского и Одоевского с в. кн. Казимиром.
- 1448 г., 5 февраля.** Запись князя Феодора Львовича Воротынского за кн. Андрея Можайского и посажения его на княжение Московское, данная Казимиру.
- 1449 г., 21 апреля.** Перемирная грамота кн. Ивана Юрьевича Новосильского и Одоевского и кн. Федора и Василия Михайловичей с королем Казимиром.
- 1449 г., 31 августа.** Перемирная грамота между в. кн. Московским Василием Васильевичем и королем Казимиром.
- 1493 г.** Князья Белевские, Одоевские, Воротынские перешли в Московское княжество.

ПО СЛЕДАМ ОРДЫНСКОГО ИЗГАННИКА

Белёв — неказист городок... если по современным меркам. Ныне — за годы власти Советов — оставили его далеко позади себя НОВО-города по беспрецедентным масштабам промышленного, экономического и социального развития. Города-подростки Тульщины, поднявшиеся буквально на пустом месте по мановению руки из Кремля новостройками Красных пятилеток, затмили его своим индустриальным величием.

Однако отважимся же «замолвить словечко» и о таких обителях духа, как Белёв и ему подобные. Чего уж греха таить, порой заезжий человек шагает по улочкам, и невдомёк ему, что он сию минуту, сей короткий пред вечностью миг попирает своими резвыми ногами пласти культуры, возраст которых от тысячи до двух и более исторических лет.

Да, наверное, на самом деле, не-ка-лист, но вот ведь какая оказия получается: где ни копни, там непременно нащупаешь свидетельства старины глубокой. И вот что ещё примечательно: зачастую события, имевшие, так сказать, быть — теснейшим образом увязаны с масштабными или крупными деяниями вершителей судеб Отечества.

Крупнейший историк современности, Лев Владимирович Черепнин, в книге «Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках» соотнёс с периодом «Белевщины» целую эпоху феодального землевладения.

Взаимные притязания на землю между землепользователями историк передал следующим образом: «На суде, происходившем в 60–70-х годах XV в., выяснилось, что нездолго до «Белевщины», т. е. до того времени, когда в г. Белёве укрепился хан Улу-Мухаммед (конец 30-х годов XV в.), А. В. Лыков передал в Троицкий Махрицкий монастырь село Зеленицино с землями, в Переяславском уезде. Которые раньше принадлежали к числу дворцовых владений великой княгини Марии Ярославны...»

Таким образом, название событий драматического характера — «Белевщина» — вошло в лексикон современников так же, как в наше время вошло в обиход повседневности выражение «Это было ещё до войны», или же — «Денежная реформа была вскоре после войны, в сорок седьмом». А на самом деле «Белевщина» — это начало целого периода феодальных войн на Руси, отчаянно неистовой междуусобицы.

В тот смутный период истории образовался символический треугольник, в плоскости которого в течение двух десятилетий происходили кровавые, редкие по жестокосердию враждующих сторон столкновения и схватки.

Кто же составил стороны этого треугольника? Вот и составили его как раз герои драмы, разыгравшейся в Белёве. Да-да, та самая драма, получившая название «Белевщина».

Что произошло? В Московском княжестве со смертью Василия I, последовавшей 27 февраля 1425 года, образовалась сложная ситуация в престолонаследии.

Дело в том, что Дмитрий Донской, великий князь московский, имел наследников в лице Василия (ставшего после его смерти великим князем), Юрия, Андрея, Петра и Константина. Стало быть, согласно завещанию Дмитрия Донского, со смертью Василия I законным претендентом на великокняжеский престол становился Юрий Дмитриевич, княживший в Галиче.

Однако ещё в 1423 году Василий I завещал (вопреки завету отца, Дмитрия Донского, о престолонаследии) великокняжеский престол своему сыну Василию. По случаю малолетства последнего был создан регентский совет. Он и должен был, по замыслу Василия I, управлять страной.

По его же завещанию опекунами сына на этот случай становились: мать малолетнего Василия (будущего Василия II) — Софья Витовтовна, её отец, великий князь литовский Витовт; князья Андрей Дмитриевич и Пётр Дмитриевич и дети князя Владимира Серпуховского: Семён и Ярослав.

Как видим, даже среди опекунов по «приказу» Василия I нет законного претендента на престол — Юрия Дмитриевича Галичского. О чём это красноречиво говорит? О том, разумеется, что Юрий Дмитриевич уже в то время, в 1423 году, внушал опасения Василию I. А в чём внушал опасения? Своими претензиями на великокняжеский престол.

Так что же, раздор? Двоевластие? Смута на Москве? Так оно и случилось. Потому что со смертью Василия I фактически власть оказалась в руках Софьи Витовтовны с верными ей людьми: митрополитом Фотием и энергичным, не суетно предприимчивым, хитроумным боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским.

А между тем уязвленный несправедливостью Юрий Дмитриевич даже не соизволил приехать в Москву по наказу митрополита Фотия, чтобы присягнуть новоиспеченному великому князю – Василию II.

В конце концов Юрий Дмитриевич добьётся-таки своего. Сместит с престола племянника, воссядет на престол, однако ненадолго... Как говорится в народе, не в добрый час! Смерть постигнет его 5 июня 1434 года. И, естественно, страсти вокруг престола разгорятся с новой силой. Претендовать станут теперь уже сыновья Юрия Галичского: сперва – Василий, по прозванию Косой, затем Дмитрий Большой, он же Дмитрий Шемяка.

И в этих жестоких схватках, в попеременных успехах и страшных поражениях, сперва будет ослеплен Василий II, за что и получит прозвание *Тёмного*, после он, Василий II, одержит победу над своими соперниками, в частности над Василием Юрьевичем, и ослепит его, и тот в свою очередь получит прозвание *Косого*.

Так же будут подвергнуты этому тяжкому, варварски-средневековому наказанию другие участники «замятни», имевшие прямое отношение к «Белёвщине», как, впрочем, и к другим событиям беспощадной междоусобицы.

Тем временем, а точнее – в тридцатых годах столетия, станет изгнем «в своём отечестве» хан Орды Улу-Махмет. Его потеснят грозные, бескомпромиссные, менее разборчивые в средствах борьбы соперники – чингизиды.

Вот что пишет по этому поводу историк А. А. Зимин в фундаментальной работе «Витязь на распутье».

Потерпев поражение от Сеид-Ахмеда, Улу-Мухаммед с небольшими силами («Царю в мале тогда сущу») пришёл в район города Белёва («седе во граде Белеве. Убежав от иного царя»). Он поставил там городок и решил в нём зимовать («от хвастии себе исплеть, и снегом посыпа и водою поли, и смерзеся крепко»).

Это не по нраву пришлось Василию II. Он посыпает в Белёв рать. И во главе с кем? Вот ведь ирония судьбы или следствие взаимных злокозней: рать московскую как раз и возглавили сыновья обиженного в престолонаследии Юрия Галичского. То были Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Кстати заметить, что оба они были названы в честь деда – Дмитрия Донского, согласно завещанию которого Юрий и должен был стать великим князем московским.

Но как вели себя собственно Белевские князья? А Белевские князья стремились сохранить связи с Москвой, остававшиеся к тому времени достаточно прочными.

Белевские князья, находясь в верховьях реки Оки, искали прежде всего поддержки в Москве, чтобы успешно противостоять набегам ордынских царьков.

Василию II было небезразлично всё то, что происходило у него на стратегических участках Руси. Именно Белёв пока что добротно прикрывал её границы на юге. Более того, Ока служила выгодной торговой артерией для Руси. И как только донесли Василию II, что Улу-Махмет утвердился в Белеве — в ледяной крепости, что не имело аналогов в истории такого рода, он тотчас снарядил сорокатысячную рать.

Некоторые исследователи «Белевщины» полагают, что Василий II рассчитывал также на поддержку вышеупомянутых белевских княжат и на некоторых верховских воевод.

В этой связи события «Белевщины» вытолкнули на поверхность бурного потока междуусобицы и ещё одного героя разыгравшейся драмы — мценского воеводу Григория Протасьева. Это было в тот период громкое имя, своеобразная фигура, достаточно колоритная.

А теперь немного интригующих подробностей из «Белевщины», то есть, как это увидели современники и более поздние исследователи драмы. Вот что пишет, в частности, Лев Владимирович Черепнин: «Воиско, посланное против Улу-Мухаммеда московским правительством в 1437 году под предводительством Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, потерпело серьёзное поражение. Татары перебили много воевод и простых русских воинов. При этом обращает на себя внимание, что трудовое население страдало не только от татарских полчищ, но и от своих же русских войск, которые «все пограбища у своего же православного христианства, и мучаху людей из добытка, и животину бьюще, назад себе отсылаху, а ни сим же не разоидяхуся. Все грабяху...»

Таков он, почерк предводителей рати московской — братьев Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного: «...назад себе отсылаху» награбленное у православного люда. А в итоге вышло по русской пословице: «Не бей в чужие ворота плетью,— не ударили бы в твои дубиной». Принесённое зло бумерангом ударило по пешей рати московитов. Поначалу немногочисленные татарские отряды были потеснены и даже отброшены в ледяную крепость. Однако какой ценой? — в короткой схватке пали воеводы Пётр Кузьминский и Семен Волынец. А наутро татары «убояся князей русских, и начася давати им всю волю их, и в закладе дети своя давати и что где взяли. И не в великого князя в отчине, полону, то всё отдавали и по тот день не чинити им пакости».

Ещё бы. Улу-Махмет и на самом деле не помышлял о ссоре с Василием II. Ему, изгою, важно было отсидеться, поднакопить силёнок и двинуть их на Орду, а там уж отомстить своим обидчикам, вернуть прежнюю власть.

Увы! — наши герои-московиты, братья Дмитрии, закусили удила: отвергли все условия мира, предложенные Улу-Махметом, который даже детей своих, двух сыновей, отдавал русичам в залог. Куда там, уверовав

в лёгкую победу, ничтоже сумняшеся, братья Юрьевичи порешили истребить ордынцев.

5 декабря 1437 года началось новое сражение. Началось и крайне скверно кончилось оно для московской рати. Ордынцы разметали в пух и прах московскую рать.

Так что же тому виной? Беспечность русичей? Бездарность полководцев? Как бы не так... Дмитрий Шемяка в сражениях крупного масштаба показал себя и доблестным воином, и мудрым полководцем, и отличным дипломатом в переговорах всё с тем же Улу-Махметом. Он продемонстрировал талант стратега в битве под Новгородом, он не раз колотил всё того же Василия Тёмного и в других схватках.

Надо полагать, что уже в тот злополучный час крепко-накрепко «заязжался» проклятый узел противостояния Дмитрия Шемяки и Василия Тёмного. Есть основания полагать, что в Белёве Дмитрий Шемяка и не особенно-то усердствовал как воин и полководец. Скорее всего, он выжидал... Он всего лишь пока по-волчьи пограбливал своих же христиан. Он откровенно таил камень за пазухой, всё тот же камень, поднятый на поле раздора его отцом, Юрием Галичским.

В этакой заварухе не случайно была брошена тень и на мценского воеводу Григория Протасьева.

Глубоко вдвинутый в степь верховский город Мценск на реке Зуше терпел большие неприятности от ордынцев. Поэтому дурной мир с татарами был для горожан предпочтительнее хорошей войны. Эти настроения оказались и на событиях под Мценском в 1437 году. Протасьев якобы «сотовори крамолу, хотяще бо лестию промеж их мир сотворити».

Русские воеводы склонились было к его доводам по существу примирения, но тем временем он будто бы предался на сторону противника и послал своего человека к Улу-Махмету, подбивая последнего выступить против русских.

Так вот, вследствие таковых козней татары, дескать, воспользовавшись мглой, вышли наутро из своего острога и ударили по русским полкам. Позднее, в 1493 году, за таковую измену Василий II у Григория Протасьева «очи вымал».

Вроде бы так оно и было, однако в этой версии далеко не всё без сучка без задоринки — возникает немало контрверсий, во всяком случае некоторые детали наводят на мысль о нелогичности целого ряда поступков. Что же, списать их на якобы дикое Средневековье?

Ведь «очи вымал» Протасьеву Василий II аж два года спустя? То есть, если верить источникам,— около 1438 года Григорий Протасьев «повелением же великого князя переселился (надо понимать, из Мценска.— *Прим. авт.*) в царствующий град Москву», с ним же «приодоша множество людей». Так что же, с «выманием очей» Василий II медлил

более года? Ох, что-то тут не вяжется... Впрочем, в данном очерке нас интересуют основные герои драмы, составившие стороны символического треугольника, а не персонажи, косвенно составившие прецедент.

Роковая роль Дмитрия Шемяки в «Белевщине» пагубно отразилась на дальнейшей судьбе Московского государства. Как утверждает Л. В. Черепнин, «из Белёва татары совершили непрерывные нападения на центральные Московские области». Таким образом, след Улу-Махмета из ледяной крепости в Белеве в истории и перипетиях междуусобицы не затерялся.

Более того, «... летом полчища Улу-Махмета сделали налёт на Москву. Василий II бежал за Волгу...»

В дальнейшем орда Улу-Мухаммеда перешла в пределы среднего Поволжья и он «сел в Нижнем Новгороде».

Весной 1445 года Улу-Махмет опять бросил свои полчища во главе с двумя своими сыновьями, Мамутеком и Егупом, против Москвы. Василий II повел московские рати навстречу, к Суздалю. И что же? Как повел себя в этой ситуации наш герой, то есть Дмитрий Шемяка? По пути к Суздалю присоединились к Василию II полки удельных князей, но князь Дмитрий Шемяка не пришел сам и не прислал помочь.

Русская и татарская рати сразились близ сузdalского Спасо-Преображенского монастыря. Татары одержали победу. Хуже того. Василий II попал в плен.

Таким образом, пусть не прямо, косвенно (хотя, впрочем, есть и тут над чем задуматься!), однако Дмитрий Шемяка также виновен в разгроме правительственных войск под Суздалем и в пленении великого князя московского.

Орда Улу-Махмета, исполненного новых сил и энергии после разгрома московских полков под Белёвом, вышла теперь на дистанцию конкретного, фактического влияния на престолонаследие в Москве.

Улу-Махмет, поколоченный своими сородичами в Сарае и изгнанный прочь из Орды, в пределах Руси не без помощи Юрьевичей, то есть Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, вновь ставший на крыло как степной сокол, терзал московитов, повелевал и вершил свой суд.

Таким образом, деструктивные силы накапливались в течение более десятка лет, с 1423 года, когда Василий I завещал велиокняжеский престол своему сыну Василию вопреки завещанию Дмитрия Донского о престолонаследии, по которому подлинным наследником со смертью Василия I становился бы Юрий Галицкий.

Теперь же, воспользовавшись пленением Василия II, Дмитрий Шемяка принял спешно сколачивать блок оппозиционных сил. И такие сиодручинки нашлись. Отыскались. Ещё бы, ведь ныне Шемяка становился на Руси старшим в роде Калиты. Вот и вкусила смертный

человече прелестей вожделенной власти, а с ними и порцию яда. И не стало для собственного утверждения на престоле никаких преград,— ох уж эта смерть — отрава властолюбия. На самом деле, удержись Шемяка от ядовитого соблазна, поостерегись в последний момент пред искушением дьявольским, и, возможно, фортуна поворотилась бы к нему счастливым лицом. Ах нет! Жизнь его оборвалась трагически, сверхчеловеческое напряжение в кровавой и подлой борьбе за власть, в которую втянул сыновей Юрий Галичский, подорвала здоровье троих его сыновей. Крутой, на редкость круто закручивали они спираль преступного противостояния, вследствие чего страдали дела российские, терпели несчастья люди, да и само окружение противостоящих.

После сложных перипетий в вышеозначенной плоскости треугольника Василия II привозят как пленника в Москву. И куда? Вот именно,— поселяют в дом Дмитрия Шемяки. В логовище оппозиции. И что затем последовало? Василия II просто-напросто ослепляют.

Всё, оказывается, логично, по меркам нравов тех времён: Шемяка и его сподвижники одерживают победу, которая по иронии судьбы для рода Галичских князей оказывается пирровой. После трагического противостояния Василий II (теперь уже Тёмный) утверждается на престоле. А в июле 1453 года князь Дмитрий Юрьевич Шемяка «умре напрасно». Таким образом, выпал один из героев нашего условного треугольника кровавых событий. Как бы там ни было на самом деле, но некоторые источники сообщают нам, что якобы Дмитрий Шемяка «умре со стрелы».

А что же третий наш герой «Белевщины»? Проследим же его путь падения и восхождения по «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

«... он выступил из Белёва и чрез землю мордвы прошёл Болгию, к тому месту, где находился древний Саинов Юрт, или Казань, в 1399 году опустошённая россиянами. Около сорока лет сей город состоял единственно из развалин и хижин, где укрывалось несколько бедных семейств».

Махмет,— пишет далее Карамзин, называя Улу-Махмета (Улу-Мухаммеда) — Махметом,— «... выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную. И представил оную в убежище болгарам, черемисам, монголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами россиян.

В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета царём и защитником. Таким образом, сей изгнаник капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государ-

ства образованного и торгового. Монголы смешались в оном с болгарами и составили один народ, коего остатки именуются ныне татарами казанскими и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области российские.

Уже в следующий год Махмет с лёгким войском явился под стенами Москвы, откуда Василий, боязливый, малодушный, бежал за Волгу, оставив в столице начальником князя Юрия Патрикеевича Литовского. К счастию, татары не имели способа овладеть оною...»

Так что же такое «Белевщина»? Может быть, и есть начало роковых лет России? Во временном отношении — это дистанция истории Отчизны сравнительно короткая. Однако, как видим, по плотности событий и деяний людей — это целая эпоха, достаточно кровопролитная, на острие смены вех в России. Это была ещё и проверка: по какому пути далее идти России в своём развитии, по прозападному, вместе с Юрием Галичским, или по провосточному, с царём Василием Тёмным во главе? Прозападнический путь пока не состоялся в самом сознании народа.

МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ, ВСЁ ПРЕВОЗМОГШАЯ

Однажды, вдруг посреди жаркого спора о границах территории Жабынской пустыни, положили передо мной карту обители, свежеизготовленную, ещё со следами помарок и штришками самодеятельного картографа. Мысленно представил очертания контуров святыни на карте района с графическим изображением реки Оки, соснового бора на правом её берегу. Взглянул на карту, благо висела на стене напротив,— оказалось, монастырь — это всего лишь едва приметное пятнышко на плоскости родного края. А если с принадлежащими обителями так называемыми угодьями, некогда ей отписанными? Всё равно — всего-то с горсточку.

Кроха, по сравнению с масштабами колхозов и совхозов. Птичье гнёздышко. Капля в море.

И тотчас представилось: с одним из неистовых краеведов — уж вечер близился — долго кружили по береговым откосам и косогорам, тщетно пытаясь отыскать хотя бы признаки существовавшего здесь причала и приметы бывшей тропы на отвесном спуске с береговой осыпи к действовавшему парому. Уставшие и разочарованные, исхлестанные жгучей крапивой, обсыпанные кусачей и неотвязной чередой, выбрались из зарослей краснотала, вскарабкались на холм и — с жаждой — к источнику. Утолили жажду и — словно сговорились! — молча уставились на диск заходящего солнца. Зачаровало. Глаз не отвести.

Вспомнились строки из очерка о Жабынской пустыни журналиста прошлого века А. И. Фирсова. «Простояв обедню в соборном Введенском храме, а затем и молебен преподобному Макарию у его гробницы, я пошел в монастырский лесок и лег там под вековой сосновой над Окой.

Как там хорошо! Направо видна деревня Береговая: её небольшой лесок стоит над обрывом над Окой. Прямо передо мной на поэмных

лугах пасется стадо: за лугами, немного повышаясь, идут поля. Влево село Дураково; оно близко слилось с Белевом. Вдали город, окутанный дымкой; городские железные крыши ярко блестят на солнце. Внизу Ока: ветерок слегка волнует её воды, которые от солнца блестят словно бриллианты. Сосновый бор шумит, он словно разговаривает: сначала тихо, потом громче, громче, наконец, заговорит громко, грозно, а потом совсем замолчит.

Как хорошо, как легко, спокойно на душе! Нигде так не отыхаешь, нигде так не думаешься, как среди природы. Люблю я тихие обители..!»

И на самом деле, ну вот ничего вроде бы тут особенного в ландшафте; и тишина вроде бы такая же, как всякая тишина,— ни звука, чтобы этакого, причудливого, этакого заманчивого. Нет!

Но ведь что-то во всём этом есть такое, что не отпускает тебя; и не хочется ни о чём говорить — ни об неотложном, важном, ни об пустячном — потребном на текущий день, досужем.

Так что же это такое? Что? Просто ты растворяешься в тихом предвечерье. И только тут, сейчас, непременно в сию минуту, начинаешь в полной мере осознавать, что это такое — душевный покой...

...Но вот мне пододвигают для ознакомления несколько сшитых канцелярской скрепкой листков с текстом. Читаю: «Межевая книга Введенской Жабынской пустыни». Листаю, вот и первая строка текста: «1778 года сентября 27 дня по указу Ея Величества Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая учинена межа Белёвского уезда... по решению Тамбовской межевой конторы Введенской Жабынской пустыни с её пашенной землёю, лесными и прочими угодьями, которая состоит во владении той пустыни...»

Кому занимательным не покажется, да ещё о границах, да ещё языком восемнадцатого века: «... с того места линия повернулась вправо на ромбе от зюйда к оству 23 градуса, а угол 174 градуса, идучи той линией, перешед просёлочную дорогу из Введенской Жабынской пустыни в д. Горбуново и безымянный отвершек направо и дровяной лес ... сельца Волоткова с дер. Горбуновой — владения гвардии поручика барона Черкасова...»

А дальше-то, дальше и вовсе прелюбопытно, аж в висках начинает стукотить зачастившее в груди взволнованное сердце.

«Сведения о смежных пунктах». Какие они? Кто их владелец на гребне XIX века, который принёс столько потрясений, революций и бунтарства, напрочь стёрший с лица земли и саму Жабынскую обитель?

Итак: «...деревня Кураково — владение полковника Петра Сергеевича Телегина, принцессы княгини Екатерины Петровны Борятинской, помещика Михаила Алексеевича Кологрикова.

Село Дураково — владение Генерал-поручика Дениса Ивановича Чичерина.

Межевая книга утверждена в 1795 году. Корректировка межи по факту разбивки учинена 12 мая 1898 года».

Ну вот и всё! — границы определены, межевые ориентиры обозначены: целёхонькая, тлению и распаду не подверженная, от границы до границы рукой подать.

Так просто? Элементарно? Но постойте же, постойте, господа! Для этого избранного места чего-то не хватает. Чего-то недостаёт в этом строго очерченном перечне, разграничивающим всё до градуса единого. Как дважды два!

И вот тебя начинает преследовать чувство какого-то разочарования; мысль-то, уж эта мысль! — неотвязная. Будто некто вкравшийся в сознание твое, положительно практический; холодная мысль. Вот она: «Так что же? Что следует из очерченного? Где же она, отметина избранности? Мета осиянности святостью? Знак богоизбранности этих мест? Увы нам! Земля как земля: чудес, господа не бывает.

Вот так или похоже, а нередко и вовсе очень и очень изощрённо развенчивались мифы и легенды, которые, будучи посаженными в сердца людей всего лишь маковым зёрнышком по величине, достигали, взрастая во времени, гигантских размеров. Но по мере накопления обывательского достатка, в смене эпох, источался и бродил где-то, может быть, и под отмирающей корой самого древа жизни, также накапливался яд сомнений, яд тьмы. Накапливался и мало-помалу проникал в кроны. Оттекал в корни.

Не этот ли, в принципе, приём применялся пламенными революционерами в развенчании святости православных обителей? А чего проще? — сбил-сколотил группу личностей, подобострастнее которых, побойчее, вскрыл «именем революции» гроб с «мощами под спудом» — и готов приговорчик религии, сделан вывод: «...никаких нетленных мощей в действительности в гробе усопшего нет! Ка-ра-у-у-л! — вас, граждане пролетарии и крестьянство, товарищи угнетённые, водили за нос». И пошла дубасить справедливость диктатуры налево и направо: «Бей своих, чтобы чужие боялись!»

«Долой!» — чем не аргумент на все случаи архисложной действительности, однако элементарно простейший в смене вех, режимов и в смутившую эпоху передела собственности? «Отречёмся!..» — и вся недолга, и не к чему церемониться: никаких сантиментов, ибо всё, что не от диктатуры есть химера, и даже совесть раба Божьего.

Но мы не станем отягощать наш рассказ о пустыни судом истории, лишь позволим себе попытаться взглянуть с высоты истекших годин; ведь и богоборцы восходили к высотам прозрения в неимоверной горячке будней.

Послушайте!

Ведь если звёзды зажигают,

Значит, это кому-нибудь нужно?..

Во всяком случае человек разумный не всегда (вопреки утверждениям ортодоксов от материализма!) от страха перед естеством стихийных сил природы искал заступника в идолах и т.д. Ну, допустим, как говорится, на худой конец, ну было и такое; но, господа хорошие, не до такой же степени примитивизма доходило...

Ужель только лишь из необходимости выжить человек разумный возводил в сердце своём, в сознании своём величественные храмы Небу и саму жизнь устраивал как храм, устремлённый в поднебесье, а не, напротив того, в глубь земли сырой. Глубже корней древесных?

А может быть, и в неминучей, в кипучей, в необоримой и пламенной страсти свержения всего старого надо было бы хотя б на миг, на самый краткий хотя бы, заглянуть в анналы прошлого опыта, соизмерить душевный порыв на какие-то действия с тем, в частности, что думали в аналогичных ситуациях граждане за тысячелетия до нас, за столетия?

Вот нашёл же Шекспир, как адекватно тому, что человеку, так сказать, на роду написано:

Не ссылайся на то, что нужно.

Нищие, и те в нужде имеют что-нибудь в избытке.

Сведи к необходимости всю жизнь,

И человек сравняется с животным.

Не ищите плотское там, где витает дух веры. Задумайтесь, ну пожалуйста, задумайтесь: может быть, и никакой не страх пред стихией, страх слабого, а естественное устремление сильного, могучего покорителя природы не уподобиться свиному рылу, хрюкающему над корытом, а, превозмогая гнёт необходимости, обыденчины, сделать-таки усилие над собой и поднять очи горе? О, как это трудно, как это невозможно, если и сладко и пить, и есть, и плодиться.

Многострадальная Жабынская пустынь претерпела столько, словно и она прошла наряду со своими мучениками стезями веры терпения, в посте рассудка и в покаянии, что в дословном переводе означает — «умопремена», то есть покаяться — значит, переменить свое личное умопостроение в человеческом общежитии под вечным Небом.

Как говорят о том дошедшие до нас источники, пустынь основана по жалованной Грамоте Государя и великого князя Фёдора Иоановича, данной старцу Онуфрию, в 1585 году. В этом историческом документе, в частности, говорится: «Государевы Царёвы и великого князя Белёвских дворцовых сел писцы Никита Григорьевич Ржевский со товарищи дали старцу Онуфрию Жабынское городище под монастырь в Карма-

ньи, а стоит то городище на Дворцовой земле. Да к тому же городищу придали пашни в деревни Кузнецовой, да в деревни Упашинской, да Волотьковой, да в деревни Сныховой, которая земля у них осталася за мерою: три десятины в поле, а в дву по тому-жь; да лугу против села Сныхова, в болоте лужок церковной села Сныхова же полторы десятины. Сена ставится пятьдесят копен.

Да ему ж дан бор на свечи и на ладан, а чёрный ему лес сечи на монастырское строение и на дрова про монастырский обиход, а не на продажу,— деревни Кузнецова, да деревни Пашонская, да деревни Сныховские, со крестьяны вместе.

А старцу Анофрию на том городище храм воздвигнуть Введения Пресвятые Богородицы и монастырь строить».

Однако вскоре грянуло лихолетье — Смутное время, и уже в 1615 году полчища польского наездника Лисовского разорили Белёв и вместе с ним Жабынский монастырь, так как обитель находилась на пути следования Лисовского по Лихвинскому тракту. Отряд Дмитрия Пожарского преследовал его по пятам, но Лисовский, не принимая открытого сражения, искусно уходил от своих преследователей, грабя и предавая огню всё на своём пути.

Восстановителем, или, по-церковнославянски, «возградителем» пустыни после вышеупомянутого погрома стал священноинок Макарий. К сожалению, фактов о жизни преподобного Макария дошло совсем немного. В древнем синодике Жабынской пустыни сказано, что преподобный Макарий «... в терпении иночески плотию стражда, мраз, зной, во алчбе и жажде претерпе, монастырь возгради, братию собра, поживе же в терпении своем лета довольно, врага человекоубийцу диавола под нози свои покори, преставися в лето мироздания 7131 (1623), погребён своими учениками в своём от него созданием монастыре месяца януария 22 дня».

Родился же преподобный в 1539 году в царствование Иоанна Грозного. В Жабынской пустыни он провёл большую часть своей жизни; в последние годы подвизался уже в высшем ангельском чине схимника.

К концу XVII столетия пустынь переживала тяжелейшие годы запустения. По этому поводу в одном из актов за 1707 год записано следующее: «...в прошлых-де годах, изволением Божиим, оный монастырь запустел и живущие в том монастыре монахи разбрелись по разным обителям и остался того запустелого монастыря у церкви токмо один белый поп».

Как долго длилось это запустение, не известно, однако косвенно всё из того же документа можно узнать, что по «указу великого государя Петра Алексеевича, за благословением преосвященного митрополита

Илариона Сарского и Подонского, оный монастырь паки обновился, и начали в нём жить самые неимущие монахи, числом всех братьев 23 человека, да трудников 10 человек, и кормиться трудом своим и подаянием, и государева хлебного и денежного жалованья не определено, токмо что от благолюбивых людей подаяния и строения чинят и сами питаются».

Благотворными оказались действия иеромонаха Тихона. Его назначил в Жабынь для обновления разорившейся пустыни преосвященный Иларион. Ранее Тихон был ризничным именно архиерейского дома, то есть человек известный, проверенный на его деловые качества. И Тихон в лучшей мере оправдал доверие преосвященного Илариона, трудился энергично, строительные дела вёл прилежно. Более того, в 1710 году он завёл так называемую «вкладную книгу», в которой велись записи по трудам его и планам. В книге делались пометы, записи на благотворительные приношения благодетелей — «от всякого чина людей». Благодаря активности Тихона удалось в течение двенадцати лет восстановить пустынь, так что в ней стало действовать три храма: два деревянных, затем перестроенные, из камня, и один каменный снову. Примечательно заметить в контексте этих характеристик, что сам игумен именовал пустынь в своей книге — «неимущею», потому что она не имела ни жалованья государева, ни земель, ни крестьян.

Приношения поступали, начиная от самого митрополита Сарского и Подонского, и кончая такими известными людьми, каковым был на то время Григорий Дмитриевич Строганов. Свою лепту в развитие пустыни он внёс посредством своего в Белёве человека, Ильи Чудинова.

«Самые приношения заключались из риз, материи на них, денег, хлебных запасов и коней; так некто Дмитрий Щетнев пожертвовал коня гнеда, Борис Сухочев, впоследствии инок Боголеп, коня чала в 21 руб. и кобылицу в 10 рублей с полтиною. Обязательства жертвовать разного рода житом единовременно и вперёд на сколько лет были довольно многочисленны. Всех жертвователей по «вкладной книге» насчитывается 55 человек».

Но на этом игумен Тихон в поисках средств к обновлению пустыни не останавливался, изыскивал все имеющиеся возможности. Так, при назначении его в Жабынь он не преминул испросить у покровительствовавшего ему митрополита Илариона дозволение перенести в пустынь чудотворный образ Знамения Божией Матери из села Озерска Перемышльского уезда в пустынь. Испрошено это было для того, чтобы монастырь мог иметь содержание от подаяний усердствующих богохульцев, ибо святыня широко известна богомольцам.

Более того, чаяниями о. Тихона была учреждена в Жабыни недельная ярмарка, Ильинская, по льготам которой позволялось торговать приезжающим три года беспошлино.

А далее игумен стал хлопотать и в вотчинной коллегии об отводе для обители четверти пашни из прилегающих к ней деревень. Однако и в жизни самого о. Тихона произошли существенные перемены — он был назначен настоятелем Белевского Спасо-Преображенского мужского монастыря, с возведением в сан архимандрита, на место умершего архимандрита Иова.

Но вот и грянули нововведения в эпоху Петра I. Грянул 1723 год, и пустынь распоряжением Петра об упразднении «малых» монастырей приписывается к Белевскому Спасо-Преображенскому монастырю: «... со всем, что в ней есть». Эта же участь постигла и Козельскую Введенскую Оптину пустынь. А спустя и ещё один роковой год петровских перемен о. Тихон сподобился приводить в исполнение указание преосвященного Леонида, архиепископа Сарского и Подонского, последовавшее в соответствии с исполнением императорского распоряжения об «малобратьных монастырях и пустынях», из чего следовало: «...из Жабынской пустыньки келии и ограду сломать без остатку... монахов перевести в Белев в Преображенский монастырь, дабы оной Жабынской пустыни звания и Введенским монастырем отныне и никогда не упоминался...»

Немало трудов стоило о. Тихону, прося «слезно» преосвященного Леонида о сохранении пустыни, получить всё же отсрочку в погибели обители. Впрочем, впоследствии тем самым и была она сохранена. А вскоре императрица Екатерина I издала указ, согласно которому справедливость восторжествовала. В нём есть такие слова: «...маловотчинные монастыри, которые питались своими трудами без жалованья, могли оставаться на прежнем основании».

Таким образом, монахи, выведенные в 1724 году из Жабынской пустыни в Белёвский Спасо-Преображенский монастырь, были возвращены обратно в свою обитель.

И вот спустя некоторое благодатное время обитель пополнилась наследниками. Как это произошло?

Случилось непредвиденное. В 1776 году постигло несчастье Шаровский мужской монастырь в Перемышльском уезде (он сгорел), и тогда монашествующие были переведены в Жабынскую пустынь. С того времени установились в жизни обители лучшие годы. Настоятелем вновь возрождённой пустыни стал о. Исаакий (в миру Иван Акимов, причетник из упоминаемого ранее с. Озерска; в монашестве — строитель Шаровского монастыря).

В 1790 году место Исаакия (после его смерти) занял монах Белевского Спасо-Преображенского монастыря о. Серафим, представитель старинного рода дворян Желябужских, благодаря своим знаниям и опытности много сделавший для процветания обители. При нём была

обновлена каменная церковь Знамения Божией матери, построена каменная колокольня. Умер о. Серафим в 1800 году. А после него, соответственно, были:

- с 1802 по 1805 г.— строитель иеромонах Савватий;
- с 1805 по 1811 г.— строитель иеромонах Сергий;
- с 1811 по 1821 г.— строитель иеромонах Михаил;
- с 1821 по 1851 г.— игумен Венедикт;
- с 1851 по 1855 г. архиепископ Дамаскин, пребывавший на покое, а затем, по 1859 год,— строитель иеромонах Нифонт;
- с 1859 по 1860 г.— строитель иеромонах Алексей;
- с 1860 по 1861 г.— строитель иеромонах Гамалиил;
- с 1861 по 1875 г.— строитель иеромонах Феодосий;
- с 1875 по 1866 г.— игумен Иона;
- с 1886 по 1889 г.— строитель иеромонах Илларион;
- с 1889 по 1891 г.— строитель иеромонах Игнатий;
- с 1891 по 1900 г.— игумен Иосиф;
- с 1900 по 1906 г.— игумен Филадельф;
- с 1906 г.— настоятель иеромонах Сила.

Далее следует отметить важное событие: при иеромонахе Михаиле, в 1816 году, во время перестройки Никольской церкви были чудесным образом обретены мощи преподобного Макария, доселе лежавшие под спудом. Найденный хорошо сохранившийся гроб с останками святого старца с почестями был освящён под алтарь новосозданного Никольского храма.

В этом же ряду стоит и событие, связанное с именем Владыки Дамаскина, который, испросив увольнения и права на покой за преклонность лет и слабостью здоровья, прибыл 6 марта 1851 года на жительство в Жабынскую пустынь. Пять лет провёл иерарх русской православной церкви в обители под Белёвом. Но это не были годы отдыха в привычном представлении для простого человека. Владыка взял на себя непосредственное управление обителю. Смерть постигла бывшего епископа Тульского и Белевского в 1855 году 5 августа от холеры, когда эпидемия свирепствовала в этом краю. Похоронен Дамаскин в склепе, устроенном ранее по его же распоряжению, под соборным храмом Введения Божией Матери.

Яркую страницу в историю обители вписал игумен Иона. Прежде всего он завёл в пустыни благоговейное богослужение — собрал братию, более соответствующую по образу жизни своему назначению, возвёл новые хозяйствственные постройки, восстановил часовню на святом источнике Жабынце с двумя купальнями, много трудился над украшением храмов.

Следует в этой связи отметить, что о. Иона много и целенаправленно работал над увековечением памяти преподобного Макария Жабынского.

го. Так, в 1879 году над местом покоя святых мощей была установлена деревянная рака с иконой преподобного старца. А уже в 1886 году и сами благочестивые жители Белёва, а также и многие другие почитатели преподобного Макария ходатайствовали перед Святейшим синодом посредством архиепископа Никандра о прославлении преподобного старца.

2 января 1888 года был издан Указ Св. Синода о восстановлении чествования Макария Жабынского, Белёвского Чудотворца, а затем, в феврале того же года, новым указом Св. Синода было возвращено пустыни наименование «Макарьевская».

17 октября 1889 года, при настоятеле Игнатии, совершилась торжественная закладка собора Макария Жабынского на месте старой Никольской церкви, где с 1816 года покоились мощи св. старца до их чудесного обретения.

Храм строился почти шесть лет, уже 28 сентября 1895 года он был торжественно освящён.

Обитель привлекала внимание многих и многих людей. И редкий из этого множества не возвращался сюда ещё и ещё раз, чтобы на своём состоянии души ощутить осиянность святостью этого уникального уголка поокского края, чтобы почувствовать свою слияньность с окружающим благодатным миром.

Притягательная сила обители манила сюда талантливого писателя, тонкого психолога, знатока природы в её сокровенных проявлениях в человеческом быту – Михаила Михайловича Пришвина. В 1911 и 1912 годах он останавливался здесь на несколько недель. Кстати заметить, что его мать, урождённая Игнатова, купеческого рода, является уроженкой города Белёва. Особый интерес для Пришвина представляли наблюдения за богохульцами, беседы с ними. Всё увиденное здесь и в окрестностях было перенесено им на страницы дневников, вошло штрихами в произведения. (см. «Пришвин и современность», Москва, 1978 год, стр. 273–281)

Посещал Жабынь и писатель, автор замечательных сатирических рассказов и романа «Русь» – Пантелеймон Сергеевич Романов. Тихая Ока, шум сосен и прекрасного бора, журчание Жабынца и обращённые в себя задумчивые лица обитателей помогали писателю сосредоточиться на главном, обрести покой и подлинную волю для мыслей.

Новый режим, установившийся после октября 1917 года, нанёс пустыни едва ли когда поправимый урон. Прежде всего в марте 1919 года она была напрочь закрыта. На этом гонения не прекратились. Тульская губернская комиссия, посягнув на святая святых теперь уже «свободных граждан Советской Республики», на свободу вероисповедания, произвела вскрытие мощей преподобного Макария – ничего не обнаружила,

и некий М. Горев (псевдоним) с пристрастием вероотступника «живописал» потом в статье «Под спудом» в небезызвестном в ту злую пору издании — «Революция и церковь». (1919 г., № 3—5, стр. 32)

Таковые апологеты атеизма ловко умели обставлять свои дела, превращать святые пустыни в пустыни. Любопытен документ 1949 года. Местному председателю исполкома райсовета депутатов трудящихся некий Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Тульской области 19 мая 1949 года предписал: «Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР своим постановлением от 9 мая 1949 года (протокол № 16) не возражает против переоборудования здания церкви в с. Жабынь под школу, о чём ставит Вас в известность.»

То есть ни слова о Свято-Введенской пустыни, дабы была выброшена из памяти навсегда.

Возвращаясь мысленно к сказанному нами выше о том, что внутренний взор Человека обращён к горнему, заглянем в «Книгу пророка Исаии»: «И сказал Он: пойди, и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите.

Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их».

Видимо, всё-таки пробил час, когда высшие силы снизошли до нас, пустынь восстанавливается, но ещё долго-предолго предстоит белевичам подвигаться неуготованными стезями к достижению совершенного в слепоте сердца, чтобы прозреть окончательно. Но нет и не будет легких путей. Ибо даже записные ортодоксы атеизма минувших дней уверяют ныне: до тех пор, пока не будут нами восстановлены все белевские святыни — нам нечего ждать лучших времён! Значит, не на кого уповать, кроме как на самих себя. Ибо прав поэт, сказавший:

«Душа обязана трудиться
И день и ночь,
И день и ночь».

ИЗ СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ ЦЕРКВЕЙ БЕЛЕВСКОГО УЕЗДА ОТ НАЧАЛА БЕЛЕВСКОГО КНЯЖЕСТВА

М. Ф. Бурцев: «...О числе церквей в г. Белеве до XVII века мы не имеем точных сведений; но из разных актов, бывших у нас под руками при составлении историко-статистического описания теперешних церквей города Белева, мы несомненно видим, что в XVII столетии в г. Белеве было 34 самостоятельных церкви и почти столько же придельных, которые существовали то отдельно одна от другой, то соединяясь одна с другою, смотря по обстоятельствам, вследствии того, что церкви в ту пору «со всяким строением, и с книгами, и с колоколами, и с ругою, и с царским жалованьем, и с землею, и с разными оброчными статьями» могли переходить от одних священников к другим.

Одне из этих церквей были «надельные», т.е. наделенные землею от лет древних, а другия «ружные», иные же содержались исключительно на усердные приношения прихожан...»

(«О единоверии и единоверческой церкви в г. Белеве»
Из «Тульск. епарх. ведомостей» № 11—15, 1902 г.)

Следует отметить, что г. Белев постигли три страшных пожара, вследствие которых выгорал город дотла, в том числе и церкви: 1719 г., 1759 г., 1801 г.

Спасо-Преображенский монастырь, 3-го класса, основан удельными князьями Белевскими; место, на котором он построен, в актах XVI и XVII ст. обыкновенно указывается — «на посаде, на старом городище». Но кто был строителем из белевских князей, а равно когда был основан монастырь, неизвестно.

До конца XVII столетия монастырь существовал деревянным зданием, но в 1681 г. монастырские церкви сгорели, и с этого года монастырь начинает обстраиваться каменными зданиями.

В 1686 году была выстроена и освящена Спасо-Преображенская церковь; в 1695 году возобновлены св. ворота, и на них устроена церковь св. Алексея, митрополита московского.

В 1698 – 1700 гг. построена Введенская церковь, и в 1706–1712 годах выстроена церковь во имя Иоанна Предтечи.

В 1719 году пожаром был истреблен весь город Белев, вместе с ним сгорел и монастырь. После пожара церкви были возобновлены в том же числе и с теми же наименованиями.

1864 год – заново построена трапеза при Введенской церкви, на сумму 9 000 рублей, завещанную белевским купцом Ив. Макаровым, и на пожертвования других благотворителей.

К монастырю приписана Николо-часовенская церковь, в которой находится чтимая всем городом и окрестными жителями икона св. и чудотворца Николая. Церковь эта построена в 1869 году вместо бывшей там Никольской часовни.

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В БЕЛЕВЕ

Третеклассный, построен на предместье города (то есть, по-древнему, «на посаде»), на месте, называемом в актах XVII в. «старым городищем» и «старым острогом».

Основание монастыря относится к первой четверти XVII века.

По челобитью некоей старицы Марфы Палициной (может быть, родственницы известного келаря Троицкой Лавры Авраамия Палицына) Михаил Феодорович дозволил ей около 1625 года построить в Белеве, на посаде, девичий монастырь, с церковью во имя Воздвижения Креста Господня.

При монастыре два храма: соборный во имя Воздвижения Креста Господня и домовая церковь во имя преп. Макария Египетского. Нынешний соборный храм уже третий со времени основания обители. Первоначальный, самый древнейший храм, был деревянный. Об этом храме не сохранилось почти никаких сведений. На месте этого деревянного храма около 1712–1713 г. построен был каменный в то же наименование, с приделами во имя Тихвинской Божией Матери и Феодора Стратилата. Этот последний придел после 1764 г. был переименован в честь Свят. Чудотворца Николая, а в конце XIX столетия, по ветхости, был совсем упразднен. На месте его в 1830 г. иждивением белевского

купца Андрея Михайловича Фролова устроен придел во имя Андрея Христа ради Юрдивого.

В 1845 г. усердием вдовы поручика В. А. Сомовой устроен придел во имя Свят. Николая Чудотворца. Соборный храм затем построен был в 1866—1869 гг. на средства благотворителей.

Храм каменный, двухэтажный, в нижнем этаже два придела: по правую — во имя Троеручицы Божией Матери, по левую — во имя Свят. и Чудотворца Николая.

Во втором этаже придельный правый во имя Тихвинской Божией Матери, левый — во имя Андрея Юрдивого. Храм освящен 13 сентября 1869 года.

Монастырю принадлежат две часовни: Никольская и Боголюбская. Первая построена каменным зданием, вместо деревянной, в 1707 г. на месте, подаренном монастырю посадским человеком Авдеем Андреевичем Басовым. В 1881—1882 г. часовня эта заново ремонтирована, причем в ней устроен двухъярусный иконостас.

Боголюбская часовня на Хлебной площади построена в 1839 году. Из икон этой часовни особенным чествованием пользуется икона Боголюбской Божией Матери.

БОГОРОДИЦЕРОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Её приход принадлежит к одному из древнейших приходов г. Белева, так как приходская церковь во имя Рождества Богородицы по превоначальному своему возникновению одна из пяти древнейших церквей г. Белева, и предание справедливо называет её самой древней.

Из писцовых книг 1614 года и других письменных актов XVII столетия видно, что Богородицерождественская церковь с приделом св. князей Бориса и Глеба существовала задолго до 1614 года и ранее этого года сожжена была литовскими людьми.

Из тех же памятников видно, что около этой церкви существовали в XVIII ст. церкви во имя Стефана Исповедника, с приделом великомученицы Екатерины и церковь во имя преподобного Сергия. История этих двух позднее сливается с историей Богородицерождественской церкви.

Сожженная литовцами церковь Рождества Богородицы была восстановлена около 1630 года игуменом Спасо-Преображенского монастыря Геласием, с бывшим в ней приделом во имя Бориса и Глеба, и была холодной.

Три церкви существовали, по предположению М. Ф. Бурцева, до большого пожара 1719 года. Он полагает, что это можно подтвердить

следующим свидетельством: «... в том же 1719 году усердием прихожан была заложена церковь Рождества Пресвятая Богородицы с приделом преп. Сергия Радонежского, но уже не деревянным, а каменным зданием. Это была первая каменная церковь в Белеве.

Около 1810 года в трапезе её устроен другой придел во имя Чудотворца Николая.

Колокольня её была заново устроена в 1876 году, а в 1888 году на средства церковного старосты Н. В. Киселева в трапезе устроены новые иконостасы.

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ

Приход церкви на северо-западной окраине города Белева изначально, ныне — на одной из центральных улиц, рабочей, в районе железнодорожного вокзала.

Из писцовых книг XVII в. (1630 г.) видно, что церковь эта существовала уже в 1543 году и наделена была землей белевским князем Василием Васильевичем. В 1630 году она была ружною, стояла на посаде близ Спасо-Преображенского монастыря.

До 1782 года церковь была деревянной. С приделом преп. Сергия Радонежского.

В 1782 году вместо деревянной церкви начата постройка каменной — с тем же наименованием, с теплым приделом во имя Рождества Христова.

Окончательно устроена была и освящена в 1785 году 10 июня (по старому стилю).

То есть новая церковь была построена не на месте прежней, не на посаде, а на кладбище. Церковь построена усердием городового магистрата — бургомистром Яковом Орловым.

Позднее в этой церкви устроен придел во имя иконы Казанской Божией Матери. (О нем упоминается в деле Тульской консистории за № 22 1801 г.) Однако позднее был утрачен, по какой причине — неизвестно. Но существовала догадка, что он уничтожен из-за сырости. Об этом можно судить по донесению присутствующего духовного белевского правления Тульской консистории священника Ивана Григорьева о состоянии церквей города Белева за первую половину 1800 года. В этом донесении сказано, что «в приделе Казанской Божией Матери антиминс от сырости заплесневел и полинял».

Дальнейшая история храма состояла в различных поновлениях его внутри и снаружи. Наиболее крупная переделка в храме произведена в 1860 году: трапезная церковь, как маловместительная, была заменена

новой просторной, причем вновь устроен был в ней придел во имя Усекновения головы Иоанна Предтечи.

Вся эта постройка произведена, по завещанию купца Ивана Алексеевича Макарова, его женой Анастасией Михайловной Макаровой.

В 1873 году холодный храм, а в 1881 году и теплый — украшены настенной живописью.

Особенно чтимая икона в то время — образ Божией Матери «Не рыйдай Мене Мати».

СОБОРНЫЕ ЦЕРКВИ

1. Успенская.

Как церковь соборная и стоявшая внутри крепости (или внутри города древнего, что одно и то же в описании Белева) она, по всей вероятности, построена не позднее самой крепости на этом месте (то есть там, где теперь временно остается контора райбольницы и прилежащего сада!!!) первым белевским князем Василием Романовичем около 1468 года.

Однако оставалась ли она соборной после уничтожения крепости или же собор был переведен в Спасо-Преображенский монастырь, сведений не имеется и теперь, как не было их и ко времени составления истории белевских церквей.

Но вот что существенно: в 1776 году была начата постройка новой каменной церкви, причем — при существовании прежней. К постройке новой приступил тогда на свои средства орловский помещик Спиридон Тимофеевич Мацнев, но со смертью его, по недостатку средств, постройка прекратилась на целые 27 лет, и едва не была она разобрана по предписанию консистории.

После несущественных проволочек к окончанию строительства приступили в 1803 году, а в 1804 году строительство было завершено.

В 1832 году была выстроена колокольня.

* * *

В 1880 году Афанасие-Кирилловская церковь назначена соборной вместо Спасо-Преображенского храма того же названия монастыря.

Афанасие-Кирилловская соборная церковь

Самые ранние сведения относятся по существу этой церкви к 1621 году. Была деревянной. В 1757 году сгорела. В 1757—1761 годах была построена каменная «...общим приходских людей коштом...»

Для совершения богослужения прежде был устроен в трапезной

части храма придел, с правой стороны, во имя великомученика Георгия, почему эта церковь и получила название Георгиевской.

В 1880 году назначена соборной вместо храма Спасо-Преображенского монастыря.

Здесь состоялось отпевание в бозе почившей государыни — императрицы Елизаветы Алексеевны. В церкви до окончания её века, находились в память об усопшей — балдахин, висевший над гробом её величества, хоругвь из пунцового бархата, присланная от Императорского двора в 1827 году.

После открытия церкви в дни боев под Белевом, предположительно — в 1943 году, соборной назначена Богородицерождественская церковь.

Всего церквей до событий 1918—1925 гг. было в Белеве:

1. Афанасие-Кирилловская соборная церковь;
2. Богородицерождественская;
3. Владимирская;
4. Вознесенская (единоверческая);
5. Воскресенская;
6. Елисаветинская, что во Вдовьем доме (бесприходная);
7. Мироносицкая;
8. Никольская, что в Казачьей слободе;
9. Никольская на посаде;
10. Петропавловская;
11. Покровская;
12. Сретенская;
13. Троицкая;
14. Успенская.

ВОСХОЖДЕНИЕ

«А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать, дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к Жизни Вечной Иисусом Христом, Господом нашим».

(Послание к римлянам; 5; 20)

Человеку, как существу смертному, свойственно устремлять свои помыслы и духовные взоры, внутреннее зрение свое — в поднебесье, а мечтой воспарять к горнему, к вершинам высшего Разума. Наши предки вятичи, составляя самую восточную ветвь славян, вошли в летописи как народ своеенравный и непокорный, предпочитающий смерть на воле — не-сво-бо-де, но пребывающий якобы в нечистоте. Надо понимать — в безнадежном язычестве.

В связи с этим автор «Повести временных лет» и вообще не оставляет стоящим «наособь» никаких надежд на духовное прозрение и обретение своего светлого места под солнцем православия.

Вот почему, как видится, отводя значительное пространство для описания такой роковой напасти, каковым стал раскол церковный, нам не обойтись без некоего экскурса в прошлое.

Вроде бы неискоренимые язычники, вятичи, все же приняли христианство, но путь к единому Богу был долг. Исходя из сведений «Повести временных лет», Н. М. Карамзин делает любопытное обоснование движения самого дикого сердца к Вере. Он полагает, что «общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в

мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве.

Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются мыслью о силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, не отвратимых никакою мудростию человеческою,— хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами».

Прабогом славян был бог вселенной — Сварог. По истечении времени Сварог разделился как бы на равнозначных — Дажбога, то есть бога солнца, Перуна — бога молнии, на бога ветров Стрибога и так далее.

Но вот что примечательно для славян, и в том числе вятичей: вопреки мнению об их бесперспективной дикости, к их достоинству надо бы отнести прозрение — о Едином Боге. Единственном и вышнем! Исследователи истории религии славян полагают, что таковым Всеизшим богом был Белый Бог. И не менее примечательно то, что они не возводили ему храмов. Почему? Потому что полагали, что смертные люди недостойны вступать с ним, недосягаемым, в какие-либо отношения, тем более житейские, так как для этого существуют другие боги, как бы второстепенные, призванные общаться с людьми, помогать им.

Не в силу ли этого обстоятельства славяне приписывали названию «бел» особенную святость, и потому на карте России и ныне встречаем немало рек, гор, возвышеностей и даже уроцищ, тем более селений, городов, а также — что особенно важно! — родников с названием, корень которого непременно — «бел». То есть это река Белая, город Белев, город Белгород и т. д.

«Еще в VI веке греки,— пишет автор летописи Нестор,— говорят о них: «Единого Бога признают они Владыкой всего мира... Верили они и в бессмертие души и в загробную жизнь. Все это делало их предрасположенными к христианству. Несколько раз проникало оно и в Русскую землю».

Нестор с присущей ему лаконичностью повествует об этапах крещения Руси. Каков же первый, по его, так сказать, розмыслу? Он связывает его с 860 годом. Тогда русские напали на Константинополь с моря.

И чем же оборонились греки? Они погрузили в море ризу Пресвятой Богородицы. Море взволновалось, и корабли русов были разметаны. Русы отступили, а уж затем, находясь под впечатлением чудодействия ризы Пресвятой Богородицы, прислали в Константинополь посольство, чтобы просить крещения.

На этом дело не кончилось, ибо чары чудес прельщали русов. В том же 860 году св. Кирилл, Просветитель славян, крестил в южно-русских степях 200 семейств. Оказывается, это было не насаждение веры, а

обоюдное согласие; св. Кирилл нашел в среде этого степного поселения предрасположенных к крещению всем строем жизни, состоянием души; к тому же он обнаружил у них Евангелие и Псалтырь своего же перевода. Более того, для обращенных был послан митрополит Михаил, и тогда князь русичей собрал народ, призвал его принять крещение.

Третье крещение относит автор летописи ко временам правления Ольги в Киеве. Характерно, как излагает суть дела Нестор, в Киеве на тот момент было уже немало христиан. Причем уже действовала церковь и называлась она церковью святого пророка Илии.

Пока христианизация западных областей Руси шла своими стезями, на востоке, в пределах вятичей, широкую известность приобрел неустанный своей деятельностью киевопечерский инок Кукша. Миссионерская деятельность его была достаточно кипучей. И настолько, что вызвала, мягко говоря, неприятие у старейшин родов и, видимо, жрецов язычества. Таким образом, Кукша навлек на себя гнев толпы, предводительствуемой ярыми язычниками,— и все разрешилось мученической смертью священномонахиня. Случилось это в 1215 году.

Однако никаким, даже самым яростным силам, не повернуть колесо истории вспять. Что ж, нередко и терпение христиан обращалось в свою противоположность. Так случилось, как пишет Карамзин, на территории Германии. «Немецкие завоеватели, покорив вендов в Германии, долго терпели их суеверие; но озлобленные, наконец, упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самих жрецов истребили, что случилось уже гораздо раньше или позже того времени, как Владимир просветил Россию учением христианским».

Но вот, в конце XI века вятичи были покорены черниговскими князьями, а уже в первой четверти XII века христианство здесь было упрочено.

Впоследствии Белев и в целом белевский край сполна претерпел все то, что выпало на долю Верховским княжествам, что досталось испить полной мерой собственно лишь Белеву. А претерпев, народ его взрастал численно и духовно, укрепляя свои позиции по всем направлениям общественной и внутригосударственной жизни. И всегда народ этого края отличался благочестием. Не случайно же в определенные времена было намерение утвердить здесь Белевскую епархию... Однако все по порядку!

Да, благочестие в Белеве, начиная с XVI века, процветало и давало весомые плоды. Как пишет о том протоиерей Воскресенской церкви Михаил Федорович Бурцев, собравший историю церквей, приходов Белевского уезда, в XVII столетии в городе действовало 34 самостоятельных церкви и почти столько же придельных. И все же раскол грянул

и потряс белевский край до основания. Да так, что и сам он стал своеобразным центром раскола.

Не станем затрагивать глобальные причины общероссийского церковного раскола, ибо это тема особого толка и иного разговора по существу. Коснемся граней происходящего в то время внутри епархии.

Суть в том, что Белев искони относился к Крутицкой епархии. В свою очередь святители ее, называвшиеся епископами, а впоследствии митрополитами Сарскими и Подонскими, проживали в столице государства, «на Крутицах». А это означало, естественно, что они были во времена патриаршества самыми активными помощниками первосвятителя. И всех это устраивало, но... до определенного времени, иначе говоря,— до Никона.

Вот как раз патриарху Никону, который всемерно стремился расширить границы своей патриаршей области, стало не по нраву пребывание в Москве митрополита Сарского и Подонского. И тогда он потребовал, но в форме предложения, от новопоставленного митрополита Крутицкой епархии Питирима «показать послушание и отойти в приличившуюся ему святейшую митрополию», а именно — на Дон.

Увы! — Питирим, не менее крутого нрава оказавшийся, не исполнил слово патриарха. И что же? Никон в 1657 году предложил патриаршему собору открыть новую епархию, Белгородскую, и вот туда-то и перевести непокорного Питирима.

Как и предполагали провидцы и знатоки подобных интриг, Никон не достиг своей цели. Более того, в 1658 году Никон, оказавшийся в Воскресенском монастыре после удаления из Москвы, был вынужден благословить Питирима как местоблюстителя патриаршего престола. Так и создалась обстановка для начавшейся смуты в церковных рядах, подогреваемая никоновскими нововведениями в изрядно закосневший мир. Столкнулись два крайних, прямо противоположных полюса. Когда интрига была замешана на личных интересах противоборствующих сторон, причем руководимых крупными фигурами, выпуклыми Личностями, людьми неуступчивыми... И крамола расплзлась по некогда Святой Руси. Брошены были семена крамолы и в паству поокского края.

А иначе и не должно было быть. Немало, ой как немало собралось вокруг Питирима его сторонников, приверженцев старопечатных книг, и «возжги» огонь бунта они. Причем ситуация в силу ряда причин сложилась таким образом, что пожар был неминуем, нуждалась только лишь в искре малой. Когда же пламя недовольства реформами Никона полыхнуло повсеместно, его противники не замедлили вбросить и такой «подогрев» страостей и страстишек, как мысль о том, что якобы восточные патриархи, живя под игом турок, обасурманились, а стало быть, есть ли и далее смысл прислушиваться к их голосу?

Сознавали ли в полной и исчерпывающей мере противостоящие стороны разыгравшейся драмы, сколь пагубно отразится происходящее на позиции церкви, на состоянии души пасомых, на настроении граждан, составляющих великую и неделимую? Пойдут ли, однажды прозрев, на обоюдные уступки во благо Отечества? Православия? Увы, не свершилось! Не произошло! И тогда-то сам царь Федор Алексеевич предложил патриарху Иоакиму открыть во имя укрепления позиций патриархии 20 новых епархий. Благо, что таковое решение было принято согласно определению благословенных московских соборов, имевших место быть в 1589, 1657 и 1667 годах.

Что для вас, белевичей, и в целом жителей Тульчины, примечательного в этом предложении царя, основанном на определении Московских соборов? А как раз и то, что в списке городов по открытию епархий значился древний Белев.

Наверное, Белев с его обширнейшей паствой, благолепием церквей, в том числе великолепием сельских храмов, осиянных святостью Жабынской Макариевской пустыни, Спасо-Преображенского монастыря, был достоин принятия такового решения. Однако дело, как нередко на Руси, затормозилось, и далеко не по объективным причинам, а скорее всего, по субъективным. Чего уж греха таить, немало проволочек чинится в России по сиюминутному настроению или же, что хуже того, неустройению одного, но обличенного безмерной властью лица. Как говорят о том некоторые источники, царский проект «не показался» именно патриарху.

Крайне болезненно воспринял царь таковую проволочку. По природе своего характера добный и смиренный, вплоть до уступчивости в малом и большом, но крайне озабоченный делами в государстве, среди подданных, с о в е с т л и в ы й без меры, Федор Алексеевич предложил компромиссное решение: уж не 20, а всего лишь 10 новых епархий попытаться учредить. И вот что значимо: среди поименованных на учреждение, опять-таки, значился город Белев.

Но и этот проект не был доведен до логического конца, ибо со смертью царя Федора Алексеевича хлопоты по существу непростой затеи прекратились. Разумеется, благая мысль об учреждении епархий тревожила умы, но энергии ее воплощения не было, и даже у самого патриарха. Патриарх Иоаким вознамерился было реализовать задуманное бывшим царем — открыть кафедру епископскую в Белеве, но и его постигла смерть в 1690 году. И все замысленное во благо оставлено было втуне...

А тем временем церковная смута вышла из берегов прилиния, обнаружив зияющие пустоты несовершенной деятельности епархии в отдаленных от Москвы уголках. Причем от элементарно бытового до священодействия и проповедования Слова Божия.

Что обнаружилось в Белеве? На этот счет есть любопытнейшее исследование вышеупомянутого протоиерея М. Ф. Бурцева, с болью в душе воспринявшего происходящее вокруг него на рубеже века.

«По обстоятельствам он — то есть Белев — не сделался тогда епархиальным городом, и раскол утвердился в нем так, что в скором времени и самое число церквей в нем сократилось до 15, и он сам сделался центром раскола, гнездом, откуда в течение 150 лет выходили раскольнические попы, уставщики, начетчики, старцы и старицы; келейные учительницы и другие лица, имевшие влияние на раскольников разных сект, совершившие у них богослужение и занимавшиеся обучением раскольнических детей грамоте,— и куда стекались с разных концов Калужской (теперь) и Тульской губерний юноши и девы учиться старой вере и старой грамоте.

Ведя с самых времен Петра I большую торговлю с Петербургским портом, Белев представлял для раскольников удобное убежище, в коем можно было укрыться от преследований правительства пришлому раскольническому люду, живя в нем в качестве приказчиков, конторщиков, трепальщиков пеньки или сортировщиков ее, прядильщиков канатов, бондарей и огородников, и не принадлежа ни к какому приходу в городе не только тогда, когда они были одиноки, но и в том случае, если жили в городе целыми семьями на квартирах, или целыми десятками в келиях у богатых купцов.

С другой стороны, и для коренных жителей Белева, приверженных к расколу, город был благодежным убежищем, потому что мужчины-торговцы и купцы постоянно по делам торговым разъезжали по разным городам и губерниям, легко могли входить в сношения с другими раскольниками в разных местах и посещать раскольнические «скиты» и «молельни», особенно с тех пор, как среди граждан Белева развилось маркитантство, давшее возможность свободно ездить и по России, и по Польше, и по Кавказу, и даже за границу — в Молдавию, Валахию и Австрию.

Таковые раскольники обыкновенно носили личину благочестия, числились прихожанами городских церквей, изредка посещали церкви, жертвовали на украшение церквей и даже состояли церковными старостами, принимали к себе приходское духовенство во время его хождений по приходу, хотя сами во время пения не показывались, чтобы не прикладываться к кресту (четвероконечному, если священник ходит с таковым), венчались в православных церквях, а потом в «кельях» и «молельнях» ночью «перевенчивались», крестили и детей своих, а потом «перекрещивали» и «перемазывали» их, когда к ним приезжали «белые попы» или «старцы»,— но на исповеди и у св. Причащения никогда у приходских священников не бывали, даже и перед смертью, и в душе своей оставались заклятыми раскольниками.

Духовенство приходское это знало, но было в рабстве и загоне у богачей таком, какое едва ли еще можно было где встретить (даже до шестидесятых годов текущего столетия, так что и мы еще по поступлении своем в Белев застали его в самом жалком, рабском положении), поневоле молчало, гнулось и нередко творило волю богачей, отступая от православных обрядов, например, совершало при венчании и крещении хождение по-с о л о н ь , двоило аллилую, крестилось двуеперстно и службы для таких прихожан отправляло по старопечатным книгам, а самые браки совершались ночью часов в 10, 11 и даже без свидетелей, иногда при завешанных окнах и запертых дверях...»

С позиций нынешнего дня довольно непросто судить о церковном расколе прошлого; впрочем, мы и не ставим в данном очерке таковой цели — моралистически исследовать и в конечном счете вынести свой приговор. Нет! Но чтобы вникнуть в суть происходившего, не мешало бы, в нашем положении, уточнить степень нравственно-этического урона, понесенного обществом от разразившейся смуты, и насколько поколеблены устои самого уклада: бытийно-семейного, гражданского в целом, вплоть до затрагивания государственных ценностей. Ничего не поделаешь,— ибо таковы масштабы постигшего Россию бедствия.

А урон очевиден, ибо жизнь Белева в ту пору явно сошла с привычной (э, да чего уж там, привычной,— нет! — с конструктивной) оси всего гражданственного устроения общества. Были потрясены устои государства.

Тот же наш исследователь с присущей его стилю колоритностью пишет следующее: «Все эти раскольники, даже до последней четверти текущего столетия не иначе относились к православным священникам, как с самою глубокою ненавистью и презрением. Мы еще по поступлении своем в Белев застали таковое отношение их к священникам.

Бывало, идешь по улице, встречаешься поморец или боровец, сразу узнаешь в нем заклятого врага Церкви Христовой по раздоеной бороде и глазам, от ярости налившимся кровию; едва поровняешься с ним, как он плонет пред тобою; едва минуешь его, как он еще плонет тебе в зад...»

...По нашему мнению, совершенно справедливо Кавелин в своей «Истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии» замечает, что «главная причина распространения раскола в крутицкой епархии заключалась в том, что край этот, по непонятной неосторожности и забвению, слишком долгое время оставляем был вне ближайшего церковного правительственного надзора.

Действительно, край этот был совсем забыт и заброшен крутицкими владыками: ни в одном акте XVI и XVIII столетий — ни в делах консistorского архива, бывших у нас под руками, ни в многочисленных

делах и бумагах Белевского Спасо-Преображенского архива, рассмотренного нами из страницы в страницу в 1886 году по поручению Тульской д. Консистории, когда ведено было дело о восстановлении чествования памяти преп. Макария Жабынского Белевского чудотворца,— мы не встретили ни малейшего указания на то, чтобы в XVII и XVIII столетиях хотя один владыка Крутицкий или впоследствии Коломенский посетил когда-либо г.Белев или вообще Белевский край.

Во всяком случае, это не могло не иметь своего вредного влияния на дело борьбы местного духовенства с расколом: это, можно сказать, отрывало руки у духовенства, получавшего от своих владык одни только указы и приказы, выговоры да наказания, но не видевшего в них ни живого примера благотворного действия на раскольников, ни поддержки себе в борьбе с ними. И для самой паствы какое это было лишение?..

...В Спасо-Преображенском монастыре стояла кафедра Крутицких митрополитов, но едва ли хотя один из них когда-либо восседал на ней во все время существования Крутицкой митрополии...

Не то совсем видим мы в XIX столетии: вместе с открытием епархии в г.Туле 16 октября 1799 года и назначением г. Белева быть вторым кафедральным городом тульских владык, благодать Божия явно осенила г. Белев и белевскую паству, и в скором времени в судьбе церкви белевской свершился неожиданный переворот... и раскол сам собою, без всяких крутых мер, пал....»

И все же рассказ наш о перипетиях кафедрального города был бы неполным без дополнений по существу становления Тульской епархии. Итак, возвращаясь ко времени несостоявшегося учреждения Белевской епархии, остановим внимание на 1777 году. Он примечателен для нас тем, что было открыто Тульское наместничество. Этим определился состав Тульской губернии. И опять остро встал вопрос об открытии для Тульской губернии особой архиерейской кафедры.

В 1788 году именным указом Екатерины Великой,енным Св. Синоду 6 мая, велено было: «...для приведения разделения епархий по возможности в сообразность с настоящим разделением губерний:

1) Крутицкой епархии не быть и Калужскую губернию присоединить к епархии Московской;

2) Покуда можно будет за окончанием войны учредить архиерейский дом к Туле, наместничество Тульское причислить к епархии Коломенской, именуя епископа ея Коломенским и Тульским».

В наши дни человека, листающего страницы истории епархии, естественно привлекает последовательность и преемственность в решении организационных вопросов. Дело в том, что мысль императрицы Екатерины II об учреждении в Туле для Тульской губернии особой епископской кафедры была приведена в исполнение императором Павлом.

Император Павел внес и соответствующие духу времени коррективы. В частности, именным указом от 31 июля 1799 года он повелел Св. Синоду «вообще по всем епархиям распорядить ведомство каждой сообразно пределам губерний, и самыя названия епархий, для большего единства, переменить по названию тех губерний, в которых кафедры их состоят. (Подчеркнуто мною.— В. Грек.).

Любопытные сведения находим в «...извлечении из церковно-приходских летописей» («Приходы и церкви Тульской епархии»), которое было издано в Туле в 1895 году. Автор этого внушительного труда — П. И. Малицкий. Он пишет следующее:

«В 1799 году Коломенская епархия, просуществовавшая более 450 лет, была закрыта, а в замен ея в том же году открыта была Тульская епархия, и город Тула сделался кафедральным городом епископов новой епархии.

Границы новой епархии определились теперь пределами Тульской губернии, так переименованной из Тульского наместничества в 1797 году».

И как замечательно то, что начало преемственности архиепископий тульских положил преосвященный Мефодий. Современники свидетельствуют, что это был человек в высшей степени строгих правил, деятельный и взыскательный — к себе и другим.

Выделяют современники одну черту, которая характеризует его облик в свете наших прагматичных дней. «При поставлении пастырей, он обращал внимание на поведение ставленника, даже иногда предпочтительно пред образованием. Зная по опыту, как иногда вредно для блага церкви участие влиятельных, но чуждых истинным интересам ее лиц в избрании священников, он старался уничтожить так называемые заручные одобрения, с которыми студенты являлись к преосвященному для получения мест,— большую частью он отказывал таковым... А чтоб избежать повода к личным просьбам и ходатайствам, преосвященный старался уклоняться знакомства со светскими людьми, особенно помещиками, и даже когда обозревал епархию, то, без особой нужды, не входил в дома их, и для ночлега нередко останавливался в поле под открытым небом, согласно правилам духовного регламента о посещении епископами своих епархий. Такова была заботливость преосвященного Мефодия о справедливости».

Биографы преосвященного Мефодия выделяют яркие и запоминающиеся черты характера и образа жизни его. «Он со всеми, как с равными, так и с подчиненными говорил, что чувствовал, то и на словах изъяснял».

Любя правду, он, не обинуясь, высказывал ее всем в глаза, и со стороны других терпеть не мог лжи и обмана, даже был особенно предусмотрителен против обмана. При таком настроении он, естествен-

но, не любил человекоугодничества и так называемое применение к людям и ко времени считал недостойным, называл не иначе, как «мотовством души, лукавством и лицемерием».

Разумеется, за свою прямоту и принципиальность в поисках истины, он много претерпел, но, полагаю, и для нашего времени остаются знакомыми его умозаключения на этот счет. Вот как он говорил по этому поводу: «А между тем люди, идущие прямым путем закона, сколько терпят клеветы, лживых нареканий и злохуления! — Говори ты истину, да истину нужную и важную? — скажут: это очень мудрено, это не по нашему веку! — Держись ты порядка и устава? — возопиют: он не умеет жить в свете, он ханжа! — Запрещай ты своевольства и худые обвинения? — закричат: ах, как он это строго! — Наблюдай ты закон правосудия? — пустят об тебе клевету, что ты не милосерд, упрям и своенравен».

Почти два века тому назад сказано пастырем епархии, а как непринужденно проецируются слова его на современность.

Прелюбопытны наставления и поучения преосвященного Мефодия, особенно касающиеся образования. Вот уж поистине просветитель искрою божией. «Отцы, матери и братия! Не пренебрегайте образованием детей своих и мальчиков и девочек. Правительство призывает освобожденный народ к образованию, чтобы не оставались без дела его свежие, крепкие и почти не тронутые силы, но употреблялись бы с пользою для свободной деятельности; а святая церковь печется о том, чтобы православный народ, в продолжение тысячелетия свято сохранивший веру предков, и теперь положил в основание ту же веру, ту святую надежду и ту крепкую любовь к Богу и ближним, которая все гражданские сословия соединяет в один боголюбезный, сильный и крепкий народ, и чтобы потом каждый член огромной русской семьи жил довольно и счастливо,— славя Бога и Великого Государя».

Спрашивается, так где же тут, в этом наставлении, хотя бы штрих мракобесия, о котором твердят порой атеисты-самоучки, прочие дилетанты?

Первый епископ Тульский и Белевский преосвященный Мефодий любил повторять, что необходимо жить и действовать по закону, а при такой деятельности нельзя не терпеть; нельзя жить добродетельно и не терпеть напастей. Претерпевший до конца спасется. (Тульские епархиальные ведомости». Прибавление: №14, 1862 г.).

ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОТ ЧАСТНОГО, СЕМЕЙНОГО – К ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОМУ

*«...во-первых, училища, во-вторых,
училища, в-третьих – училища!»*

*Из документа о просвещении
в Тульской губернии
за 1896–1897 учебный год.*

Божий ли промысел, немотивированное ли ничем иным упорство, как только традиционной для обывателей Белева страстью преобразовывать к лучшему и прекрасному, но только белевичи были поразительно неутомимы в обустройстве своего города. Воистину, город был их детище от начала его славного века.

Обывателям, в их самозабвенном упорстве преображать, чиновники от правительства, власти губернские то и дело ставили ограничители инициативе снизу, препоны и препятствия, занижая планку на шкале общечеловеческих ценностей. Они же, обыватели, одержимые, исполненные созидательного духа, в ответ всякий раз опять и опять подымали планку все выше, выше, ну хотя бы и еще на одну отметину.

Так было и в делах просвещения в уезде в целом, и в городе в частности, от дней зарождения и постановки образования. То есть от начала обучения детей дворянских в семье – азы домашнего воспитания на лучших образцах XVIII столетия. Так характерно проявилось в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века.

В этой связи прелюбопытно проследить судьбу прогимназии по отчетам Белевского уездного земского собрания.

История ее изложена в докладе председателя уездной земской управы Алексея Федоровича Бортфельда. Он, в частности, уведомляет, что

в отчете от 3 сентября 1868 года директор училищ Тульской губернии вынес свое предложение 29 сентября 1867 года, за № 950, в котором просил Управу высказать свое мнение относительно преобразования Белевского уездного училища. Причем выдвинул альтернативу: или «возвысить учебный курс до уровня прогимназии, или упростить учебные программы до степени двухклассной школы». Но и назревало худшее: «...наконец присоединить к предметам преподавания обучения нужным ремеслам».

И что же в Белеве? Белевский совет училища высказался за безусловное преобразование училища в прогимназию. Однако, кстати, было указано, «что для этого со стороны Земства до 6 тысяч рублей ежегодно».

Это последнее обстоятельство заставило прибегнуть к необходимости расширения границ охвата прогимназией образованием и детей соседних уездов. С этой целью Управа связывалась с Козельским, Болховским, Лихвинским и Одоевским земствами, «предлагая им принять соразмерное участие в содержании прогимназии». Но предложение это не нашло в соседних уездах поддержки.

Тогда Земское собрание заслушало письменное заявление по этому поводу гласного Н. Г. Клинген. Он принимал во внимание то, что пока из-за недостатка средств учреждение в Белеве прогимназии недоступно. К этому надо отнести с пониманием. Но, принимая во внимание то, что город Белев есть на самом деле лучший в Тульской губернии по своему местному положению и по численности жителей, нельзя довольствоваться лишь «...простым училищем». Говорилось в заявлении, что «...город, по крайней мере, нуждается в таком образовательном заведении, в котором дети небогатых родителей могли бы приготовляться к 4 классу гимназии».

Далее гласный Клинген, основываясь на примерах земств Елецкого, Обоянского и Богодуховского уездов, предлагал ходатайствовать о введении в Белевском уездном училище дополнительных курсов латинского, греческого и одного из новейших языков, а также дополнительных курсов алгебры и естественной истории.

Но и это предложение не было принято с удовлетворением, мнения разделились, и восторжествовало одно: «Преобразование уездного училища отложить».

Прошло более шести лет, к этому вопросу возвратились, и было принято постановление, в котором, в частности, говорилось следующее: «...определить, в случае устройства прогимназии, по одной тысяче рублей в пособие казне на содержание заведения».

Но вышла новая заминка. Доклад А. Ф. Бортфельда отдельной строкой уведомляет земство в следующем. «Из переписки Белевского город-

ского Головы с уездною Управою в 1874 г. видно, что попечитель Московского учебного округа князь Мещерский не нашел возможным уступить здание уездного училища под помещение прогимназии и Земству предоставлялось купить или нанять для этого особый дом, с приспособлением его на земские средства.

Требование это, при всей его неожиданности, казалось, однако, настолько удобоисполнимым, что Земское Собрание без особого затруднения решилось пожертвовать своим запасным капиталом, и 15 сентября 1875 года определило: израсходовать на покупку и приспособление дома для прогимназии до пяти тысяч рублей. Дом куплен 4 сентября 1877 года, и в то самое время, когда в конторе нотариуса еще писалась купчая крепость на приобретаемое здание, в нем уже несколько дней производились экзамены вновь поступающим ученикам. Прогимназия фактически была открыта».

Никакие препоны, внутренние и внешние, вплоть до Министерства просвещения, не смогли остановить устремленность белевской общественности открыть и еще одно учебное заведение на самом гребне двадцатого столетия. Речь – о епархиальном женском училище.

Но прежде чем изложить суть дела по порядку, надлежит сделать некоторую оговорку. К началу XX века в Белеве не было ни одного среднего учебного заведения. Епархиальные училища на тот момент пользовались большой популярностью, и не удивительно, в нашем случае, что к тому времени Тульское епархиальное училище было переполнено. К тому же оно было чрезвычайно тесно, а расширение его было невозможно, так как усадебное его местоположение было слишком ограничено для расширения. В конце концов стало ясно, что необходимо открыть второе училище.

На собрании благочинных Тульской епархии 27 января 1899 года преосвященный Питирим епископ Тульский и Белевский, предложил ознаменовать приближающийся столетний юбилей епархии открытием второго женского епархиального училища. По поручению епископа выступил на собрании настоятель Воскресенской церкви города Белева М. Ф. Бурцев с заявлением о возможности устроить второе училище без особых затрат.

Он предлагал открыть его в зданиях Белевского Крестовоздвиженского монастыря. Благочинные охотно пошли навстречу, отметив воспитательное значение местных красот природы. Разработку проекта поручили протоиерею Бурцеву.

Однако как только он приступил к работе, стало ясно, что проект в первоначальном варианте неосуществим, так как монастырь не мог уступить своих зданий, где, собственно, и предполагалось разместить епархиальное училище. В одном из них размещалась двухклассная мо-

настырская школа, а вот другое еще не вполне перешло во владение монастыря.

Таким образом, обнаружились так называемые подводные рифы в предполагаемом свободном якобы плавании по просторам российского просвещения. Отчаялись белевичи? Протоиерей Бурцев отступил и ретировался восьмой? Нет! Михаил Федорович предложил новый проект. Естественно, он настаивал открыть новое учебное заведение непременно в Белеве и находил к тому немало достоинств. Недорогое содержание, относительно расходов в Туле, здоровый климат в городе на Оке. Он предложил открыть училище в зданиях купцов Сорокиных. Этот проект рассматривался вначале на совете Тульского епархиального женского училища, затем на XX Епархиальном съезде. На съезде было принято решение открыть в Белеве училище, для чего «...на покупку дома купцов Сорокиных ассигновать по 1000 рублей из прибылей свечного завода и страховой кассы духовенства».

Но тут преосвященный Питирим признал это решение «очень спешным» и не утвердил его. И начались новые мытарства.

Бурцев обратился за помощью в Белевскую городскую думу, призвав ее помочь духовенству разрешить бесплатно пользоваться водопроводом, чтобы уменьшить денежные расходы на содержание училища. И что же? Вышел очередной казус? Нисколько: Белевская дума тотчас положительно решила поставленный Бурцевым вопрос.

После этого было назначено две комиссии; и вот 12 октября 1899 года был созван XXI епархиальный съезд, где и были оглашены комиссией сложившиеся обстоятельства с учреждением в Белеве училища.

Съезд проходил, однако, под председательством М. Ф. Бурцева, и оппозиция в этой связи активно себя не проявляла. Съезд единогласно постановил: «...усерднейше просить своего Милостивейшего Архипастыря и Отца, Преосвященного Питирима, Епископа Тульского и Белевского, ходатайствовать пред Св. Синодом о скорейшем открытии второго епархиального женского училища в г. Белеве в память 100-летнего существования Тульской епархии, как втором кафедральном городе сей епархии, имеющем Мужское Духовное училище, могущее давать для епархиального училища преподавателей с академическим образованием из среды учащихся в нем, и при том, в таком городе, где и самое устройство нового училища обойдется духовенству в два с половиной раза дешевле, чем в г. Туле, и содержание учащихся будет обходиться дешевле, чем в Туле, а гигиенические условия без всякого сравнения лучше, чем в Туле, а когда будет Св. Синодом уважено это ходатайство, немедленно открыть в новом училище I класс, чтобы для девочек не пропал задаром целый учебный год, и чтобы в будущем учебном году

не было еще большего наплыва желающих поступить в этот класс, чем сколько их было в текущем году».

Преосвященный Питирим в своей резолюции писал: «Утверждается! Благослови, Господи, доброе начало; благослови, Господи, и о.о. депутатов съезда! В Консистории без малейшего промедления изготовить от меня проект представления Святейшему Синоду».

В Св. Синоде дело подвигалось в общем успешно, хотя в конце ноября — начале декабря 1899 г. потребовалась новая командировка в С.-Петербург (где уже был ранее Бурцев по этому же вопросу) — протоиереев Никольского и Боголюбова. Наконец, 14 июня 1900 года Преосвященный Питирим получил от В. К. Саблера телеграмму: «Поздравляю. Святейший Синод благословил открытие второго женского епархиального училища в Белеве».

Тогда же он сообщил об этом прот. Бурцеву, а 29 января назначил и день открытия нового училища: 1 февраля 1900 года.

О многом в плоскости нашего разговора об учебных заведениях в Белеве говорит тот факт, что к этой теме «Тульские епархиальные ведомости» обратились в своих изданиях в 1862 году и поведали яркую событиями историю. Полагаем, что в показе этой необыкновенной истории пристойно было бы перепечатать лаконично изложенный материал полностью и без комментариев.

«БЕЛЕВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ

От основания Белевского духовного училища под именем Русской школы протекло не более ста лет. Но и в этот небольшой промежуток времени история училища представляет уже пять особых периодов, обозначившихся пятью разными наименованиями училища.

В первый период своего существования оно является под именем Белевской русской школы (1761—1767 гг.); второй период — русская школа преобразуется в семинарию, где подобно другим семинариям преподается уже латинский язык (1766—1782 гг.); в третий — Белевская семинария, при незначительных внутренних преобразованиях, продолжает свое существование под именем училища (1783—1788 гг.).

Новейшие преобразования духовных училищ начинают собою четвертый период существования под именем Белевских духовных, уездного и приходского училищ (1815—1852 гг.), и пятый — под настоящим именем Белевского духовного училища с 1852 года до настоящего времени.

БЕЛЕВСКАЯ РУССКАЯ ШКОЛА (1761—1767 гг.)

Белевская русская школа получила свое начало в 1761 году с поступления на управление Крутицкою епархиею, которой принадлежал Белев, архиепископа Амвросия Зертис Каменского. По крайней мере, прежде сего времени не упоминается нигде об ней в бумагах Спасо-Преображенского монастыря, при котором она находилась.

Настоятелем сего монастыря и вместе присутствующим Крутицкой консистории в это время был архимандрит Иустин. Сей достойный муж, как видно, был один из главных сотрудников пресвященного Амвросия по устройству русских школ во всей обширной Крутицкой епархии.

...В первый раз о Белевской русской школе упоминается в приказе арх. Иустина, данном монастырской конторе, в бытность его наличным присутствующим в Крутицкой консистории, следственно, прежде 1762 года.

...Первоначальное помещение Белевской школы было, вероятно, в самом монастыре. На это наводит отчасти выражение приказа архимандрита Иустина, чтобы ребятам не жить при монахах, но на квартирах, и оттуда ходить в русскую школу, т.е. вероятно, монастырь.

Но в 1762 году вследствие предписания Крутицкой духовной консистории по общему приговору Белевских градских и уездных священно-церковнослужителей, были произведены два сбора на устройство школьных покоев.

На собранную таким образом сумму, которой оказалось 288 рубля 65 копеек, построены были внутри г. Белева пять школьных покоев из взятых у монастыря безднежно пяти срубов; четыре покоя были вверху и пятый внизу.

Школа просуществовала до 1767 года. Последовало решение и о продаже школьных покоев для учащихся. Последовало новое реформирование в просвещении духовном.

БЕЛЕВСКАЯ СЕМИНАРИЯ (1776—1782 гг.)

Спустя лет 8 по уничтожению русской школы, появляется при Белевском Спасо-Преображенском монастыре Белевская семинария. Но в каком именно году была учреждена, этого не видно из бумаг монастыря. В указах 1776 года об ней говорится уже как об учрежденной. Указы сии писаны из Крутицкой консистории на имя игумена Белевского монастыря Амвросия.

...Ученников в семинарии было – до 50 человек. В 1781 году управление Крутицкой епархии поручено было преосвященному Амвросию (Подобедову). Белевский игумен Амвросий обращается к сему архиепископу с просьбой о выдаче ему книги для записи прихода и расхода суммы, жертвуемой от доброхотных дателей на содержание обучающихся в Белевской семинарии учеников. К тому времени число учащихся в Белевской семинарии значительно умножилось (150 человек).

Этими сведениями оканчивается период существования Белевского духовного училища при Белевском Спасо-Преображенском монастыре под именем Белевской семинарии.

В следующем за тем 1783 году наименование Белевской семинарии заменяется наименованием Белевского училища, а игумен Амвросий в во всех бумагах именуется смотрителем сего училища.

БЕЛЕВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЕЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ Белевское училище (1783–1788 гг.)

В жизнеописании преосвященного Амвросия (Подобедова), помещенном в «Страннике» (1860 г. за май), сказано, что он, поступив на Крутицкую епархию, прежде всего озабочился устройством Крутицкой семинарии, потом занялся учреждением низших училищ в своей епархии, и открыл их в Боровском и Белевском монастырях. Ближайшим поводом к открытию Белевского училища послужила, как видно, упомянутая просьба Белевского игумена Амвросия о выдаче ему книги для Белевской семинарии. И из просьбы видно, что есть доброхотные датели, усердствующие к делу образования духовного юношества; следовательно, есть и средства к надлежащему устройству училища.

И вот с января 1783 года открывается при Белевском монастыре – Белевское училище, и поручается смотрению Белевского игумена Амвросия. Служившие в бывшей семинарии учителя – Успенский дьячок Степан Васильев и Рождественский священник Петр Матвеев, определяются один за другим в учителя Белевского училища, первый – информатором, второй – в высший класс.

Учителем низшего класса определяется Афанасьевский дьякон Ксенофонт Федоров. Впрочем, поступившие из бывшей семинарии учителя, дьячок Степан Васильев и священник Петр Матвеев, не прослужили и года в училище. Третий же учитель, Кенофонт Федоров, бывший сперва дьяконом, а с 1786 года священником при Афанасиево-Кирилловской церкви, учительствовал во все время существования Белевского училища. На место второго учителя, священника Петра Матвеева, оп-

ределен был уволенный от дел из межевой канцелярии канцелярист Василий Беляев.

В 1785 году учителем высшего грамматического класса назначен был священник Мироносицкой церкви Иоанн Скалковский (бывший впоследствии протоиереем Белевского духовного правления присутствующим и благочинным).

Учителем нотного пения был сперва Белевского Кресто-Воздвиженского монастыря священник Николай Петров; потом на его место определен переведенный из Лютикова Троицкого монастыря в Белевский — дьякон Адриан.

...В 1787 году в высшем классе считалось 46 человек. Обучавшиеся были дети священнослужителей как города Белева с уездом, так и других городов Крутицкой епархии. Все ученики содержались на своем коште.

...В половине 1788 года Крутицкая епархия была закрыта и г. Белев причислен к Коломенской епархии. С этим вместе закрывается и Белевское училище.

...Так закончился третий период существования Белевского училища при Спасо-Преображенском монастыре. С сего времени до 1815 года, то есть, до закрытия духовных училищ, после преобразования их по воле Благочестивейшего Государя императора Александра I, в Белеве не было духовного училища, но все священно-церковнослужители г. Белева и уездные должны были представлять детей своих для обучения сперва в Коломенскую семинарию, потом, по закрытии Коломенской епархии — в Тульскую.

БЕЛЕВСКИЕ ДУХОВНЫЕ, УЕЗДНОЕ И ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩА (1815—1852 гг.)

После преобразований духовных училищ в царствование императора Александра I, Белевское училище открыто снова, под именем «Белевских духовных, уездного и приходского училищ», при Спасо-Преображенском монастыре в 1815 году, в одно время с такими же училищами — Тульскими, Новосильскими и Епифанскими.

...Открытие белевских духовных училищ, с приличным духовным торжеством, последовало 30 января 1815 года, в присутствии местного духовенства, гражданских чинов и граждан города Белева.

...Всех учеников, перемещенных в училище на первый раз из Тулы для продолжения учения, в 1815 году значится по списку 163, а именно: 46 — Белевского уезда, 59 — Одоевского и 68 — Чернского. Детей, пред-

ставляемых из домов, сперва дозволено было принимать в училища во всякое время до сентября 1815 года; с сентября же в одно определенное время на основании правил устава духовных училищ за несвоевременное представление детей в училища взыскиваем был с родителей денежный штраф, сперва по 5 рублей с каждого лица, потом с священников по 5 рублей, с диаконов по 2 рубля, с причетников по 1 рублю.

Помещения училищ. Белевские училища, с самого открытия оных, помещались нераздельно в одном здании, находящемся на восточной стороне Белевского Спасопреображенского монастыря.

После 1842 года классы уездного училища перемещены в другое здание, находящееся на западной стороне монастыря, рядом с церковью Св. Алексия митрополита Московского.

Причиной к такому разделению классов послужила, с одной стороны теснота помещения, по причине умножившегося числа учеников в уездном училище, а с другой стороны и то еще неудобство, что ученики сего училища всегда хаживали через классы приходского училища, что мешало занятиям в сих классах.

Самая дорожка и крыльце, по которым ходили ученики, были всегда опасны для них, первая тем, что была очень узка и лежала над крутым спуском к р.Оке, а второе тем, что было довольно высоко и состояло почти из одной лестницы, устроенной над тем же спуском к реке.

Заметив сии неудобства, семинарскоеправление испросило у Св. Синода разрешение на постройку другого здания для классов уездного училища, на счет экономических сумм училища, а ход учеников в остающиеся классы приходского училища предписало немедленно обезопасить устройством для них нового входа, с монастырского двора.»

Таким образом, русская школа действовала с 1761 по 1767 год; духовная семинария, соответственно, с 1776 по 1782 год, училище, в свою очередь, с 1783 по 1788 год, а духовное (уездное и приходское) – с 1815 по 1852 г.

Примечательно, что до открытия вышеупомянутого Белевского женского епархиального училища, в Белеве действовало Духовное училище (для мальчиков) вплоть до 1917 года, и здание его было на редкость заметным по архитектуре в ряду других городских зданий.

Как повествуют о том «Тульские епархиальные ведомости» за 1899 год (№121), для этого училища был приобретен дом умершего купца Василия Сергеевича Сорокина, в 1896 году. Позднее при новом училищном здании был сооружен храм трех святителей, с больницей для учащихся, на месте существовавшего храма во имя святых Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Храм был уничтожен опустошительным пожаром, за сто лет, как сообщают «Ведомости», до этого года. То есть, по-видимому, пожаром 1719 года.

В это училище были переведены учащиеся из тесного монастырского здания.

1 октября 1874 года в Белеве было открыто и еще одно учебное заведение — Школа грамотности при Крестовоздвиженском девичьем монастыре, по благословению высокопреосвященнейшего архиепископа Никандра. Об этом было сообщено «Тульскими епархиальными ведомостями» в номере от 15 декабря 1874 года (стр. 453).

Школа разместилась в монастырской гостинице, выходящей фасадом на улицу. Внешняя обстановка школы,— как писали «Ведомости»,— «не оставляет желать ничего лучшего. Можно сказать, не лишена даже некоторого комфорта. Религиозно-нравственная и научная обстановка школьного дела подает еще более отрадные надежды... В настоящее время уже набралось 40 учениц, преимущественно из детей духовенства... Присутствовавший при открытии школы г. инспектор народных училищ барон Н. К. Нольде прочитал сочиненные им стихи».

Относительно светского образования вопрос решался сложнее, вплоть до 1861 года, когда было отменено крепостное право. С этого времени в России широко осваивается программа развития образования.

В 1862 году было в Белеве и уезде 62 школы. Земство значительно раздвигает рамки образования. В 1872 году правительство утверждает новый Устав городских училищ. Осенью того же года в Белеве открывается двухклассное городское училище им. В. А. Жуковского. В 1907 г. при училище открыто ремесленное отделение по слесарно-кузнецкому и столярно-токарному специальностям.

На гребне нового тысячелетия белевские граждане ощутили необходимость открытия для их детей уж не прогимназии, а гимназии. А само министерство, в свою очередь, предложило для Белева разработать проект профессиональной школы. Надо отметить, что этот проект поддержали и некоторые представители белевского земства. Так, в частности, председатель земской Управы князь Львов в своем докладе на земском собрании 3 февраля 1889 года настаивал на необходимости открытия промышленно-технического училища, однако, не среднего, а низшего, где велось бы обучение производству простых сельскохозяйственных машин — сеялок, молотилок, плугов и т. п. Это предложение кн. Львова вызвало серьезные возражения со стороны различных представителей слоев населения Белева.

На этом собрании была создана комиссия от земства и города для разрешения всех вопросов, связанных с обучением молодежи.

После отказа Министерства народного просвещения учредить в Белеве классическую гимназию, комиссия, спустя несколько лет, возбуди-

ла новое ходатайство об открытии в городе реального училища.

Но реальное училище отличалось от классической гимназии существенно, и тем, что в нем отсутствовало преподавание древних языков, греческого и латинского. Здесь главное внимание уделялось изучению математики, физики, естествознания, иностранных языков — французского, немецкого, а также и черчения.

Причем реальные училища не открывали доступа в университет. По окончании их можно было поступить в технические высшие учебные заведения.

Министерство просвещения по-прежнему настаивало на профессиональной школе.

Наконец, определились окончательно в Белеве, в 1902 году, в связи с исполнившимся пятидесятилетием со дня смерти поэта В. А. Жуковского, комиссия из представителей города возбудила новое ходатайство об открытии в Белеве реального училища имени своего земляка, прославившего российскую землю.

Это ходатайство наконец было удовлетворено. Присвоение училищу имени поэта Жуковского состоялось 17 мая 1903 года. Реальное училище разрешено было открыть 1 июля 1903 года в составе двух младших классов с тем, чтобы в последующие годы открывать по одному классу, впредь до полного сформирования училища в составе 6 классов и седьмого дополнительного.

В конце августа 1903 года было сделано сообщение о приемных экзаменах в первые два класса, назначенные на 1—2—4 сентября. Было подано 61 заявление. Вступительные экзамены выдержали 53 мальчика, из них 39 — были приняты в первый класс, а 14 — во второй.

6 сентября 1903 года начались классные занятия.

Учебный персонал в первый год состоял: из директора Э. В. Жадовского, преподавателя русского языка и истории К. А. Вознесенского, преподавательницы французского и немецкого языков А. Г. Соловцовой, преподавателя чистописания и рисования А. А. Пастухова, который одновременно состоял и библиотекарем училища.

К 1909 году здесь училось 218 учеников. В штате реального училища находилось 12 преподавателей с высшим образованием.

В те же годы открывается и действует прогимназия, которая в 1904 году преобразовывается в Белевскую женскую гимназию, и здесь вскоре насчитывается 276 учениц.

Проходят годы, и старое здание женской гимназии уже не вмещает всех желающих учиться.

В 1912 году Белевское Земское собрание ходатайствует перед Министерством просвещения о постройке нового здания женской прогимназии. Министерство изыскивает необходимую сумму средств на пост-

ройку здания. Гимназия открывается во вновь построенном здании на ул. Пушкина,— ныне школа № 4.

Одновременно открывается четырехклассная школа для мальчиков. Построена она была на средства купца Киселева. Таким образом, вплоть до 1917 года в Белеве действует 10 учебных заведений, и широкая сеть в селе — из церковно-приходских школ и школ грамоты.

Но слишком тяжек был путь образования в сельской местности, чтобы легковесно отнести к этому факту ныне и обойти вниманием. Показательна в этом аспекте речь, произнесенная на юбилейном акте церковных школ Тульской епархии 13 декабря 1909 года членом Епархиального училищного совета, преподавателем Тульской духовной семинарии М. Н. Рудневым.

«При обсуждении школьной реформы 1828 г. начальное образование признано почти не существующим,— говорит М. Н. Рудnev,— в частности, императором Николаем I в 1828 году был утвержден устав о приходских училищах, которые должны были открываться повсюду, где представляются к тому средства, для распространения первоначальных более или менее всякому нужных сведений между лицами и самых нижних состояний. В 1836 году император, кроме того, возвратил право на существование школам грамоты в домах священно-церковнослужителей.

...После освобождения от крепостной зависимости,— говорит далее оратор,— крестьянин, призванный к личному участию в государственной и общественной жизни, почувствовал спрос на грамоту... Продолжавшаяся в течение почти двух десятилетий в нашей губернии деятельность Земства по начальному образованию,— резонно замечает он,— как и вообще в России, оказалась не в состоянии удовлетворить постоянно возрастающему спросу на грамотность.

При пространстве в 27,205 кв. верст, при полутора миллионном населении, при количестве детей школьного возраста более 200 000 душ обоего пола, в губернии к 13 июня 1884 года было лишь до 600 начальных школ разных наименований, т.е. приходилось: по одной школе на 45 кв. верст — на 2 500 душ населения, на 340 детей школьного возраста, и это тогда, когда в большинстве государств Западной Европы — за исключением Голландии и Бельгии — законодательным путем была установлена обязательность начального обучения; когда уже были объявлены законы об обязательном обучении мальчиков и девочек в Турции.

Во время таких и в силу таких обстоятельств 13 июня 1884 года державною волею императора Александра III были утверждены правила о церковно-приходских школах, которые призваны служить в борьбе с народным невежеством, как и земско-министерские начальные училища».

По состоянию на 1900 год исправно действовали школы грамот в Губине, в Астафьеве, Железнице, Беляеве, Черногрязке, сельце Гамове, в селе Бельмове, в Верхних Савинках и Семьюнове, в д. Кураково, Болтенках, в д. Таратухине, д.Башкине, д.Бедринцах, с.Зайцеве, д. Александровке, сельце Игнатьеве, в д. Малое Самолково, в д. Николаевке, в с. Каменке, в с. Лиховищи, в с. Ментелове, в селе Новые Дольцы, в с. Фурсове, в с. Стромки, в д. Кудеяровские Выселки и т. д.

Приходские школы работали в с. Погорелом, с. Песковатом, в с. Бельмове, с. Бакине, с. Сухочеве, с. Лабодине, с. Фурсове и в трех приходах ныне Арсеньевского района.

ГОСУДАРЕМ ЖАЛОВАННЫЕ ЗА УСЕРДИЕ

«Товар полюбится — ум расступится», «Не всё с верою — ино и мерою», «Неправедная корысть впрок нейдёт», «Купец — ловец; а на ловца и зверь бежит», «Дорого да любо, дёшево да грубо».

Пословицам поди уж по два — три века, и каждая есть поэма, — но будто только что с языка острослова слетели они где-либо на весёлом торжище, с пылу-жару: нате вам, пользуйтесь! Что ни пословица, то библейская притча — сестра родная, ей-богу!...

И не мудрено, и не случайно всё это, потому что люди этого про мысла, наречённые в древности гостьми (гостями), — и на редкость интернациональны и легендарно патриотичны. Они, гости былинные, — и открыватели новых стран за границами — кордонами Отечества, и верные послы его, и радетели об отчём, жертвователи на благолепные строения городские во имя процветания православия.

Купеческое сословие — это нечто мистическое, и в то же время — это что-то очень земное: лампада и соха. Купечество — это вера, особенная религия.

Может быть, правы древние, поклонявшиеся богу Меркурию, — отдельно от всех, — именно своему покровителю?

Белёвское купечество не знало устали, прокладывая путь к не чуждым славянину рынкам торговлей, международной значимости промыслом единственным людей всех и всяких наций и вероисповеданий. Пробивали тропы сквозь дебри лесные, по горам-долам — к рынкам столиц, осваивали речные, а затем и морские дороги. Недаром же город их, Белёв, как порт их приписки (говоря современным языком моряков), — стоял превечно несокрушимо на Оке-кормилице.

В этом отношении совершенно чётко изложил суть происходившего на Оке в Белёве полтора века тому назад статистический сборник, издаваемый при Совете Министерства внутренних дел Российской империи. В сборнике за 1842 год лаконично изложено:

«Белёв лежит на трактах Киевском и Украинском, по левому, нагорному берегу Оки, под $53^{\circ} 48' 17''$ северной широты и $55^{\circ} 50' 26''$ восточной долготы, в 965 верстах от С.-Петербурга, 267 — от Москвы и 121 от Тулы...»

Отмечая живописные здания города, автор особо выделяет купеческие: «Из множества прекрасных частных зданий невольно обратят на себя внимание особенное дома купцов: Бунакова, Сорокина, Щеколдиной, Прохорова, Евстратова, Собининых...»

«...При императоре Павле I,— рассказывает далее,— и в начале прошлого царствования были в Белёве 22 дома первогильдайцев, которые торговали к портам Балтийского моря».

Чем торговали? Традиционно пенькой, салом, конопляным маслом, хлебом, конопляным и льняным семенем.

О них здесь, в поречье, слагали пронзительно грустные и разудальные, несказанно печальные и озорные были, бывальщины и небылицы, складывали народные песни; об их промысле ходили меж людей тароватых, удачливых, на редкость меткие пословицы. И что за прелест эти пословицы, сказал бы, наверное, наш поэт, догадай к тому случай.

Какими путями-дорогами всё это щедрое богатство разных окраин доставляется на прилавок городов провинции и столицы?

«...прямо из Орловской и Черниговской губерний доставляется зимою в Зубцов, а оттуда, по вскрытии рек, Вышневолоцкою системою к С.-Петербургскому порту... Только Орлу уступает Белёв в обширной торговле конопляным маслом. Одна половина его, приобретённая на Свенской ярмарке (Орловской губернии Брянского уезда) и в ново учреждённом городе Сухиничах (Калужской губернии, недалеко от Козельска) идёт до С.-Петербурга; другую половину, сливающую в Белёве, Ока приносит на Московские рынки.»

Тем, что Белёв в свое время считался первым после губернского, и не только по обороту капитала, но и по живописному его местоположению на крутояре Оки, а также красотой построек город обязан в первую очередь купцам. Во всех статистических данных, за 1841, 1852, 1855, 1856 и поздних, в очерках писателей, краеведов и других авторов он ставился в ряд образцовых, богато украшенных, культурных, непременно с театральными подмостками и благолепием парков, а в Белёве — даже и бульваром на столичный манер.

По существу последнего обстоятельства мы находим следующее: «Прекрасный Белёвский бульвар всегда сух, всегда чист и в порядке... Среди бульвара триумфальные ворота, под которыми, в 1837 году, здешние жители, на богатом, серебряном блюде поднесли Русскую хлеб и соль, именитому белёвскому уроженцу — В. А. Жуковскому».

Белев. Базарная площадь (с открытки начала XX в.)

Мост через р. Оку (с открытки начала XX в.)

Афанасие-
Кирилловская
соборная церковь
на ул. Георгиевской
(ныне им. Ленина)

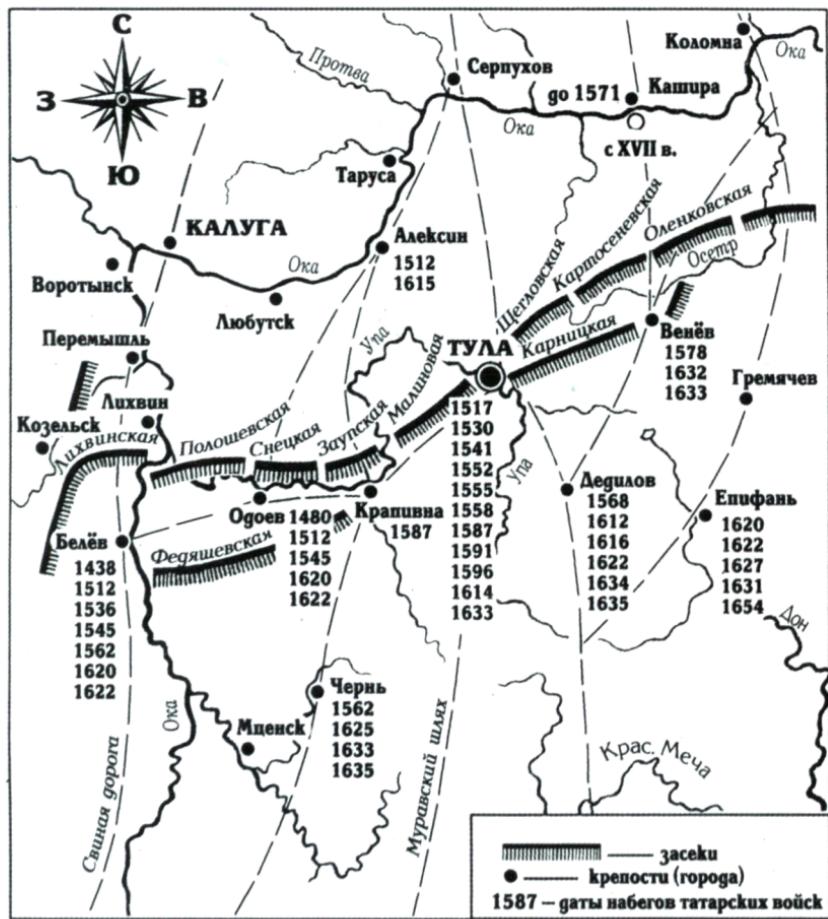
Нижняя площадь.
Церковь Сретения Господня
(ныне не существует)

Вид на церковь Покрова Пресвятой Богородицы

Белев. Городское мужское училище (фото начала XX в.)

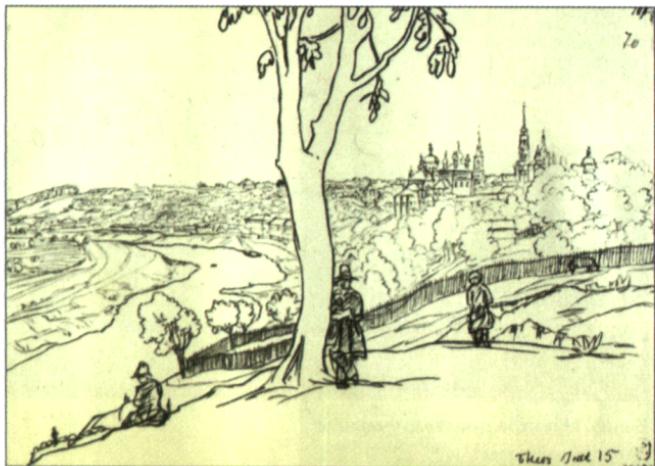
В. А. Левшин (1746–1826)
известный просветитель России,
литератор

Белев. Мужское духовное училище

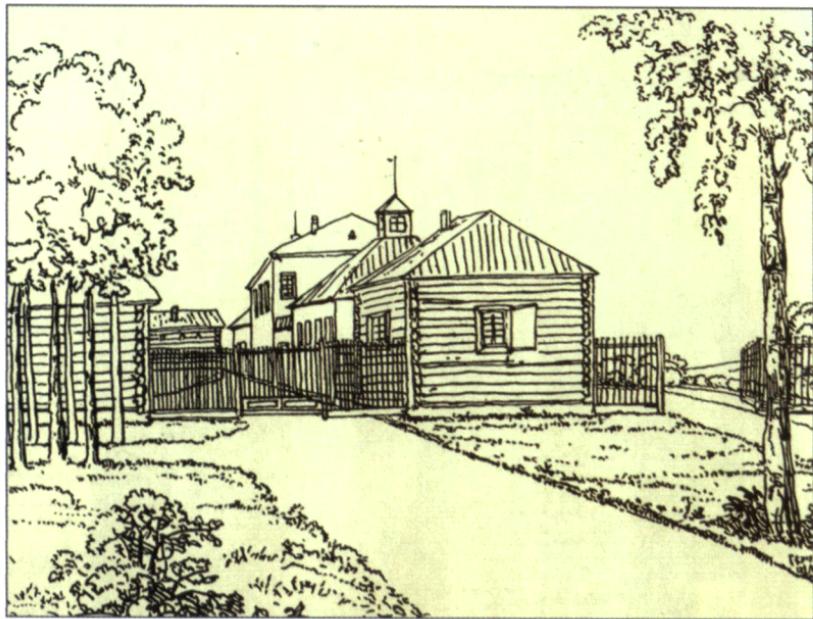
В. А. Жуковский (1783–1852) – поэт

Окрестности Белева.
Рисунок В. А. Жуковского

Дом В. А. Жуковского в Белеве

Мишенское. Боковой фасад дома. Офорт. 1837 г.

В. А. Жуковский

М. А. Протасова (Мойер)

Белевская улица им. В. А. Жуковского

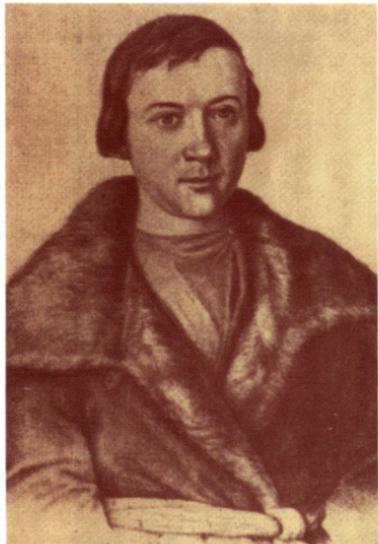
Комната В. А. Жуковского в его белевском доме, воссозданная по описаниям и документам (краеведческий музей г. Белева)

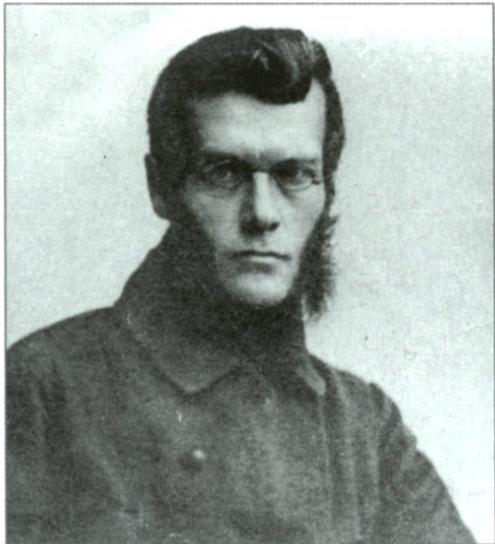
Портрет жены поэта
Е. А. Жуковской

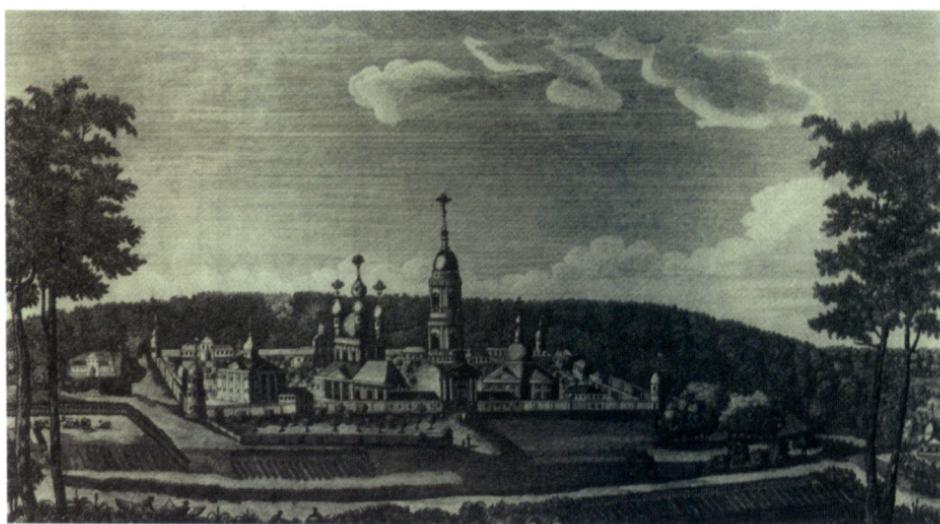
Портрет дочери Жуковского
Александры

П. В. Киреевский (1808–1856) –
фольклорист, публицист, деятель
славянофильства

И. В. Киреевский (1806–1856) – философ,
писатель, журналист, деятель славянофильства

Вид Оптиной пустыни. 1831 г. Гравюра

Писатели в Летнем саду. И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич.
Художник Г. Г. Чернецов. 1832 г.

1836 ГОДА.

Балет

СЪ ДОЗВОЛЕНИЯ НАЧАЛЬСТВА.

*Бо фокрине, зюбчугас на сценъ Театр
представлена балетомъ*

Р Е В И З О РЪ,

Комедия въ пяти действияхъ, сцн. Н. Гоголи.

Дѣйствіе I.

Антонъ Акимовичъ Свободинъ Духовинский, Городничий, Г. Плюшкинъ.		
Анна Андреевна, жена его,	Д. А. Денисова.	
Марка Акимовна, дочь его,	Гла. Николаева.	
Лука Лукичъ Хлопонъ, Смешашъ Училище,	Гла. Сорокина.	
Жена его,	Гла. Курасова.	
Анонъ Федоровичъ Лапкинъ-Таканынъ, Судья,	Г. Болотовъ.	
Артемий Физионовичъ Земляковъ, почеташъ Богодод- ныхъ ходений,	Г. Черновской.	
Иванъ Кузминъ Шекининъ, Почтмейстеръ,	Г. Ивановъ.	
Петръ Ивановичъ Добчинскій, { городские	Г. Петровъ.	
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, { почтъщіи	Г. Николаевъ.	
Александръ Ивановичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Пе- шербурга,	Ильинъ-Эзра. Г. Смирновъ.	
Осипъ, слуга его,	Г. Лавровъ.	
Христофоръ Ивановичъ Губнеръ, Уездный Альмаръ,	Г. Болотовъ и.	
Федоръ Андреевичъ Люголовъ,	описанные чинов- ники, почетные лица	Г. Линской.
Иванъ Лазаревичъ Россиновскій,	Г. Пряжиновскій	
Семенъ Ивановичъ Коробкинъ,	Шустиковъ	
Семенъ Ильинъ Ухоринъ, Часовой Приставъ,	Сычевской.	
{ Сансуновъ,	Шустиковъ.	
Полицейские, { Пуговицынъ,	Федоровъ.	
Держміордъ,	Алексеевъ.	
Абдулинъ, купецъ,	Г. Болотовъ.	
Феоктистъ Петровичъ Пономаринъ, събарышъ,	Гла. Карасева.	
Миша, слуга Городничаго,	Г. Болотовъ и.	
Слуга трактирщика,	Г. Болотовъ.	
Гости и гости, купцы, изящне и просители.		

Начало въ 6 часовъ.

Цѣни въ шилінгахъ:

Ложи Видави - - - - 15 р.	Ассиг.
Вель-шашки боязные, - - - - 10 р.	
Бенуары - - - - 5 р.	
Кресла первыхъ трехъ рядовъ, - - 1 р.	
Прочихъ - - - - 75 р.	
Мѣста за креслами - - - - 30 р.	
Амфитеатръ - - - - 20 р.	
Галлерия - - - - 15 р.	

Труппа Белевского народного театра. 1960 г.

Драмколлектив Белевского дома культуры

Г. С. Батеньков (1793–1863) –
декабрист

К. Д. Кавелин (1818–1885) – историк

Т. П. Чибисов (1877–1968) –
ординарец командира
крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева

В. О. Каппель (1883–1920) –
генерал-лейтенант,
видный военный деятель

3. Н. Гиппиус (1869–1945) – поэтесса

П. С. Романов (1884–1938) –
писатель

С. П. Бородин (1902–1974) –
писатель

Н. Л. Браун (1902–1975) – поэт

Н. А. Петруничев,
первый председатель
Совета рабоче-кресть-
янских и солдатских
депутатов

Д. Г. Джулин,
основатель и первый
редактор газеты
«Белевский
пролетарий»

П. И. Мартынов,
председатель ЧК Белев-
ского уезда, член
партии большевиков
с марта 1917 г.

Н. И. Мартынов,
редактор газеты
«Белевский
пролетарий»
с 1920 г.

Члены президиума Белевского укома РКП(б). 1925 г.

В другом месте говорится о достоинствах города как раз в связи с вкладом в его процветание — почтеннейших людей коммерции. «Белёв первый между уездными городами Тульской губернии не только по числу зданий и обывателей, не только по обширным торгам и богатству купечества, которое в образовании нисколько не уступает Тульскому — он первый по удобствам и приятности общежития».

Бесспорно, как отмечалось выше, в главе о нравах, в основе достоинств и великолепия былого (конец XVII и XIX вв.) пребывает от дней его начальных — есть и была Ока. Вот и в документах ведомств, не склонных к преувеличениям, и, в частности, в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» (1852 г.) сказано бесстрастно:

«По торговле — Белёв занимает второе место в губернии после Губернского города, и принадлежит к числу весьма немногих уездных городов, производящих обширную торговлю.

Обширною своею торговлею он обязан судоходной реке Оке, по которой ежегодно проходит вверх и вниз до 2500 судов разной величины. С Белёвской пристани отправляют каждый год до 50 барок, с конопляным маслом и преимущественно с хлебом...

...Главные торговцы пенькою и конопляным маслом: Сорокин (ежегодный оборот которого простирается до 800 000), Сабинины (на 600 000), Сорокины (братья) — на 600 000, и Прохоров (400 000) рублей серебром...

...Между хлебными торговцами замечателен дом братьев Субботиных, который отличается значительностью своих оборотов. Также замечательны оборотом братья Беликовы, Макаровы, Уланов...

...Ярмарка бывает только один раз в год, с 28 августа по 10 сентября; к этому времени привозят простые товары, галантерейные; серебряные и золотые вещи, чай, сахар, сукна, шёлк, и пр., всего на миллион рублей серебром.»

Сегодня, с высоты нового тысячелетия, можно взирать на факты едва ли не двухсотлетней давности в развитии торговли уездного города — и сдержанно, и вовсе скептически. Однако попробуем взглянуться попристальнее в корень существа дела.

По данным статистики на конец 50-х годов XIX столетия, в Белёве насчитывалось 7946 человек жителей обоего пола. И что примечательно с позиции сопоставимости цифр, — в 1854 году здесь появилось на свет 287 детей, а в мир иной ушло — 189 человек.

И что же, если рассматривать положение дел в этом ключе? — А то именно, что на это «количество душ», так сказать, приходилось, по состоянию на 1855 год, — 1475 человек купеческого сословия, мужского и женского пола. Это семьи купцов II и III гильдии. И не рядовых, говоря современным языком, а широко известных, ворочавших огром-

ными капиталами. К тому же, высокочтимых. Так, в Белёве на тот год было 8 семейств потомственных почётных граждан, а в этих семьях — свыше 50 человек.

Вместе с тем, ориентиров для чёткого представления среды, в которой трудились в поте лица своего торговые люди, было бы недостаточно, если бы мы позабыли, ничтоже сумняшеся, о выпуклых приметах общежития обывателей.

На этот час, как говорится, в городе насчитывалось 1299 домов и среди них каменных — всего 156. Действовал кожевенный завод, производящий товара на 70 000 рублей серебром, 4 салотопенных и 1 винокуренный.

И вот что, для полной картины условий, в которых происходило приращение капиталов, примечательно: в городе было 8 мощёных улиц, а 21 — немощёная. Но зато 2 торговые площади. Много или мало на 29 улиц и 18 переулков, на 8 тысяч, без малого, жителей?

Упоминание в разных статистических отчётах, в том числе издаваемых «...по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба», заслуги купеческого сословия перед Отечеством и Белёвом стали возможны, конечно же, в условиях прогнозирования государством внутренней и внешней торговли, в условиях этих якобы автономно развивающихся процессов рынка. Купцы, промышленники, промысловики — всё это, так сказать, люди государевы, ибо, по пословице: «Деньга счёт любит, а хлеб меру!»

И чего уж далеко ходить за примерами. Указ Сената о торговле к порту С.-Петербургскому от октября 1713 года диктует следующее:

«— ...чтобы купецкие и иные чиновные люди, у кого есть пенька и юфть, к городу Архангельску и на Вологду для торговли не возили, а привозили в С.-Петербург, также которые государевы товары: икру, клей, поташь, щетину... к городу не отпускать, а привозить в С.-Петербург хлеб.

— ... и купецким людям для торгу возить в С.-Петербург и к городу Астраханскому, из которых городов куда способнее, невозбранно».

Не менее интересен в том же аспекте и другой указ, диктующий правила отправления к порту пеньки и юфти. «Великий государь указал: в Губерниях всем купецким людям подтвердить указами, чтобы оне по-прежним Его Величества Государя указом пеньку и юфть, которые торговали иноземцы, и задатки взяли отпускать в С.-Петербург на продажу за море, во всем против того, кто, сколько посыпал к городу, без уmedления нынешним зимним путём, а остальные товары по изволению.

А буде кто, сей Его Величества Государя Указанных товаров пеньки и юфти в С.-Петербург, для продажи за море отпускать не буде, а таким товарам прежь сего отпуски к городу бывали, и оные товары в готов-

ности есть, а про то буде ведано, и за то у таких прослушников имение их всё без остатка взято будет на Великого Государя бесповоротно».

В этом контексте любопытны сведения о собственно белёвских предпринимателях того времени. В 1872 году «Тульские губернские ведомости» писали следующее:

«Торговля из Белёва к Санкт-Петербургу шла и идёт непрерывно от самого основания порта Петром I, хотя древние торговые дома, начавшие это дело (Вышневолоцкою системою), по времени перевелись. Еще недавно существовал в Белёве дом Сабинина, предок которого начал торговать к С.-Петербургу. Дома Сорокиных и Прохорова торговали к порту около ста лет. П. А. Прохоров теперь коммерции советник — явление редкое в нестоличном купечестве.

Всё это чрезвычайно интересно как поступательное развитие торговли в принципе, и как традиции,— в сущности, в порядке преемственности — особливо.»

Разумеется, что-то утрачивается и уходит в историю, что-то, напротив, становится точкой отсчёта в продвижении и совершенствовании дела. А в торговле по тем временам правила были строгие требования к качеству товара — достаточно жёсткие. В этой плоскости документ от 1723 года по осуществлению торговли пенькой — характерная иллюстрация. И соответственно, предписание, что: «...во время мытья и мочения пеньки смотрели накрепко:

1. Чтоб в уездах концы у пеньки или кореня отрывали или обрезали и кострик выбивали начисто, и на торги в города с линьками и мокрую не возили, и не продавали, и вывозили бы пеньку без лапок.

2. Купечеству запретить, чтобы они от крестьянства мокрой и с коренями или лапками пеньки не покупали, под штрафом, смотря по важности вины, а которые купцы в городах чистят пеньку в домах своих, тем чистить начисто и за трепальщиками того смотреть накрепко, дабы кострики и никакого обмана не было...»

Так же естественно в таковой ситуации рассматривать как параллельно идущие к рынку два процесса, производство товаров и их реализация. Белёв в этом отношении славился и промыслами, которые теми же купцами всячески поощрялись.

Здесь же свою нишу занимали ремёсла. Предания донесли до сегодняшнего дня, что в XVII в. мастера плотничего дела строили добротные струги ёмкостью в 30 тысяч пудов, баржи и полубарки, на которых доставляли товары по реке Оке в Москву.

Столь же успешно строили здесь струги, которые использовались в военных целях.

Плотники из белёвских мест были востребованы в других городах, и их заказывали в Брянск и даже в Петербург. Указом Петра I от

1 февраля 1705 года был дан наряд губерниям, а те, в свою очередь, уездам, а стало быть, и Белёву, чтобы прислали 40 тысяч разных ремёсел знатоков. Конечно же, для строительства Северной столицы. Белёвский воевода постарался, откомандировал по указу 700 мастеров.

Весьма любопытен факт, связанный с обстоятельствами правительства Петра I обеспечивать льготные условия для тех из провинции, которые в качестве мастеров пожелали бы остаться жить в Петербурге. «Для размножения населения» таковым желающим поселиться в Северной столице («на вечное поселение») льготы по тем временам были и на самом деле существенные. То есть прежде всего они освобождались от воинской повинности, освобождались от обязательных налогов, а главное — получали безвозмездно в собственность дом, а также землю под свою усадьбу и огород — в размере 1 десятины, а кроме того, землю под пашню.

На какую мысль наводит это обстоятельство? А не с этого ли благоприятного указа Петра I стало возможным для белёвских предпримчивых людей осваивать порты, отвоёвывая на рынках сбыта своё вольготное местечко?

А иначе как так могло произойти-случиться, что белёвские кузнецы, мастера изготовления стальных ножей, обошли своей инициативой самих знатных туляков — оружейников и прочих металлистов?

Из поколения в поколение передавалась мольва о великолепных, не знавших аналогов в округе ножах мастера из Белёва — Вязмитина. Мастер-легенда. Якобы он знал секрет закалки стали, да такой, редчайший, что его изготовления нож перерубал, если лезвие сделать достаточно длинным, ствол ружейный... Диво-дивное, да и только. Как сказали бы ныне, ножи Вязмитина — нарасхват!

И якобы дошла слава та и до слуха Петра-царя, и возжелал он заполучить таких ножей множество — до 300 тысяч. И заготовлено было на то письмо от 19 марта 1705 года, в коем он поручал одному из сподвижников своих, некоему Курбатову, заручиться у мастеров обязательством изготовить это количество знаменитых ножей. На что Курбатов отвечал с огорчением, что изготовить таких ножей возможно только 150 тысяч и что он самолично дал задание другим городам совместно с Белёвом изготавливать такие лезвия: «сколько сделать возможно».

Своё место в общем объёме промышленного производства в небольшом уездном городе заняла суконная фабрика надворного советника Павлова, оборудованная 1 станком для чесания шерсти, с приводом лошадьми, и пятью прядильными машинами с ручным приводом, на которой работали 40 человек. В год здесь производилось 13 тысяч аршин белого сукна.

Кожевенный завод купца Сёмина выдавал подошвенной кожи на несколько тысяч рублей в год. В 1888 году крупный купец-промышленник Прохоров открыл в Белёве производство так называемой огневой сушки плодов и овощей. Однако едва ли не всемирную славу, во всяком случае, широко известно было об этом производстве в Европе,— принесло ему производство пастылы, вырабатываемой по уникальным рецептам из антоновских яблок. В течение летне — осеннего сезона в цеху заводчика Прохорова производилось до 700 пудов пастылы.

Купцы всемерно, беспрецедентно поощряли производство кружев.

Белёвское кружево принесло городу славу, известность от Москвы, Петербурга до Праги и Парижа, Риги и Лондона. В 1880 году, кстати, в городе насчитывалось до 2 тысяч кружевниц. Искусство кружевниц было отмечено медалью на Лондонской выставке, и вот как это по документам и переписке происходило.

Итак, в Лондоне готовились к открытию выставки изделий мастеров всевозможных промыслов, и вот, соответственно, включаются в список предполагаемых конкурсантов и претенденты из Белёва. Для международной выставки «избранных произведений» готовят образцы белёвского кружева, имевшего свои характерные особенности.

Дело в том, что кружевоплетение получило в Белёве к действию и к повсеместному увлечению импульс из Крестовоздвиженского женского монастыря, открытого ещё в первой половине XVII века. Насельницы девичьего монастыря были подлинно искусными мастерицами, талантливы уж тем, что умели вносить в тонкий узор определённое настроение чуткой к прекрасному души, одухотворяли элементарный рисунок, и он оживал в руках как произведение искусства — самобытного, неповторимого, в нюансах искренних чувств девушки — «Христовой невесты».

Белёвский уездный исправник в письме за № 707 писал в июне 1884 года секретарю Тульского губернского статистического комитета: «Вследствие отношения от 21 числа минувшего месяца за № 48 имею честь препроводить при сем к Вам образцы кружевных и других изделий, которые производят Белёвские кружевницы, а равно счёт вещам».

А вот как шла переписка и каким образом оформлялись соответствующие документы на поступление кружевных изделий от поставщика к исправнику города Белёва, затем в Тулу и обратно. «Белёвскому уезному исправнику. Присланные образцы кружев и других изделий, представленных мещанкою Рыбаковой (в оригинале недостаточно разборчиво.— Авт. В. Я. Г.), и счёт на оные изделия мною получены. О чём честь имею уведомить Вас, Милостивый Государь, и присовокупить при этом, что деньги будут высланы на получение оных от Общества для развития прикладных художеств в России».

В списке, возвращённом исправнику белёвскому, перечислен ряд изделий, в том числе:

— 2 салфетки стоимостью 15 рублей, косынка — 8 руб, блузка — 1 рубль 30 коп., шарф — 6 рублей, платочек — 1 руб. 20 коп.

По прошествии определённого времени русское техническое общество направляет письмо в Тулу, в котором излагается в лаконичной и уважительной форме признательность за участие в международной выставке и препровождается своеобразный приз — награда. «В Тульский губернский статистический Комитет. Императорское Русское Общество имеет честь предводить высланное на имя Комитета Комиссарии Королевы Великобритании медаль за содействие Лондонской международной выставке, избранных произведений 1874 г. доставлением образцов белёвских кружевных изделий.

Что же касается до самих кружев, принадлежащих белёвскому купцу Ивану Тинькову, то они будут высланы ему прямо в г. Белёв...» Это письмо подписал «Товарищ председатель Императорского русского технического Общества».

Более того, извещается об этом и сам купец Иван Иванович Тиньков в адресованном лично ему письме: «Милостивый государь, Иван Иванович! Императорское русское техническое Общество отношением от 21 авг. сего года за № 562 уведомляет Тульский Губернский статистический Комитет, что принадлежащие Вам образцы белёвских кружевных изделий (бывшие в Лондоне на международной выставке) будут высланы Вам прямо в Белёв тотчас по разборке всего, весьма значительного количества кружевных изделий, которые оста. за неявкою главных экспонатов, или возвращена будет их стоимость — 20 руб. 25 коп.»

Но был ещё один промысел, освоенный белёвичами буквально — классически, так что им занимались здесь от поколения к поколению — это маркитантство. Следует признать, что на достаточно обширном пространстве в Верховье реки Оки это занятие было опробовано в той или иной степени в уездных городах, но с таким рвением и с такими тончайшими особенностями — только в Белёве, и только в Белёве он получил долговременное развитие, стал приметой эпохи.

О маркитантстве в Белёве писали многие корреспонденты губернских газет и других изданий, но наиболее исчерпывающе осветил сущность промысла П. Мартынов, белёвич по происхождению.

«Так как маркитантство есть основной промысел здешних жителей,— писал он в материалах, опубликованных в 1855 году,— и можно сказать, единственное средство настоящего существования большей части из них, то нелишне будет сказать и об этом предмете.

Промысел этот, так заманчивый для белёвцев, не всегда приносит одинаковые выгоды: в настоящее время маркитантство в крепостях и

при отрядах доставляет здешним жителям только кусок насыщенного хлеба и редкому — состояние. Не то были памятные по событиям 1812—1815 годы. Почти каждый из тогдашних маркитантов, побывав на чужой стороне, привёз порядочный запас денег и, не очень вдаваясь в рассуждение о будущем, прожил в свое удовольствие. Даже большая часть домов в городе обязаны своею постройкою этим годам.

С каким удовольствием старые маркитанты Белёва, находящиеся уже на покое, и заменившие себя, где следует, или детьми или внуками, вспоминают теперь о своих делах того времени!

Бывало, маркитант, улучив время побывать дома, щедрою рукою сорит деньгами: есть верная надежда опять разжиться с избытком.

Выедет, бывало, зимою, на катанье, он изумляет порядком и довольствием: одетый в хорошенъкий тулуп, с бобровою шапкою на голове, опоясанный заграничным поясом,— он есть чистый тип русского купца прошлого времени. На жене его, покрытой, сверх кокошника или повязки, тяжелою жемчужною рефетью, надета штофная шуба с богатым воротником; лошадка у него молодая и сытая, а об упряжи и говорить нечего.

Заглянули ли бы, в то время, кто на домашний быт приезжего, и тут увидали бы, что живётся в удовольствие и открыто: с утра до вечера ворота дома не запирались. Здесь толпились не только родные, но и чужие, и всякий, кому только желалось проведать гостя, попробовать его хлеба-соли, поговорить о военных событиях того времени, а вместе с тем узнать и о своих родных, тоже отлучившихся.

Шумная жизнь тогда лишь сменялась каким-то тихим безлюдьем, когда приезжий опять отправлялся в армию. ...По Большой Калужской улице, месте теперешнего публичного катанья (жалкого остатка прошлого),— можно было видеть прежде, в зимнее время, около 400 экипажей зажиточных белёвцев, находивших в катанье немалое удовольствие. На этом основании какой-то остряк того времени даже придумал поговорку, что «жена полная, лошадь толстая, хомут красный, и кнут длинный» есть вывеска здешнего маркитанта».

С БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ

Попытайтесь, уважаемый читатель, оказавшись в Белеве, назвать прохожему как бы случайно подвернувшуюся на память фамилию Дорофеевых... Вроде бы наугад... Ненароком.... И уж поверьте, редкий из собеседников ваших, тем более из числа старожилов, не поддержит разговора. Поверьте, вам тут же назовут кого-либо из чрезвычайно известного рода. Хотя бы одного из потомственных, пронесших славу предприимчивых в древнейшем на Тульшине краю.

Не исключено, что назовут имя человека, которое окутано нередко дымкой легендарности. То есть из-за благорасположенности к фамилии рассказчик может погрешить против достоверности, с почтением поведать о некоем по прозвищу Граф, история «жития» которого предстанет вдруг, как говорят у нас на Оке,— «в стихах и красках»!

А вот другие станут перед вами «растекаться мыслью по древу» родословному и, многое присочиняя в своем простодушии, нарисуют трогательную картину драматических событий далеко отстоящей от нас эпохи царствования Александра I.

...Перед вами ожидают «преданья старины глубокой», и прежде всего сам его величество Белев, в то время процветающий, живописный, богатый промыслами и щедрый в преогромном обороте капиталов — город торговый и православный, чрезвычайно богомольный, с благовестом и осиянностью, происходящими от его многочисленных церквей, его заветной Свято-Введенской Жабынской Макарьевской пустыни.

Затем, потупив очи, расскажут вкратце, как «почила в Бозе» здесь, на пути из Таганрога в столицу империи Российской, Елизавета Алексеевна — императрица вдовствующая, супруга царя Александра I. Не преминут с жаром в сердце обрисовать пышную церемонию встречи, когда народ белевский, от мала до велика, высыпал из домов и буквально запрудил толпами улицы и площади, весь путь государыни, от из-

вестной горы Вакковой до окраины города. Шпалерами стояли в ожидании венценосной и высокочтимой.

В этой экзальтированности рассказа в общем-то сдержанного и умеренного белевского обывателя легко будет представить череду событий на тот премиальный и вместе с тем трагический час эпохи.

Скажут вам, самозаряжаясь огнем пересказа, как ступила она, Елизавета Алексеевна, смертельно занедужившая, на порог гостеприимного дома купцов братьев Николая и Григория Ивановичей Дорофеевых, как Николай Иванович с супругой поднесет государыне традиционный хлеб-соль... Как она, премилостивая, прикажет принять поднесенное и душевно поблагодарит, а затем, поддерживаемая князем Волконским и статс-секретарем Логвиновым, особыми ее свиты, пройдет в подготовленную для нее спальню комнату.

Рассказчик не преминет упомянуть, что дом Дорофеевых в городе выбран городничим для государыни не случайно — был... «самым удобным,— как рассказали о том свидетели еще в середине XIX столетия,— и просторным во всем городе»!

Не исключено также, что кто-нибудь из присутствующих при разговоре, оказавшийся рядом, обязательно преклонного возраста, доверительно, как нечто сокровенное, любезно подчеркнет в добавление к уже сказанному, что «...несмотря на тысячи собравшегося народа около дома Дорофеевых, царила глубокая тишина», и что даже «городничий Колениус, стоя бесменно на улице, устранил всякое движение толпы и упрашивал ее дать покой больной царице».

Трогательно, не правда ли? В сущности, — тут уж не до секретов! — все это, пересказанное из уст в уста, стало достоянием самого широкого круга горожан вследствие того, что записал спустя некоторое время после трогательных и драматичных событий краевед и журналист Мартынов. Причем записал со слов другого нашего земляка и едва ли не участника траурной процессии, Ивана Федоровича Афремова, и со слов также самого подполковника Колениуса, то бишь городничего.

Молва, передавая записанное и опубликованное, от человека к человеку, просеяла сквозь ситечко неумолимого времени многое, но удержала в памяти поколений сокровенное, а именно то, в частности, что у русских людей в обычай «...шумно выражать чувства при виде своих венценосцев», а тут, в особом случае, в минуты признательности, вдруг под гнетом неодолимого предощущения роковой развязки, всей многотысячной толпой притихли — и строгость городничего Колениуса тут вовсе ни при чем...

...Нам остается только перевести стрелки разговора с грустного на достопамятное. Известно, что утром следующего дня, когда Елизавета Алексеевна скончалась (4 мая 1826 г.), приехала в Белев Мария Федо-

ровна, также вдовствующая императрица, свекровь ее, и остановилась в доме купцов Сорокиных, опять-таки «купленном, — как пишет все тот же Мартынов,— у тех же Дорофеевых, на Георгиевской улице».

Что ж, как бы там ни было, мы в своих подробностях, возможно, не беспристрастны,— увы! — но упомянуть одних и других — дело справедливости — уж видит Бог, что — без лукавства.

Другое дело, белевские краеведы находились в неведении относительно происхождения купеческих родов, тем более потомственных почетных граждан Белева, и вот, кажется, «лед тронулся». В исследованиях протоиерея М.Ф. Бурцева, всерьез занимавшегося историей церквей Белевского уезда и одновременно историей церковного Раскола, есть любопытные находки, например по существу воззвиженья и обновления Владимирской церкви. В этом контексте обнаруживается ниточка, ведущая нас к корням родословной Прохоровых, Дорофеевых и иных купеческого сословия. Таким образом, связь с конкретными историческими фактами самого восхождения сословия есть, пусть и опосредованная — но есть!.. Есть же!

М.Ф. Бурцев разыскал подлинные документы, относящиеся к делу дознания, совершенному «по приказу губернатора, Киевского наместника, князя Дмитрия Михайловича Голицына» — о принадлежности земельного участка в Белеве, где позднее как раз и была построена Владимирская церковь, еще деревянная.

Из этих «бумаг» явствует, что якобы при дознании «...в семьсот первом надесять году допрашиваны и подали к делу крепости — Василий Дорофеев явил выпись на имя брата своего Ивана Дорофеева, за рукою воеводы Василия Полонского сто девяносто девятого (1691), году маия пятого надесять дня, на квасное и лавочное место, да он же Василий Дорофеев явил на порожнее лавочное место купчую белевца посадского человека Михайлы Корчунова семьсотом (1700) году, а почему Михайлу Корчунову то место было крепко....»

Нам сейчас, даже вкупе с почтенным М. Ф. Бурцевым, не уразуметь исчерпывающее происходившее в тонкостях дела, и, лишь сообразуясь с фактом упоминания, попытаемся выстроить определенный логический ряд становления родословной.

Далее упоминание простирается по кругу строго определенных людей Белева, известных своими действиями. «А по осмотру и по мере белевского воеводы Ивана Полуэхтова с выборными дворянами против помянутой грамоты вышеписанной, квасни и лавки, что ныне владеют белевцы посадские люди Василий Дорофеев с товарищи, не дошед лавки Максима Замятина в порядке на длиннику стоять в мере в двадцати дву саженях на месте онаго пречистенского попа Епифания».

О каком месте речь? О предворжье, где ныне располагается угол

торговой площади у так называемой в просторечии «Ревенской» столо-вой, а еще точнее – на задворках медучилища, приовражная земля, где и стояли когда-то квасные лавки, затем и комплекс кузниц и т. д.

Главное у М. Ф. Бурцева – не интрига разбирательства, кто прав и кто не прав в притязаниях на земельный участок, а в отыскании примеров похвального усердия сословия купеческого в целом устроении белевских храмов. В усердии и тщании купцов, последовательно, от отца к наследнику – то есть к сыну. Преемственность благотворительности и благочестия.

Все в том же очерке М. Ф. Бурцев упомянул, кстати, дело благолепного устроения церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая ныне ждет усердия именно своего устроителя.

Особенно яркой фигурой на этом поприще запомнился потомкам белевский потомственный почетный гражданин и 1-й гильдии купец Амвросий Иванович Прохоров, «служивший церкви (Покрова) замечательною ревностию целых 45 лет, с 1822 года и по смерть свою, последовавшую 15 февраля 1867 года». Сын его, также белевский потомственный почетный гражданин и 1-й гильдии купец и коммерции советник Павел Амвросиевич Прохоров, последовал во всем благотворительском отцу.

Благоустройство храмов и городских площадей и улиц, попечительство, благотворительность, вспомоществование в делах богоугодных – вот неполный перечень дел наших героев. Они стяжали славу жертвователей, благолепно устроив город, помогая обездоленным и немощным.

И что же, над ними, попечителями и благотворителями, кто-нибудь из властей предержащих довел, кто-то принуждал? Отнюдь...

В этой связи находим страничку в «Тульских епархиальных ведомостях» за 1910 год, в номере 43–44, со статьей – «Из Белева». Ну как тут не остановиться? Как не заглянуть?..

Автор повествует о пребывании в Белеве «преосвещенного Парфения, прибывшего для освящения отделанного мужского монастыря».

Немало здесь интересного для современника, но вот строка в контексте наших изысканий – «...Собор этот отделан щедрою благотворительницею купеческою вдовою Марию Гавrilовною Кудрявцевою и известным благотворителем Николаем Васильевичем Киселевым.» (Публикуется без изменения орфографии).

Прелюбопытное сотворчество и содружество – вдовы и очень известного в белевском kraю да и в целом на территории Тульчины купца Киселева. Но такое было среди белевских состоятельных людей. Не случайно автор заключает свою информацию пронзительным текстом, обращенным в прошлое, но для современников: «Как-то радостно жилось белевцам за эти дни! Как-то тепло, хорошо и мирно было на сердце!»

Что сказать? — невольно позавидуешь добросердечию пращуров наших.

Тезис «Древнему городу — новую жизнь!» зародился в кругу людей, которые энергично работают над устроением родного Белева. Им есть с чем сопоставить настоящее, грядущее,— потому что их корни в глубоких пластах истории известных фамилий белевского края.

В этой связке по праву является составляющим звеном Игорь Евгеньевич Здоров, как продолжатель семейных традиций в целом.

Мало подать мысль и заявить о проекте, важно наполнить эту прогрессивную мысль конкретным содержанием. Важно увлечься самому и вовлечь в твое предприятие других, таких же самоотверженных, предпринимчивых и энергичных, а главное, со своим реальным вкладом в общественное дело.

Собственно, это и есть гражданская позиция, о которой «так долго говорили...»

Осознавая масштабы предстоящего в градообразующих проектах, И. Е. Здоров именно pragmatically, по-деловому, как реалист, взял на свое попечение восстановление Белевского Спасо-Преображенского мужского монастыря. Считает, что еще не все пока утрачено — и пока есть хотя бы малая толика возможностей, необходимо, по его мнению, работать над конкретным, совместными усилиями спасти от окончательного разрушения белевские святыни. И у него немало единомышленников. Причем сложилось вокруг этого вопроса определенное общественное мнение — древним святыням Белева — быть!

Замечательно то, что единомышленники есть не только в Белеве, но и в Туле, Москве, Санкт-Петербурге — «Большому кораблю — большое плавание!»

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ ОДНО!

Таков был я одно мгновенье!
В. Жуковский.

* * *

Василии Андреевич Жуковском так много сказано, написано, наконец, так много изображено во всех жанрах искусства, что нам остаётся только лишь поумерить пыл сочинительства и, помолясь, обратиться к истокам, а это значит, к подлинному, к факту, запечатленному современниками его, окропив память родниковой водой из Гремучего ручья в сельце Мишенском.

Мишенское... Луг. Дали. Долы. Холмы. Рощи. Какое сердце не очарует здесь поднебесная высь? — и в стゾвонное утро, раннее, усыпанное росами, и в гулкую заполночь, и в дрёмный полдень, и в затухающее предвечерье. Как ни тяжка ноша души, обременённой суетными заботами о хлебе насущном, сколь ни горюч бел-камень предвосхищения налетной и неотвратной судьбы, душа, вспорхнув горлицей, устремляется навстречу несказанному свету с небес и, окрылённая, парит и парит в вышине неосознанной святости, будто нипочём ей и страх небытия, и тягость мирская, и стрелы калёные нового охотничьего сезона где-то там, за окоёмом.

И является вера: здесь. Именно здесь и есть на самом деле обитель поэзии непреходящей. Как хорошо и светло. Вот уж поистине,—

«На свете счастья нет,
Но есть покой и Воля».

(А. С. Пушкин).

Кто хотя бы однажды побывал тут, в роще ли, на погосте ли сельском иль посреди холмов на задичавшем лугу, кто испил хотя бы раз родниковой водицы из Гремучего Ключа, тот долго-долго будет, пока пульсирует в жилах горячая кровь, помнить эту поднебесную высь.

Его восхождение на Парнас. Отсюда проляжет столбовая дорога «истинно-человеческой поэзии в России». Сюда будет обращён его взор и в поздние годы, когда «в минуты роковые», в дни неотступных сомнений и горестных раздумий, покажется на миг, что поэзия «отворотилась» от него. И уже находясь на вершине славы, когда лета перевалят хребет всеобщего признания его таланта, он с ностальгической ноткой признается, причём абсолютно доверительно, словно засветит заповедную лампаду перед лицом памяти сердца о всечеловеческом, не знающем ни границ, ни препонов:

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и поэзия одно.

Бог весть,— литературоведы ещё исследуют детально — может быть, А. С. Пушкин именно из этого заповедного стихотворения почерпнул, как из кладезя живой воды, реченное слово и, исполнившись вдохновения, в едином порыве начертал бессмертное: «Я помню чудное мгновенье...»

Не смеем настаивать, однако и размер стиха, и фраза «гений чистой красоты», и «Не умерло очарованье» — как всё этоозвучно, трепетно, пленительно и ярко.

Когда же пойдём по следам темы, найдём и ещё одно стихотворение, «Песня», датированное июлем-ноябрём 1818 года, то есть написанное Жуковским на шестнадцать лет ранее. Но в том же ключе:

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?

В Мишенском зажглась в сполохах заокских зарниц кратким пламенем запредельной провинции редкая по величине звезда поэтического таланта и, вспыхнув ярко, вскоре засияла неугасимо на суровом небосклоне российской литературы.

«Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера /Всё раздаётся, и свеж, вечен Гомеров венец», — скажет Жуковский в 1829 году в стихотворении

«Гомер», предвида как бы и свой тернистый путь в отечественной словесности, в мировой культуре.

Отсюда, неторопкой тропинкой от барского дома на взгорье Мишенского к беседке на «Греевом холме», начнётся Мишенское — не просто место на географической карте, где родился поэт, не только родимый уголок, где «...небеса и воды ясны!». Мишенское в безбрежном океане поэзии и есть тот материк, в гавань которого правят гребцы на челнах многих и многих, если не всех школ и направлений поэзии, от Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока до современных, разноязычных. Велико духовное притяжение его, ибо пушкинское «... чувства добрые я лирой пробуждал» — ветвь от древа благословленного всё с того же материка.

А шукшинское «Нравственность есть правда?» — разве не от того же древа? И всё это в конечном счёте — от народа языковладца, среди которого как раз и взрастала поэзия Жуковского, и генератор Отчизны беспрестанно восполнял духовную энергию литературы.

Сердце его вобрало в себя всё, чем наполняется чаша любви: привязанность к осаждаемо привычному с колыбели, расположение к соотечественникам. Самозабвенное погружение в пору туманной юности; первое и, стало быть, несказанное чувство к той, которая стала «светом в окошке», наконец — долг сыновний и долг гражданственный. «Он и при дворе,— сказал о нём Вяземский,— всё ещё Белёва мирный житель».

Позднее, уже в пору более или менее устоявшегося микроклимата, когда фортуна повернулась к нему лицом и он был при дворе, в один из дней он отозвался удивительным письмом на посещение Белёва совместно с наследником престола — Александром II.

Итак, прибыв в Белёв 13 июля 1837 года, Жуковский встретил радушный приём земляков. Уже на следующий день в доме некоего Щеколдина, где он остановился, его навестили и друзья, и власти предержащие, представители дворянского собрания.

Можно себе представить, как просияло его лицо, когда предстало перед ним превеликое семейство бывшего его слуги Максима Акулова; отпущенный на волю Жуковским, Максим явился пред очи своего бывшего господина с шестью своими сыновьями.

Однако в контексте наших записок об истории края нас в данном случае интересует письмо Жуковского в Белёв. Он благодарит жителей за радушный приём и называет себя Гражданином Белёва.

Находясь вместе с наследником престола в Сибири, в частности, там, где «во глубине сибирских руд» томились узники-декабристы, его жизнь как семьянин состоялась лишь в последние годы, да и, впрочем, умер он на чужбине.

Но куда бы ни заносила его судьба, как бы ни складывались обстоятельства, где бы ни был он сам и куда ни приводила бы его муз, он по-

прежнему оставался белёвичем — подлинно «гражданином Белёва».

Сердце его вобрало в себя всё, чем наполняется чаша любви: привязанность к осязаемо привычному с колыбели, расположение к соотечественникам. Самозабвенное погружение в пору туманной юности; первое и, стало быть, несказанное чувство к той, которая стала «светом в окошке», наконец — долг сыновий и долг гражданственный.

Находясь вместе с наследником престола в Сибири, в частности, там, где «во глубине сибирских руд» томились узники-декабристы, Жуковский всемерно пытается помочь жертвам реакции, облегчить их участь, а уже несколько месяцев спустя, а именно 25 апреля 1838 года, он вручает Тарасу Григорьевичу Шевченко так называемую отпускную Грамоту на квартире Карла Брюллова. То есть благодаря беспримерным чаяниям Карла Брюллова и Жуковского украинский кобзарь Шевченко был выкуплен из крепостной неволи; и стоит ли в этой связи особо комментировать поступок Жуковского относительно «вольной» его слуги Максима Акулова? А действия по отношению к кобзарю? — разве это не иллюстрация к тезису о том, что у истинной величины отчего края нет границ, и что к территории Отчизны не-при-ме-ни-мо ни одно из мер «длины и веса»...

Строка — «О Родина, все дни твои прекрасны!» — далеко не декларация, а именно то, что сумел выразить наш современник, поэт Николай Рубцов.

Иначе и быть не может, потому что даже как бы случайно, ненароком обронённое, в частном письме к А. П. Елагиной, в 1831 году, он обнаруживает неподдельное, именно вот такую же «самую смертную связь».

Спрашивая о детях общего знакомого, побывавших за границей, Жуковский с отеческой заботой и с непреходящим чувством любви к Мишенскому и Долбину, к Белёву и Тule вопрошаёт: «Уж молодёжь ваша, возвратясь из Немеции, не оставила ли там Руси? Надобно жить идеями, но идеями своего места и времени».

Любовь к отеческому — а это и есть любовь к родному краю без границ в известном смысле этого слова,— не нечто мистическое или, хуже того, к психологическим эффектам относящееся, не ностальгия, но траектория Жизни, которая, наконец, определяет и даже саму Ось этой жизни. Ведь даже А. С. Пушкину, звезда гениальности которого воссияла к тому времени на небосводе мировой культуры, он пишет: **«...ка-
кую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно
высокое?»**

Имеет ли он нравственно-этическое право на подобные строки в адрес гения литературы? Безусловно. Он в юности ещё определил себе стези, записав слова о том, что поэзию почитает служением Отечеству. И это кредо было нерасторжимо с требовательностью к себе как поэту, к друзьям литераторам.

В этом же ключе написано, быть может, и самое трепетное об ушедшем Пушкине, в письме к И. И. Дмитриеву: «С каким трудом писал он свои лёгкие, летучие стихи! Нет строки, которая бы не была несколько раз пересказана. Но в этом-то и заключается тайная прелест творения».

Но всё же, всё же... видимо, с годами Любовь к отечеству, жажда свершений во имя отечества не могли бы пройти достойно столь великие испытания на постоянство, если бы не священное действие возвышенных чувств к Маше Протасовой.

А между тем возвышенная любовь, величественные чувства к реальному были и остаются матерью Великих творений; и это азбука творчества, альфа и омега всего совершенного.

Жуковский не раз бывал за границей, впрочем, и сердце его остановилось на чужбине, но душа летела туда, где «...небеса и воды ясны», где песни птичек сладкогласны, ибо всё — Там!!!»

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Всё там!..

Подкупает то обстоятельство, что мечты, отображённые в стихах, воплощались в реальное едва ли не постоянно, если тому не было серьёзных и непреодолимых препятствий. В 1810 году он построил в Белёве дом матери — Елизавете Дементьевне, он возвышался на высоком нагорном берегу Оки, а из его верхнего полукруглого окна открывался вид на заречные дали. Журнал «Русский экскурсант» в номере за 1916 год от 14 января поместил статью Н. А. Шестакова «На родине В. А. Жуковского», в которой есть и такие строки:

«Внизу блестит светлой ленточкой Ока; за нею луга, покрытые зелёною, словно бархатною травою; за лугами насыпь железнодорожного полотна; за ней раскинулась дер. Кураково. Направо из окна видны: белый мужской Спасо-Преображенский монастырь, далее женский Кресто-Воздвиженский, а за ним часть города, за городом, на недалёком расстоянии, виднеются рощи села Мишенского, которые так любил поэт...»

Однако автора статьи привлекла не самоценность местоположения домика в Белёве, а то, собственно, как это самоценное представляется воображению поэта в разлуке, как оно проецируется на сокровенное, неизбыточное. И он переносит акцент своего очерка на впечатление Жуковского от обозрения окружающего в Дрездене, где он находился в 1821 году. Василий Андреевич писал из Дрездена: «Это был точно Белёвский вид с пригорка. Эльба, намного шире нашей Оки, так же точно извивается под горой; в правой стороне город; вдали на горе

Рекниц, похожий на Темрянь; за рекой обширный луг с дорогами. Одна из них, Пельницкая, по берегу Эльбы, как Московская по берегу Оки, другая — на Рекниц, как Тульская; даже влево под горою дом, точно напоминавший Дураковскую церковь, самое отдаление, несмотря на то, что сидели на нём живописные горы Саксонской Швейцарии, имело что-то похожее на рощи, окружающие Жабынскую пустыни; одним словом, с помощью воображения, можно было довольно живо видеть вместо Дрездена милую родину свою».

Можно теперь всяко фантазировать, на что вдохновляли поэта окрестности Мишенского и Белёва, наш же автор полагает, «что этот вид вдохновил поэту его Элегию «Вечер», написанную им в Белёве, как на то указывает дата — Белёв 1806 г. в июле.» А далее автор позволил себе дать пояснение такого содержания, существенного между тем для судьбы произведения; в сноске Шестаков указывает: «Эта Белевская элегия получила новую громкую известность в музыкальном истолковании Чайковского, как дуэт оп. «Пиковая дама».

Но и это в нашем контексте далеко не все. В начале 80-х годов истекшего столетия кандидат филологических наук И. Трофимов сообщил из Москвы в Белёв, что в Центральном государственном архиве древних актов обнаружено одно из ранних писем молодого Жуковского, которое было адресовано другу Жуковского, Дмитрию Блудову, ставшему впоследствии президентом Академии наук. Кстати отметить, что с Блудовым состоял в переписке и А. С. Пушкин. Найденное письмо датировано 21 января 1804 года. Чем оно интересно нашему современному? Тем, что молодой человек, Василий Жуковский, сообщает сугубо доверительно о постройке им собственного дома. В частности, письмо он завершает следующими строками: «Что мне сказать Вам о своей жизни? Она течёт. Она убегает, она следует своим путём! Я всё тот же! Вечно возвожу замки на песке! Ничего действительного, всё кажущееся! Но вот что для Вас должно быть новостью (ибо за шесть месяцев мы написали друг другу лишь два раза; да здравствует лень!), так это то, что я строю и даже начал строить свой собственный дом, чистенький, маленький домик, прелестное место — дом для муз, философии, одиночества, мечтаний — я не добавлю для дружбы, ибо это самое собой разумеется.

Дом расположится на возвышенности; внизу протекает Ока; на другом берегу — обширнейшая равнина, испещрённая тропинками, и усеяна вдалеке садами, деревьями, холмами; я всегда первым буду встречать восход солнца. Перед домом, на склоне горы, я надеюсь разбить сад на английский манер, маленький, но милый, как это и должно быть. Живя никем не видимый в этом пристанище, я, мой дорогой друг, возможно буду доволен своей судьбой».

Но, видимо, так было угодно Господу, чтобы жизнь его потекла в ином, а не в предполагаемом им самим русле, и житейский поворот обернулся крутым виражом в июле 1837 года, когда пути-дороги опять, после долгой разлуки, привели его в Белёв, но уже совместно с наследником престола. В этой связи примечательно сообщение по службе Белёвского городничего майора Колениуса тульскому губернатору: «Потом его высочество изволил быть,— докладывал г. Колениус далее, сперва дав оценку тому, как будущего Александра II встречали жители Белёва и о том, в каком прекрасном доме, а именно — в доме белёвской I гильдии купеческой жены Анны Бунаковой, он остановился, — в доме прежде бывшем состоящего в свите его высочества г. действительного статского советника Василья Андреевича Жуковского, а ныне принадлежащем протоколисту Павлу Емельяннову и близ оного на валу для осмотрения оттуда окрестностей города Белёва и течения реки Оки, показанных его превосходительством Жуковским, наконец его императорское высочество в 9 часу того же утра изволил отправиться из города в сопровождении народа по Калужскому тракту в город Козельск благополучно.

Его императорское высочество изволил пожаловать: хояйке дома Бунаковой бриллиантовый фермуар, протоколисту Емельяннову через посредничество его превосходительства Жуковского золотую табакерку и для раздачи бедным 300 рублей».

По-видимому, с годами любовь к Отечеству не могла бы пройти достойно столь великие испытания на постоянство, когда бы не священное действие возвышенных чувств к Маше Протасовой. Возвышенная любовь есть матерь великих творений,— и это азбука творчества.

Факел любви к Маше Протасовой согрел обитель поэта столь надолго, что энергии тепла сердец хватило на всю жизнь:

С тобой, один, вблизи. Вдали
Тебя любить — одно мне радость;
Ты мне все блага на земли,
Ты сердцу жизнь,
Ты жизни сладость.

Мировая поэзия не ведала подобного. А как же в таком случае Беатриче Данте? А Лаура Петрарки? Несомненно... Конечно же, да! Однако то было подобно волхвованию. Напоминало жречество гениальных поэтов, так как эти образы являлись читателю, уже пройдя горнило поэтического воображения. Образы в данном случае есть совершеннейший плод поэтического воображения.

А воображение Жуковского восходило, напротив, и прежде всего, к реальному; это он сам воспитал, взрастил, окрылил идеал женщины;

причём женщины, не только реально существующей, но привносящей едва ли не повседневно уникальнейшие детали жизни, став и музой в литературной судьбе, и счастьем, и непреходящим горем.

Чувства зачинались слишком бытово, ощутимо и зримо, вплоть до чувственного осознания: зачинались с капли звонкой весеннего пробуждения, а вылились половодьем безбрежного паводка, и долго-долго не вмешались в привычно-земное русло. Более того. Можно ли представить, рассматривая этот факт в нашем контексте: Маша Протасова, девочка одиннадцати лет, скажет однажды, при прочтении вслух Сервантеса, что их друг Жуковский и сам едва ли не Дон Кихот, так как душа его всегда в полёте фантастическом, а сам он так же беден и добр.

В сущности, прозаическая хроника всего этого очень проста. Он — по просьбе родственницы ближайшей, Екатерины Афанасьевны, даёт уроки её дочерям; каждое утро спешит из Мишенского в Белёв на улицу Крутикова; занятия обычные. Но он привносит в них нечто самобытное. И они по сути дела превращаются исподволь в летучие уроки нравственности и этики.

Простор для полёта необычен.

И зыбкими в то время были пока что его представления о своём будущем. О семье, хотя неопределённость в доме отца, Афанасия Ивановича Бунина, его матери, Елизаветы Дементьевны (Сальхи), наводили на грустные размышления и подталкивали к решающей мысли: подыскать избранницу и составить с нею семью. Подумывал о доме в Белёве. О создании крупного произведения. О собственном вхождении в литературу, чтобы непременно путями великих.

Когда занятия уроками были прерваны в связи с отъездом на некоторое время из Белёва Екатерины Афанасьевны с детьми, Жуковский однажды восчувствовался. И было в том «восчувствование» немало и сентиментального, и рассудочного. Это был такой поворот в мыслях и чувствованиях, что сама рука потянулась к перу и оставила в дневнике следующие строки: «Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неясное желание! Можно ли быть влюблённым в ребёнка? Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении её! Третий день грустен, уныл. От чего? Оттого, что она уехала! Ребёнок! Но я себе её представляю в будущем, в то время, когда возвращусь из путешествия, в большом совершенстве!.. Это чувство родилось вдруг... Я им наполнен, оно заставляет меня мечтать, воображать будущее... Я был бы с нею счастлив, конечно!»

Затем череда лет, событий, среди которых особое место займет 1812 год; литературная слава, уж теперь не ведающая границ, после написания «Певца во стане русских воинов», и — одиночество. Но мечты не

реализовались, надежды не сбылись: против их брака была сама Екатерина Афанасьевна.

И письма, письма, письма... друзьям, Маше Протасовой, любезному приказчику сердца — Авдотье Петровне Елагиной.

«... у нас одна болезнь — разлука!»

Это признание поэта в горестные часы стало своеобразным рефреном всего, что происходило затем, что отобразилось в письмах.

Но вот и 1814 год. Наверное, самый суровый — год утрат и разочарований: Екатерина Афанасьевна решительно отказалась отдать Машеньку за Жуковского. «Чтобы не потерять всего,— пишет он из Петербурга Авдотье Петровне Киреевской,— надобно мне уединение и труд... И это всё там, у вас».

И он едет в д. Долбино. В то Долбино, которое он именует просто — «всё там». Долбино, где его любят и ждут. И именно этому селу мы обязаны тем, что здесь, у Киреевских, был создан прелестный Долбинский цикл стихотворений. Долбино воодушевило его, Долбино дало ему силы и предвосхитило прилив новой энергии. Оно, Долбино, охраняло его и впоследствии от злосчастного неверия в себя, в свои творческие силы. О Авдотье Петровна Киреевская (впоследствии — Елагина), урождённая Юшкова,— ангел и хранитель поэта!

«О будь же Долбинский мой уголок спокоен, тих. Храним святыми небесами...» Покоя он не ждёт, покоя и не может быть; но обнаруживается здесь, в Долбине, некоторое равновесие, нечто утешительное в душе.

Вот он в роще. Чеканно строгие клёны косо перечеркнули тропку, а он всё бродит и бродит, очарованный, заворожённый, и шуршит, летуче шуршит под ногами тронутая заморозками палая листва. А рядом бежит в сторону Мишенского говорливая на песчаных перекатах, неумолчая река Вырка.

Вчера он вознамерился «замахнуться» наконец-то на самостоятельную историческую панораму в стихах — «Императору Александру». Едва оперенная фантазия набрала высоту, страх сомнений обуял его. Волнение, незнакомое ранее, охватило трепетное сердце. Поведал обо всём Авдотье Петровне,— и успокоила, и укрепила в мысли, что всё ему из задуманного удастся, и «Императора Александра» доведёт до конца.

А вода говорливой Вырки не знает преград — бежит и бежит, не скованная, в рассеянном свете октябрянского солнца, отёнённая лишь в редких заводях, над зеркалом которых в июньский день веретеном кружат озёрные комары, пока не налетит ласточка-касатка, и отпрянут они под защиту ольшанника; и тотчас мягко спланирует откуда ни возьмись утончённо звенящая стрекоза, замрёт, разверстив чётко очерченное кружало зыбучих крыл, святившихся; и сейчас же, словно по зову

ангела, прольётся над очарованной окружой мелодия жаворонка, встрепенувшегося в завысье неба. То-то прелесть неописуемого забытья... То-то сладость ощущения и самого себя крылатым... То-то кроткость сердечного всплеска и необъятность фантазии ума.

Там, в отдалении, куда бежит река, находится на холме Мишенское... Устремиться бы вослед, подхвативши, ничтоже сумняшееся, полы дорожного плаща, одолженного у самого Долбинского хозяина — «туда, туда, душа моя летела!»

Но не угнаться за временем, не вернуться в прошлое, сколь бы ни манило оно. И он наредкость покорно, смиленно принимает удары судьбы; сполна воздаёт ему лира.

«Я точно спешил писать, как будто бы кто-нибудь говорил мне, что это последний срок, что в будущем всё пойдёт хуже и хуже, и что мой стихотворный гений накануне паралича. Дай Бог, чтобы предчувствие обмануло!»

И что же? Он преодолел тьму печальных предчувствий? Да, наконец-то; пусть и после невосполнимых потерь, фортуна возвзала к осиянному: мать Маши Протасовой дозволила ехать ему с ними в Дерпт, хотя и на правах ближайшего родственника, а стало быть, речи о семейных узах с Машей не могло быть... Окончательно и бесповоротно. Разве не горестные строки любящего поэта преследуют его везде по пятам: «Я люблю Машу... как жизнь. Видеть её и делить её спокойное счастье есть для меня всё, и для неё так же. Но характер матери не таков. Она не может возвыситься до этой чистой, благородной доверенности, на которую я и Маша имели бы полное право...»

В то же время он бунтарски протестует, восстаёт против закоснелых условностей, одновременно находит то, что в обывательском мире не видят другие: «... закон письменный противится бракам между родными, но родства в натуре нет».

И опять непредвиденные обстоятельства, проволочки с отъездом — именно совместно. Нет, нет же: Протасовы с Воейковым уезжают отдельно, а он, Жуковский, терзаясь в сомнениях, ждёт, когда же пригласят в Дерпт и его. Срываются же и мчит. Мчит по дороге, предназначенней выбором. Выбор такие люди, как Жуковский, делают один раз и навсегда!

Что же Маша? Довольна ли Дерптом? О, здесь жизнь — калейдоскоп. Но! — и для неё «всё Там». И она пишет Авдотье Петровне: «Худо мне, моя Дуняша! И сердцу не с кем отдохнуть! С какой бы радостью отдала бурную свою осталенную жизнь за то, чтобы мой ангел милый, хранитель теперь приехал. Как бы бодро пошла вперёд, если должно ещё идти!»

Да, он, конечно же, приехал. Не только навестил, обрадовал, но всей душой уповал на счастье, пусть и усечённое: «Маша, дай руку на сча-

стье... Мы будем вместе, вместе! Как мило это слово после двух месяцев горькой мысли, что мы расстались! Будем достойны счастья!»

А затем? После того как он познакомился с Мойером, по-русски — с суженым Маши? И после того как у него установились с Мойером отношения взаимопонимания и Василий Андреевич убедился в искренности чувств соперника? И когда состоялось венчание Маши и Мойера?

Счастливец! Ею ты любим,
Но будет ли она любима так тобою;
Как сердцем искренним моим,
Как пламенной моей душою?

Увы, роман его жизни кончился. И надо было начинать жизнь с изнова... «Моё теперешнее положение есть усталость человека, который долго боролся с сильным противником, но, боровшись, имел некоторую деятельность; борьба кончилась, но вместе с нею деятельность,— пишет он всё тому же адресату, другу А. И. Тургеневу — но не бойся, я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть... Я смотрю на счастье, которое мне не принадлежит, спокойно; в те минуты, в которые способен я чувствовать, оно только радует меня, и никакое другое чувство не смешано с этой радостью.

Но вообще нахожу в себе равнодушие, для меня тяжёлое, и это равнодушие — во мне самом: внешних причин искать не надобно. Оно похоже на сон, который производит иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчит, и я сплю! Из этого сна должно непременно выйти...»

Современники находили в нём одну черту, которая в главном определяла существо его характера — нравственное состояние, поступки и отношение к окружающему его обществу: великодушие. Он сам обозвал себя. Впрочем, во всём, за что бы ни брался, чему бы ни отдавал своё сердце, он был великолепен. Не случайно Тургенев в письме Вяземскому заметил: «Жуковский сделался великим педагогом. Сколько прочёл детских и учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумал некоторые. Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону: он вложил свою душу в грамматику и своё небо перенёс в систему мира, которую объясняет своему малютке. Он сделал из себя какого-то детского Аристотеля».

О великодушие! — добродетель, пропущенная чрез игольное ушко личной драмы. А иначе как можно понять в свете текущего дня XXI века обращение за советом, как ей поступить в вопросе замужества, именно Маши Протасовой, к потрясённому Жуковскому, когда ему отказали в счастье?

«Я у тебя прошу совета так,— пишет она Жуковскому,— как у отца, прошу решить меня на самый важный шаг в жизни, я с тобой первым

после маменьки хочу говорить об этом и жду от тебя, от твоей ангельской души своего спокойствия, счаствия и всего доброго.

Я хочу выйти за Мойера. Я не закрываю глаза на то, чем я жертвуя, поступая таким образом, но... Я получу право иметь и показывать тебе самую святую, самую нежную дружбу, и мы будем такими друзьями, какими теперь все быть мешает...

Милый Жуковский, я воображаю, что мы все можем быть счастливы!»

А затем читаешь его ответ на это, мягко сказать, «прошение об отпущении грехов» и просьбу благословить, и невольно перепроверяешь свои ощущения, дергая за палец: а может ли быть подобное среди живых, между любящими сердцами? Не подмена ли это искренности? Не подделка? И мысленно возвращаешься к высказываниям друзей Жуковского, что им двигало во все времена в е л и к о д ў ш и е.

«... Нет, Маша,— пишет он, едва ли не бесстрастно. Не выдав ничем буквально своих горьких сожалений по существу случившегося. Не дав повода заподозрить его в естественной ревности! — никак не могу поверить письму твоему! Оно слишком противоречит всему, что я знаю, и в чём был до сих пор так уверен...

Ты одна знаешь. Как я искренно готов забыть все собственное для твоего счастья. Но скажи мне, ты прежде выйдешь за Мойера, а потом уже оставишь всё доделывать времени?

Не должна ли ты, из уважения к самой себе, поступить напротив?! Не святая ли это с твоей стороны обязанность? Сколько для тебя самой личных причин не спешить! Спросись с собой, имеешь ли право так скоро решиться? Неужели ещё года нельзя пробыть в той семье, в которой ты прожила двадцать лет! В год можешь узнать всю будущую жизнь свою! Год может всё заставить забыть; произведёт свычку. Привязанность и даст полное право располагать собою!

Пожертвование сделать легко, но надобно, чтобы оно было нужно. Узнай его! Привяжись к нему сердцем, а не по необходимости!»

А в то же время почва уходила из-под ног. И свет померк в его очах. И ничего уж более, казалось, нет для него впереди. И самого будущего — нет! «Теперь что мне осталось? — в глубокой печали пишет поэт — Начинать новую жизнь без цели. Без бодрости, и за каким счастьем гнаться? Так и быть! Всё в жизни к прекрасному средство!

Но сердце ноет, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили.»

Наверное, ни один из биографов поэта не погрешил бы против истины, взяв в качестве эпиграфа к «Заметкам» о Жуковском эту уникальную по емкости, а в нашем контексте ещё и редчайшую по заключённой в ней силе духа, лёгкую и летучую строку: «Всё в жизни к прекрасному средство!» Однако то, что сложилось согласно умонастро-

ению в письмах к любимой, получило иную окраску в стихах, ибо у великого поэта в стихах самая яркая художественная правда сущего:

Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалой твоей жила.
Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:
Ах! Гением моим любовь твоя была!

Многое, даже глубинно потаённое, найдёт отклик в поэзии национальных поэтов, и каждый из них так или иначе с любовью и благодарностью отзовётся о нём, поэте Жуковском. И прежде всех в этом ряду, конечно же, Пушкин.

Не погрешим и мы, в свою очередь сказав, что это сакраментальное «Всё в жизни к прекрасному средство!» как бы сродни изречениям подобного смысла из непревзойдённого по мудрости Екклесиаста,— холодного рассудка; едва ли не остывшего сердца, когда от гениального мудрого до циничного лишь один шаг. И к таковому умозаключению даёт нам повод подкупающее ангельским совершенством чувство состояния самой Маши Протасовой.

«Ангел мой Жуковский! — пишет она в ту пору, когда, казалось бы, страсти пламенной юности улеглись.— Где же ты? Всё сердце по тебе изныло. Ах, друг мой милый! Неужели ты не отгадываешь моего мученья? Бог знает, чтобы дала за то, чтоб видеть одно слово, написанное твоей рукой, или знать, что ты не страдаешь.

Ты мое первое счастье на свете. Катька мне дорога, мила, но не так, как ты. Теперь я это живо чувствую! Ах, что с тобой делается?! Я убаюкиваю себя надеждой на твой счёт, представляю себе те или иные препятствия твоему возвращению, но ничто меня по-настоящему не утешает и не развлекает.

Катька была больная, но я уверена была, что она умрёт, и тем больше мне её жаль было, что ты её не видел и не так любил, как должно. Катька выздоровела, а ужасное мученье меня не покидает. Мне всё кажется, что счастье показать тебе её сверхъестественно и что если она не умерла, то с тобою сделалось несчастье, что, поскучившись тою жертвою, я должна буду принести ещё важнейшую!

Ах, не обрекай меня! Это естественно, бояться до глупости, когда любишь так, как люблю тебя я.

Дорогой друг! Моё сердце так полно тобой, ему так необходимо открыться тебе, попросить у тебя помощи от жизни и бояться я должна за тебя.

Не вижу, что пишу, но эти слёзы уже не помогают!

Я вчера ночью изорвала и сожгла все письма, которые тебе написала в течение года. Многое пускай останется неразделённым! Я хочу быть

только спокойна на твой счёт — отдаю с радостью наслаждение. Ах, Боже мой! Дай мне моего Жуковского! Брат мой! Твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь за то, чтоб знать, что ты её ещё не покинул на этом свете! Это горе превзошло бы все те несчастья, что я до сих пор вынесла».

Что за чудо эти письма! Каждое, по прошествии без малого двух столетий, будто библейские истории; но в то же время слова в них, словно заклинание, колдовство. Вдохновенное волхвование. Мольба, когда слова молитвы — то раскалённые угли, по которым всенепременно надо пройти нагими ногами, то капли жаром растопленного воска — жгучие и вместе с тем благостные, чарующие и целительные.

Любить до полного отречения от всего, что человеку, гражданину, наконец, любящей матери дорого,— это как бы и не от мира сего: «Твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь...» Стоп! Требуется перевести дух. Ибо крутёхонько... на подъёме таком... В высъ поднебесную. Дыхание перехватывает. Не сорваться бы с такенной высотищи. Ведь речь о дочери, а это, как говорится, на грани... На пределе опасного отрицания... Но читаем далее, и ещё раз: «...за то, чтоб знать, что ты её ещё не покинул на этом свете!»

То есть не за то, чтобы, как мифический герой, воскресить из мёртвых! Чтобы и самой, став заложницей, вызволить из плена «милого дружка», как это в сентиментальных романах.

Впрочем, и вообще — есть ли здесь хотя бы намёк на то, что речь идёт о жертвенности?.. Жертвенности во что бы то ни стало?

Нет, речь как раз не об некоем запредельном потустороннем и т. д., а об сущностном, даже житейском. Мольба об одном, чтобы он, Жуковский, друг души кроткой и возлюбленный христианского сердца не покинул бы её на этом свете. На свете, где всё так неопределённо, запутанно и жестоко; немилосердно, во всяком случае.

Узники условностей века (вспомним, как это у А. Блока: «Век девятнадцатый, железный, /Воистину жестокий век!»), и, как следствие этого обстоятельства, заложники своеволия Света, Жуковский и Маша были обречены на вечную разлуку. Жуковский называет это состояние ещё точнее и оттого беспощаднее: «Я от всех оторванный кусок,— пишет он Авдотье Петровне Елагиной,— и живу так, что душа холодаеет. Был в Дерпте как во сне. Там тихо, но у всех у нас одна болезнь — раз-лу-ка!»

ВОСТРЕБОВАННЫЕ ВРЕМЕНЕМ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

*И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце ожivi.*

А. Пушкин.

И все же есть – есть же, есть! – в богохранимой судьбе Ивана Васильевича Киреевского что-то от жития святого Павла, апостола Христова. Пусть и всего лишь отблеск. Отсвет! Но – есть...

Скажете, возразив: эко хватил! А н нет же, нет. Подлинно, Иван Киреевский, пребывая в лучах сияния духовных спасителей мира сего, светел какою-то неизбытной страстью жертвенности во имя спасения душ человеческих, во имя утверждения идеалов Отечества, вселенской незыблемости Православия.

Итак, был в миру Савл – очень изобретательный гонитель христиан. Однако выпало ему испытать некое житийное потрясение, и... планета его мировоззрения как бы сошла с оси, и он сделался поборником идеалов Нового Завета. Более того, пострадал за веру.

И вот что любопытно. Если учение Иисуса Христа, условно говоря, это космос, то, в совокупности, «Послания» св. Павла – это материк, это земля обетованная христианства.

А Иван Киреевский?

Поклонник Канта. Достойный ученик немецких профессоров. Приверженец Гегеля, с которым был лично знаком. Причем Киреевский – достойный сын своего отца – известного масона екатерининской эпохи. И вдруг – резкий поворот к православию. Поворот к глубоко наци-

ональным, а не к неким так называемым общечеловеческим ценностям. Будто сама мать-Россия призвала его к служению отеческому. И он счастливо услышал этот зов и откликнулся.

Долог, драматично долгой был путь его от протестантского рационализма к православию.

И тернистым оказался путь Ивана Киреевского из-под пленительного влияния Европы к России. Путь, кстати заметить, поруганный просвещенными его современниками.

Село Долбино Калужской губернии — одно из старинных, известных в округе: промыслами, знаменитыми ярмарками, своеобразным укладом. Сюда, на огромное торжище, съезжались крестьяне и тароватые купцы из близких Козельска и Белева, Болхова, Орла и Лихвина, а также из многих других мест и селений. Оно стало родиной и колыбелью ярких талантов братьев Киреевских, Ивана Васильевича и Петра Васильевича.

Их отец, Василий Иванович Киреевский,— человек своего времени. Служил в полку, рано вышел в отставку. Будучи домоседом, собрал приличную библиотеку, много читал, увлекался химическими опытами и... в меру занимался обширным хозяйством, впрочем, был не строг, провинившихся крепостных наказывал справедливо и мягко — по-христиански.

Мать, Авдотья Петровна, урожденная Юшкова, доводилась Василию Андреевичу Жуковскому племянницей; пережила рано умершего своего мужа, вышла замуж повторно, за Алексея Андреевича Елагина.

Детство братьев было счастливым. Они были окружены заботой и вниманием старших в семье. Но отчего же был долгим путь Ивана Васильевича к православию? Ужель не в благочестивой семье воспитаны были они с братом? Как происходил их духовный рост?

Какова же интрига? Где коренится главная причина драмы, постигшей Ивана? Ведь отец, Василий Иванович, слыл человеком образованным; был гуманистом по убеждениям, а медицину изучал пристрастно,— и не случайно, что стал он доктором по призванию, и, кстати отметить, таким доктором, что в 1812 году ему был доверен пост главного врача госпиталя в Орле.

В этой связи уместен и еще один, характерный для той эпохи штрих: Василий Иванович, отчаянно борясь с разразившейся эпидемией тифа, заразился все в том же грозном 1812 году и умер в Орле.

Детей Василия Ивановича и Авдотьи Петровны окружала уникальная среда. С одной стороны, ярмарочная пестрота и патриархальная самодостаточность быта села, расположенного в живописнейшем месте, на крутояре холмистого берега речки Вырки, притока Оки, однако находящегося от губернского города «за горами, за долами», посреди непроходимых лесов. Не случайно село Долбино называлось в просто-

речии — «Черная Пятница». С какой стати? А потому, что пятница — это торговый день. Нерабочий. Тяжелый. Ярмарочный люд на площади — как клокочущее море. А неподалеку — «церковь Живоначальная Троицы да Успения Пречистыя Богородицы». Любопытно, не правда ли? — какой из двух церквей, по сути дела, ансамбля из двух, отдать предпочтение?

Легенда приписывает церкви интересные основания и причины расположения сразу двух церквей в одном ансамбле храма. Суть в том, как повествуется в своеобразной легенде о происхождении церквей, что в связи с тем, что храмовый праздник в селе — это день св. Троицы и так как здесь с незапамятных времен есть весьма чтимая в окрестности икона Успения Божией Матери, то строитель церкви, «видимо не стеснявшийся в средствах, судя по сложенным одновременно приделам, пожелал выстроить две одинаковые церкви во имя св. Троицы и во имя Успения Божией Матери...»

Таким образом, даже в строительстве храма проявились в Долбине свои характерные особенности и в свою очередь некоторым образом, а, возможно, и существенно повлиявшие на формирование местных нравов.

С другой стороны,— в Долбине велико было влияние домашней обстановки, семейного уклада. Киреевские жили в просторном, если не сказать о громном, барском доме, в котором книги составляли приоритетную и предпочтительную часть бытия, а увлечения Василия Ивановича научными опытами составляли главную часть духовного содержания.

То есть ярмарочная стихия, многокрасочная, неистребимо шумная, не ведающая берегов, и домашняя утонченность вкусов, направленное времяпрепровождение, когда чтение заполняло досуг домочадцев — и все это посреди напевной природы с неброскими и душевно привлекательными пейзажами, с заречными далями неоглядными, когда очаровывало все от пойменного, светло украшенного луга до темного леса над горизонтом, дубовой рощи на склоне и звонкой околицы с одинокой ветвой при дороге. А еще со снегами в зимнюю пору, когда домочадцы любили посумерничать под дремное завывание ветра в печных трубах.

Сказывают и ныне, две сотни лет спустя, что в барском доме с просторными и многочисленными комнатами, в которых можно было и заблудиться невзначай, зимними долгими вечерами, засидевшись в одиночестве, можно было услыхать, где-то, за анфиладами комнат и тесных переходов, потаенно-легкие, почти летящие шаги фантастических привидений.

А тут еще и увлечение отца семейства книжками мистического содержания, идеями масонства, и все — на языках европейских; его же

философические упражнения, его романтические раздумья и наезды гостей, чаще всего гостей того же круга и тех же интересов.

И что удивительно и любопытно в этом калейдоскопе: сказывали, что хозяин наказывал за провинность своих дворовых тем, что ставил у иконы, с тем чтобы они клали многочисленные поклоны. Но в то же время собственные детивольно или невольно взрастали не без влияния германского протестантизма.

В эту особенную атмосферу вносили дух живых перемен Василий Андреевич Жуковский, посещавший Долбино.

Более того, в 1814 году поэт поселился в доме Киреевских и на время стал воспитателем Ивана и Петра. Будучи известным, он не порывал с кругом друзей, по сути дела, с детьми известных масонов. Много в этом кругу значило одно только имя — директора Московского университета Ивана Тургенева.

А если прибавить еще и имя известного масона Лопухина, фактически являвшегося духовным наставником Жуковского, то станет понятным, отчего, в частности, Иван Васильевич не мог длительное время выйти на тропу к православному храму. Кстати отметить, что и Василий Андреевич, спасаемый Богом, отошел-таки от влиятельных особ масонского двора, медленно, исподволь, как бы плавно растворился в лучах православия,— но это произошло в глубоком возрасте.

Однако был и еще один человек, пришедший, в частности для Ивана Киреевского, как бы из внешнего мира, но сопредельного, который силою внутренней своей логики подвигнул к сакрментальному, к решающему выбору, побудил трудиться над основополагающими принципами устройства, с одной стороны — русского, православного, с другой — западноевропейского.

В сущности, это, последнее в ряду перемен, и сделало кардинальный поворот в отыскании принципов устройства души национальной в русской мысли. В равной степени, противники его теории, апологеты западничества, особенно в лице П. Чаадаева, представали перед широкой общественностью не поборниками передовых идей, а, напротив того,— как бы ни парадоксально это звучало,— циниками от революции.

Что произошло?

И. В. Киреевский, после неудачной попытки издавать журнал «Европеец», пребывает в новых мрачных раздумьях, хотя опять подвергается искушению со всей страстью литераторской подвизаться в каких-либо столичных журналах. Но женитьба на той, к которой были обращены в последнее время все его горячие чувства,— Наталье Петровне Арбеневой, внесла и в быт, и в суждения о подлинной, а не о призрачной национальной культуре существенные корректизы. Он основательно пересматривает свои ранее высказанные суждения и обращается к церкви.

Накапливаются знания по истории религии, множатся собственные заметы по существу прочитанного, штрихи аналитических оценок проходящего вокруг и в философии как науки познания. Расширяется круг близких ему людей — подлинно верующих, воцерковленных, прокладывается тропа в Оптину пустынь под Козельском.

Пытливый ум, а если точнее, прозрённое сердце Ивана Киреевского ведет его через новые испытания, и он становится в этих перипетиях более чутким к пульсу отечественной мысли, — русской мысли! — приглушенной и опошленной в годы петровской эпохи, когда на потребу якобы очищения от мракобесия и во имя приобщения к западноевропейской культуре попирается все традиционное, имеющее национальные корни в глубокой древности.

Порой у современников Ивана Васильевича складывается впечатление, что он в своих исканиях прошел за добрую часть своей жизни весь тернистый путь Святой Руси.

Были ли у него на этот момент противники? Оппоненты?..

Были! Да еще какие! Тем более, у родного очага. Отчим, А. А. Елагин, ортодоксальный нигилист, хотя и герой войны 1812 года, — бравировал тем, что напрочь отрицал божественность Иисуса Христа.

Но все одолела, превозмогла из суетного и одиозного, отринула навязанное домашним окружением и с трудом, однако протиснулась все же к искомому ищащая его пытливая мысль. И в этой цепи исканий находится одно звено, принадлежащее к истории Белева. В 1839 году, устремленный к цели приносить хотя бы малую пользу Отечеству, Иван Васильевич с готовностью возлагает на себя предложенную ему должность почетного смотрителя Белевского уездного училища.

На первый взгляд непосвященного, тем более еще и скептика, этот его шаг мог бы показаться несколько странным и непоследовательным. Но есть одно «но». Белевское уездное училище было предназначено для обучения детей ремесленников и прочих людей разнообразных промыслов, вплоть до чад крестьянского сословия. Как это логично согласовывалось с тем, что в раннем детстве душа мальчиков, Ванюши и Петруши, входила в соприкосновение с бытом и укладом дворовых, крепостных крестьян, купцов и мастеровых округи, включая Белев, Болхов, Козельск, Лихвин с волостями и дворянскими усадьбами.

И как естественное продолжение порывов души, отзывчивого на людские страдания сердца, стало его обращение к попечителю учебного округа С. Г. Строганову с программной разработкой методов и принципов просвещения в Отечестве. Назывался этот документ просто: «Записка о направлении и методах первоначального образования в России».

Речь здесь главным образом опять-таки не о реформе просвещения как такового, а о воцерковлении самого образования народа. Как в этой

связи не обратить взоры наши на большевистские преобразования в народном просвещении и в этой же плоскости на реплику А. И. Солженицина, что в СССР существовала «образованщина», а получившие дипломы по окончании вузов — «образованцы».

Не с этой ли точки зрения и сами труды Ивана Васильевича считались, с легкой руки комиссаров от образования, по меньшей мере нематериалистическими, оторванными от реальной жизни? А само славянофильство (как движение мысли) — заблуждением?

Что главное в выдвинутом Киреевским принципе? Это — просвещение не только ума, но — сердца!

В 1854 году Иван Васильевич обращается теперь уже к министру народного просвещения с запиской — «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах». Что это в чредеисканий? Не постулат ли евангельского толка о том, что в начале было Слово?

Но ограничился ли чрезвычайно деятельный теперь Иван Васильевич программно-административными «записками» в инстанции по службе? Ничуть не бывало! Он дискутирует в кругу друзей и близких по духу; он спорит с Алексеем Степановичем Хомяковым по поводу статьи последнего «О старом и новом»; и в этот водоворот сшибки мнений и позиций втягивается все большее число лиц, кому далеко не безразлично, какими путями пойдет Родина; а ведь приближалась та черта в общественном самосознании, когда империя избавится от крепостного права.

Поиск направления в общественном обустройстве, в устройении жизненного уклада, а стало быть (и прежде всего!), устройении души человеческой, Иван Васильевич Киреевский утверждает, что только философия христианства может служить основанием народному образованию, а в конечном счете — преобразованиям духа империи.

Наконец, он пишет фундаментальную работу — «О характере просвещения России и его отношении к просвещению Европы» (1852 г.). Иван Васильевич Киреевский полагает, что в этом аспекте Европа и Российская империя на данный момент — это два прямо противоположных полюса: в Европе (на Западе) — разделение духа, в России — стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего.

Незримое на карте России Долбино... Долбино, этакое вместилище безудержного нигилизма, когда и во всей России витал дух наполеонизма, когда царила в умах просвещенного общества идея братства избранных, то есть — элиты масонских лож,— становится постепенно, под воздействием умопремены самого ее молодого хозяина, Ивана Киреевского, подлинно маяком на путях русской мысли. Сюда летят письма из столиц государства и из-за рубежа; сюда приезжают из Оптиной Введенской пустыни, и прежде всего старец Макарий; сюда стремится Николай Васильевич Гоголь.

Не случайно мыслящие люди ближайшего окружения Киреевских, в том числе поэты Жуковский и Языков, старец Макарий и старец иеромонах Амвросий, подводят общественное мнение к мысли о том, что именно здесь, в Долбине, говоря образно, бьется теперь сердце России.

А как иначе, если сам хозяин сельца, Иван Васильевич, которому досталось оно после раздела имений Киреевских, запишет в дневник: «Господи! Дай мне силы и постоянное желание быть истинным во всех изгибах моего ума и сердца!»

Не о здоровье он просит Всевышнего, хотя оно пошатнулось у него, не о счастье бытия (что, собственно говоря, естественно для смертного), не о спасении, а — сил и еще раз сил и постоянного желания «быть истинным во всех изгибах моего ума и сердца».

Вот из какого источника черпается энергия созидания отечественного духа, ибо без силы духа ничего не делается во всем белом свете, и без присутствия духа любое действие, даже самое дерзновенное, обречено на провал, а борьба — на поражение.

На чем, собственно, построен фундамент славяночубия как направления русской мысли? На споре двух его столпов, Ивана Киреевского и Алексея Хомякова. Сперва Хомяков публикует заметки под заголовком «О старом и новом», на что Иван Киреевский откликается статьей «В ответ Хомякову», затем, спустя около 13 лет, Киреевский выдвигает фундаментальную программу «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», а Алексей Хомяков разражается не менее устойчивыми тезисами «По поводу статьи И. В. Киреевского».

И воспыпало пламя противостояния западников и славянофилов, воспыпало так, что искры его долетели до сознания людей XXI века. В столкновении двух великих высекается искра для эпохального зарева над Отечеством. В столкновении двух прямо противоположных суждений о путях развития национального родилась четко очерченная, какая-то обьюдоострая, беспредельно полемическая, феноменально отточенная фраза: «История других народов — повесть их освобождения. Русская история — развитие крепостного состояния и самодержавия».

Вот уж воистину, прочтешь этакое и не знаешь, куда глаза свои отвести: все правда! А вот кинешь взгляд на изречение А. С. Хомякова и засомневаешься вновь: кто же более прав — идеологи славяночильства или западничества? «Размножение новых сект, разложение древних исповеданий, отсутствие всякого установившегося верования, таков в религиозном отношении протестантский мир. Вместо жизни мы находим ничтожество или смерть». О как беспощаден Хомяков; и, как явствует, эта пронзительность не от полемической запальчивости: сам рок говорит его устами.

Что же, в конце-то концов, это, последнее у Хомякова, приговор? Наверное. Рационализм западного образца вытесняет, выдавливает природное естество из древа истинной веры. Однако обескуражен и другой апологет западничества, Герцен, бросивший следующее: «Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей,— просвещенных рабов».

И все же (не в порядке примирения двух противоположностей, а во имя логики русской мысли, аккредитованной в двух противоположных лагерях), ведь А. И. Герцен, сам ударивший в Колокол вечевой Руси, с тем чтобы воззвать живых, увидел в славянофилах не недругов своих, а в некоторой степени прорицателей, провидцев и, в противовес П. Я. Чаадаеву, оптимистически настроенных предсказателей. «Они поняли,— опять-таки вопреки всяческой хуле Чаадаева на современную ему, Николаевскую, Россию,— что современное состояние России, как бы тягостно не было,— не смертельная болезнь».

Западники ищут идеалы России за ее пределами, в просвещенной Европе, единятся в масонских ложах, идут на баррикады, зовут в революцию за собой, пытаются устроить республику, свергая монархии, а славяне на крутом изломе эпохи делают поворот в сторону народа. «Выход за нами,— говорили славяне,— выход в отречении от петербургского периода, в возвращении к народу, с которым нас разобщило иностранное образование, иностранное правительство, воротимся к прежним нравам».

Но — увы! — еще ни одна река в мире не обратилась вспять. Но — увы! — ни один переворот, в конечном счете, не обернулся народу в целом благоденствием. Где же он, где тот самый «город Солнца»?

Видимо, прав Александр Иванович Герцен, сказавший относительно славянофилов, что «возвращение к народу они тоже поняли грубо...»

ИЗДАТЕЛЬ КОЛЛЕКТИВНОГО АВТОРА

Киреевский Петр Васильевич.

*Родился 11 января 1808 года в с. Долбино;
умер 25 октября 1856 года в д. Киреевская
Слободка Орловской губернии. Создатель перво-
вого национального фольклорного свода.*

« **А** вторство почитаю службою Отечеству...» Так запишет юный Жуковский, готовясь стать гражданином Российской империи. Его воспитанник по Долбину, Петр Киреевский, подхватил державную мысль об авторстве и стал собирателем устного народного творчества — творчества коллективного автора, как принято называть фольклорное сокровище любого из народов земного шара. Личностная установка Жуковского преобразовалась у Петра Киреевского в конкретное дело, и он наполнил его реальным содержанием. Ведь Жуковский сказал далее и следующее: «Авторство мне надобно почитать и должностью гражданскою, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством».

Ангельски чистая, подвижнически трудоемкая «должность» выпала на долю Петра Васильевича Киреевского. Она вывела его на глубины народной жизни и, наделив особыенным слухом к мелодике песни, вложила в руку вещее перо собирателя фольклора. А еще судьба одарила его талантом организатора кропотливейшей работы фольклориста с большой буквы, талантом пионера этого дела. А если точнее, то по воле Божией он стал организатором подвижничества; вдохновителем и чернорабочим собирательства.

И знаменательно, что он родился в Долбине, в своеобразном центре языческих празднеств. Народные гулянья и вечерние посиделки запали во впечатлительную душу мальчика Петруши, и уже во взрослые годы,

как бы настоящие на стихийном таланте Центральной России, чувства вылились в служение фольклору, а тем самым — родине.

Песни и пляски, энергия поэтического слова, рожденного в недрах славянской души, и каскад шутейных куплетов-прибауток из уст скоморохов, словно из рога поэтического изобилия, ритмичный шум и перестук самодельных трещоток, голос пастушеской свирели — все это манило, притягивало, очаровывало таинственным волшебством дворянских отпрысков, нерасторжимо связывая в цельное — культуру домашнюю, непременно западноевропейского толка и изначально национальную, от вятическо-сарматских истоков.

Связь культур. Родство культур. Полифония культур. Все эти посылы легко и как бы исподволь зrimo оживали и преображались в достойное, в цельное под влиянием Петра Киреевского.

Полиглот, Петр Васильевич говорил на семи иностранных языках; учился за границей, где слушал лекции известных немецких философов, переплавляя в сознании полученные знания в конкретное на национальной почве.

В 1832 году он возвращается из-за границы. Дворянин обязан был поступить на службу, но уже гуляло по свету метко-ядовитое выражение, оброненное литературным героем Грибоедова: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Наконец, при содействии В. А. Жуковского он был принят в Московский архив Министерства иностранных дел актуариусом при комиссии по изучению грамот. Познания его были обширны, занятия переводом Шекспира, Кальдерона позволили отточить литературный вкус, а знакомство с Пушкиным и участие в его судьбе Жуковского подвигнули к фольклору. Языков, как говорили раньше, «надоумил» друга заняться собирательством.

Долбино для Петра Киреевского — начало начал; Долбино — превечный свет в окошке, звонница в заветном восхождении к горнему свету православия. Долбино — удивительная пора поэтического взлета Жуковского, его печаль и святость. Жуковский поселяется здесь после череды неудач, после ударов судьбы, когда он просит руки Маши, но ему вновь и вновь отказывают в этом.

Здесь, в Долбине, Жуковский находит приют, и здесь, в борении двух культур, западноевропейской и сугубо национальной, его поэтический корабль меняет оснастку, и он выходит на простор отечественного Слова. Это была его прекрасная Долбинская пора. Именно отсюда Жуковский напишет другу Тургеневу подчеркнуто краткое, емкое: «Еще жить можно!» (О, сколько раз будет повторено это, ставшее крылатым, выражение).

Вот у Пушкина была счастливая Болдинская осень, у Жуковского после стольких житейских несчастий — Долбинская (нет, это не каламбур, так распорядились обстоятельства). Впрочем, и сам он, одолевае-

мый какими-то, едва ли не суеверными, мистическими какими-то предчувствиями, напишет о своем душевном состоянии: «Я точно спешил писать, как будто бы кто-нибудь говорил мне, что это последний срок, что в будущем все пойдет хуже и хуже, и что мой стихотворный гений накануне паралича. Дай Бог, чтобы предчувствие обмануло!»

Здесь из-под его пера вышли такие искрометные стихотворения, которые окрасили его творчество в свежие тона, абсолютно исключив мотивы подражания, словно на палитру его словоживописи положила небесная десница все лучшее из народного Храма искусств. Многое стоят его долбинские стихи, рожденные здесь в духе обновленной поэтики, и прежде всего: «Максим», «Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь», «Любовная карусель» (тульская баллада).

По мере продвижения русской мысли вперед, в какую бы из ниш революционного подъема ни вкладывали декабризм, последовавшая за разгромом декабристов эпоха останется в умах человечества как логическая реакция государственников с целью упреждения разгула центробежных сил империи. Другое дело, хорошо ли это или плохо для личности, тем более творческой, вольнолюбивой. Но последовательность во всяком случае исторична: от эпохи Николая I с ее имперским патриотизмом к временам, не менее трагическим,— Александра II.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Так все это отобразилось в мировоззрении Александра Блока. И это естественно в высшей степени: в годы глухой реакции, в дни духовного кризиса, в часы смятения и растерянности общественность вновь и вновь обращает свой взор на сущность народа, в поиске истины находит истоки его выживаемости. Подвиг Петра Киреевского — характерный тому пример.

Словотворчество тысяч безымянных и одаренных — это Земля обетованная Литературы. Это материки культуры. Отечественные писатели всегда исходили как творцы культуры из генератора устного народного творчества. Если автор талантлив, если его работа со словом от корней отечества, то он непременно испытывает магическую силу в своем творчестве и притяжение фольклора.

В этом контексте следует упомянуть прежде всего Алексея Кольцова, хотя, впрочем, он сам был гравитационным полем russкости, былинности в своих уникальных песнях. Его песенная поэзия — это естественное, полнокровное, выполненное могучей силы притяжения «мать-сырой земли», продолжение традиции, ее непрерывности во времени са-

мого Отечества и в литературе. Его творчество не просто от корня национальной литературы; оно — альфа и омега ее, причина и следствие подлинно народной глубинности.

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

Это не клочок земли крепостного и, следственно, закабаленного, замордованного крестьянина, на котором он, клочке этом, от сезона к сезону пашет, боронит, сеет и жнет. Нет! — это масштабы Руси. И сама степь — это символ шестой части суши с «названьем кратким — Русь!» (С. Есенин).

Косарь Кольцова — это вольный человек. Вспомним в этой связи изречение А. С. Пушкина, которое проясняет смысл и глобальность идей, заложенных в слове «воля».

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...

У Кольцова — это прежде всего воля духа. Торжество духа. Косарь Кольцова — это как бы человек Вселенной, исполин труда, а вот по своему образу жизни, по укладу — земледелец, строящий свое бытие сообразно чередованию сезонных и элементарно полевых работ. Только вольный духом живет заботами о земле, которую надо обрабатывать, надо засевать не как поденщику, а — как пестователю. Ведь ему же, именно ему в посезонности и холить посевы, пестовать ниву и день и ночь стоять у колыбели Зерна, народившегося в колосе. Все ему и только ему. Но ему же эту самую ниву и оборонять от недругов, от неприятеля, от ворога лютого...

Как жеозвучны эти два слова: боронить и оборонять. Словно однокоренные. Оборонить — в смысле постоять за нее во брани смертной, и боронить — в значении взрыхлить, дать почве воздуха до первого грозового дождя. Не из этих ли истоков и — «Люблю грозу в начале мая...»?

Коса, степь, косарь, да и, впрочем, само «племя» его, которое шире дедова, и «ветер с полудня» — это как библейские символы, вошедшие в кровь и сознание Человека Разумного.

Когда Кольцов дает картины вольного труда, есть ли в строках ощущение некрасовской муки-мученской? Подневольности? Нет и нет! Словно исполин знает наперед: все это, из атрибутов крепостничества, — тлен, все это преходящее, и лишь воля — превечна.

Создается впечатление, что Петр Киреевский, пустившийся по Руси за песнями, предугадал всем своим трудом во имя Руси такое явление в отечественной литературе, как Кольцов. Кольцов эпический; Кольцов — личность с проникновенной лиричностью, у которого «соловьем залетным юность пролетела», Кольцов — вечный путник на дорогах святой Руси, молитвенник на росстанях вселенского торжества и вселенского неутешного горя. Горя-злосчастья! И в то же время заслуживает особого разговора драматургическая канва поэзии Кольцова.

Немало сломано копий по существу «свободы» и «воли». Полемика продолжается. Иные, бросив на плаху истории глубоко национальное, распинают саму сущность народной воли и даже изощренно изгаляются над национальными ценностями апологеты безудержной демократизации на западный манер. Причем волю толкуют как элемент или даже условие безудержного беспредела.

Но совсем не то имели в виду и Пушкин, и Петр Киреевский. Наверное, и на самом деле, лиши человека нравственных укрепов, каковыми превечно являются православная Вера, Нагорная проповедь — и все обратится во прах. Но об этом, о вере православного человека, не говорят известные хулители воспетой Кользовым Воли.

Петр Киреевский бережно собирал народное творчество, ставя в отведенный логикой ряд песни былинного строя. В частности, представленные поэтом Языковым имеют несколько вариантов песни «Не шуми, мати зеленая дубравушка!» Они своеобразны, да и сама песня включена А. С. Пушкиным в повесть «Дубровский» и в повесть «Капитанская дочка».

Что в ней примечательного есть? — есть драма! Драма души вольного человека. Однако этот лирический герой песни, исповедующий волю, а не беспредел, умел грешить, но и умел ответ держать за грехи свои тяжкие. Вот его покаяние и пред лицом земли, и пред народом, и пред царем-батюшкой, пред государем:

Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Умел ты воровать и умел ответ держать.
Я пожалую тебя хоромцами,
Хоромцами некрытыми,
Об двух столбах с перекладинкой.
Такова она, воля Государя, царя-батюшки.

Итак, «воля» в устном народном творчестве — это двуединое понятие, как обрудоострый меч. Уместно напомнить изречение из Нового Завета: «Не мир я пришел принести, но меч!» А вот сам же Петр Киреевский запишет следующее: «Сила воли — есть сила жизни; самобытная сила — судьба».

Петр Киреевский никак и нигде не декларировал, что он и есть патриот, не выделял из контекста, не выпячивал наружу сокрытое глубоко в сокровенном. Однако его современник, автор «Толкового словаря живого великого русского языка» оставил на этот счет любопытные заметки. Несколько слов из его воспоминаний о поездке в Копенгаген: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу и отчество моих предков, мое отчество. Ступив на берег Дании, я на первых порах окончательно убедился, что Отчество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отечеством моих предков...»

Стало быть, Отчество, родину, не выбирают, как товар на рынке, как предмет быта, элементарного домашнего обихода. Чувство родины входит в твое сердце как несущая жизнь кровь, токи которого не ощущаешь физически, телесно, как вещь, но чувства полнят твою душу с биением сердца от соприкосновения с родным, отеческим, особенно после тягостной разлуки, когда даже «дым отечества так сладок и приятен».

Надо ли перечислять, какое влияние и на каких художников слова оказало влияние Собрание песен Петра Киреевского? Ведь это и Лермонтов, и Гоголь, и Некрасов, и Успенский, и Толстой, и Шолохов, и Твардовский в особенности, и Николай Рубцов. Необходимо лишь подчеркнуть одну деталь в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Иронично-комический рассказ Тургенева «Лыгов» заканчивается на редкость краткой и в то же время энергичной фразой: «...На селе раздавались песни».

И это все о том, что русский человек, которому, по сути дела, посвящена литература великого народа, не может без песни, и это всем своим существом ощутил и осознал Петр Киреевский. Потому что, если исходить из его концепции собрания песен, — песня — это состояние души русского человека.

«Он постоянно поет,— записал А. И. Герцен однажды,— и когда работает, и когда правит лошадью, и когда отдыхает на пороге избы».

ЗАСТУПНИК «МУЖИЦКОГО ЦАРСТВА»

Не божьей ли милостью и сами обитатели этих селений были умельцами и своего дела и своих занятий; были на редкость талантливы; наделены умом пытливым, а сердцем взыскательным и чутким; наконец, были любимы в родном очаге и почитаемы, как бойцы, в своем стане. И много привнесли, к тому же, в сокровищницу отечественной культуры. Ныне мы все то, что оставили они после себя на земле благодаря неустанным трудам своим, называем народным достоянием.

И вот что примечательно в этой связи: дано им было божьим промыслом обитать в одном и том же kraю и, будучи в столице, соединить свои стези на одном и том же поприще.

Константин Кавелин младше своих земляков-друзей, Ивана и Петра Киреевских, соответственно, на 12 и 10 годков. Броде бы дистанция в возрасте для той эпохи существенная, чтобы в стремительно сменяющихся вехах и пристрастиях, в том числе политических, оказаться, так сказать, по разные стороны принципиальных «баррикад». Однако же случилось иначе.

Как писал их современник, в Москве «...из товарищей Кавелин ближе сошелся с братьями Елагиными, Валуевым и П. В. Киреевским, и получил благодаря им доступ в Елагинский литературный салон. Если Кавелин и не сделался славянофилом, а примкнул позднее к западникам, то все же в его воззрениях навсегда остались некоторые славяно-фильские тенденции, усвоенные им в молодости в Белевском уезде (сельцо Иваново, д. Зеново). И что удивительно, он ведь едва ли не с одинаковым пристрастием посещал и другие кружки, иные салоны — Свербеевых, Павловых, Хомякова, Чаадаева, но остался под впечатлением елагинского салона — «...у Красных Ворот».

Так что же за явление такое был этот самый елагинский салон «У

Красных ворот», если знавшие это и ещё одно чудо света торопились всенепременно оставить запечатленными на бумаге свои краткие замечания о нем?

Чем притягивал он, подобно небесному светилу, такую великолепную плеяду звезд отечественной культуры, если среди избранных здесь бывали Пушкин, Гоголь, Баратынский, Языков, Хомяков, Самарин, Гравновский, Герцен, Огарев, Чаадаев, Даль, конечно же, К.Д. Кавелин и Мицкевич?

Сам Константин Дмитриевич рассказывал в своих воспоминаниях не без душевного трепета: «Авдотья Петровна не была писательницей, но участвовала в движении и развитии русской литературы и русской мысли более, чем многие писатели и учёные... Не было собеседницы более интересной, остроумной и приятной. В разговоре с Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замечая, как идет время. Живость, веселость, добродушие, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при её личном знакомстве с массой интереснейших личностей и событий... и ко всему этому удивительная память — все это придавало её беседе невыразимую прелесть».

А ещё Кавелин восторгался тем, что «...приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранцы, являлись в салон Елагиных».

Что это было? — у Красных ворот столицы? Как и каким образом выстраивались здесь взаимоотношения между завсегдатаями Елагинского салона? В нашем контексте следует, пожалуй, выделить один примечательный факт, именно ко времени окончательного утверждения в мысли о необходимости отмены крепостного права в России, в московском Елагинском салоне многое переменится. Иван Киреевский, идейный вдохновитель салона, не будет более внушать мысль, что все стоящее следует «брать на Западе». Более того, войдет в русло плодотворного постоянства устраивание так называемых письменных диспутов. То есть Иван Васильевич станет подбивать А.С. Хомякова написать статью по проблемным вопросам, с тем чтобы кто-то полемизировал в ответ, и т. д.

Подобное погружение в святая святых исповедальных представлений якобы об особом пути развития России испытает и Кавелин, что не замедлит отразиться в его работах на этот счет. Предметно ознакомившись с трудами столпов философской мысли Европы, побродив в краях, ему близких и родных, между Окой и Волгой, он представит мировоззренческое пространство в ином свете. Подметит коренное различие между Россией и Западной Европой, «между общественностью и культурой нашей и романо-германской. Он увидел тщету и вред легкомысленных заимствований,— заметят о нем позднее,— для нас с Запада политических форм и увлечений «последними словами» европ-

пейской науки и изложил свои воззрения в двух монографиях: «Дво-
ричество и освобождение крестьян», «Мысли и заметы по русской ис-
тории». Как все это перекликается с переменой основной мысли в
воззрении Ивана Киреевского.

Так что же подвигнуло его к самому решительному, к бескомпро-
миссному в разрешении крестьянского и других насущных вопросов,
если не первоначальное, «на заре туманной юности», соприкоснове-
ние с судьбами крестьянства, которому монархическая держава обя-
зана изобилием хлеба, если не первые впечатления от пребывания
в отцовском сельце Иванове Белевского уезда, если не знакомство,
переросшее в дружбу, с Петром Киреевским, собравшим воедино
сокровищницу устного народного творчества, в коем «Плач» и как
жанр фольклора, и как состояние души человека из народа занял цен-
тральное место.

Иваново... Этот уголок приокского края, этот кусочек земли, не
всегда отзывчивый на хлопоты об урожае, благодатно влиял на развитие
в Кавелине здоровых начал по отношению ко всему отеческому, к рус-
скому человеку вообще и хлеборобу в частности. Именно сюда, к этому
родовому поместью, обратит он взор свой, когда крестьянская реформа
(1861 год, отмена крепостного права) начнет давать сбои, и надо будет
всё самому проверить на практике. В деревне Иваново, памятая об
опыте своего предшественника по белевскому краю в энциклопедичес-
ком устроении села, Василия Алексеевича Левшина, ученого-энцикли-
педиста, основателя экономической школы в Отечестве, Кавелин станет
настойчиво, с похвальной рачительностью вводить многопольную сис-
тему севооборота.

Здесь, в сельце Иванове, он обустроит барский дом согласно со
временем, возведет новые хозяйские постройки, и — впервые в этом
приокском краю! — заведет сыроварню, а также учредит Сельский банк
и откроет две школы для детей крестьян.

К. Д. Кавелин по заслугам причислен в деле собрания песен родного
края Петра Киреевского к не столь обширному числу, образно говоря,
«вкладчиков». Он занял достойное место посреди широко известных в
то время людей: таковыми «вкладчиками» стали братья Языковы, Н. В.
Гоголь, А. Н. Кольцов, М. Г. Погодин, П. И. Якушкин, А. Х. Востоков,
С. П. Шевырев.

К сожалению, не всякий знает, что в ряде песен, собранных Каве-
линым в белевском крае, его имя, как говорили в старину!, «величается»
с особенным каким-то тиктом и признанием. Причем при публикации
составители отнесли в разряд пояснений любопытные комментарии:
«В этой песне и других (264—266) величают самого собирателя — Кон-
стантина Дмитриевича Кавелина».

Константин Дмитриевич,
Не ходи по бережку,
Не ступай по камешкам,
Не проломи сахъян сапог,
Не намочи шелков чулок,
Не срони своей шапочки
Семьсот золотничков.
Константин Дмитриевич,
Кто вас шапкою дарил?

Воробушек-воробей,
Сколь далеко отлетал?
— Я от сада до сада
До красного вишенья,
До черной смородины.—
Ай, молодец-то молодец,
Константин Дмитриевич,
Сколь далече отъезжал?

Разумеется, об этой сфере деятельности Константина Дмитриевича разговор особого свойства, но, однако, в том, что представил он из белевского края другу Петруше Киреевскому,— заслуживает пространного обозрения. Собранное им выгодно отличается цельностью и непосредственностью восприятия, красочностью языкового материала, характерной стилистикой, узнаваемостью, ярчайшей отличительной чертой. Что важно выделить? Песни края объединяет в гармонично-синхронное многоголосие, присущее окскуму побережью,— образ, как бы кочующий из одной припевки в другую, девицы Настасьи.

Зимой — летом сосенушка зелена,
В пятницу Настасьюшка весела.

Нет сомнения, что во всём здесь чувствуется литературный вкус самого собирателя фольклора — литератора талантливого, знающего толк в национальном наследии, исповедующего православие.

Вот как в этом ключе подан сельскими творцами песен и сам образ Кавелина:

А кто у нас не женат?
А кто ж у нас холостой?
Константин-свет не женат,
Дмитриевич холостой.

Константин Дмитриевич,
На что ж тебе любов цвет?
— Чтобы девушки любили,
Молодушки хвалили.—
Константин Дмитриевич,
На что тебе, молодец, маков цвет?
— Чтоб я, молодец, цветен был.

Его деяния, его устремления в обустройстве села во всей России, его настойчивость, неуклонная последовательность в реформировании всего крестьянского уклада подпитывались белевской действительностью, горьким житьём-бытьём крестьян Поволжья, Самарской губернии, где также были родовые поместья большой семьи Кавелиных. Тем самым его статьи по поводу освобождения крестьян от крепостной зависимости, его речи в кругу единомышленников, и в стане идейных противников вызывали уважение. Ведь это были плоды работы ума практического, Кавелин, в сущности, и саму Россию в этом аспекте называл не иначе как только «мужицким царством».

Будучи человеком широко образованным, привлекательным по причине исключительной честности своей натуры, необычайно сердечным, Кавелин заражал окружающих его людей душевной страстью преустройства крестьянской России. Этой его страсти, личному влиянию, его обаянию как мыслителя с горячим сердцем и трезвым умом обязано русское общество той эпохи благодатным переменам.

В контексте юбилейных характеристик Василия Андреевича Жуковского, современники ныне стали все чаще упоминать имя царя Александра II, которого громче и громче называют не иначе, как царем-освободителем, даровавшим на самом деле свободу крестьянам. Немудрено, что имя Кавелина, старательно замалчиваемое на протяжении последних 85-90 лет, было заслонено тенью царя, воспитанного гением нашим, Жуковским.

Справедливо ли? Нет, не справедливо. Имя Кавелина, даруй ему Господь лет двадцать, стал бы бровень с колоссальной фигурой П. А. Столыпина в его исторических реформах. Это соразмерные исторические величины. Это две ярчайшие личности, ратовавшие за коренное, последовательное, исторически обоснованное развитие Отечества путем научно обоснованных реформ в их логической связи. Причем согласно природе русского характера, русских особенностей, но не вопреки им, как водится.

«Синтетический ум Кавелина,— говорится о нем в энциклопедическом обзоре,— чуждый крайних воззрений, но всегда самостоятельный и упорный в выводах и суждениях, отличался живостью и разносторон-

ностью, а изящная и содержательная его речь, убедительная и в большинстве случаев страстная, производила сильное впечатление и возбуждала работу мысли» (Анонимный автор).

Не случайно, когда всё общество воочию почувствовало, что реформа явно «забуксовала» и у неё обнаружились могильщики, готовые похоронить вместе с нею и самих поборников русской прогрессивной мысли, Кавелин отозвался страстно, публицистически остро, свежо, ярко.

«Крестьяне не освобождены,— заявил он во всеуслышание.— Положение 19-го февраля 1861 года дало только программу их освобождения, которая не только не исполнена, но изломана вконец. Дальнейшее улучшение экономического, нравственного и умственного положения крестьян ещё впереди и много, много придется над ним работать!»

На что он уповал теперь? Как выходец (условно говоря) из провинциального помещичьего сословия, он уповал сейчас — и прежде всего! — на русское дворянство. Потомственное дворянство. Да, именно за ним он признавал право исторического преобразования, а также волю монарха, что, в частности, не нравилось в его мировоззрении идеяным вождям революционного преобразования страны.

Он призывал дворянское сословие перевести стрелки политической жизни того времени на магистраль повседневного практического устройства жизни, причем в совокупной связи города и села, правительства и земства. Местная, по сути дела, именно земская, хозяйственно-экономическая деятельность должна стать главенствующей в поместьях, уездах, губерниях.

Он видел залог политической и общественной силы, созидательной энергии России в крестьянской привязанности (юридической и нравственно-этической, духовной и моральной) к земле-кормилице. Эту связь он считал нерасторжимой. Причем, как нигде в мире, преобладающей именно у нас.

Естественно, отправной точкой в его чаяниях и устремлениях в этом направлении стала программная, знаковая «Записка об освобождении крестьян», написанная в 1855 году и напечатанная впоследствии в «Русской старине» в 1886 году.

Характерно, что пытливость ума позволила в этой публикации выйти из плоскости сугубо крестьянского вопроса, однако, осветив его в границах именно внутреннего положения России в целом. Эта работа вывела и самого К.Д. Кавелина за горизонты всероссийского масштаба, поставила в один ряд с выдающимися людьми XIX века.

Спектр вопросов, которые глубоко и всесторонне осветил Кавелин, достаточно широк. Однако выведенный в плоскость перспективно-масштабного, неотложного, с политической заостренностью — крестьянский вопрос стал на редкость фундаментальным.

Попытки предать забвению и его труды, и само его высокое имя оказались безуспешными, ибо все созданное им положено в основу дальнейшего развития русской мысли. Кроме того, его личные добродетели, его благочестие, его прозрачная духовная жизнь как бы исподволь, словно неиссякаемый родник добра и света, обращают на себя внимание новых и новых поколений.

«Это был редко гуманный человек, в котором находили сочувственный отклик каждое истинное горе, каждая личная скорбь. Какое редкое счастье, заслужить такой отклик у поздних потомков».

* * *

Кавелин Константин Дмитриевич родился 4 ноября 1818 года в Санкт-Петербурге — умер 3 мая 1885 года там же. Владел имением.

И ДУМ ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ...

Едут! Едут!..— донеслось со взгорка села Володькова, на котором поставлен был как сигнальщик караулить приезд высокого гостя, Жуковского, в усадьбу барона Черкасова, расторопный и бойкий мальчонка, даром что одиннадцати лет: по нраву пришелся барыне смышленостью, хотя и озороват был.

И хотя барыня, мачеха декабриста Алексея Ивановича Черкасова, была осведомлена о том, что нагрянут нынче гости, в день погожий и тихий, не сумела сдержать выплеснувшихся наружу чувств. Услышав голос дворового, барыня вскинула тонкие брови, повела печальными глазами по окну, глядевшему на пустынный в последнее время прошпект, усаженный старыми липами, слабо и в каком-то беспомощном отчаянии махнула нервной рукой,— и тотчас от щек её отлила живая краска: едва удержалась от обморока... И сам собой начался переполох. И немудрено переполошиться, хотя всем было строго-настрого наказано: не суетиться, и повару и кучеру, и дворецкому, и всем слугам помельче, и сенным девкам, чтобы не совались попусту-то под горячую руку. Какого гостя встречать привелось! Хотя и вроде бы свой, сосед по имению, друг любезный сыновей, братьев Черкасовых,— а все же столичная величина. Действительный тайный советник. Воспитатель цесаревича — наследника престола. Генерал! — если по-светски.

Впрочем, даже и не это обстоятельство переполошило дом Черкасовых. Сын, Алексей, которого угораздило попасть в стан заговорщиков, маётся, сердешный, в самой отдаленной, в наиглухой и дикой Сибири.

Мачеха Алексея Ивановича и сама хлопотала о его судьбе, но где уж ей, слабой, неизвестной при дворе, во всяком случае мало кому известной, чтобы добиться права предстать перед грозные очи графа Бенкендорфа.

Сам Жуковский просил за подопечного, земляка по Белевскому уезду. Каково-то теперь там — и в Сибири, и при дворе? Что удалось Жуковскому?

* * *

В 1837 году Жуковский сопровождал наследника в его путешествии по России. Посетили и города Ялуторовск и Курган, где находились колонии декабристов. В письме, направленном с дороги императрице, он описывал бедственное состояние декабристов, лишенных элементарных условий быта. В частности, он обращает внимание и на своего земляка, Алексея Ивановича Черкасова, которого знал еще мальчишкой, и просил о снисхождении к нему.

Примечательно в нашем контексте, что далее Жуковский пишет: «...просить этой милости ему (Черкасову) приезжала его мачеха в Петербург в прошедшем месяце, но болезнь графа Бенкendorфа лишила её возможности довести просьбу до престола».

Более того, в обществе каким-то образом догадывались о беспрецедентном на то время разговоре между Николаем I и Жуковским. Именно он, Жуковский, уже спустя два года после восстания на Сенатской площади, дерзнул сказать Николаю I: « ...пришла пора залечить те раны, которые в стольких сердцах болят и вечно болеть не перестанут», — и просил о милости, об амнистии для осужденных. Разве это могло ускользнуть от внимания мачехи Алексея Черкасова?

Она отчетливо сознавала, как и сами Бунины, что Жуковский не просто сочувствовал заговорщикам, а разделял, пусть и не во всем, именно, как сказал поэт, «дум высокое стремленье».

И Жуковский приехал, нашел время, выкроил его для мачехи Алексея, чтобы утешить, чтобы сказать, что хлопочет о нем, и есть основания надеяться, что будут послабления. И на самом деле 28 июля 1837 года Черкасов будет записан рядовым в Тенгинский полк — пусть и под пулями, но на свободе. Он станет участником боевых операций. Отличится при этом. Будет удостоен звания унтер-офицер. «Мал золотник, да дорог», а еще на Руси говорят: «Хороша ложка к обеду».

Алексей Иванович из того поколения, из той когорты людей, о которых Александр Иванович Герцен скажет как о «молодых штурманах будущей бури».

«Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к Отечеству,— напишет в том же духе декабрист Матвей Муравьев-Апостол,— было сердечным побуждением нашим». И пылкий юноша Алексей Черкасов разделит участь этой когорты поборников любви к Отечеству.

А все так хорошо и счастливо вначале складывалось... Он родился в добропорядочной семье 15 ноября 1799 года, в отцовском имении.

Секунд-майор барон Черкасов имел более тысячи крепостных крестьян в Тульской, Орловской и Московской губерниях.

Алексей воспитывался в благородном пансионе при Московском университете. Это учебное заведение пользовалось особыми преимуществами, курс обучения в нем превышал гимназический. Примечательно, что здесь, немногим позднее, учился Михаил Лермонтов: Алексей как раз на Кавказе и встретился с прославленным к тому времени поэтом.

Его стезя, как потомственного дворянина, была предопределена. Не случайно вскоре он будет зачислен в Московское учебное заведение для колонновожатых, где воспитанники получали основательные знания по математике, геодезии, истории и т. д.

Кстати отметить, что из стен этого учебного заведения вышли многие и многие просвещенные люди, а 24 выпускникам выпала доля примкнуть к новому движению вольности и стать декабристами. Это многого стоит, ибо и в учебном заведении пристальное внимание обращалось на общественные интересы. Здесь культивировалось товарищество, здесь воспитывалось чувство равенства.

Учился Алексей прилежно, а 26 ноября 1817 года был выпущен в чине прапорщика. Он был направлен в главную квартиру Первой армии, в город Тульчин на Украине. Проходил службу в должности дивизионного квартирмейстера. Вскоре был награжден орденом святой Анны 4-й степени. В 1824 году вступил в Южное тайное общество. После постигшей смелчиков неудачи не долго оставался на свободе Алексей Черкасов; его схватили 2 января 1826 года; был приговорен к двум годам каторжных работ, сокращенных впоследствии до одного года. Но до относительной свободы ещё далече, ой как далече, и 15 февраля 1827 года его отправляют в Сибирь.

В течение года содержится осужденный в каторжной тюрьме в Чите, затем его отправляют на поселение в Березов Тобольской губернии. Здесь проведет он около четырех лет.

После многосложных хлопот он получает-таки разрешение перебраться в Ялуторовск. Здесь находит своих друзей, в том числе самых близких – Ивана Якушкина, Матвея Муравьева-Аpostола, Ивана Пущина.

О гримасы привередливой судьбы! На Кавказе, в составе Кабардинского егерского полка, сражается не щадя живота своего; наконец-то ему присваивают очередное звание – прапорщика. То есть опять на круги своя, с той только разницей, что в юности это давало возможности дослужиться до высокого звания, теперь же – право выйти в отставку.

Он тотчас воспользуется этой возможностью, и в январе 1843 года благополучно уволится со службы.

Что ж, сняв мундир военного, он поселяется в имении мачехи П. А. Полонской в селе Володькове Белевского уезда, но под строгим секретным надзором. А в 1843 году он покупает себе имение в Орловской губернии. Однако, как бы оставаясь должником родительского дома, родных и близких, он с присущим ему щадением управляет имениями мачехи, заботится о её детях.

Алексей Иванович Черкасов скончался в апреле 1855 года. И ничем не затмить славы его перед Отечеством, во имя свобод которого он и положил отпущенное ему судьбой на святой алтарь служения великой России. В этом же ряду стоит и имя другого прославленного декабриста — Батенькова Гавриила Степановича, человека на редкость стойкого, не сломленного даже наиболее жестоким приговором: был осужден на одиночное заключение; отсидел в одиночной камере без малого двадцать лет. Недаром ещё современники говорили по этому поводу, что это наказание было по сути «страшнее смерти». Затем он был отправлен на поселение под строжайшей охраной на 10 лет в город Томск.

В августе 1856 года Батеньков, получив паспорт и подорожную, направляется в неведомую Тульскую губернию, к жене друга своего Алексея Елагина. Здесь, в Белеве, его приютит Авдотья Петровна Елагина (бывшая Киреевская) и он поселятся в с. Петрищеве. И всё бы хорошо, однако, отдавая должное терпимости Елагиной к его мировоззрению, радикальному, он не находит всё же здесь общего языка с окружавшим его обществом. Особенно жаркие и непримиримые споры с окружающими возникли у него при обсуждении вопроса о земле. Батеньков настаивал на бескомпромиссном наделении крестьян землёй без выкупа. Крепостники стоят на своем.

Вскоре он приобретает надел земли в Калуге, куда и переезжает из Белева на постоянное место жительства. «Имею честь донести, что проживающий во вверенном мне уезде под надзором Гавриил Батеньков уведомил меня, что он 24 или 25 сего числа октября выезжает в г. Калугу, и что я о выезде сего же числа донес г. начальнику Калужской губернии и уведомил тамошнего г. полицмейстера». То, разумеется, был рапорт белевского исправника губернскому начальству, отправленный 25 октября 1857 года на поднадзорного Батенькова.

Умер Г. С. Батеньков в 1863 году. По его желанию, доведенному до соответствующего сведения, Авдотья Петровна Елагина перевезла его тело в Петрищево, похоронен он рядом с могилой ее мужа. Дружба его с Елагиным была навечно скреплена подвигами во имя Отечества в войне с Наполеоном и пролитой обоими кровью в жестоких сражениях.

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗАПОВЕДАННОГО КРАЯ

Солнце поднялось над Васьковой горой, над куполами величественной рощи, осыпало лучами дворы села Мишенского, и сейчас же милый сердцу живописца рассеянный свет истаял в благоухающей кипени сирени барской усадьбы. Художник Алексей Алексеевич Пастухов контрастных красок на полотнах своих избегал. Живопись его была напевной, как природа Средней полосы России. И в особенности здесь, в верховьях Оки.

Ему ничего не оставалось, как только свернуть работу и начать укладываться. Что ж, он успел кое-что здесь, и не стоит сетовать на возраст. Одно беспокоит: доведется ли еще побывать в обители поэта Жуковского? Бог весть!

Но и то неплохо, что он выполнил просьбу Николая Александровича Шестакова — посетить сей некогда уютный, а ныне обветшавший уголок. Еще просил Шестаков попытаться воспроизвести в памяти и записать в тетрадку все, связанное с историей родины Жуковского, с которой они как бы породнились.

Николай Александрович Шестаков живет ныне в Ярославле. Когда-то, давным-давно, в 1916 году, он опубликовал в журнале «Русский экскурсант» (№ 3) очерк «На родине Василия Андреевича Жуковского». В нем он воспроизвел события, связанные с открытием в Белеве краеведческого музея. В этом помогло ему то, в частности, что он некоторое время исполнял обязанности хранителя Белевского научно-образовательного и художественного музея, с 1912 года носившего уже имя сына Жуковского — Павла Васильевича Жуковского.

Да-да, это именно он, Павел Васильевич, проложит узкую тропку к музейному делу в Белеве многим и многим живописцам; и ему, Алексею Алексеевичу, он указал как бы на стезю его. Музей стал подлинно детищем подвижников Белевского уезда. Алексей Алексеевич привел

сюда своих воспитанников из Дворца искусств, приобщил, вложив в дело мысли дерзкие и душу поборника прекрасного. Хотя, впрочем, было немало препонов.

О нем тепло, с подкупающей искренностью напишет накануне его восьмидесятилетия пространную статью и опубликует в областной газете «Коммунар» (за 1947 год) – председатель правления Тульского областного отделения Союза советских художников И. Щепакин.

«Пастуховы – истары тульские оружейники. Прадед художника прославился как прекрасный гравер по украшению металлических частей ружей... Дед считался большим искусствником по строительству и, будучи оружейником, добился от Академии Художеств в 1858 году за проект дома звания художника-архитектора.

Отец всю свою сознательную жизнь проработал на том же заводе мастером. Брат слыл одним из блестящих знатоков пулеметного дела в Советском Союзе.

Сам художник отдал, по примеру своих предков, должное знаменистой кузнице русского оружия. После окончания Тульского реального училища, он около двух лет работал чертежником в инструментальной мастерской, под руководством её заведующего – известного изобретателя С. И. Мосина.»

Этот зacin, обращенный к прошлому одной из знаменитых фамилий, сразу же привлек тогда внимание читателя, и попавший в руки немногочисленных читателей – подписчиков газеты «Коммунар» – номер зачитывался буквально до дыр. Алексея Алексеевича в Белеве чтили, любили и знали повсеместно, вплоть до сел уезда, а затем и района после нового административного деления. Его ценили и как могли оберегали – время было жесткое, суровое, воистину – авторитарное.

В 1888 году сбываются его мечты, – он с честью выдерживает конкурсный экзамен в Академию художеств. Но, однако, окончить академию не удалось. По семейным обстоятельствам он оставляет её и возвращается в Тулу, а из Тулы направляется в Белев, на педагогическую работу.

Сдав экзамены на звание учителя математики, трудится едва ли не во всех на то время школах города, а в 1894 году его переводят в Тулу. Здесь он занимается в уездном и ремесленном училищах, набирается опыта.

Тяга к любимому занятию не оставляет его, и в 1903 году Пастухов получает от Академии право преподавать рисование в средних учебных заведениях, и – снова уезжает в полюбившийся Белев. Преподает в реальном училище, открытом как раз в том же 1903 году.

С 1904-го, кстати, в течение 35 лет, состоит экспертом каллиграфии. В 1905 году в Белеве организуется 1-я художественная выставка, при-

чем под девизом «Выставка искусств и труда белевской молодежи». Он главный её организатор. А в 1915 году организует вторую выставку, на которой помимо работ местных художников экспонировались работы художников Тулы, Москвы, Петербурга, других крупных городов. То есть проявились масштабы, которыми оперировал художник-патриот.

Жизнь его в Белеве была насыщенной, порой даже бурной, в особенности при деятельности в «Пролеткульте», при организации Белевского театра совместно с художником Тимофеем Ильичем Катуркиным и артистом одного из московских театров, белевичем из купеческой среды — Николаем Николаевичем Сабининым.

Их сблизили, подружили крепко-накрепко общие интересы, пристрастия. Тимофей Ильич окончил Петербургскую академию художеств, в течение четырех лет работал в Царскосельском лицее. Вернулся на родину в 1918-м. То была научная командировка, если говорить об этом формально. Дело в том, что ему якобы было предписано находиться в командировке в течение года. Однако проработал он в Белеве 6 лет. И каких лет! Был зам. заведующего народным образованием, возглавлял белевское отделение «Пролеткульта», трудился в народном театре, кропотливо занимался с любителями рисования и живописи. Это по его настоянию пришла в класс живописи целеустремленная, очень энергичная девчушка Наденька Ходасевич, ставшая впоследствии профессиональной художницей — Надей Леже.

О, если знать наперед, что уготовано каждому из нас. Вот и сейчас, по прошествии стольких лет, Шестаков-музейщик опять призывает как бы вернуться в прошлое, записать, что встретил интересного на жизненном пути, всё любопытное из истории древнего города Белева.

Письма Алексея Алексеевича — образец воспитанности, подлинной интеллигентности. Отклинувшись на призыв друга, он по-прежнему всё из написанного им подвергает сомнению: а точно ли, что это нужно людям, и верно ли, что у него хотя бы близко к доподлинному выходит из-под пера? И не в тягость ли его писаница самому заказчику — Николаю Александровичу Шестакову? Он даже требует признаться в этом чистосердечно.

«В Белеве поселился я,— пишет Шестакову он в Ярославль 25 июля 1952 года,— на Мироносицкой, ныне Первомайской улице, в доме В. Г. Третьякова, одна из дочерей которого стала моей женой.

Дом Третьякова стоял близ Вдовьего дома, названного так потому, что жили в нём вдовы духовенства. Это большой каменный дом с прекрасным фасадом, в настоящее время полуразрушенным, но еще не потерявшим своей красоты».

Далее Алексей Алексеевич рассказывает историю рукописи, которую читал он с позволения некоего Мартынова, соседа по улице.

И автором этой рукописи был также неизвестный ему Мартынов,— возможно, и Петр Мартынович. Но вот что его привлекло тогда название рукописи — «История Белева». «Я заинтересовался написанным и прочитал «Историю Белева», — пишет далее Алексей Алексеевич.

Увы, после смерти хозяина рукописи исчезла и рукопись, бесследно, так что и найти и впоследствии он не смог, расспрашивая и дочерей странного Мартынова, и соседей, и знакомых. Однако память Пастухова оказалась цепкой, и он теперь спрашивал Шестакова: «Как Вы думаете, дорогой Николай Александрович, стоит ли записать содержание этого труда? Чистосердечно ответьте мне.»

Мысли о новом для него деле, в которое буквально впряг его Шестаков, поглощают Алексея Алексеевича. Перечитывая его письма, написанные в Ярославль Шестакову, убеждаешься, насколько широк был круг интересов этого человека. Краеведение, начатое и поставленное энциклопедистом Василием Алексеевичем Левшиным на должную основу, нашло себе продолжение в лице Афремова, Мартынова, Бурцева, затем вот и Пастухова. Он серьёзно увлечен, он изучает историю вятичей — самой восточной ветви славян и записывает однажды следующее.

Якобы за былинным Соловьем-разбойником прячется подлинное, а не вымышленное лицо. Историческое. То был, утверждает он, вятский предводитель из народной среды. Когда Владимир Киевский покорил вятичей и жестоко расправился с ними, «Соловей-разбойник» ушел с дружиной и своей семьей под город Каравчев, в дремучие брянские леса (Дебрянск).

Там он обосновался и устраивал набеги на государевые тракты, связывавшие вятские города с Киевом; нападал на богатых пособников великого князя Киевского. Тем и запомнился сказителю былин, как злодей-разбойник.

«1 августа 1952 года.

Дорогой Николай Александрович!

Спасибо за интересное письмо, которое заставило меня вспомнить давно пережитое. Ведь во многом, касающемся Белевского краеведческого музея, и мне пришлось принимать участие. Особенно в бытность заведующим этого музея покойного ныне Парижского.

При нем лично я подготовил много экспонатов, сделал зарисовки 3-х городищ, зарисовки с. Мишенского и его обитателей.

Помню хорошо, как по совету того же Парижского я устроил ряд художественных выставок, снимки с которых у меня ещё сохранились.»

«27 августа 1952 г.

Дорогой Николай Александрович!

...Помню вот ещё что. Когда на углу мыса, на котором расположены теперь монастыри, где речка Белевка впадает в р. Оку, поселились князья Солнцевы-Засекины, и что в их хоромах была установлена домашняя церковь и при ней усыпальница, от которой — в моё время — ещё оставались три могильные плиты...

..В настоящее время ничего этого нет — все расташено и разломано. Остались лишь этюды мои и моей дочери.»

«5 сентября 1952 г.

...Сегодня получил Ваше письмо с двумя снимками Вдовьего дома, за что очень благодарю.

Эти снимки напомнили и Белев, и Мартынова. Напомнили мне, как давно-давно в этом доме поместилась свита, сопровождавшая жену императора Александра I, Елизавету Алексеевну, умершую в дороге (из Таганрога) в Белев.

Домовая церковь императрицы потом была в покоях дворца Солнцевых-Засекиних. Эти покой я, да, наверное, и Вы помните. Они представляли тоже домовую церковь, стены которой в некоторых местах сохраняли частично фрески.

Впоследствии я узнал, что в склепе, в котором хранились три надгробных плиты, был тайник, откуда вел подземный ход по направлению к храму монастыря, а оттуда он выходил на берег реки...

...Кстати, чтобы не забыть: когда-то Белев назывался Девятигорским — по числу гор, и теперь существующих.

Так, гора времен сидения в Белеве ордынского хана Улу-Махмета, где было побоище, называлась Сечкина гора. Гора, по которой спускается дорога, идущая от церкви Успения, называется Успенской. Далее — на пути в центр — Утенина гора, ныне носит название — Крутая. Та, что дает начало спуску к Сабининскому мосту, называется Благословленной горой.

Затем — Машина гора, за нею — Воскресенская, потом — Уланова, Дутова и Петропавловская.»

Щепетильный Алексей Алексеевич и на этот раз в конце описания гор не преминул выразить сомнение по поводу своих записей: «Если то, что пишу, малоценно, то откровенно скажите. А вчера посетил меня знакомый Ваш — Василий Владимирович Георгиевский. Порассказал много интересного. По наброску Вашего портрета, сделанного мною, узнал Вас и много про Вас говорил.»

Ну вот и ещё одно лицо, примечательное для Тульщины и, в частности, для Белева той незабвенной поры. Строительство культуры древ-

него Белева в постреволюционное время объединило их, таких разных, совершенно непохожих, но устремленных к одному горизонту: открыть людям миры прекрасного — и прошлого, и настоящего.

Кстати заметить, что не все в описаниях древностей Белева у Пастухова без погрешностей, есть и неточности. Но он и не настаивал на достоверности изложенных в его письмах фактах и аргументах. Он хотел всего лишь помочь Шестакову, поборнику истинного в истории белевского края.

Впрочем, и загадочная «История Белева», то есть рукопись неизвестного Мартынова, содержание которой Пастухов фрагментарно пытался изложить, перенеся на бумагу, наводит на некоторые мысли. Дело в том, что фундаментальная работа протоиерея М. Бурцева по истории Белева, его происхождению, напоминает изложенное Пастуховым. Создается впечатление, что они как бы брали из одного источника. Но ведь, как сетует Пастухов, загадочная рукопись со смертью горожанина Мартынова исчезла,— бесследно исчезла? Опять загадка!

А что если внес корректизы по существу изложенного упомянутый А. А. Пастуховым в письме к Шестакову Василий Владимирович Георгиевский?

Из скучных характеристик современников по установлению в Белевском уезде советской власти, из записей сына Георгиевского — Владислава Васильевича,— известны некоторые этапные события из жизни неординарного человека того времени.

Сын священника, Георгиевский родился в с. Бельмове Белевского уезда. Окончил Белевское духовное училище. Поступил в Тульскую духовную семинарию, откуда был исключен в 1910 году за участие в похоронах Л. Н. Толстого.

Возвратился в Белев, служил псаломщиком в Сныховской церкви, был учителем начальных классов земской школы. В 1916 году примкнул к анархистам и в составе делегации от Белева принимал участие в похоронах П. А. Кропоткина в Москве, а в 1918 году вступил в партию большевиков и, как сам о том любил говорить не без иронии, «делал советскую власть» в Белеве.

Каким, собственно говоря, образом «делал советскую власть?» Работал в школе-коммуне, был мобилизован в РККА, служил в хозяйственных частях; был начальником базы снабжения войск Западного фронта при Тухачевском.

Когда же возвратился в Белев, участвовал в создании Белевской потребкооперации как председатель ревкомиссии. Изучил бухгалтерское дело, успешно работал в потребкооперации по этой специальности. А вот с 1922 года начинается в его жизни новая полоса. Теперь он работает на выборных должностях Белевского укома РКП(б).

И – опять новый, более крутой поворот: в 1925 году он выходит из партии. Почему? Потому что якобы по семейным обстоятельствам отказывается ехать в Одоев, куда был назначен на должность второго секретаря укома партии.

Опять учительствовал, немало бедствовал, претерпевал всякого лиха «по паре», наконец, в 1929 году был направлен на должность директора краеведческого музея. Здесь, совместно с сотрудницей музея Анной Васильевной Пановой, создал принципиально новые отделы, вывел работу музея на научный, профессиональный уровень.

Примечательно, что именно Георгиевский первым из руководителей музея в советское время стал вовлекать в орбиту музейного дела талантливых художников, литераторов, искусственных ремесленников, и вообще устремлен был привлечь к полюбившемуся делу представителей разных слоев общественности. Здесь-то и нашел себя прибывший в Белев «в научную командировку» Т. И. Катуркин.

И что же, судьба его сложилась здесь счастливо? Не совсем так. Очередные напасти настигли его. Музей славился далеко за пределами Тульской области. Но вот беда, поступила новая установка: заведующий музеем (директор) непременно должен быть членом партии большевиков. Георгиевский сдал дела сотруднице А. В. Пановой и покинул Белев. Умер он 29 декабря 1975 года, похоронен в Сухуми.

Перечитывая письма самого Н. А. Шестакова к Пастухову, все более убеждаешься, каких затрат энергии требовало их общее дело. Каких сил. Однако не может ускользнуть одна деталь: ужель не ведали они, ни Георгиевский, ни Катуркин, ни Шестаков и Панов, ни сам Алексей Алексеевич Пастухов, столько лет проживший в Белеве, что Михаил Федорович Бурцев параллельно с Петром Мартыновичем Мартыновым занимался изучением, исследованием истории края? А что если у соседа Пастухова, у некоего гражданина Мартынова, была рукопись и вовсе не мифического другого Мартынова, а именно – М. Бурцева? Или список её из такого общеизвестного издания, как «Тульские епархиальные ведомости»? Что ж, не исключено, что в послевоенное время, в условиях страшной разрухи, которая постигла Белев во время боевых действий в его предместьях в течение длительного времени, с октября 1941 по август 1943 гг., многое сгладилось в памяти поколения. И само здание музея было разрушено. И вновь энтузиастам надо было собирать творческие силы.

А как же иначе? – думали энтузиасты, подвижники духа. В этом видели они свой долг перед отечеством и посыльно, насколько хватало сил, собирали историю под крышу музея, который, как им виделось, будет-таки в Белеве.

Не теперь, когда они пока ещё живы, может быть, много позже, но трою торили к нему они. Пока жили.

Музей Белева — старейший в Тульской области. Его коллекции формировались начиная с 1858 года, когда было заложено основание библиотеки им. В.А.Жуковского. То есть не буквально, разумеется! — а в сознании общественности возникла мысль о создании в недалеком будущем пантеона всех муз.

Экспозиция открылась в 1910 году. Начало было положено, и оно нашло горячий отклик в душе сына Жуковского — Павла Васильевича. Фактически экспозиция сложилась на основе коллекции агрономического отдела сельскохозяйственной кустарной выставки и коллекции наглядных учебных пособий. Вначале музей был так и назван: музей научно-учебных пособий. В 1911 году был переименован и стал называться Белевским земским научно-образовательным и художественным музеем им. П. В. Жуковского. С 1918 года он носит иное имя: Белевский художественно-краеведческий музей.

Экспертами Главнауки, актом от 10 ноября 1929 года, признан одним из лучших районных музеев Российской Федерации.

В 1941 году, во время оккупации, и его, как и Белев в целом, постигла печальная участь, здание его было объято пламенем, спасти почти ничего не удалось.

Примечательно, что фонды в период советской власти значительно пополнились за счет реквизированных предметов быта, картин и скульптур, ювелирных изделий, редкостных монет — из дворянских усадеб.

В 1927—1934 годах значительное количество вещей, редкостных, было отправлено в Московский государственный исторический музей. В том числе большой рукописный материал, в частности, письма В. А. Жуковского, Г. С. Батенькова, Елагиных, которые были переданы Государственной библиотеке им. Ленина.

28 марта 1960 года исполком райсовета в протоколе № 8 записал: «Открыть в Белеве с 1 мая 1960 года краеведческий музей». У истоков его возрождения к новой жизни стоял увлеченный человек, любитель старины, нумизмат и археолог-любитель, подвижник в полном смысле этого слова, неугомонный собиратель музейных редкостей по городам и весям приокского края — Илья Иванович Петраков.

В 1998 году музей преобразован в профиль «художественно-краеведческого». Решением Земского собрания от 25 августа 2000 года за №8/45 восстановлено ранее утраченное имя П. В. Жуковского в его названии. С этого момента он именуется так: «Белевский художественно-краеведческий музей им. Павла Васильевича Жуковского».

Усилия на протяжении многих лет, едва ли не целого века, если вести отсчет от даты учреждения библиотеки в память В. А. Жуковского,

увенчались успехом. Мечты поборников духовного процветания белевского края постепенно обретают материальное воплощение, ибо достаточно глубокими были пророчества энтузиастов XIX и XX веков. Но дел впереди много, чтобы в полную силу отвечать требованиям одного из духовных центров России.

А все же есть к тому все предпосылки...

В ТЕРНОВОМ ВЕНЦЕ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская стачка в Белеве всерьез встряхнула обывателя, насторожила состоятельного горожанина и чрезвычайно озабочила власти. Неужто и на самом деле Россию ждут потрясения? Ужель и Белеву не избежать участи Москвы и Питера? А всё эти! Пришлые! — деповские: черт догадал провести железную дорогу. Бывало, знали мастеровых да людышек отхожего промысла, а теперь нанесло пролетариев. Неуютно в дому, тревожно и маятно на сердце...

Железная дорога Данков—Смоленск освежила кровь в артериях предпримчивого горожанина, обеспокоила дремотную снульость посада, смирила центр тяжести нравов торгово-коммерческого общества.

Они были очень молоды, участники тех октябрьских событий тысяча девятьсот пятого. Они были энергичны и любопытны. Пытливый ум привел их в технические учебные заведения, а профессия привела на железнодорожный транспорт. Ветер перемен дул в их паруса. Движения по железным путям — и была для них жизнь, страсть к переменам волновала сердца; чувства их были глубокими, а мысли быстрыми, фантазия — летучей.

Один из участников октябрьской стачки позднее вспоминал не без трепетного волнения, уже в зрелые советские годы:

«Вечер 17 октября ничем особенным не отличался от прочих, предыдущих. Мы шли к знакомым, к Ефремовым. На тот час это была семья помощника начальника депо. Но не терпелось заглянуть на станцию. Хотелось узнать, что сейчас там делается,— мы бастовали. И вот, проводивши своих до дома Ефремовых, я отправился на станцию.

Собственно говоря, ничего особенного там сейчас не происходило. Ведь никто же не работал. Но подмывало заглянуть туда, где недремно трудился телеграф.

Зашел, гляжу — и здесь никого нет, но один из аппаратов «стучит». Подхожу к нему, открываю ленту, читаю. Вызывают Белев.

Я ответил.

Говорят станция Горбачево: «...прими Манифест».

— Чей? О чем?

Горбачево отвечает: «...от царя, о даровании Конституции».

Я сейчас же стал принимать этот текст. И знаете, мне в тот момент показалось, что посреди темной ночи взошло солнце. Ей-богу! От радости, что вот мы элементарно добились своего. И кто среди нас узнает об этом? Я узнаю. Первым среди нашей горстки людей. Вот я сейчас принесу им эту новость. Принесу свободу!

У меня руки дрожали. Дрожали, когда я списывал этот манифест с телеграфной ленты. Я торопился скорее сообщить другим. Я хотел тотчас послать кого-либо. Чтобы все увидели эту телеграфную ленту. Увы, никого рядом со мною не было. Некого было послать к друзьям, в дом к Ефремовым.

Списавши текст, я сейчас же кинулся к Ефремовым, где на тот час собирались все участники забастовки,— и вот когда я вслух прочитал эту весть, написанную на клочке бумажки, то радости нашей не было конца. Все бросились ко мне, начали обниматься. Поздравляли друг друга с победой, с величайшей радостью. А письмоводитель Орлов Иван Алексеевич не сдержал слез — стал плакать, с ним приключилось что-то вроде истерики. Но истерика вскоре прошла. И нашей радости не было конца.

Мы не рассуждали тогда, к чему приведет нас этот манифест. И уже на другой день манифест этот был получен в городе через правительственный телеграф. Была получена телеграмма от Совета об окончании забастовки.

Начались манифестации. Ходили по городу с флагами, с портретом царя. Радовались — царь дал свободу.

Петра Петровича Рагозина, как главного руководителя стачки, деповчане носили на руках по улицам Белева.

Рагозин на городской площади, около городской управы, говорил речь. В своей речи упомянул, что нам очень радоваться не следует. Верить царю надо с осторожностью. Не очень хочется ему расставаться со своей неограниченной властью,— монарх все же.

В этот же день стоявший на станции девять дней почтовый поезд был отправлен по назначению, и станция приступила к своей работе.»

Итак, всё произошедшее в течение двух суток — со слов участника событий. А что же в деталях?

8 октября прекратились все работы на станции Тула. Волна забастовки покатилась отсюда во все углы Тульчины. Во второй половине

этого дня в Белеве была получена телеграмма Союза железнодорожников, извещавшая о необходимости прекращения движения поездов. По тому времени — событие в России, тем более в Белеве — беспрецедентное...

Получив телеграмму, Петр Петрович Рагозин распорядился немедленно оповестить все службы. Объявили о предстоящем митинге. В пять часов вечера томительную тишину над перроном всколыхнули пронзительные гудки паровозов по сигналу станционного колокола. И сразу же стало на перроне многолюдно.

По поручению стачкома перед собравшимися выступил контролер-механик, член стачкома Андрей Семенович Кабанов. Он зачитал телеграмму о начавшейся забастовке.

Жандармы не замедлили проявиться тут же. Начальник местного отделения жандармов, ротмистр Демидов, прибывший в сопровождении шести унтер-офицеров, потребовал от Кабанова объяснений: кто именно распорядился ударить в колокол, собрать на перроне служащих без ведома жандармской полиции? Не-по-ря-док!

А между тем к перрону уже подходил пассажирский поезд № 11 согласно расписанию. Митингующие, воодушевленные первыми успехами, некоторое время даже подискутировали, отправлять ли далее по маршруту пассажирский или задержать. Даже вступили в пререкания с полицейскими, произошла незначительная заминка, а затем и стычка с жандармом.

Но вскоре всё уладилось, поезд с опозданием, но ушел со станции Белев, а ночью проследовал и еще один пассажирский № 5 и следом пять товарных поездов.

Глубокой ночью, когда весь город спал, на квартире у одного из членов стачкома собирались активисты. Впрочем, совещались недолго, наметили линию дальнейшего поведения и действий, а утром, 9 октября, вновь потянулись на станцию вереницы людей, железнодорожников и пристанционных зевак из обывателей.

9 часов утра. Машинисты в сборе. Станция приняла пассажирский состав. Попробовали задержать. Дежурный по станции, не примкнувший к забастовщикам, не решился нарушить устава службы. Запросил «отправление», и тут вмешался член стачкома Георгий Тедер, отстранил Татаринова, распорядился отцепить паровоз. Вмешался жандармский ротмистр, теперь неотлучно находившийся в горячей точке Белёва, опять потребовал объяснений и не получил их от твердого Тедера. «Я подчиняюсь большинству служащих!» — отрезал Георгий. Жандарму ничего не оставалось, как только беспомощно разразиться бранью.

Естественно, теперь можно было ожидать от жандармерии чего угодно. Медлить было нельзя, и машинисты решили созвать собрание же-

лезнодорожников. Вскоре от мастерских донесся зазывный паровозный гудок, все служащие отправились в депо. Сюда же поспешили и ротмистр Демидов, сопровождавшие его унтер-офицеры. На что Петр Петрович Рагозин и письмоводитель 27-й дистанции пути Иван Алексеевич Орлов прореагировали молниеносно, заявив, что присутствие жандармов на рабочем месте железнодорожных служащих нежелательно. Затем они прямо потребовали, чтобы жандармский ротмистр вместе с унтер-офицерами удалились.

Когда рассерженный ротмистр покинул площадку, Петр Петрович Рагозин открыл собрание. Зачитал телеграмму об всеобщей политической забастовке. Но здесь же, ничего не утаивая от сослуживцев, зачитали и телеграмму управляющего дорогой господина Кандаурова. Он призывал не прекращать работы. Решение было единогласным: пока все другие дороги бастуют, белевские забастовщики остаются с ними солидарны.

Далее, забастовочный комитет пригласил к себе жандармского ротмистра Демидова и заявил, что от сего часа комитет уполномочен взять на себя охрану порядка данного объекта и взятых на себя обязательств не уступит. Но с оговоркой,— порядка комитет не нарушит, если власти не попытаются силой заставить восстановить на станции железнодорожное движение составов.

И что же? Кто-нибудь дрогнул под тяжестью взятой на себя ответственности перед законом? Таковых не оказалось. Более того, 10 октября на митинг в депо собралось уже более 7 000 человек. Жандармы не были допущены на митинг, а это уже нечто...

11 октября здесь происходили выборы делегатов для ведения переговоров в Москве — на высоком уровне. Делегатами были избраны: начальник 27-й дистанции Н. Н. Поляков, помощник начальника депо А. И. Ефремов, помощник начальника станции И. А. Костровицкий.

Утром следующего дня, 12 октября, был принят идущий от станции Спас-Деменск поезд, состоявший из паровоза и одного вагона: прибыли делегаты для совместной поездки в Москву. И уже после этого был сформирован солидный состав для следования к конечной цели — в Москву для переговоров с властью имущими и предержащими.

По этому поводу начальник Тульского жандармского управления г-н Нестеров доносил в департамент полиции: «Перед отправлением поезда,— писал он,— письмоводитель 27 дистанции Орлов взошел на площадку вагона и сказал: «Мы отправляем делегатов, чтобы они отстояли наши требования. Мы долго терпели всякие притеснения, но теперь мы добьемся своего. Забастуем раз, два, три, четыре, а добьемся».

Инициатива белевских забастовщиков продвинулась дальше. В день отправления делегатов в Москву комитет поручил помощнику началь-

ника 27-й дистанции пути выехать в Сухиничи. Дело в том, что до этого момента сухиничские железнодорожники не проявили особого интереса к происходящему.

Белевский представитель стачечного комитета инженер Караманенко блестяще справился с поручением, делегированным ему, и служащие ст. Сухиничи примкнули к забастовке.

Это был всеобщий подъем решительного настроя бороться за свои права до конца, потому что энергией перемен к лучшему были заряжены вскоре многие горожане. На собрания в депо стекались и горожане, и пассажиры задержанных забастовщиками поездов. Отдельные из них подключались к генератору митинга, просили слова и выступали с горячими речами.

17 октября ротмистр Демидов доносил в департамент полиции: «Забастовка принимает бурный характер. 17 октября толпа, не желая принять поезд, разбрала сто сажен пути на большой насыпи. Бессилен что-либо сделать».

Завершились манифестации по улицам Белева в ответ на царский манифест, когда манифестанты воздавали почести Петру Петровичу Рагозину, а 21 октября тульский губернатор Осоргин телеграфировал товарищу министра внутренних дел Трепову: «Препятствуют восстановлению движения станции Белев, Кашира, Узловая... Войсками, считаю, совершенно невозможно действовать, получится общее негодование... Агитируют, что манифест вынужденный».

22 октября только по решению стачечного комитета забастовка была прекращена.

Революционные события стремительно развивались. С 15 ноября на ст. Москва проходил третий съезд всероссийского железнодорожного союза, обсуждавший вопрос выработки требований экономического и правового характера. На этом съезде делегатом от белевских железнодорожников был машинист паровоза депо ст. Белев Петр Петрович Рагозин.

5 декабря московский Совет принял решение об объявлении с 7 декабря всеобщей политической стачки.

6 декабря на третьем съезде железнодорожников было объявлено о решении конференции 29 железных дорог и бюро железнодорожного союза начать политическую стачку с 12 часов дня 7 декабря. Делегаты съезда, не окончив работы съезда, избрали Временный исполнительный комитет в количестве 21 человека и разъехались по местам.

В тот день, 7 декабря, около 4 часов вечера, на станции Белев была получена телеграмма из Москвы, в которой белевские железнодорожники извещались о начавшейся всеобщей декабрьской стачке. В телеграмме содержался призыв, которым железнодорожники приглашались поддержать борьбу за свои права.

В Белеве тотчас откликнулись на этот зов. В тот же день на 7-м участке телеграфа дежурил контролер-механик Андрей Семенович Кабанов. Приняв депешу из Москвы, он собрал представителей служб для экстренного совещания. Надо было срочно посоветоваться и решить неотложное сообща. А это, как говорится, уже почерк железнодорожного служащего.

На этом же совете представителей служб находились: исполняющий обязанности начальника депо инженер Александр Игнатьевич Ефремов, ревизоры движения — Николай Николаевич Пестрово и Андрей Ефимович Фаворов, начальник 27-й дистанции и инженер Николай Николаевич Поляков, письмоводитель 27-й дистанции Иван Алексеевич Орлов. Посоветовавшись, участники совещания решили объявить депешу всем рабочим и служащим и дать им возможность самим решить вопрос об участии в забастовке.

Для этого решили назначить сходку на 8 декабря, на 9—10 часов утра.

Утром, 8 декабря, на сходку собралось около 200 человек. Собрание вел начальник 27-й дистанции Н. Н. Поляков. Говорили обстоятельно и поспешных выводов не делали, хотя мнения были разные.

Но и жандармский ротмистр Демидов не дремал. Он не замедлил появиться на представительной сходке. Демидов убеждал рабочих и служащих в том, что опрометчиво их стремление остановить работы на станции, что остановка ударит по их же карману. Упор делал на то, что в противном случае им не будут начислены так называемые «верстные деньги».

На сходке 8 декабря, несмотря на оживленное обсуждение вопроса, конкретного решения так и не приняли, отложили вопрос о стачке до приезда машиниста депо Рагозина со съезда,— 9 декабря.

Ранним утром 9 декабря на станцию Белев пришел поезд, с подножки паровоза спрыгнул Рагозин, «который был встречен шумными овациями», как доносила начальству белевская жандармерия.

Тотчас, не уходя с перрона, Рагозин ответил на все вопросы и закончил безоговорочным заявлением о безусловной необходимости участия во всеобщей декабрьской стачке. После шумного обмена мнениями было единодушно решено: в стачке участвовать, митинг назначить на 10 часов утра того же 9 декабря.

К 10 часам утра на перроне собирались железнодорожники. Митинг был кратким, решение единодушным: бастовать, стачку начать в 12 часов ночи. Рагозину было поручено оповестить рабочих и служащих по линии, дать указание о начале декабрьской стачки.

Рагозин зашел в телеграфную и начал передавать по линии решение совета ст. Белев. Но в телеграфную нагрянули жандармы во главе с ротмистром Демидовым.

Рогозин был подвергнут аресту и под конвоем жандармов отправлен в город, в отделение жандармского полицейского управления.

О событии на станции тотчас узнали в депо, слесарь Зимин дал тревожный сигнал гудком. Из цехов высыпали рабочие, собрались на перроне и устремились вслед за конвоем. К ним примкнули горожане. Они теснили конвой на всем пути следования в участок, конвоиры обнажили холодное оружие. Толпа еще упрямее и настойчивее теснила конвой. И тогда нервы не выдержали у жандармского ротмистра Демидова, он выстрелил в воздух из револьвера. И что же толпа? А из толпы также выстрелили в ответ на угрозу Демидова.

И все же жандармам удалось довести Рагозина до полицейского управления. Казалось бы, жандармы одержали верх над протестующими, но те стремительно ворвались в помещение, как бы «на плечах» у конвойных, стали требовать вернуть Рагозина на свое рабочее место. Жандармы находились в некотором замешательстве, впрочем, так же, как и их начальник ротмистр Демидов. Разрядка в пользу горожан и участников стачки произошла тут же, когда один из толпы дерзко, находясь на лестнице, схватил за ногу Демидова и потянул его вниз с лестничной площадки. Ротмистр опешил, засуетился и вскрикнул испуганно, чтобы отпустили Рагозина. Однако, как оказалось, толпа уже и без распоряжения Демидова медленно, но уверенно увлекала за собой вниз по лестнице Рагозина. Люди, торжествуя маленькую, но победу, и победу беспрецедентную, подхватили Рагозина, подняли на руки, с возгласами покинули пресловутое здание жандармерии и с пением «Марсельезы» двинулись по Пушкинской улице к вокзалу.

А между тем толпа все увеличивалась, обрастая зеваками и сочувствующими, все прибывала, становясь грозной и вместе с тем ликующей.

В полночь с 9-го на 10 декабря, на станции Белев была начата забастовка — прекращено движение поездов.

С утра 10-го на станции было тихо. Не прозвучал и привычный гудок. Более того, замерли и цеха депо. Неподвижно стоял маневровый. Не вился над трубами других паровозов знакомый до боли каждому горожанину, терпкий и густой дымок.

И только в телеграфной оставался дежурный телеграфист. В депо в тот же день проводилось собрание. На станции избирался забастовочный комитет ст. Белев.

В комитет были избраны: председателем комитета — машинист депо ст. Белев, потомственный дворянин Калужской губернии Петр Петрович Рагозин; членами комитета: начальник 27-й дистанции инженер-механик Николай Николаевич Поляков, его помощник, инженер-механик Иван Федорович Караманенко, письмоводитель этой же дистан-

ции — мещанин г. Кирсанова Тамбовской губернии Иван Алексеевич Орлов; контролер-механик телеграфа крестьянин Троицкой волости Рязанской губернии Андрей Семенович Кабанов, помощники начальника станции Белев: потомственный дворянин Виленской губернии Иосиф Александрович Костровицкий и подпоручик запаса Георгий Бернардович Тедер, студент-практикант Василий Дмитриевич Каплин.

В те дни на ближайшей к Белеву узловой станции Горбачево был создан исполнительный комитет, который действовал под руководством Белевского забастовочного комитета. В Горбачевский исполнительный комитет входили: помощник начальника станции Горбачево, прапорщик запаса из крестьян Петровского уезда Саратовской губернии Петр Михайлович Сапарин и десятник 26-й дистанции, из белевских мещан, Павел Павлович Барабанов-Григорьев.

Горбачевский исполнительный комитет держал с Белевом постоянную связь. Барабанов-Григорьев и Сапарин регулярно приезжали в Белев на митинги железнодорожников. Здесь они получали инструкции по руководству стачкой горбачевцев.

По поручению белевского стачечного комитета Барабанов-Григорьев издавал листовки, которые распространялись среди населения в Белеве и Горбачеве.

Как только в Белеве был создан забастовочный комитет, в тот же день, 10 декабря, по решению комитета над станционным зданием был поднят флаг как символ свободы. С этого дня, фактически, в Белеве властью наиболее авторитетной стал комитет.

Что же жандармерия? Ротмистр Демидов отбыл из Белева в Лихвин и только 13 декабря появился в Туле, уже имея на руках документ сомнительного свойства, якобы об отпуске «по болезни». Это было, конечно же, тайное бегство от ответственности, ибо столь неожиданными и стремительными оказались белевские события, застрельщиками которых стали работники железной дороги, облеченные властью. Кого из жандармов, от рядового до офицерского состава, не сбили с толку имена членов комитета. Тем более что среди них — двое потомственных дворян Костровицкий и Рагозин. Двое военных, и люди весьма в городе уважаемые, образованные, составлявшие на тот момент элиту Белева, да и всей, пожалуй, округи.

Тем временем охрана порядка была возложена на уездного исправника Ермолова. Ему же было передано распоряжение департамента полиции о немедленном аресте Рагозина. Увы, сие от исправника уже не зависело, и Ермолов доносил по службе, что «распоряжение департамента полиции является неисполнимым».

Начальник Ельгинского отделения Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железной дороги Плетнев доносил

департаменту полиции, что «забастовавшие служащие станции Белев в числе около 700 человек управляют станцией, руководствуясь распоряжениями стачечного комитета. Правительственная власть игнорирует ся; жизнь жандармов в опасности. Забастовщики хорошо вооружены. Соседние станции терроризированы. Для восстановления порядка и движения просим тульского губернатора назначить войсковую часть». Увы, Плетнев получил отказ.

Что это означало на самом деле? Означало то, что административная власть в Белеве перешла в руки бастующих. А как же охрана порядка? Охрана порядка стала прерогативой вооруженной дружины, созданной забастовочным комитетом.

Временный исполнительный комитет подготовил и распространил по станциям и полустанкам, естественно, отправил и в Белев, прокламацию, которая заканчивалась словами: «...И мы, железнодорожники, станем в ряды русского революционного пролетариата, мощные грозные ряды передовой армии, в бой за лучшее, за политическую свободу, за социализм!»

В Белеве же наиболее часто выступал на митингах и встречах с речами председатель белевского комитета П. П. Рагозин. По признанию бастовавших, согласно донесениям в департамент полиции, Рагозин был «недюжинным оратором», при этом его отличало от других руководителей забастовки одно качество — волевая устремленность к победе здоровых сил и здравого ума Отчизны. Он мыслил широко и перспективно, им руководило в действиях среди людей здоровое начало — добра и справедливости.

Рагозин горячо доказывал слушавшим его, что «... не пройдет и года, как все земли и все накопленные богатства будут разделены поровну», что в настоящее время «настал критический момент борьбы с правительством» и что дряхлое правительство не в силах выдержать напора здоровых сил страны. «Настал момент,— говорил оратор,— когда грядет девятый вал, под волнами которого бесповоротно погибнет правительство со всем своим строем и всеми своими приверженцами».

Характерный для облика этого неординарного и глубоко мыслящего человека один, типичный для того момента, эпизод.

Под влиянием бастующих железнодорожников 15 декабря не вышли на работу пекари частных хлебопекарен города. Что в результате? Это обстоятельство, на первый взгляд инициативное, идущее, так сказать, из самих низов, из гущи обывателей, вдруг стало угрожать городу тем, что он мог оказаться беспомощным перед голодом. И тогда комитет немедленно принял меры по организации городской, именно — общественной хлебопекарни.

Что было сделано в этом плане? Невероятное: было найдено соответствующее помещение под общественную пекарню, был приобретен необходимый инвентарь, а на станции было конфисковано девять вагонов муки. Таким образом, была налажена регулярная выпечка хлеба и для горожан, в том числе больницы и домов приюта, но также и для самих забастовщиков, людей сугубо городских, далеких от бытового приготовления всякой выпечки в домашних условиях. В то же время была высоко оценена инициатива примкнувших к забастовке пекарей. Каково? Разумно и практически с позиции доброго отношения к горожанину, ко всем немощным. Впрочем, комитет учел и то обстоятельство, что недостаток хлеба мог вызвать разгул стихийных сил и всяческих преступных элементов. Сегодня поступок комитета назвали бы цивилизованным, демократичным.

Более того, забастовочный комитет руководил всей жизнью самой железной дороги: по его распоряжению принимались и отправлялись поезда, паровозы; принимались и выдавались грузы; производилась выдача посредством кассы зарплаты; на станции поддерживался порядок. Всяческие эксцессы пресекались в стадии их зарождения: 14 декабря толпа бросилась «экспроприировать» имущество состоятельных граждан города. А началось с погрома лавки купца Киселева. И что же? Об инциденте, крайне нежелательном для цивилизованного стачечного комитета, стало тотчас известно его председателю — Петру Петровичу Рагозину, и он сейчас же направился к толпе. Он бросил всего две фразы, но какие?! — «Да разве рабочие — грабители? Расходитесь, товарищи!»

Как свидетельствуют документы жандармерии, «толпа моментально, без всякого шума и протesta, прекратила погром и разошлась».

Конечно же, забастовочный комитет призывал к забастовке и крестьян, но, однако, не к стихийному бунту, бессмысленному и беспощадному, к кровавому.

Об этом красноречиво говорит телеграфная лента разговора Рагозина с крестьянами на станции Горбачево, требовавшими объявить им цели забастовки.

В тексте той знаменитой телеграфной ленты, приложенной впоследствии к Делу по обвинению членов забастовочного комитета, говорится следующее: «Горбачево — Савин: «Рабочие не уходят и требуют объяснить цель забастовки, пожалуйста, разъясните им». Белев — Рагозин: «Сейчас скажу им: мы боремся вместе со всей Россией, со всем рабочим классом и большею частью крестьянства за землю и волю, и пока нам не отдадут воли и не отберут от помещиков, попов, монастырей удельного ведомства все земли и не отдадут ее трудящемуся народу, мы бастовать не перестанем. Сегод-

ня у нас в Белеве на собрании было много крестьян, и решили отбирать помещичьи усадьбы и скот. Пожили помещики, поблаженствовали, пора и честь знать, все это передайте,— я говорю мысль большинства».

Горбачево—Савин: «Верно ли это? Если верно, то пойдем к помещикам и начнем с ними вести разговоры, да такие, что им тошно будет».

Белев—Рагозин: «Бог в помощь вам. Только чтобы насилий над людьми не было, не проливайте христианской крови, делайте так: посыпайте вперед на усадьбу ходоков сказать: «Выезжайте подобру-поздорову, пожили и довольно, а после этого через несколько часов приходите и распоряжайтесь, как хозяева, чинно и благородно...»

19 декабря в Белеве стало известно, что в тот день в Москве организованно прекратили работу. А 20 декабря в Белеве по железнодорожному телеграфу были получены тревожные вести: на Белев из Тулы походным порядком идет до полусотни казаков. Из Спас-Деменска железнодорожный телеграфист сообщил, что из Смоленска на Белев вышел военный карательный эшелон.

В Белеве в этот же день состоялось заседание забастовочного комитета. Обсудив сложившуюся обстановку, комитет, во избежание кровопролития, решил забастовку прекратить, сопротивления карателям не оказывать.

Когда же из Иштутина, в 12 часов дня, был сделан запрос на путь для эшелона, в Белеве был открыт семафор.

После ареста ряда забастовщиков большинство забастовочного комитета содержалось в Орловском централе, а в Белеве продолжались дознания, обыски и аресты. 9 января 1906 года начальник Тульского губернского жандармского управления полковник Нестеров доносил тульскому губернатору, что на основании примечания к ст. 21 Положения о государственной охране... «6-го сего января в городе Белеве обысканы, арестованы и заключены под стражу в Белевскую уездную тюрьму машинист Сергей Андреевич Денисов и помощник машиниста Иван Михайлович Черноверхский».

Члены Белевского забастовочного комитета и горбачевского исполнительного комитета три месяца находились под следствием и без суда подвергались расправе царской охранкой. Они были высланы затем в Сибирь по решению министра внутренних дел.

Обвиняемых в принадлежности к забастовочному комитету, руководившему движением на станциях Белев и Горбачево, министр внутренних дел постановил: «выслать Рагозина в Туруханский край Енисейской губернии на 5 лет; Полякова, Караманенко, Костровицкого и Тедера — в Нарымский край Томской губернии на 3 года. Кабанова, Орлова, Каплина, Сапарина, Барабанова-Григорьева — в отдаленные уезды То-

больской губернии на 3 года под гласный надзор полиции. Считая срок с 19 марта 1909 года».

Это постановление завершалось словами: «...принять меры немедленно, даже если ещё ведется дознание или следствие.»

Однако запал стихийной энергии протesta вышел на тот час из-под контроля и огонь так называемого в народе «красного петуха» полыхнул в селах: поджигали помещичьи усадьбы, стога сена и скирды хлеба... Недосказанное в процессе дознания и следствия договорило само время языком бунта.

ВВЕРГНУТЫЙ В РАЗДЕЛ ИМПЕРИИ

*Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!*

А. Блок.

Грустно сознавать, что на протяжении более восьмидесяти лет минувшего века, с каким-то усердным постоянством, оплакивали жизнь дореволюционного Белёвского уезда многочисленные описатели, будто чредой сходившие с конвейера партийного заказа. Но население прирастало. В канун нового столетия в Белёве начало действовать Епархиальное женское училище, дававшее право на среднее образование. В 1903 году, по ходатайству широкой общественности, в Белёве было открыто реальное училище. Плодотворно работали гимназия и прогимназия, мужское духовное училище. Расширялась сеть земских школ на селе.

Более того, на базе широкой сети народного просвещения в Белёве и уезде проводились курсы повышения квалификации учителей, благо, что по уезду пролегла железнная дорога Данков—Смоленск.

Имя Василия Андреевича Жуковского осеняло творческую деятельность ярких подвижников культуры, усилиями которых была открыта публичная библиотека, затем — замечательный музей; не прекращал ни на сезон свою масштабную работу театр.

Земские врачи, фельдшера и акушеры, земские учителя, при материальной поддержке состоятельных граждан Белёвского уезда, техническая интеллигенция железнодорожной станции, коммерческие служащие, попечители разных сословий вкупе с духовенством осознанно умягчали нравы обывателя, вносили в быт ветер новых перемен.

Захолустьем в известном смысле этого слова на тот период здесь не пахло. Однако две войны, будто навязанные, внушённые злым гением правительству царя Николая II, отбросили и без того несовершенную в промышленном отношении Россию на обочину европейской магистрали.

Несокрушимая перед любым противником именно народной по духу и образу войны, Россия всегда понапрасну истекала кровью в других войнах, затеваемых путём насилия над волей народа. Навязанная, она приносила разочарование, ослабление духа, нравственное растление и ставила Россию на грань катастрофы.

Дневник Николая II, который он вёл при следовании из Ставки в столицу, каждым словом говорит о надвигающейся катастрофе.

«1 марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятymi восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь. Видел Рузского (главнокомандующий Северным фронтом), Гатчина и Луга тоже оказались занятими. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там!.. Помоги нам Господь!»

«2 марта. Четверг.

Утром пришёл Рузский и прочёл свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы, будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно моё отречение... В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛА Д. Н. ДУБЕНСКОГО «КАК ПРОИЗОШЁЛ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ»

28 февраля. Вторник.

...Измученный, боящийся за участь России и свою семью, взъявленный озлобленными требованиями бунтующей Государственной Думы, царь сказал генералу Иванову свои грустные и тяжёлые соображения: «Я берёг не самодержавную власть, а Россию. Я не убеждён, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Так выразился государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй.

1 марта. Среда.

...Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны, государь должен передать престол наследнику престола при регентстве брата своего великого князя Михаила Александровича. ...Главнокомандующий Северного фронта сообщил о согласии всех остальных главнокомандующих с этим мнением Думы и «временного правительства». По этому вопросу через генерала Алексеева достигнуто уже соглашение по прямому проводу между Ставкой Верховного и ставками главнокомандующих.

(Телеграмма генерала Алексеева, верховного главнокомандующего, главнокомандующим по вопросу об отречении послана была 2 марта в 10 час. 15 мин. утра, а ответы главнокомандующих сообщены царю генералом Алексеевым того же числа в 4 час. 30 мин.)

«Михаил Александрович — человек слабый и безвольный и вряд ли он останется на престоле. Эта измена давно подготавлялась и в Ставке и в Петрограде. Думать теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти Родину, по-моему, безумие. Давно идёт ясная борьба за свержение государя, огромная масонская партия захватила власть и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы».

4 марта. Суббота.

(В Ставке — Могилёв)

...После известия об отказе Михаила Александровича (от престола) не только среди лиц, окружавших государя, но и среди всей Ставки не было уже почти никаких надежд на то, что Россия сможет вести войну и продолжать сколько-нибудь правильную государственную жизнь. Надежда, что «учредительное собрание» будет правильно созвано и утвердит царём Михаила Александровича, была очень слаба и в ней почти никто не верил.

Прав был К. Д. Нилов, говоря, что Михаил Александрович не удержится и за сим наступит всеобщий развал.

Среди Ставки, которая в огромном своём большинстве была против того, как появилось известие об организации Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, требования которых направлены к развалу армии и к передаче власти в войсках солдатской массе...»

**Телеграммы на имя Николая II
(переданные посредством генерала Алексеева)**

2 марта 1917 года.

От генерал-адъютанта Брусилова: «Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и царскому престолу, что, в данную минуту, единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадёт,— отказаться от престола...»

Телеграмма главнокомандующего румынским фронтом генерала Сахарова на имя главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, копия генералу Алексееву.

«Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы Вам на высокомилостивое решение государя даровать стране его величеству через вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения.

Горячая любовь моя к его величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного вам председателем Думы.

Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная Дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от внешнего врага и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

Переходя к логике разума и учитя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный поданный его величества, рыдая вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало бы пищи к предъявлению дальнейших, ещё гнуснейших, притязаний.

Ясс. 2 марта 33.317 Генерал Сахаров.»

Получена в Пскове в 4 ч. 50 мин.

«Тульская молва». 10 марта 1917 года.

«Тульская молва» от 10 марта 1917 года писала по поводу событий в Белёве в дни так называемой Февральской революции.

«Первая весть о Петроградском перевороте в Белёве была получена 28 февраля. Дальнейшие телеграфные вести нового правительства все

более и более развёртывали сказочные картины происходящего.

Вечером, 2 марта, в Земской Управе, как по мановению волшебного жезла, начали съезжаться на извозчиках железнодорожники и горожане.

Была избрана временная комиссия для избрания Местного комитета. Председатель Управы, Ф. Е. Арбузов, был в дороге к Белёву и его ждали с минуты на минуту. Вскоре, Ф. Е. Арбузов прибыл в Белёв и немедленно явился в Земскую Управу, где был встречен бурными аплодисментами.

После первых обменов мнений делегации было поручено войти в соглашение с местным 231 полком. Собрание спокойно разошлось. 4 марта состоялось экстренное офицерское собрание. Выяснилось, что командир полка, Ф. Ф. Гундарев, не пожелал присоединиться к народному движению. Оставив командира при особом мнении, полк и местная, слабосильная команда в 12 часов дня примкнула к общенародному движению. Выстроившись в стройные ряды, полк прошёл из загородных казарм по городу, и направился к Земской Управе с красным флагом и музыкой.

Около Земской Управы образовался первый грандиозный митинг. Выступали простые солдаты, выступали офицеры с приветствием грядущей обновлённой жизни, с приветствием создателю её, с обращением к населению быть спокойными, с просьбой братской помощи полку, а полк взаимно поможет своим гражданам; с обращением к землевладельцам, торговцам и купцам вывозить на рынок хлеб, накормить голодное население, прийти на помочь дорогой родине.

С приветствием войску и населению выступил Председатель Управы Ф. Е. Арбузов, выступали граждане. Речи ораторов сопровождались ликующими звуками музыки.

К месту митинга тянулась бесконечная вереница граждан на извозчиках и пешеходов, лиkующих, переживающих неописуемую радость. Многие плачут. Митинг продолжался два часа, затем спокойно, выстроившись в ряды, воины отправились по казармам.

Вечером состоялось собрание офицеров. Арестован полковник Ф. Ф. Гундарев, не пожелавший разделить общую трапезу, затем состоялось соединённое собрание граждан и представителей войск в Земской Управе. Решено арестовать и заключить в тюрьму начальника Белёвского жандармского отделения ротмистра Н. Л. Грязнова, жандармского вахмистра И. Ф. Пушкова. Арестовать исправника А. А. Глаголева, помощника исправника Мисюревича.

Глаголеву, ввиду его заблаговременного заявления подвергнуть себя аресту, меру пресечения решено смягчить.

Завтра состоятся выборы представителей от всех слоев населения в Уездный исполнительный Комитет. Комиссаром Комитета намечается Ф. Е. Арбузов.»

«Известия Тульского губисполкома». 1917. 18 июня.

«29 мая 1917 года в Белёвском Уисполкome был заслушан доклад Брушлинского (агроном) о задачах земельных комитетов и предложено было избрать пять представителей в уездный земельный комитет, волостным комитетам прислать по одному представителю.

На этом же заседании Белёвского уисполкома по вопросу об аренде лугов вынесено решение: «Предложить арендаторам с спекулятивной целью теперь же отказаться от этой аренды из-за могущих произойти осложнений, землевладельцам предложить не сдавать луга отдельным лицам, а только обществам».

Великим Бисмарком, знать, не случайно было замечено, что русский медленно запрягает, но быстро ездит. В Белёве же любая новость, как говаривали прежде, летела на вороных. Тем более,— «в минуты роковые...»

Едва образовалось в Петрограде Временное правительство, как в Белёве, уже на пятые сутки, 7 февраля (20 марта) был образован Белёвский Уездный исполнительный комитет.

Белёвским уездным комиссаром Временного правительства был избран Ф. Е. Арбузов,— дворянин с достоинствами, поборник разведения плодовых садов в уезде и в окрестностях, человек высоко образованный, в недавнем прошлом предводитель белёвского дворянства, член конституционно-демократической партии (партии «народной свободы»).

23 мая, как о том сообщили «Известия Тульского губисполкома», было введено в Белёвский уездный исполнительный комитет 2 представителя партии социалистической ориентации.

29 мая был создан уездный земельный Комитет Временного правительства.»

Что произошло далее? Губернские власти Временного правительства не могли выполнить этого требования и подали в отставку. Однако председатель Временного правительства отставку отклонил. («Тульская молва». 1917 г. 1 июня)

На тот период остро встал вопрос о собственности на землю, и 16 июня 1917 г. Тульский губернский совет крестьянских и солдатских депутатов вынес решение о передаче всех помещичьих земель в ведение земельных комитетов, главный губернский земельный комитет запретил проведение в жизнь этого решения до решения вопроса Учредительным собранием. («Октябрь в Туле». Тула. 1957 г. стр. 162).

В течение 14—15 сентября 1917 года проходил 1-й Белёвский уездный крестьянский съезд. Присутствовало 300 делегатов. Принял резо-

люцию о поддержке Временного правительства. («Тульская молва». 26 сент. 1917 г.)

Провинция, как говорится, один к одному, повторяла политику центра в крайних её проявлениях на местах по принципу: «Не успеют наверху сказать: «Ужо-тко ему!», — а, глядишь, местные уж разорвали его на части».

То были гримасы поражённых эпидемией морально-нравственного распада общества, ужимки духовного падения и, главное, ничем неприкрытого цинизма.

В частности, Белёвский уездный комиссар Временного правительства Ф. Е. Арбузов обеспокоенно телеграфировал Тульскому Губернскому комиссару Временного правительства о том, что в уезде усилилась массовая рубка леса. («Тульская молва». 22 октября. 1917 г., с.3).

«Лесовладельцы,— сообщал Ф. Е. Арбузов,— их служащие, даже земские управы терроризированы. Рубка производится организованно, по постановлению самочинных местных комиссий.

Новоделецкое собрание санкционировало своим постановлением самовольные рубки. Московский (военный) округ отказал в присылке кавалеристов. Пехота местного гарнизона не может оказать помощи за отсутствием подготовленного кадра и невозможности быстро передвигаться по уезду.» («Тульская молва». 28 октября 1917).

Также «Тульская молва» извещала общественность губернии, что были в октябре подвергнуты разгрому некоторые имения дворян уезда, в частности, села Стрыкина, сельца Астафьева Погорельской волости — помещика Д. А. Лямина.

В этих условиях в уезде прошли выборы в Учредительное собрание. Социал-революционеры (эсеры) получили 18 582 голоса, большевики — 9171 голос. Остальные партии — очень незначительное число голосов — 4082. Это кадеты, социал-демократы (меньшевики), «октябрьсты».

7 декабря в Туле Совет рабочих и солдатских депутатов взял власть, а 31 декабря 5-й губернский съезд крестьянских депутатов провозгласил советскую власть на всей территории Тульской губернии. В Белёвском же уезде всё оставалось на прежних позициях, и не прекращались эксцессы в виде порубки лесов, в форме ограбления усадеб помещиков, в виде погромов спиртных заводиков.

Итоги выборов в Учредительное собрание, по данным на 5 декабря 1917 года, по Белёвскому уезду.

Фактически: социалисты-революционеры были избраны подавляющим числом поданных голосов.

За кадетов подано — 2768 голосов.

Проголосовало за социалистов-революционеров — 18 582 человека.

За представителей РСДРП (меньшевиков) — 980 голосов.

За представителей большевистского крыла РСДРП — 9 171 голос.

За представителей промышленного блока — 128 голосов.

За партию народных социалистов, представлявших интересы зажиточных крестьян, — 59 человек.

За представителей местных кооперативов — 94 человека.

За представителей объединённых социал-демократов — 24 голоса.

За представителей собственно крестьян Басовской волости — 29 голосов.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1918 ГОДА

10—13 января.

Съезд крестьян Литвиновской волости. Главный вопрос — «О советской власти». Создан Совет крестьянских депутатов. Решено упразднить Земство.

10—15 января.

Провозглашена советская власть во многих волостях уезда. 21 января — в одной из последних, в Жуковской волости.

26—29 января.

Состоялся съезд рабочих и крестьянских депутатов. Избран Уездный Совет рабочих и крестьянских депутатов. Съезд решил: «Приветствовать Октябрьскую социалистическую революцию; положить жизнь свою в защиту прав, добытых революцией; всю власть в уезде взять в свои руки».

2 февраля.

Уездный исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов решил: упразднить Земство и Думу.

7 февраля

Уездное Земство не признаёт Советы, но приходит к необходимости вынужденного решения о передаче всех дел Совету рабочих и крестьянских депутатов.

8 февраля.

Городская Дума решает: до 1 марта передать все дела Советам. Свои полномочия Дума слагает с себя полностью.

23 февраля.

Состоялся Чрезвычайный съезд волостных Советов. Из-за конфликта по существу представительства рабоче-солдатской секции последняя принимает решение о выходе из состава Объединённого Совета.

25—27 марта.

Проводится II (второй) съезд депутатов волостных Советов уезда и Белёвского Совета рабочих и солдатских депутатов (Объединённый). Съезд создал Уездный Исполнительный комитет. На съезде одобрена ратификация Брестского мира.

25—26 апреля.

Проходил III съезд Советов, решавший продовольственный вопрос. Ликвидировано Белёвское уездное Земство. Тульский Губернский Комитет направил в Белёв для укрепления Белёвской партийной организации опытного партийца — П. Г. Глебова, а также профессионального революционера Д. Г. Джулина и студента педагогического института Н. А. Петруничева, на должность Чрезвычайного Военного комиссара уезда — Н. И. Зайцева.

5 мая.

На нижней площади Белёва проведён митинг, посвящённый 100-летию со дня рождения Карла Маркса.

16 мая.

Первое объединённое собрание при уисполнкоме. На совместном заседании большевиков и левых эсеров избрано бюро из 4 человек: Г. И. Овчинников, Н. А. Петруничев, двое эсеров. Секретарём парткома вскоре был избран Н. А. Петруничев.

(16 мая принято считать днём создания партийной организации Белёвского уезда).

В мае образован и Уездный Отдел народного образования, Уездный совет народного хозяйства.

26—27 мая.

Проходил съезд волостных земельных отделов, принявших решение об уборке урожая на бывших помещичьих землях, а также — об охране и содержании лесов. Земельный отдел принял 27 мая постановление об уборке урожая на бывших частновладельческих землях.

23 июня.

Вышел первый номер газеты «Белёвский пролетарий». В конце июня возник мятеж в Комаревской волости.

4 июля.

На заседании городского комитета партии большевиков принято решение об объединении с железнодорожным комитетом партии. Председателем избран Н. А. Петруничев, секретарём — Соколов, однако вплоть до сентября обе организации работают автономно.

5 июля.

Состоялся IV съезд Советов уезда. Рассмотрел вопрос «О текущем моменте» — (О Брестском мире и о декрете, о комбетах).

1—11 августа.

Создаются комитеты бедноты в волостях: Бобриковской, Зайцевской, Погорельской.

3 сентября.

Принята резолюция на общем собрании членов профессионального союза трудящихся Белёва в связи с покушением на В. И. Ленина. Принята телеграмма I белёвского уездного съезда Комитетов бедноты с приветствием В. И. Ленину и пожеланием скорейшего выздоровления.

«Москва. Совнарком. Товарищу Ленину.

Тула. Гуссполком.

Первый белёвский съезд комитетов бедноты приветствует горячо любимого всеми обездоленными вождя мировой социальной революции товарища Ленина. Беднота с нетерпением ждёт скорейшего твоего выздоровления, великий вождь, на страх эксплуататоров всего мира ты должен жить. Этого требует беднота.

Первый Белёвский уездный съезд Комитетов бедноты.
(ГАТО. Р. 158 оп.1. д.13 л. 286.)

Резолюция общего собрания членов профессионального союза трудящихся Белёва в связи с покушением на В. И. Ленина.

3 сентября 1918 года.

«Мы, рабочие города Белёва, узнав, что предательская рука контрреволюции посягла на жизнь нашего дорогого и стойкого вождя мирового пролетариата, выражаем своё полное негодование и заявляем всем белогвардейцам, соглашателям и контрреволюционерам, что за одну пролитую каплю крови наших пролетарских вождей, мы, белёвский пролетариат, ответим массовым и красным террором и за каждого убитого нашего рабочего вождя расстреляем тысячи контрреволюционеров.

Смерть всем белогвардейцам, соглашателям и всем врагам рабочего класса.

Да здравствует наш дорогой и неоценимый вождь рабочего класса
В. И. Ленин!

Резолюция принята единогласно при одном воздержавшемся.

Председатель Зайцев.
Секретарь Чубуков.»

(10 сентября 1918 года. Газета «Коммунар» № 56, стр. 4)

В сентябре создаются коммунистические ячейки в Куракове, Сергеевке, Жукове, Толстовской волости.

11 сентября.

На заседании городского комитета РКП(б) принято решение: «Организовать общий городской комитет с председательством от всех партийных организаций и ячеек, находящихся в Белёве».

12 сентября.

На общем собрании городского и железнодорожного районов был избран единый комитет и принято постановление: «Реорганизацию партии поручить новому комитету». При комитете создаются: партшкола, партбиблиотека; организуется агитационно-пропагандистский отдел.

1—2 октября.

Состоялся I уездный съезд учителей. В октябре и декабре создаются коммунистические ячейки: в Володьковской, Манаенской, Лиховицкой, Фурсово-Будогощицкой, Зайцевской, Комаревской, Сорокалетовской.

3 декабря.

При Белёвском Уисполкоме создан отдел печати.

14 декабря.

Большое событие в культурной жизни города. Впервые в Белёвской художественной изостудии состоялось итоговое занятие с первым просмотром работ. Присуждались премии, вручались награды. Организована выставка работ студийцев, показана делегатам и участникам I уездного съезда РКСМ.

В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ БОЯМИ (О юных большевиках, о «стариках» — комсомольцах)

И был май. И как превечно в раннюю весеннюю пору, томительными вечерами зачарованно пели соловьи в вишнёвых садах Белёва, по пыльным улочкам Казачей слободы «гоняли» чижика мальчишки, бесшумно катила свои воды Ока и утомлённое за большущий день солнце укладывало стрельчатые лучи свои до поры до времени.

И был домик с палисадником, где собравшиеся говорили не о ранней весне, не о предстоящих хлопотах по домашнему хозяйству,— юные лица, горящие, очарованные какой-то нездешней, едва ли сбыточной, загадочно манящей мечтой — мечтой о всемирном счастье. Одной на всех!

Как же не решиться на это, невероятное в их положении, самим роком заброшенных в угол губернии? — ведь только вчера докатилась, словно по волнам небыстрой Оки, жаркая весть: в Москве образован Российской Коммунистический Союз Молодёжи.

И пять пламенных сердец вспыхнули от одной искры: «Комсомолу в Белёве — быть!»

Это была пятёрка,— в классических традициях подполья, ещё от библейских времён,— боевая, сурово сколоченная и скреплённая клятвой, сильная кровью Завета. Самые юные бойцы большевизма. Горстка. Заединщики идеи, брошенной в глубокую провинцию.

Мария Бохан, вступившая в партию шестнадцатилетней девчонкой. Стройная, подкупающе очаровательная, дочь машиниста водокачки близко стала умом, а мыслила основательно. Впоследствии, на III съезде РКСМ, слушала речь Ленина; 21 год служила в армии, была уволена в запас в звании инженер-полковника.

Симон Полугаевский — юноша с воззрением опытного подпольщика. Саша Сурмилев, Лёша Полугаевский, Алёша Эльманович. А затем — Боря Колюцкий, Лев Хесин, Григорий Левит, Дания Ирлин, Мария Полугаевская, Елизавета Ирлина.

Пятёрка прошла обкатку в партийных рядах. Отсюда, как из пожарища, они вынесли сокровенное: «ГЛАВНОЕ ОВЛАДЕТЬ СОЗНАНИЕМ ЮНОШЕСТВА!». Альфа и омега любого передела: империй, собственности, веры и души человеческой.

На какое Поле вышли оратаюшки? — пустынное? Усыпанное волчками? Взлелеянное Верой Христовой?

Сами участники тех будней говорили об этом без ск褶ок на время мятежное. «Агитаторы мы были не особенно сильные,— писала М. И. Бохан из Москвы в Белёв.— На всех митингах выступали одни и те же 2—3 человека. Уговорить наших молодых товарищей выступить на собрании или митинге было невозможно: в массах не хватало сознания, многие или не понимали наших задач, или были запуганы, поэтому мы не могли сразу добиться успеха. И на это не рассчитывали».

Ещё бы! Как отметит в своих статьях в местную газету в конце семидесятых прошлого века С. Рогов: «...в 20-е годы в городе действовало 12 церквей и 2 монастыря. В сёлах — 34 церкви...» И всё же, заметит он же, «комсомольцы вели большую антирелигиозную пропаганду».

Стало быть, полагались во всём на старших товарищей по идеи, и те оказывали всяческое содействие. Учились в походе, осваивали науку борьбы на «марше».

Не случайно М. Бохан признаётся: «Чтобы быть ближе к истине, надо сказать, что, пожалуй, один только Симон Полугаевский был сколько-нибудь подготовленным к началу этой работы. У остальных, кроме горячего желания участвовать в кипучих буднях родной республики, ничего не было».

А вот как комментировал в своих воспоминаниях то состояние духа и уровень мировоззрения юношества человек-легенда для белёвичей — Александр Георгиевич Котиков, участник войны. С августа 1945 по март 1946 года — начальник Советской военной администрации провинции Саксония Анхальт, с марта 1946 по август 1960 года — комендант советского сектора Берлина, уполномоченный советской контрольной комиссии по Берлину. Паренёк из д. Бакино Белёвского уезда, проработав некоторое время на фабрике в Москве, с 1917 по июль 1919 года, вернулся в Белёв.

«В деревнях Белёвского уезда парни и девчата, в отличие от Москвы, были совершенно неорганизованны», — писал А. Г. Котиков. Рассказывая о том, как он впервые появился в городе, как пришёл на собрание

городской ячейки, как ему советовали наладить работу в деревне по вовлечению юношества в комсомол, отмечал: «...и пришёл к выводу, что комсомольскую ячейку можно организовать в д. Бакино. В других деревнях молодёжи тоже немало, но организаторов, вожаков, на которых можно опереться, среди ребят пока нет».

И всё-таки, считанное количество юных бойцов новой идеологии, сумели переломить ситуацию, смогли овладеть сознанием тысяч и тысяч, выстроить их в ряды.

А сколько же было ячеек на этот час у горстки одержимых одной идеей овладеть сознанием тысяч и тысяч юношей и девушек? Три!

Три: Транспортная, Городская и Завырская. А в сёлах огромного уезда, включавшего в себя территории нынешнего Арсеньевского и частью Одоевского районов? В сёлах и вообще считанное количество организаций: Ивановская, Долецкая, Алтуховская, Болотская, Погорельская, Ровенская.

В Завырской ячейке насчитывалось в 1920 году около сотни юношей и девушек. Бюро состояло из 7 человек. Возглавлял его Иван Самошин.

С июня 1919 года в с. Мишенском стало действовать ячейка РКСМ из 18 человек.

В Иванове летом того же года стала действовать ячейка РКСМ из 9 комсомольцев. Председателем был избран В. Богденко, заместителем — Ваня Дрынин, секретарём — Нюра Кузина.

Как по капле донорской крови собирала силы организация, зачавшись от энергии одной «пятёрки». На декабрьский уездный съезд 1919 года съехалось уже 115 делегатов.

Кто же они, первые?

Миша Петров, Митя Скопин, Нюра Шепетова, Таня Новикова, Зоя Сорокина, Миша Петушкин, Коля Прохоров, Юлий Матусевич, Лиза Ирлина, Маруся Полугаевская, Володя Рождественский, Даня Ирлин, Гриша Миркин, Николай и Михаил Панкратьевы, Пётр Махуров, Симон Полугаевский, Гриша Левит, Лёва Хесин, Лёня Степанов, Александр Злотин, Толя Усыскин, Николай и Михаил Ивановы, Тоня Покровская, Шура Соломина, Миша Ивановский, Лиза Родина, Саша Черенков, Слава Арефьев, Пётр и Николай Щевель, Павел Карнаухов, Иван Артёмов, Сергей Голосов, Лёня Левицкий, Алёша Эльманович, Тая Борисова, Серёжа Фомин, Серёжа Елуферьев, Олег Бohan, Виктор Черепков, Валя и Павел Суяровы, Вера Егорова, Саша Сурмилев, Лёня Зотов, Пётр и Леонид Рогожкины, Иван Шевцов, Саша Климов, Николай Лобанов.

Все они вели в основном работу в городе Белёве, оказывая содействие сельским комсомольцам. В селе были свои авторитетные вожаки молодёжи:

Пётр Крыжов, Валентин Богденко, Иван Дрынин, Александр Гамазин, Александр Котиков, Федя Фомин, Федя Жуков, Василий Михеев, Мария Васина, Пётр Тарасов, Никита Суровой, Иван Демичев, Иван Рябых.

Организация, начавшая своё шествие по намеченному пути 10 июня 1919 года, окрепла и стала составной частью созиателей нового.

ИЗ ХРОНИКИ ЗАРОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

23 ноября 1918 года.

В Белёве создаётся «Коммунистическая ячейка учащихся». Вела борьбу с анархистами. В школах организуется ряд ячеек. Объединённо они стали называться — «Центральная Коммунистическая ячейка учащихся».

Май 1919 года.

В Белёве получает широкую известность деятельность Российского Коммунистического Союза Молодёжи.

10 июня 1919 года.

В клубе Карла Маркса (ныне здание районного дома культуры) созывается собрание «Центральной Коммунистической ячейки учащихся». Всего было 30 человек. Собрание постановило создать в Белёве организацию РКСМ, а всем членам «коммунистических ячеек» — войти в РКСМ. На собрании были избраны делегаты на I губернский съезд молодёжи рабочих и крестьян, избрано оргбюро. Съезд проходил с 15 июня по 18 июня.

22 июня 1919 года.

В селе Мишенском Петром Крюковым, без чьей-либо помощи, создаётся первая в Белёвском уезде ячейка РКСМ.

29 июня 1919 года.

Состоялось первое организационное собрание Российского Коммунистического Союза молодёжи г. Белёва. Значительным вкладом в дело организации комсомола на селе стало создание ячейки в с. Иванове.

13 июля 1919 года.

На общем собрании городской организации оргбюро было заменено комитетом. К этому времени в организации было 60 членов. В июле РКСМ проводит мобилизацию на фронт — 13 членов РКСМ. Проводится чистка рядов организации. К середине ноября из 128 членов исключено 53 человека.

26 октября 1919 года.

В городе, на железной дороге, создаётся рабочая ячейка. В октябре на подавление прорыва Мамонтова отправлено 15 комсомольцев; остальные перешли на казарменное положение. 11 человек мобилизованы в отряд особого назначения.

С 7 ноября 1919 года.

Проводилась партийная неделя по росту партии. Компартия большое внимание уделяет рождению комсомола и политическому воспитанию молодёжи.

21 ноября 1919 года.

Объявлена «Неделя Красной молодёжи». Цель — вовлечь в комсомол рабочих и крестьян. На митингах молодёжи, проводимых повсеместно, избирается по 2 представителя на уездный съезд. Возникают ячейки: в Литвиновской волости — 150 членов, Комаревской — 32 члена, в Фурсово-Будоговицкой — 19 членов.

14 декабря 1919 года.

Открывается первый съезд рабочей и крестьянской молодёжи Белёвского уезда. На съезде — 115 делегатов. Съезд окончательно оформил уездную организацию Коммунистического Союза Молодёжи.

«ВЕСОМО, ГРУБО, ЗРИМО...» **(События 1918—1925 годов в г. Белеве —** **газетной строкой)**

ПО СТРАНИЦАМ «БЕЛЕВСКОГО ПРОЛЕТАРИЯ»

№7 (33) 26 января 1919 года. В информации сообщается о появлении в уезде большого количества дезертиров.

Заметка из д. Лиховищи о том, что здесь Лиховищинский «Культпросвет» организовал кружок ещё в первой половине ноября из состава местной молодёжи по обучению военному делу.

№ 8 (34) 29 января 1919 года. Редакционная статья: «О всеобщем военном обучении». В статье ссылка на Декрет Совнаркома от 22 апреля 1918 года о необходимости пропаганды и организации военного всеобуча.

Там же статья об открытии в Белеве музыкальной студии имени Даргомыжского с целью подготовить «Достойных инструкторов музыки. Особое внимание классу игры на народных инструментах и хоровому пению». Спевки любителей хорового пения проводятся в Народной библиотеке, разместившейся в бывшем «Вдовьем доме». Руководит обучением хоровому пению регент А. В. Троицкий. Студия имени Даргомыжского разместилась на Беликовской улице, в Завырье, в бывшем доме некоего Богатырева.

(42) 26 февраля 1919 года. Сообщение о том, что 25 февраля открыта библиотека имени Гаршина в помещении бывшей Московской гостиницы по ул. К. Маркса.

№ 18 (44) 5 марта 1919 года. В обширной информации из сел уезда говорится о том, что в начале января внешкольным подотделом создан Ивановский народный университет. Мысль об этих преобразованиях была подана местным культпросветкружком. В Университете — три

отделения: сельскохозяйственное, технико-строительное и счетоводства, а также есть две подготовительные группы для неграмотных и малограмотных. Занятия посещает около 80 слушателей. Здесь же отведен участок земли под огород, сад, пасеку.

В Комаревской же волости разносторонне развивается культпросвет- работа в целом...

№ 22 (48) 20 марта 1919 года. В информационном блоке достаточно широкий спектр сообщений из сфер общественной жизни в центре и на местах.

Публикуется окончание Протокола 2-й Белевской уездной конференции РКП(б) от 4 марта 1919 года по вопросу «О земельной политике», «О лесной политике». Говорится о выборах на Губернскую партконференцию делегатов в составе Петруничева, Бредо, Якушева и Тарасова.

К текущим делам отнесено избрание укома партии в составе Якушева, Джулина, Петруничева, Черникова, Бредо, Орлова.

№ 32 (58) 1 мая 1919 года. Заведующий отделом печати Валентин Петруничев объявляет о выходе из печати и поступлении в продажу «Юбилейного сборника» (Год партийной работы) — в честь годовщины установления советской власти в городе Белеве и Белевском уезде.

№ 34 (60) 7 мая 1919 года. Публикуется Протокол 6-го съезда Советов Белевского уезда Тульской губернии от 25 марта 1919 года (окончание, начало № 29, продолжение № 33). Резолюции по вопросам повестки дня: о кооперации, о поставке скота, о заготовке сена, о доставке картофеля.

По предложению коммунистов, в члены Белевского уисполнкома избираются («за» — 30 голосов, «против» — 26 голосов) 20 членов: Курабцев, Соколов, Боровский, Джулин, П. Мартынов, Ф. Мартынов, Вал, Петруничев, Черников, И.В. Карнаухов, Н. Петруничев, Никитский, Добаринов, Панов, Анисенков, Тарасов, Баев, Якушев, Карнаухов. На губернский съезд Советов делегатами избираются — Панов, Васин, Боровский, Иван Карнаухов, Гаршин, Федин, Якушев.

Подписали: председатель съезда Петруничев, секретарь — Бредо.

№ 35 (61) 11 мая 1919 года. Передовая статья «Победа или смерть» — о мобилизации на фронт в первую очередь — коммунистов. «Городской район уже отправил на фронт 50 процентов членов организации. Сейчас спешно мобилизуется 10 % волостных ячеек; хуже дело обстоит в профсоюзах».

Под рубрикой «Партийная жизнь» публикуется постановление Губкома партии большевиков. Говорится о том, в частности, что Комитет РКП(б) на своем заседании от 5 мая единогласно постановил:

1. Ввиду того, что Белевская организация первая из всех уездов Тульской губернии отозвалась на призыв ЦК и Губкома о немедленной мобилизации коммунистов.

2. Белевский укомпарт провел мобилизацию умелым и образцовым порядком.

3. Печатно послать братское коммунистическое приветствие прибывшим в Тулу для отправки на фронт мобилизованным товарищам и в их лице приветствовать Белевский Укомпарт и всех товарищей Белевского уезда, которые при напряжении всех своих сил выполнят очередную работу выбывших на фронт для борьбы с врагами рабочих и крестьян».

Публикуется список Белевского коммунистического отряда, отправляющихся на фронт: Бредо Матвей, Петруничев Валентин, Петруничев Василий, Троицкий Иван, Красников Никита, Карнаухов Андрей, Кобзев Петр, Сухарев Григорий, Антонов Дмитрий, Пыжиков, Бирюков, Овчинников, Сныховский, Комартовский, Якушев, Кочанов, Цыганов, Чистковский, Карнаухов Сергей, Васин Иван, Толстиков, Ермошкин Гавриил, Васильев Василий, Полугаевский Вениамин, Бовдзей Иван, Судаков, Скибинская, Макаров, Нури, Гончаров.

(*Тульский «Коммунар* № 247/98)

Ниже по тексту сообщается, что ввиду отъезда тт. Петруничева и Ермошкина на их место утверждены заведующими: отделом печати — т. Бормотов и зав. соцобеспечением — т. Москалев.

Тут же подверстана заметка Н. Славинского «Волостная мобилизация» с призывом выделить по 10–20 человек от каждой волости — на фронт для защиты революции.

«БП» № 36 /623 14 мая 1919 года. Характерная по стилю и содержанию, лаконичности текста, прямолинейности чеканных возвзаний.

«Товарищи, вперед!

12 мая из Белева отправлена вторая партия коммунистов (большевиков). Половина её — крестьяне, ушедшие защищать добытую в революции землю. При отправке они наказывали остающимся гнать из кустов и ям дезертиров, всех предателей революции, применять к ним меры строгости, так как они являются пособниками тех, против которых они идут воевать. На раздавшийся клич Белевской организации коммунистов «Революция в опасности — к действию, товарищи!» — встрепенулись молодые силы, ячейки учащихся, и точно так же, как тот труженик, ушедший от сохи, со всем пылом горячего сердца, бросились вперед. За лучшую жизнь, за свободу личности!»

...И пусть молодой клич коммунистов-фронтовиков разбудит всех и станет нашим общим криком — *Вперед! На святые баррикады с Красными Знаменами — для окончательной победы над капиталом! Товарищи, вперед!*»

№ 40 (68) 8 июня 1919 года. В статье «Отправленным на фронт» сообщается, что 5 июня отправились на фронт члены профессиональных союзов и так называемые волостные десятки — двадцатки. Настроение отправляющихся хорошее, гордятся тем, что идут не по царскому приказу, а по приказу своей родной семьи, своих братьев трудающихся.

Издано распоряжение местной власти, которое дается в изложении. Ввиду повторяющихся дерзких нападений дезертиров на тыловых советских работников постановлено вооружить Волостные Советы.

№ 43 (69) 11 июня 1919 года. В передовой статье номера председатель Укомпарта и Уисполкома Николай Петруничев говорит, что «Сейчас наступает решительное боевое время. Белевская партийная организация дала часть своих лучших товарищей в Красную армию, которые сейчас находятся уже на «Деникинском фронте». Нам, оставшимся, необходимо сейчас сплотить свои ряды, развить работу до самых широчайших размеров, как в направлении численного увеличения организации, так и агитационно-пропагандистским...»

Далее конкретно указываются задачи,— главную часть работы сосредоточить в городе, так как в деревне все заняты полевыми работами. Должен измениться сам характер работы — от митингов перейти к глубокой пропаганде. Для сближения с рабочими массами устраивать в мастерских субботники, то есть работы в мастерских по субботам всех — и ответственных и рядовых членов партии; создать из Белевской организации боевую дружину, выставив от городской организации от 60 до 80 человек, хорошо обучить её военному делу и показать, что мы сильны, несмотря на отправку значительной части на фронт.

В деревне использовать все возможности и вести работу по сближению с середняком и защите его интересов; устройством курсов и лекций поднимать сознательность членов нашей организации».

Далее, говоря о натиске интервенции с Севера, Запада и Юга, Юго-Востока, оратор делает вывод: «Наш лозунг только один — работать, работать и работать!».

№ 44 (70) 15 июня 1919 года. 12 июня Белевский Укомпартии принял постановление о субботниках, которым все члены партии, независимо от занимаемого поста, обязывались каждую субботу, от 5 до 10 часов вечера, работать в мастерских ст. Белев по ремонту транспорта.

№ 49 (77) 13 июля 1919 года. Две трети номера посвящено борьбе с дезертирством.

№ 51 (77) 13 июля 1919 года. В статье «Всеобщее военное обучение, спорт и гражданка мать» автор А. Протасов сообщает, что «Центральное управление всеобуча выработало Устав спортивного клуба, принятый Белевским военно-спортивным клубом. Параграф 1-й Устава гласит, что клуб имеет целью: «...всемерное содействие физическому развитию и воспитанию, укреплению здоровья и распространению среди рабочих, крестьян и всех трудящихся элементов полезных видов существующего спорта».

Говорится далее о том, что членами Клуба могут быть лица обоего пола, достигшие 16 лет. Особый акцент делается на вовлечение в спортивный клуб женщин и девушек.

№ 52 (78) 16 июля 1919 года. В передовой статье номера говорится что проводится неделя добровольной явки дезертиrov, но явилось только 100 человек, ещё имеется, по предварительным подсчетам и сведениям, до 600 человек дезертиrov, и к ним необходимо принять суровые меры.

По городу объявляется военное положение и ожидается прибытие Сессии военно-революционного трибунала.

№ 53 (79) 20 июля 1919 года. В официальной части информации по уезду извещается, что выездная сессия Тульского военно-революционного трибунала приговорила двух дезертиров, особо злостных Мишина и Пашутина, к 10 годам заключения в концентрационных лагерях.

Здесь же объявляется приказ уездного военкома Казачкова о сдаче военного огнестрельного оружия и холодного оружия всем населением, кроме находящегося на руках у членов РКП и КРКП (большевиков).

В этом же номере помещена статья-передовица — «Сдавайте оружие!»

№ 56 (81) 27 июля 1919 года. В передовой статье номера «Борьба с дезертирством» Николай Петруничев сообщает, что за истекшую неделю доставлено в Белев 717 дезертиров. Литвиновская волость очищена от дезертиров, из неё доставлено 167 человек, а из Сорокалетовской — 110 человек дезертиров.

№ 64 (90) 27 августа 1919 года. Публикуется Приказ войскам гарнизона и населению города Белева и его уезда от 25 августа 1919 года №1.

Согласно приказу Совета рабоче-крестьянской обороны и распоряжению Губернского военсовета Белев и Белевский уезд объявляются на военном положении.

Сформирован военно-революционный комитет под предводительством т. Петруничева в составе членов Казачкова и Д. Джуллина.

С 10 час. 30 мин. вечера до 7 час. утра воспрещается хождение и езда по городу; прекращается функционирование публичных и увеселительных учреждений; воспрещаются митинги, собрания и сборы без разре-

шения ВРК. Отменяются воскресные базары и не допускается скопление больших групп граждан на улицах и площадях.

Штаб-квартира ВРК в здании Уездного Комитета партии. В характеризуемой обстановке на фронтах войны отмечается, что Колчак отступает вглубь Сибири, и о начале наступления Деникина с юга на север страны, организуются действия по ликвидации прорвавшейся конницы Мамонтова.

№ 67 (93) 7 сентября 1919 года. Публикуется информация о том, что в Президиуме Белевского Уисполкома вновь избраны:

— Председатель — тов. Н. Петруничев, товарищами председателя Джулин, Боровский.

Должности между членами Уисполкома распределены следующим образом: Зав. отделом народного образования — т. Джулин, отделом народного здравоохранения — т. Боровский, Председателем революционного чрезвычайного комитета — т. Мартынов, завфинотделом — т. Соколов, социального обеспечения — т. Москалев, отдела печати — т. Агафонов, зав. отделом управления — т. Карнаухов, председателем совнархоза — тов. Курбатцев, зав. отделом труда — тов. Благушин, военный комиассар — т. Казачков, укомпарта — т. Якушев, земельного отдела — т. Никитский.

№ 75 (101) 5 октября 1919 года. Доводится до сведения, что в связи с наступлением Деникина (бои под Курском) приказом Военсовета Республики создан в Туле Реввоенсовет в составе коменданта Тулрайона Константина Михайловича Артамонова и членов Петерса и Межлаука.

Губисполком: избран губернский военный революционный комитет.

№ 76 (102) 9 октября 1919 года. Публикуются сообщения из Тулы. Сообщается, что 6 октября в Тулу прибыли товарищи Троцкий и Луначарский. Проведен парад-смотр Вооруженных сил Красной Армии Тулы. Красные войска поклялись дать дружный отпор деникинским бандам. Вышел экстренный номер «Коммуниста».

№ 97 (123) 25 декабря 1919 года. В редакторской статье доверительно сообщается о том, что товарищ Ленин обратился к Тульскому пролетариату и к крестьянам, к Губернскому Комитету и Губисполку с призывом спасти московских рабочих от голодной смерти и тем самым спасти революцию и быстро организовать помощь, доставив в десятидневный срок не менее 400 вагонов картофеля.

№ ... (125) 01 января 1920 года. Сообщение о том, что 30 декабря 1919 года в 4 часа дня открылся в клубе К. Маркса съезд Советов уезда. Первый доклад сделал Н. Петруничев — по вопросу «Наше положение и наши задачи».

2 января открывается Белевский музей, в расширенном виде. «В музей поступили большие ценности, хранившиеся до этого в помещичьих имениях и в других местах...»

№ 6 (130) 22 января 1920 года. Короткой строкой сообщается:

— Объявляется о следующем воскреснике — на 25 января. Сбор — у железнодорожного депо, в 1 час дня.

— 17 января открывается партклуб.

— Открытие партшколы переносится на 10 февраля.

Постановление Укомпарта от 18 января: партработники Укомпарта и союза коммунистической молодежи, не получающие нигде вознаграждения, зачисляются на жалованье в отделы Исполкома.

Укомпарт постановил:

— Ни в одном учреждении по воскресеньям не устраивать никаких заседаний. Все должны присутствовать на воскресниках.

— По уезду будет проведена в 10-м квартале «мясная повинность» — для снабжения мясом города Тулы. Организуются четыре отряда из ответственных советских работников. И будут использованы коммунисты, мобилизованные для проведения Недели фронта.

— Для окончательного искоренения дезертирства организуются отряды из красноармейских частей, а также усиливается агитработка в красноармейских частях. Обращается внимание волисполкома и сельсоветов на борьбу с дезертирством.

№ 9 (12) 01 февраля 1920 года. С 30 января по 30 марта объявляется продовольственная, транспортная и санитарная диктатура.

— С 1 февраля — неделя фронта, транспорта и железнодорожная.

— Работа партии и учреждений в период Двухмесячника Диктатуры приравнивается к боевым задачам в деле сбора продовольствия, доставки дров и уничтожения заразы.

Белёвская организация РКСМ в связи с неделей фронта и транспорта постановила:

— Принять самое активное участие в неделе фронта и транспорта.

— Устроить ряд митингов.

— Отчислить однодневный заработок членов в пользу недели фронта.

— Мобилизовать часть Союза и передать в распоряжение центральной комиссии для сбора продуктов и т. п.

— Выработать инструкцию волостным организациям для проведения Недели фронта на местах.

— Выбрать комиссию в трех лицах для проведения недели фронта внутри Союза.

— Командировать представителя в Центральную комиссию.

№ 10 (134) 5 февраля 1920 года. В разделе «Партийная жизнь» опубликовано сообщение с фронта под заголовком «Пал смертью храбрых».

— С красного фронта в Компарт извещаю: т. Кирилл Васильевич Бирюков, служивший в 10-м Тульском коммунистическом батальоне, а впоследствии комиссаром 2-го заградительного отряда при 13-й диви-

зии, около 4-х месяцев тому назад пал в бою смертью храбрых в Алексеевском уезде Воронежской губернии.

№ 21 (145) 12 марта 1920 года. Товарищ Петруничев избран в члены Губкома. Председателем Уисполкома избран т. Никитский. Его товарищами — товарищи Ф. Мартынов и Соколов. Председателем Укомпарта — т. Джулин.

№ 27 (157) 9 мая 1920 года. Публикуется Обращение председателя ВЦИК Калинина «Ко всем Советам, всем комитетам РКП!» Объявляется, что 7 мая с. г. польские паны разорвали мирные переговоры и начали наступление, захватили Киев.

— лозунг «Все для фронта!» — вновь актуален, а также лозунги: «Да здравствует Красная армия!», «Да здравствует победа над польскими панами!».

№ 39 (163) 20 июня 1920 года. В номере — красной строкой — «Борьба с дезертирством».

— 16 июня в г. Туле объявлен двухнедельник по борьбе с трудовым и военным дезертирством.

Целевая страница «Страница красной молодежи» содержит следующие материалы:

1. Постановление Белевского Укомола о созыве 4-го июля второго уездного съезда РКСМ, о его задачах.

2. О прошедшем 19 мая пленуме Тульского Губкома, на котором среди ряда вопросов, главным был вопрос — о задачах РКСМ в связи с польским наступлением.

По существу этого вопроса пленум постановил мобилизовать членов Союза молодежи для нужд Западного фронта; мобилизацию провести в пятидневный срок, — из 100 человек требующихся 60 дает Тула, остальные новобранцы — от уездов области.

№ 43 (167) 18 июля 1920 года. К. А. Сабинина в разделе «Белевская жизнь» в заметке под заголовком «Забытые» объявляет набор в детскую театральную труппу, получив на её организацию согласие от т. Джулина.

Из раздела «Спортивная жизнь» видно, что в Белеве продолжает существовать спортклуб «Сокол» и имеется ещё «Белевский кружок любителей спорта» (БКЛС), который имеет довольно сильную команду легкоатлетов, среди них занимают доминирующее положение: Ю. Носков, И. Гришин, А. Утехин, Г. Маштаков, Е. Еремин, П. Сорокин.

Сообщается, что БКЛС в силах организовать команду футболистов из прежнего состава футболистов г. Белева, которая уже сыграла пробный матч с Футбольной командой 37-го железнодорожного батальона.

№ 46 (170) 30 октября 1920 года. «БП» публикует Обращение к трудящемуся населению совместного заседания белевских Уисполкома, Компарта, Правлений профсоюзов, Укомола, красноармейских частей

об угрозе вышедшего из Крыма и наступающего на Донбасс и Украину белогвардейского генерала, ставленника Антанты — Брангеля, с призывом о напряжении всех сил в борьбе с ним, об экстренной поддержке Красной армии, о проведении мобилизации партийцев, бдительности, об усилении трудовой дисциплины, поднятии производительности и о вступлении в ряды добровольцев.

№ 50 (174) 1920 год. «БП» сообщает о новом составе Укомпарта. Партийной конференцией выделен в составе: предукомпарта — М. М. Смирнов, т. Председателя — т. Игнатов, член президиума — Левит, секретарь И. А. Невюков. Члены Укомпарта: Желудков, Новиков, Н. Мартынов, Сурмелев.

№ 51 (175) 3 октября 1920 года. В разделе «Партийная жизнь» публикуется информация о том, что 10 октября, на 12 часов дня, по инициативе Укомпарта назначен съезд членов и кандидатов.

Повестка дня:

1. Международное положение и задачи коммунистической партии.
2. Продовольственный вопрос.
3. Организационный вопрос.
4. Доклады с мест.
5. Текущие дела.

По постановлению Укомпарта от 28 сентября 1929 года утверждена схема делений Белевской организации; теперь она поделена на 5 районных комитетов партии.

1-й городской район, куда входят городская организация, Толстовская, Ивановская, Володьковская волости.

2-й район: Петрищевский, куда входят: Лиховицкая, Петрищевская, Зайцевская и Ново-Долецкая волости;

3-й район: Погорельский, куда входят Погорельская и Болотская волости.

4-й район: Бобровский, куда входят: Бобровская, Мишино-Полянская и Литвиновская волости.

5-й район: Сороколетовский, куда входят Сороколетовская, Монаенская, Будогвицкая и Комаревская волости.

№ 53 (177) 17 октября 1920 года. «БП» публикует, что с 18 по 25 октября проводится в Белевском уезде «Неделя помощи Западному фронту». В комиссию по проведению Недели включен представитель Союза молодежи т. Хесин.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЭПОХА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИЦАХ

28 января был издан Декрет Совнаркома об организации рабоче-крестьянской Красной армии, а уже 18 февраля началось наступление германских войск против Советской России.

9 марта высадились английские войска в Мурманске.

5 апреля во Владивостоке высадились японские и английские войска.

25 мая начался контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса.

6—7 июля вспыхнули контрреволюционные мятежи левых эсеров в Москве и других городах.

4 августа в Баку высадились английские войска.

8 августа началось наступление войск Антанты на Западном фронте.

16 августа во Владивостоке высадились американские войска.

30 августа совершено покушение на В. И. Ленина, организованное эсерами.

15 сентября турецкие войска заняли Баку.

23 ноября в Новороссийске, Севастополе, Одессе высадились англо-французские интервенты.

В Белеве шла ожесточенная борьба за власть. В середине июня 1918 года развертывается классовая борьба в деревне. Создаются комбеды. Толчок этому был дан декретом Советского правительства от 11 июня 1918 года о создании комитетов бедноты. Этот Декрет был опубликован 23 июня 1918 года в первом номере уездной газеты «Белевский пролетарий».

С целью защиты завоеваний революции и обретения реальной силы, способной противостоять враждебным силам, в Белеве создается милиция и Красная Гвардия.

К началу марта команда Красной Гвардии и Красная милиция в количестве 55 человек была сформирована. К 11 апреля 1918 года был образован Военный отдел при Уисполкоме, а при нем создана, в порядке добровольной вербовки, 1-я Белевская революционная рота численностью в 20 человек.

20 мая по распоряжению Центра Военный отдел был реорганизован в Уездный военный комиссариат. В июне на внутренний фронт была отправлена из вновь навербованных и сформированных рот — одна, а вторая рота была оставлена для несения гарнизонной службы в г. Белеве и в уезде.

К концу июня 1918 года был закончен учет мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет.

В сентябре при уездном военкомате была сформирована караульная рота, к тому же времени были пополнены формированием состоящие в числе гарнизона воздухоплавательные части.

К концу года численный состав гарнизона в г. Белеве достигал внушительной цифры — 3500 человек.

В сентябре и октябре военкомат произвел мобилизацию матросов, комсостава.

В том же году подведомственные Увоенкомату части, караульный батальон и отряд коммунаров, совместно с действующими фронтовыми частями принимали участие в боевых операциях в районе Раненбург — Богоявленск против действующих там банд Мамонтова, а несколько позднее — с прибывшими в расположение города и уезда частями 13-й армии стойко защищали Болхов от натиска деникинцев, в 45 верстах от Белева.

Ввиду приближения банд Мамонтова и Деникина к соседним уездам, Белевский уезд был превращен в вооруженный укрепленный сектор. Работы по укреплению сектора производились под руководством штаба Белевского Укрепрайона. Численный состав белевского гарнизона в этом году доходил до 15 000 человек. В 1920 году, соответственно, до 8400 человек. В 1921 году, соответственно, здесь состояло — 1500 человек.

В августе-октябре в Белеве формировался 12 полк 1-й бригады 2-й стрелковой дивизии. Шел драматичный 1918 год.

После окончания формирования 12-й полк был переброшен в составе бригады на Восточный фронт уже в апреле 1919 года. Здесь бригада входит в состав 35-й стрелковой дивизии и получает наименование 2-й бригады, а 12-й полк получает наименование 312-го стрелкового полка.

Этот полк с честью прошел по дорогам Гражданской войны. Он участвовал в разгроме Колчака на Урале и в Сибири, входил в состав экспедиционного корпуса по разгрому банд Унгерна в Монголии.

В 1922 году полк в составе 104-й (бывшей 2-й) бригады 35-й стрелковой дивизии входит в состав Народно-революционной армии Дальневосточной Республики и получает наименование 3-й Верхне-Удинский, а бригада становится 1-й Забайкальской стрелковой дивизией.

3-й Верхне-Удинский полк участвовал в освобождении Приморья от белогвардейцев и интервентов, закончил Гражданскую войну 25 октября 1922 года во Владивостоке.

Примечательно, что если первым военным комиссаром стал присланный из Москвы на укрепление рядов Николай Иванович Зайцев, то вторым Николай Иванович Добаринов,— выдвинутый из среды белевских активистов, член партии с 1917 года, член Президиума уездного исполнительного комитета.

Когда в Белеве был создан орган по борьбе с контрреволюцией, названный ЧК, председателем его был назначен П. Г. Лобов, член РКП(б) с 1916 года.

В состав ЧК были выделены и затем утверждены Белевским Укомом: П. И. Мартынов, член РКП(б) с 1917 года, кстати, осенью того же года возглавивший ЧК в связи с отзывом т. Глебова в Тулу, А. Жабров, А. Пузаков, И. Маньчевский, И. Иванов, С. Кутепов, В. Михеев и др.

Наиболее яркой фигурой в те годы представляется человек недюжинного ума, замечательных организаторских способностей, подлинно классового чутья — Николай Алексеевич Петруничев.

Петруничев прибыл в Белев в разгар непримиримых столкновений мнений, позиций и убеждений, когда революционные события в городе и уезде достигли апогея. С первых дней он стал во главе Белевской партийной организации РСДРП(б) и, в сущности, стал и был её фактическим вдохновителем и организатором.

Современники Петруничуева — строгие судьи, бескомпромиссные, вплоть до прямолинейности, что, в конечном счете, немало огорчало некоторых. Но — такова была эпоха,— высшая степень оценки — партийная принципиальность, невзирая на личность, занимаемый пост и т. п.

Они, соратники его, знали его хорошо, судили впоследствии без обиняков. Николай Алексеевич был «необыкновенно честной и яркой личностью до последних дней своей жизни. Был ли он председателем Укомпарта или председателем Ревкома, был ли он политработником Красной Армии или председателем уездного исполкома Советов, был ли он на малых или больших партийных и советских руководящих постах, занимался ли он административной партийной или педагогической работой, он всегда оставался простым, привлекательным, скромным, доступным для товарищей и всех граждан.»

Не удивительно, что в 1922 году уездная партийная конференция в трудный период жизни парторганизации вынесла решение ходатайство-

вать перед губернским комитетом партии и военными властями о возвращении из рядов Красной Армии Николая Алексеевича Петруничева в Белев на должность председателя уездного исполнительного комитета советов. Просьба конференции была тогда удовлетворена, Петруничев был демобилизован из армии и возвращен в Белев.

Николай Алексеевич Петруничев погиб во время войны, в 1941 году, будучи комиссаром дивизиона.

Родился он в городе Белеве в 1898 году, в семье кустаря-портного, на Машиной горе. Восьми лет поступил в двухклассное начальное училище им. Жуковского, окончил его успешно. А с 1915 года по 1917 г. учился в Тульской учительской семинарии.

В г. Туле в феврале 1917 года вступил в РСДРП и, по свидетельству товарищей, учившихся с ним, он еще до вступления в партию был связан с Тульским большевистским подпольем. Его политическая деятельность после Февральской революции приняла более активный характер, более открытый и непримиримый.

После активной и созидающей деятельности в Белеве в 1925 году его направляют на учебу на курсы марксизма-ленинизма. Командирован для работы в Воронеж, где становится членом Воронежского обкома, а в 1929-м и вплоть до 1933 года является слушателем Института Красной профессуры. Будучи слушателем, избирается секретарем парткома Курсов, затем назначается членом комиссии советского контроля при СНК СССР.

В 1933 году работает за границей в Торгпредстве в Берлине, руководителем контрольной группы, а в 1935 году возвращается на родину и вновь назначается членом комиссии Советского контроля при СНК СССР. С 1936 по 1938 гг. работает управляющим делами СНК СССР.

Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР.

1926 год. Президиум Белевского укомпарта (13 января 1926 г.) в своем Постановлении определил: «Уделять особое внимание сельскохозяйственным, земледельческим артелям и коммунам, оказывая нужное содействие в их развитии».

И это не случайно,— такова установка партии, которая берет теперь курс на индустриализацию страны. В уезде к тому времени было 29 различных сельскохозяйственных товариществ, и в том числе кредитные, молочные, пчеловодства, садово-огородничества и т. д. Но среди них было всего только 4 землевладельческих товарищества. Впрочем, и здесь были слабые производственные корни. Так, в частности, на низком уровне находились: внутрихозяйственная организация труда, распределение продуктов, учет, содержание инвентаря, основные формы землепользования. Причем сами земли не были юридически устроены, и даже границы земель не были обозначены.

В этой связи Белевский Укомпарт ставит во главу угла плановое землеустройство, с тем чтобы малоземельные крестьяне устроили свою артельную жизнь по совместной обработке земли без препятствий и преимущественно так, чтобы их участки для индивидуального пользования находились в одной, близкой от жилья местности.

Так, в частности, в феврале 1926 года по инициативе Фединской партичечки был создан сельскохозяйственный колхоз из восьми крестьянских семей: две семьи из д. Фединское, три — из д. Петрово.

1927 год. В Белевском уезде оживилась работа в связи с исполнением директив XV съезда РСДРП(б) (ориентир на коллективизацию сельского хозяйства). А спустя полтора года, в июле 1929 года, 7-я районная партконференция отмечает, что в Белевской парторганизации ведется борьба с правым и левым уклонами, со всякого рода примиренчеством. Осуществляется чистка партийных рядов от троцкистов. В то же время широко развертывается соревнование и такое массовое движение, как ударничество — явление сугубо социалистического строя и советского образа жизни.

Состояние земледелия к 1927 году находилось на уровне начала Гражданской войны, а в отдельных районах Тульской губернии было в крайне плачевном.

В 1926 году в среднем по Тульской губернии было:

1. Хозяйств без всякого инвентаря — 29,3 %.
2. Хозяйств, имеющих в наличии плуги, — 42%.
3. Хозяйств, имеющих в наличии уборочные машины, — 10,5%.
4. Хозяйств без транспортного инвентаря — 28,6%.

На одно хозяйство приходилось:

1. Плугов — (при 18 десятинах на один плуг) — 0,43%
2. Борон железных — 0,04%, или свыше 180 десятин на 1 борону вокруг.
3. Борон деревянных с железными зубьями — 0,61%.
4. Борон деревянных — 0,15%.
5. Сох — 0,52%, молотилок — 0,04%, жнеек — 0,01%.
6. Безлошадных хозяйств имелось на тот период — 31,1%.
7. Тракторов — 18 штук во всей Тульской губернии.

Средняя урожайность ржи в 1926 году составила 581 кг (обычно урожайность ржи составляла 720 кг в среднем).

Урожайность овса составляла 557 кг (обычно — 667 кг).

Картофеля получено по 6,74 тонны при ранее средней урожайности 7,83 т.

В 1927 году в Белевском уезде насчитывалось 384 населенных пункта, в том числе:

- 218 сел, деревень, слобод и выселков;
- 53 поселка, а также артелей и коммун и 39 хуторов. (Примечательно, что 38 населенных пунктов были не крестьянскими).

В это непростое время решения актуальных политических задач Тульский губком партии направляет в Белев коммуниста Черкасова. Составляется пятилетний план коллективизации сельского хозяйства. В этой связи организуется работа на местах, как писали по этому поводу областная и районная газеты, по переводу сельского хозяйства на монопольный севооборот. Образуются колхозы. Райком партии решительно добивается значительного улучшения кредитования образованных хозяйств нового образца.

Примечательно, что районная парторганизация держит курс на пропаганду нового в сельском хозяйстве посредством личного примера коммунистов. В пункте 8-м решения VII райпарктконференции говорилось: «Решительно добиться выполнения директив партии о вхождении коммунистов, связанных с сельским хозяйством, в колхозы. Добиться того, чтобы коммунисты являлись практически, на деле вожаками колхозного движения».

К октябрю 1929 года в районе создано 14 колхозов, в которые вошло 207 хозяйств, имеющих на тот момент площадь посевных земель в 2005 га.

К январю 1930 года в районе было коллективизировано 12% крестьянских хозяйств, а к 20 января — уже 20%, к 1 февраля — 30%.

К маю 1930 года колхозы владели землями в пределах 29,092 га посевов только лишь яровых культур. Причем 6 деревенских партичек объединили в своих рядах 72 коммуниста.

Районная парторганизация одновременно проводит культурную революцию. В 1930 году в районе имелось 10 645 неграмотных в возрасте от 12 до 50 лет. А это составляло значительную часть населения. Поэтому стали создаваться школы малограмотных, ликбезы, школы рабочей молодежи, школы коммунистической молодежи.

Процесс повсеместной ликвидации безграмотности, активное политпросвещение, пропаганда колективного ведения хозяйства, личный пример коммунистов в устройстве нового уклада вкупе сыграли немаловажную роль в развитии общественного самосознания. Пробуждается интерес к общественной жизни крестьян, в том числе к политической. Особенно это проявлялось во время так называемой чистки партийных рядов.

Так, в частности, в городе на открытом партийном собрании транспортной ячейки присутствовало 111 коммунистов и 82 человека беспартийных.

17 мая 1930 года прошло районное собрание партийного актива, вызвавшее большой интерес среди колхозников и среди середняков, а

также и среди так называемых лишенцев. В решении партактива указывалось, в частности, что «Несмотря на правильность постановки и перед собой основных задач в области коллективизации и ликвидации кулака как класса, совершен ряд ошибок».

Вследствие этого, что совершенно естественно, партактив наметил задачи по безусловному исправлению допущенных ошибок при проведении коллективизации.

А между тем план заготовки хлеба государству был выполнен на 118 %, в запас было положено как резерв государства за счет белевских земледельцев-колхозников 200 000 пудов хлеба.

К 1932 году коллективизация в районе была полностью завершена.

В 1936 году белевские граждане вместе со всем народом страны живо обсуждали Проект новой Конституции, закреплявшей законодательно построение социализма в СССР.

* * *

Опыт быстро реагировать на возникающие экстремальные ситуации и мобильно перестраиваться в согласии с возникшими обстоятельствами, приобретенный за годы Гражданской войны, партийного и хозяйственного строительства, пришелся как нельзя кстати, в лихую годину грянувшей войны. О привитом чувстве самопожертвования во имя идеи, во имя Отечества красноречиво говорит тот факт, что добровольцами ушли на фронт из Белева 75 коммунистов.

В районе создаются два истребительных отряда, числом по 50 бойцов каждый из батальонов. Командирами назначены: секретарь РК ВКП(б) В.В. Филиппов и С. М. Лопухов. Организуется эвакуация техники МТС, тракторов, железнодорожного подвижного состава, другого имущества и скота колхозов и совхозов.

Когда же враг приблизился к городу, группа партактива из 20 человек во главе с первым секретарем райкома ВКП(б) Нартовым влилась в подразделения воинской части, участвовала в бою на западной окраине г. Белева. В бою с врагом в районе депо погибли начальник районного отдела НКВД Денисов и комиссар полка Терехов.

23 октября гитлеровцы оккупировали город, а 24-го — и весь район. Настали мрачные дни оккупации.

В 1941 году 31 декабря город был освобожден. Вместе с частями Советской Армии вернулись в район 13 коммунистов во главе с секретарем райкома тов. Нартовым и председателем райисполкома Антомахиным. Началось восстановление нормальной жизни в районе, а 1 января 1942 года уже действовал райком ВКП(б), райисполком, городской Совет.

Фашистские захватчики причинили огромный экономический ущерб району. Оккупанты полностью уничтожили в городе 1 160 жилых домов, больницу, разрушили предприятия, учреждения культуры, вырубили парки и скверы; дотла были сожжены в районе 32 школы, 12 клубов, 29 библиотек. Ущерб, нанесенный учреждениям культуры, исчислялся на тот момент в 1 102 985 руб., учреждениям здравоохранения — 1 039 669 руб., колхозам и совхозам — 49 635 106 руб. В целом населению был нанесен ущерб на сумму 3 136 640 руб.

Изверги расстреляли и замучили 123 местных жителя. Около 4-х с половиной тысяч граждан были угнаны в Германию. Были стерты с лица земли почти все села южной части района.

Что происходило в прифронтовом районе, когда по сути дела Белевский район всей южной частью входил в непосредственное соприкосновение с противником вплоть до июля 1943 года? То есть вплоть до разгрома гитлеровцев в Орловско-Курском сражении?

В 25 колхозах не было лошадей, семян, инвентаря. Нашлось 29 потрепанных тракторов старого образца, однако не было бензина. И все же организуется весенний сев.

В ПЕКЛЕ БОЕВ И СРАЖЕНИЙ **(Этапы наступательных операций** **в предместьях Белева)**

Взоры мировой общественности всегда были обращены к истории Московской битвы 1941 года как к стратегически важнейшему этапу в разгроме войск фашистской Германии.

В этом контексте справедливо было бы отметить, что в ходе летних боев Красная Армия нанесла гитлеровцам значительный урон и сорвала замысел противника прорваться сюда, а именно — через Смоленск, к Москве. Вермахт был вынужден внести существенные корректировки в тактику и стратегию в наступлении на Москву. Разработанная операция получает кодовое название «Тайфун».

Ударная группа войск противника состояла из мощных танковых подразделений, брошенных на наши фронты из Духовщины, Рославля и Шостки. Цель — прорвать оборону советских войск в районе Вязьмы и Брянска и окружить основные силы фронтов: Западного, Резервного, Брянского.

Затем намечалось всей громадой сил обрушиться на Москву; с запада — пехотными дивизиями, с севера и юга — охватить столицу танковыми и моторизованными соединениями.

Начало наступления — 30 сентября. В результате боев сложилась следующая обстановка вблизи Белева.

На стыке двух фронтов — Резервного и Брянского — создалось крайне опасное положение. Возникла острая необходимость прикрыть разрыв в полосе Сухиничи — Белев. Ставка Верховного Главного командования изменяет рубеж развертывания 49-й армии. То есть вместо Курского-Орловского направления ей было приказано занять рубеж Сухиничи — Белев.

Вследствие тяжелых боев во второй половине октября вышли-таки из окружения армии: 50-я, 13-я, 3-я и заняли рубеж Белев—Лыгов.

Фронт приблизился к Белеву. Как это выглядело детально?

50-я армия после занятия противником Людинова и Жиздры вынуждена была развернуть свой правый фланг и прикрыться с севера и северо-востока. К 7 октября армия занимала рубеж Ольшаница, Дубровка и далее по рекам Десна и Судость. Правый фланг был повернут на север, а центр и левый фланг — на запад. В ночь на 8 октября части армии начали отход на новый рубеж.

12 октября, достигнув района Хвастовичи, 50-я армия вступила в бой с сильной группировкой, которая преградила ей путь на восток и юго-восток.

В результате боев к исходу 13 октября армия вышла на рубеж Подбужье, Карабев и сосредоточилась для переправы через реку Россета.

14 октября армия отбросила противника, преграждавшего ей путь, и форсировала реку под сильным артиллерийским и минометным огнем и бомбардировкой с воздуха.

Части несли большие потери. Переправившиеся войска встретили сильное сопротивление превосходящих сил противника.

Изменив направление действий, армия нанесла удар на северо-восток, прорвала сильный заслон врага и двинулась в направлении на Белев.

Разомкнув кольцо окружения и нанеся гитлеровцам большой урон, армия к 23 октября вышла на рубежи на р. Оке в районе города Белева, севернее того района, который был ей намечен.

Сюда вышли 217, 290, 279, 278, 258, 260 и 154-я стрелковые дивизии, танковая бригада, несколько отдельных стрелковых и артиллерийских полков и другие части, входившие в состав 50-й армии.

Таким образом, 50-я армия проявила исключительную маневренность. Командование армии: командующий — генерал-майор М. Н. Петров, член военного Совета бригадный комиссар Н. А. Шляпин; начальник штаба армии полковник Л. А. Пэрн — умело руководили войсками. Большая заслуга бойцов и командиров 50-й армии заключалась в том, что армия при наступлении с перевернутым фронтом нанесла врагу большой урон, вышла из окружения в лучшем состоянии и заняла новые рубежи обороны.

Теперь обратимся к Орловскому направлению движения войск и заглянем в дневник немецкого генерала Гейнца Гудериана, вошедший в его книгу «Воспоминания солдата».

«...3 октября 4-я танковая дивизия захватила Орел. Это дало нам возможность получить хорошую шоссейную дорогу и овладеть важным

железнодорожным узлом шоссейных дорог, который должен был стать базой для наших дальнейших действий.

6 октября. Взят Брянск.

7 октября — 2-я армия заняла Сухиничи. 3-я таковая дивизия про-двигалась на север, имея своей задачей занять Болхов.

9 октября. Овладели Болховом. 18-я танковая дивизия во взаимо-действии со 2-й армией (43-й армейский корпус) окружили русские войска, действовавшие севернее Брянска.

12 октября. Снегопад. 13-й армейский корпус овладел Калугой.

24 октября... Мы перевели свой штаб в Орел и удобно размести-лись в здании...

19 октября. 43-й армейский корпус занял Лихвин.

24 октября. 43-й армейский корпус (31-я пехотная дивизия) занял Белев на реке Оке.

24 октября при преследовании разбитого противника был занят населенный пункт Чернь.

29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоящего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город сходу натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону, причем мы понесли значительные потери в танках и офи-церском составе».

Теперь возвратимся к ситуации под Белевом по состоянию на 19 октября. 50-я армия своими подразделениями расположилась на правом (восточном) берегу реки Оки.

По решению Военного Совета армии создается Белевский боевой участок.

31-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в Николо-Гостуни;

173-я стрелковая дивизия в районе Георгиевки — Кураково;

258 с. д.— в районе п. Сестрики — д. Кураково;

154 с. д.— в районе Юшково — Фурсово;

299 с. д.— в районе южнее д. Будоговищи;

217-я и 260-я стрелковые дивизии заняли, соответственно, оборону в районе поселков Одоев, Арсеньево, Манаенки.

На 58-й запасной стрелковый полк и на 686-й артиллерийский полк возложена оборона Белева.

Начались бои на белевской земле, как было сказано выше, и в частности, 31-я и 131-я пехотные дивизии немцев ворвались в район.

Теперь обратимся к третьему источнику по истории боев под Бе-левом, к записям военных лет начальника штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера («Военный дневник»):

4 октября 1941. 105-й день войны.

...По пункту «а» фон Бок отдаст Гудериану приказ оседлать шоссе Орел-Брянск, которое необходимо для снабжения танковой группы, занять Мценск и обеспечить переправу через Оку в районе Белева. В остальном Гудериан должен подготовиться к наступлению как восточнее, так и западнее Оки...

Из оперативной сводки Брянского фронта о положении войск на территории Тульской области

1. Армии Брянского фронта, ведя бои в районах Белева, Болхова Мценска, Фатежа, удерживают занимаемые рубежи на правом фланге и продолжают отходить по рубежам на своем левом крыле.

2. Части 50-й армии в течение **23 октября** вели бой с частями противника в районе Белев – Мценск и оставили отдельные участки этих районов.

Противник занял Сенюхино и продолжает удерживаться на восточном берегу р. Оки в районе Минова, Бутырки и у Мценска.

Части армии занимают рубежи: 217-я с. д. с 36-м пулеметным батальоном: Одоев, Болотное.

31-я кавалерийская дивизия – Кипеть, Николо-Гостунь, прикрываясь с севера одним полком на рубеже Березово, Кулешово.

173-я – Николо-Гостунь, Кураково. Дивизии подчинен 1005-й полк 279-й стрелковой дивизии, который обороняет тет-де-пон у деревни Береговая на западном берегу р. Ока.

Штаб дивизии – д. Алексеевка.

58-й запасной стрелковый полк (173-й стр. дивизии), обороныя Белев, ведет бой с противником силою до 2-х батальонов.

258-я стрелковая дивизия – Темрянь, Черногорязка.

Штадив – Городна.

154-я с. д. – Юшково, Бутырский.

299-я с. д. – новых сведений нет.

194-я с. д. – в движении для занятия оборонительного рубежа: Поречье, Дубна, Большая Гурьевка.

108-я танковая дивизия, по уточненным данным, основными силами сосредоточена в районе ст. Манаенки, ст. Арсеньево для погрузки и отправки в Тулу. О числе отправленных эшелонов данных нет...

И.о. нач. штаба Брянского фронта п-к Сандалов.
ЦАМО СССР, ф.208, оп.2511. д.148, л.9.

А тем временем в Туле Постановлением № 5 Тульского городского комитета обороны от 23 октября 1941 года формируется Тульский рабочий полк.

Донесение штаба противовоздушной обороны г. Тулы в управление НКВД по Тульской области о налете вражеской авиации от 23 октября 1941 года говорится: «23 октября 1941 г. в 16 час. 45 мин. пункту г. Тула был дан сигнал «воздушная тревога».

В результате воздушного налета вражеских самолетов на город произошли следующие поражения:

1. По приблизительным подсчетам сброшено 25 бомб.
 2. Разрушено 5 жилых домов и 3 подсобных хозяйственных помещения.
 3. Убито — 10, тяжело ранено — 37, легко ранено — 4 человека.
- ...В 18 час. 00 мин. Городу был дан сигнал «отбой воздушной тревоги».

Что же происходило по состоянию на 24 октября, когда был оккупирован Белев, с 50-й армией?

Приказ №1 по 50-й армии.
24 октября. г. Тула.

1. Согласно директиве Верховного Главнокомандующего от 23 октября 1941 года соединения, части, учреждения и заведения 26-й армии влились в состав 50-й армии.

173-я и 194-я стрелковые дивизии временно подчиняются командующему 50-й армией.

2. Командующим 50-й армии назначен генерал-майор Ермаков. Начальником штаба — полковник Аргунов.

Временное командование армией до прибытия генерал-майора Ермакова возложено на меня.

3. Границы армии справа: Лаптево, Титово, Перемышль, Сухиничи, слева — Ефремов.

4. Командный пункт армии — г. Тула.

5. Соединениям и частям немедленно представить в штаб армии сведения о боевом и численном составе.

Временно командующий 50-й армией генерал-майор Куркин.

Член Военного Совета бригадный комиссар Сорокин.

Архив МО СССР, ф.405, оп. 9769, д. 2, л. 4. Подлинник.

А уже с 26 октября Постановлением Тульского городского комитета обороны в Туле вводится «осадное положение».

В день принятия данного Постановления разведка 50-й армии доносила следующее, примечательное для событий под Белевом.

**«Из разведывательной сводки №19 штаба 50-й армии
25 октября 1941 г. 22 часа 00 мин. г. Тула.**

1. Противник в течение ночи с 24-го на 25-е и днем 25 октября продолжал наступление, встречая упорное сопротивление наших частей на направлении Мценск—Тула.

Авиация противника в течение дня проявила большую активность по населенным пунктам Чернь, Плавск, Тула, одновременно действуя по коммуникациям в районе ст. Волово, Белев, Тула и линиям связи Чернь, Тула, Тула—Серпухов.

За 24 октября в районе обороны на направлении Мценск — Тула противник потерял от наших наземных войск — зенитной артиллерии и зенитных пулеметов — 17 самолетов; экипажи самолетов уничтожены, за исключением трех выбросившихся на парашютах, которые взяты в плен.

2. На направлении Лихвин—Тула противник теснит наши части, ведя из Ханино разведку по направлению Титово, Протасово, Одоев.

В 19.00 24 октября 1941 г. на направлении Белев — Тула противник силой до двух полков потеснил наши части и занял Белев.

Выдвижение противника из Белева в течение 25 октября не отмечалось. На направлении Мценск—Тула танки противника к исходу дня вышли на подступы к Черни...

Немцы отбирают теплые вещи, меха, валенки, скот и птицу, самолетами направляют на Запад...

Вывод: противник стремится любой ценой потерпеть овладеть Тулой для дальнейшего движения на окружение Москвы...

Начальник штаба армии полковник Аргунов.

Комиссар штаба армии батальонный комиссар Савельев.

Начальник разведывательного отдела армии майор Ханин.

Архив МО СССР, ф.К05, оп.9769, д.1. л.5. Заверенная копия.

Город Белев и Белевский район в оккупации. Идет партизанская война. Создаются очаги сопротивления в городе и районе. Народ настроен патриотически. Молодежь объединяется в ряды сопротивления вместе с отцами, старшими по возрасту...

В результате оборонительных боев под Тулой, длившихся с 24 октября до начала декабря, нашим войскам удалось изменить обстановку на фронте, создать предпосылки для разгрома немцев.

В этом заслуга воинов 49, 50, 3, 61 и 10-й армий, а также 1-го кавалерийского корпуса.

НА СТЫКЕ ДВУХ ФРОНТОВ

«НА ПУТИ ЛЕЖАЛ БЕЛЕВ...»

Исторически так сложилось, что Белев, находясь на реке Оке, на границе с Диким Полем, служил форпостом Черниговского, затем и Московского княжества, был твердыней на рубеже между, условно говоря, лесом и степью. И на самом деле, у Белева героическая судьба. Он и в Великую Отечественную войну оказался в пекле ожесточенных боев и исторических сражений с противником, который, в свою очередь, называл Оку — сугубо военно-стратегически — «...водный рубеж Ока». Поэтому, полагаю, что определение боевых действий здесь, как сказано мной выше, недостаточно: то была битва. Битва за удержание немецко-фашистскими захватчиками в своих руках «водного рубежа Ока». Отсюда и многочисленные потери в боях, схватках порубежных и в сражении, вошедшем в историю войны под названием «Орловско-Курская дуга».

Однако сегодня нас интересует не весь период военных действий, начиная с сентября-октября 1941 года и завершая июлем 1943 года, а чрезвычайное время освобождения Белева в декабре первого года войны. Что происходило в то время в целом на фронтах под Москвой?

Под Москвой противник был разбит в пяти основных наступательных операциях: Калининской, Клинско-Солнечногорской, Тульской, Калужско-Белевской и Елецкой. А вот войска левого крыла вышли на линию Тула — Плавск. Западный фронт завершил свою наступательную операцию. Танковая армия Гудериана была вынуждена отступить к реке Оке в районе города Белева, Болхова и Мценска.

Какую же задачу ставила Калужско-Белевская операция? Первое: выход к Оке, которую Гитлер считал «последним» рубежом отхода

немцев; второе: взятие важных в оперативном отношении узлов обороны противника; и последнее — это разгром отходящих войск противника и охват с юга группы армий «Центр» гитлеровцев.

В частности, по направлению на Белев действовала в полном ее составе — семью дивизиями — 10-я армия генерал-лейтенанта Голикова Филиппа Ивановича, далее — 1-й кавалерийский корпус генерала Белова и часть сил 61-й армии генерала Попова.

В направлении на Калугу наступали 50-я и 49-я армии. Немецкое же командование придавало значение обороне Белева, и именно стратегическому стыку двух наших, действующих здесь, фронтов: Западного и Юго-Западного. Противник держал оборону следующими частями: 112-я, 56-я пехотные дивизии, 4-я танковая дивизия и отдельный полк СС «Великая Германия». Здесь же вели боевые действия остатки разбитых под Тулой войск фашистов, и в том числе — 31, 131, 167 и 296-й пехотных дивизий. Причем эти части пополнены были личным составом.

Итак, Гитлер оценил левый берег Оки в районе Белева (фактически, в границах Белевского уезда) — как «последний рубеж» отхода немецких войск. И на самом деле, оценка фюрера не завышена. По характеристике военной стратегии, прибрежная линия «Сныхово-Береговая-Жуково-Белев-Кализна-Фединское и далее на юго-восток по реке, вплоть до Михнево и Бедринцы» господствовала над правым берегом. Ока, ее прибрежные высоты, крутые овраги представляли препятствия для наступающей стороны. К тому же прочность обороны немцев создавали используемые в самом городе Белеве каменные здания и сооружения, в которых были оборудованы опорные пункты.

Кроме того, под наблюдательные пункты, под пулеметные точки и артиллерийские позиции были использованы высокие холмы, находящиеся под монастырями, церквями и другими каменными сооружениями вдоль берега. Монастыри Спасо-Преображенский и Крестовоздвиженский были превращены в своеобразный форт, в значительный узел обороны, господствовавший над правобережной равниной. То есть вся пойма реки Оки в этом месте хорошо просматривалась и, значит, отменно простреливалась всеми видами оружия, и довольно на широкий полосе правого берега. Можно себе и сейчас представить, каково же было наступающим цепям стрелковых полков и отдельных дивизий Красной Армии.

Но каково же было положение дел здесь в деталях, в оценках штабов и командующих армий? Ф. И. Голиков писал позднее:

— Что касается 10-й армии, то ее задачей было освобождение Козельска и Сухиничей. Но еще раньше на пути лежал Белев, район которого занимали хорошо укрепившиеся в обороне большие силы гитлеровцев... Занятие этого города имело большое значение для вза-

имодействия Западного и Юго-Западного фронтов и их смежных армий — 10-й и 61-й. Только владея Белевом, обе они могли уверенно наступать дальше на запад и юго-запад.

Однако, пока продвигается к Оке 10-я армия Ф. И. Голикова, командир кавкорпуса П. А. Белов выдвигает в том же направлении, но гораздо раньше подхода 10-й армии, 328-ю и 322-ю стрелковые дивизии. А вот 61-я армия, в свою очередь, в направлении на Фатьяново-Мишенское, выдвигает 342-ю стрелковую дивизию.

ТРИ ЭТАПА БОЕВ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛЕВА

Условно, чтобы ярче представить сражения, разделяется в сущности одна операция — на три этапа.

Первый этап — это период с 25 по 26 декабря. По приказу генерала Белова к городу подошли 322-я и 328-я с. д. Они пытались разрозненными фронтальными атаками на укрепленные позиции врага прорвать оборону немцев и занять город. Но эти действия не принесли успехов.

Второй этап — это период с 27 по 28 декабря 1941 года. Военным Советом 10-й армии было решено провести двусторонний охват Белева с флангов: с севера и с юга. То есть с севера — в направлении Береговая-Беседино-Болтенки-Жуково. Наступали 328-я и 330-я с. д. Кстати заметить, что 330-я получила название Тульской вследствие адреса ее формирования. С юга осуществляли охват на населенные пункты Кализна-Фединское, подразделения 328-я и 342-я (61-й армии) дивизии.

Ко всему следует добавить, что штаб 10-й армии принял таковое решение не случайно. Дело в том, что Ф. И. Голиков, как командарм, именно таким маневром взял город Плавск, причем — с минимальными потерями. Фактически он избежал фронтальных атак на Белев против фундаментально укрепившегося врага, сократив путем обхода с флангов потери.

Но, однако, все равно завязались очень упорные, а кое-где и ожесточенные бои. Противник показал яростное сопротивление. В ходе боев населенные пункты Береговая, Беседино, Кализна, Фединское несколько раз переходили из рук в руки. Под контролем противника наши части вынуждены были отойти на восточный берег реки Оки. Атаки на участке Береговая-Белев-Кализна были прекращены.

Третий этап — это период с 29 по 31 декабря. Вот «Боевой приказ» командарма Ф. И. Голикова от 28 декабря 1941 года (18.00 часов по московскому времени. Штаб армии — дер. Арсеньево):

«Командирам 323, 328, 330 и 2-й гвардейской кавалерийской дивизий

Приказы в аю:

1. Полковнику Гарцеву — оставить перед Белевом 1088-й стрелковый полк. Остальными силами совершить марш-бросок и к исходу 30.12.41 сосредоточиться в 7-8 км юго-восточнее Белева.

2. Полковнику Еремину, имея перед Белевом 1105-й полк, двумя полками быть к 20.00 час. 30.12.41 через Сныхово-Маслово на подступах к городу.

3. Полковнику Соколову, оставив для фронтального удара 1111-й полк, двумя полками обойти Белев с севера и с северо-запада и сосредоточиться: 1113-й с. п. в Рядово и Ламоново, 1109-й с.п. в Давыдовово-Пашково.

4. Полковнику Осликовскому — конными группами действовать справа и с фронта.

5. Удар по городу одновременно в 03.00 час. 31 декабря.

6. Командиру 889-го артполка Сmekалову совместно с армейской разведкой уничтожить вражеские самолеты на аэродроме в районе Ш... (далее неразборчиво в документе военного архива.— *Прим. авт.*).

Командарм 10-й армии генерал-лейтенант Голиков.

Нач. штаба генерал-майор Любарский.

Военкомиссар полковник Гусаков.»

(ЦАМО СССР. ф.10, оп.10-110.№22. Копия с подлинника).

(Командиры подразделений перечислены согласно той же последовательности, в какой они находятся в первой строке «Приказа» командарма).

Из приказа видно, что перед Белевом были оставлены для фронтального удара по завершении обхода по одному полку (дивизия комплектовалась в Красной Армии из численного состава, как правило, трех полков).

Части 328-й, 330-й (Тульской) с. д. вышли в ночь на 29 декабря на новое направление — через д. Сныхово, Карабчево, Сытичи, Пашково, Ходыкино. Маневр оказался удачным. Во избежание окружения противник оставил Береговую и Беседино и стал отходить к Белеву.

В течение 30 декабря наши войска, освободив Ишутину, Ганьшино, глубоко охватили Белев с севера и с запада. Противник имел теперь только путь на юг.

Утром 31 декабря 330-я с. д. приступила к штурму города. Первыми ворвались в Белев саперы под командованием политрука Крутчилина. 31 декабря город был освобожден.

Неоценима заслуга бойцов и командиров 322-й с. д., подчиненной 10-й армии, и 342-й с. д. 61-й армии, действовавших по направлению

на Кализну, Фединское, Фатьяново и Мишенское. Вот что повествуют лаконичные сводки.

Из записей командира 322-й с. д. Филимонова (журнал боевых действий)

«...Овладел западным берегом реки Оки. В ряде мест борьба идет за окопы... Бой идет также внутри Кализны. Оборона противника построена на большую глубину.

...Огонь пулеметов, минометов, артиллерии — потрясающий. Бой идет ожесточенный... Продолжаю выполнение поставленной задачи. Части несут большие потери».

№10. д.Городна. 30 декабря 41 г.

«...В 9.00 противник во фланг от д. Фединское в сторону д. Кализна вел сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Подразделения 1987-го стрелкового полка, занимавшие выгодный рубеж, под воздействием сильного огня несколько отошли. Танки были встречены нашим огнем. Два из них остались на поле боя подбитыми, один ушел на полной скорости. Экипажи этих танков — 10 фашистов,бросив машины, бежали в овраги и поле, некоторые убиты. Танки стоят между окопами немцев и нашими, под нашим огнем. Станковые пулеметы и минометы в совхозе «Плодовоощь» уничтожены. Фашисты бежали,бросив оружие. Занять его нельзя только потому, что он прикрывается сильным огнем. Снарядов нет, расход веду скрупо. Успех ограничивается вследствие отсутствия снарядов. Их нет нигде, очевидно, и в Туле».

Из политдонесения:

«...В боях хорошо действовали артиллеристы, которые огнем с открытых позиций вывели из строя до 20 автомашин, подбили два танка...

Тяжело раненный наводчик орудия Солин, оставшись один в расчете, продолжал вести огонь по вражеской колонне».

«Командиру 10. Боевое донесение №019 штаба 322-й стрелковой дивизии. д.Городна, 31 декабря 41 г.

Противник по-прежнему активно обороняет главную полосу обороны с передним краем по западному берегу р. Ока. Главную полосу сопротивления противник усилил инженерно-техническими сооружениями. Котлованы открыты подрывным способом, тщательно замаскированы в глубине обороны...

...Малейший успех подразделений противник контратаковал танка-

ми и пехотой... Доношу вам о трудностях прорыва главной полосы обороны, в которых оказалась дивизия:

1. Недостаточная техническая оснащенность для преодоления жесткой обороны.

2. Большая убыль личного состава, и особенно — командного, на протяжении всего боевого пути дивизии в борьбе с фашистами. Дивизия вела ожесточенные бои, не имея времени на приведение подразделений в порядок. Особенно большие потери дивизия понесла на подступах к г. Белеву и в наступательных боях с 27 по 30 декабря.

3. Непрерывное пребывание людей в напряженной обстановке на морозе. За последние четыре дня усилились случаи обморожения.

4. Недостаточное количество снарядов, которые негде получить.

Все попытки достичь успеха и беспримерный героизм красноармейцев и командиров успеха не имели.

В целях сохранения дивизии как боевой единицы прошу Вас хотя бы временно остановить ее на восточном берегу р. Оки, пополнить снарядами, дать возможность привести в порядок части, подразделения и оружие».

«Генерал-майору т. Колганову, штадив 322,
д. Городна, 30 декабря, 14.00

Артиллерийских снарядов на ДОПе нет. Артснаряды 45 и 46 мм к полковым, так и к дивизионным орудиям израсходованы.

Прошу Вашего распоряжения об отпуске артснарядов и мин, хотя бы за счет других частей, так как выполнение задачи под угрозой срыва».

ПЕРЕЛОМ

И все-таки перелом произошел. Немцы не сумели перестроить свою оборону, когда командарм-10 произвел охват противника с юго-востока и с северо-запада. К вечеру 1 января немцы начали отход, затем и отступление из города в сторону Болхова.

2 января 1942 года ударом из деревни Фатьяново и южной окраины города части 322-й с. д. пытались освободить деревни Кализну, Александровку, Мишенское. Но вот как это выглядит в четко сформулированных и предельно лаконичных боевых донесениях.

«Начальнику штаба 322 с. д., 8.00, 1 января 42 г.

1089 с. п. готов перейти в наступление после действий «Марии Ивановны». Перед фронтом действует наша разведка в направлении

деревни Кализна. Противник ведет усиленный пулеметный и минометный огонь по распоряжению 1-го и 2-го батальонов.

Для того чтобы не допустить противника в тыл, меры принятые. Начальник штаба 1089 с. п. Шакиров».

«Лазареву, д.Темрянь; 16.00; 1 января 42 г.

1089 с. п. перешел в наступление. Батальоны 1-го эшелона перешли через реку Оку. Огонь со стороны противника не ведется. 1087 с. п. отстает. 1085 с. п. вошел в Белев и продолжает наступать на Мишенское.

Начальник штаба 1089 стрелкового полка Шакиров».

«Командиру 1089 с. п. Мальцеву, д.Темрянь, 2 января 42 г.

Командир дивизии приказал: в целях координации боевых действий по овладению деревнями Кализна, Александровка подчинить Вам подразделения 1087 с. п., за исключением саперной роты и роты автоматчиков. Объединенным под Вашим командованием частям на широком фронте, касаясь правым флангом дороги Фатяново-Фединское, левым – р. Оки, наступать и атаковать неприятеля в направлении д. Кализны с северо-запада...

Уничтожить огневые точки огнем. Применить охваты и обходы в тыл лучшими бойцами и командирами. При движении на д. Кализну обеспечить себя разведкой и охранением справа на случай контратаки противника со стороны д. Александровки. По овладении д. Кализной атаковать противника в д. Александровке и овладеть ею.

За начальника штаба 322 с. д. майор Виноградов».

«Командиру 1087 с. п. Романенко.

Командир дивизии приказал:

1. В целях координации действий по овладению д.Кализна переподчинить 1087 с. п. на эту операцию командиру 1089 с. п. Мальцеву.

2. Вам возглавить группу – рота автоматчиков и саперная – и наступать с востока, с целью ворваться в Кализну одновременно с основной группой. При движении широко применять сосредоточенный огонь винтовок и автоматов.

За начальника штаба 322 с. д. майор Виноградов».

«Командиру 342 с. д., 2 января 42 г., д.Темрянь.

Сегодня с 8.00 дивизия штурмует д.Кализну с северо-запада и востока и одновременно атакует с. Мишенское с севера.

Комдив 322 с. д. настоятельно просит Вашими активными действиями на д. Фединское противодействовать маневру подвижных отрядов

противника из д.Фединское по частям 322 с. д., имея в виду, что с овладением д.Кализна отпадают трудности для 342 с. д. выполнить боевую задачу.

За начальника штаба 322 с. д. майор Виноградов».

После освобождения г. Белева и близлежащих деревень, оставив один полк под Белевом, 322 с. д. продолжила свой путь на запад и 7 января уже вела бои в районе станции Зинеево на участке железной дороги Брянск-Сухиничи, согласно полученному приказу.

НА СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

И так, Белев освобожден. Через некоторое время после ожесточенных боев освобождена и Калуга. Таким образом, в обороне немцев образовалась широкая брешь, куда и устремились соединения 10-й и 50-й армий, а также Первого кавалерийского корпуса. А между тем положение в районе Белева продолжало оставаться исключительно напряженным.

Немецко-фашистские войска укрепились недалеко от города. Линия фронта проходила по водным рубежам района. То есть от д. Харлятино по реке Вырке до впадения ее в реку Оку. Далее по реке Оке до южных границ района. Таковою она сохранялась до 31 марта 1942 года.

Фактически город Белев в эти грозные дни — город фронтовой, город сражающийся. Разведав силы противника, 61-я армия в марте перешла в наступление. Враг был отброшен на 25-20 километров от Белева. Передовая линия прошла теперь через речушку Литень (приток р.Бобрик), южнее пос.Совхозного (Шмидт), затем по оврагу — до исходных границ по р.Ока.

В частности, 342-я дивизия 61-й армии прочно закрепилась на трудно давшемся ей в кровопролитных боях — западном берегу Оки: 1146-й с. п. под командованием майора Владимира Ивановича Дмитриева на рубеже деревень Сенюхино, Фатьяново; 1150-й полк под командованием Петра Ивановича Коровина — на рубеже с. Ровно, Сторонка; 1148-й полк майора Ивана Петровича Карамушко — на рубеже Побуж, Вейно Козельского района Калужской области.

Перед фронтом дивизии оборону держали подразделения 296-й пехотной дивизии фашистов, поддерживаемые танками (ЦАМО

СССР, ф.1173). Противник и здесь принял меры, чтобы воспрепятствовать наступлению 342-й.

30 марта дивизия получила от Военного Совета 61-й армии задачу: нанести удар в направлении д. Башкино и к исходу 1 апреля 42 года передовыми отрядами выйти на рубеж: Анино, Зайцево, Зубково.

Справа наступала 149-я стрелковая дивизия армии. И вот после хорошо организованных и внезапно осуществленных атак противник оставил села: Грынь, Ретюнь. Особенно ожесточенные бои происходили за село Кузнецово, которое несколько раз переходило из рук в руки.

В итоге десятидневных боев, с 1 по 10 апреля, полки дивизии вышли на рубеж Анино, Зайцево, Меркулово. А вот в дальнейшем наступление успеха не имело, и дивизия перешла к обороне. Атаки в этот период были, говоря военным языком окопа, вязкими, а противостояние — упорным; пострадали населенные пункты: Зайцево особенно, затем — пос. Майский, с. Любичи сгорели дотла.

Вот тогда-то и произошла Побужская беда, названная в дни Нюрнбергского процесса, то есть суда над фашистскими заправилами военщины, — Побужской трагедией. Фашисты частью повесили и в основном заживо сожгли 160 человек — женщин, старииков и детей. Но и это не все из трагедии. В деревне Черемошна после зверских пыток были расстреляны красноармейцы, 10 человек. Вот их имена: П. С. Ганин, Л. Т. Находящий, В. Ф. Барда, К. С. Солонко, Н. Ф. Собакарь, В. И. Ильченко, С. И. Сисков, С. В. Чернаков, С. М. Приходько, И. М. Бирюков.

Но вот что говорят о тех днях боев лаконичные сводки и донесения штабов сражающихся армий и с той, и с другой стороны.

Из сведений главного командования сухопутных войск Вермахта по состоянию на 4 января 1942 года:

«Штаб-квартира. 4.01.42. Перед 2-й танковой армией главные удары противника сосредоточены на северном фланге в районе г. Белева. Ожидается, что противник продолжит атаки под г. Сухиничи... 2-я танковая армия (Гудериана.— *Прим. автора*). Отмечено усиление противника главным образом перед северным участком фронта 53 ак., а также движение противника с востока на г. Белев, а оттуда в западном направлении при одновременном сосредоточении крупных сил противника в районе г. Белев.»

Из оперативной сводки Вермахта №204.

«Юго-восточнее Белева в первой половине дня обнаружены малочисленные колонны пехоты и артиллерии, находящиеся на марше к городу.

Воздушная разведка установила, что в районе Белев-Козельск-Су-хиничи противник производит переброску войск на запад: 09 час. 15 мин.— колонны от Ульяново западнее, юго-западнее г. Белев.

12 час. 30 мин.— движение частей в районе юго-восточнее и северо-восточнее г. Белев в западном направлении.»

На то же время сведения штабов Красной Армии и от Совинформ-бюро. Утреннее сообщение 5 января.

«При взятии города Белев наши части нанесли противнику боль-шой урон. Немцы потеряли убитыми 800 и ранеными свыше 1500 солдат и офицеров. Наши бойцы захватили 25 орудий, 12 минометов, 25 станковых пулеметов, 50 противотанковых ружей, 70 автомашин, 300 вело-сипедов, свыше тысячи бочек с бензином, много снарядов, продовольствия и документы штабов двух немецких пехотных дивизий.»

**Из оперативной сводки №8 Генерального штаба
Красной Армии на 8.00 8.01.42.**

«Войска правого крыла Брянского фронта, завершив перегруппи-ровку, перешли в наступление из района ПОБУЖ-БЕЛЕВ-МАСЛОВО в общем направлении на г. Болхов, завязали упорные бои с противником юго-западнее г. Белев, стремясь выйти во фланг и тыл его Болховской группировки, обороняющейся по западному берегу р. Ока.»

**Извлечение из оперативной сводки №205 главного
командования сухопутных войск Вермахта.
Штаб-квартира 06.01.42 г. 2.15.**

«Б. Группа армий «Центр»:

1. Общая обстановка: повторно атакуя на южном фланге, противник вышел на рубеж по реке Сейм.

Появление новых дивизий южнее г. Сухиничи, находившихся ранее в районе севернее г. Белев, подтверждает предположение о том, что в настоящее время главные силы 10-й армии находятся в прорыве по обе стороны г. Сухиничи. Разграничения между 10 А и 61 А предположи-тельно проходит в районе севернее г. Белев.»

Извлечения из оперативной сводки №208.

«2-я танковая армия. Перед восточным участком фронта отмечались бои местного значения под н.п. Троицкое и южнее г. Белев.

В наступлении восточнее г. Болхов принимали участие 2 полка 256-й стрелковой дивизии, отведенной недавно с передовой из-под Мценска.

Западнее г. Белев продолжается движение частей противника в за-падном направлении.»

Там же, №209. Штаб-квартира. 10.01.42 г. 2.10.

«2-я танковая армия. Противник продолжает переброску новых сил по дороге и от Тулы через Горбачево в направлении на Белев. В 10 час. 50 мин. воздушная разведка наблюдала на участке Тула—Горбачево—Белев несколько составов. Часть из них с двумя локомотивами,— движущихся в юго-западном направлении; в 10 км восточнее, юго-восточнее г. Белев обнаружена разгрузка. Отсюда маршевые колонны вдоль железной дороги двигаются в направлении на Белев.

В 14 час. 50 мин. обнаружены крупные силы противника в районе Колосово. На участке фронта группы Эрманндорфа противник усиливает натиск, используя танки. В районе Моилово подтвердились части 328 с. д., в районе восточнее н.п. Жиздра-Помодово — 322 с. д.»

* * *

В этой связи следует сказать о том, что решающие бои в направлении на Болхов вела одна из мощных дивизий 61-й армии. Это — 356-я стрелковая дивизия. Фашистские оперативные сводки показывают эту дивизию в самом начале января 1942 года, наравне с 342-й, сделавшей все возможное в этом направлении, чтобы разгромить оборону противника и потеснить его. Вот как упоминается дивизия в оперативной сводке главного командования сухопутных войск Вермахта за №215:

«Штаб-квартира. 16.01.42 г. 2.20. (Обратите внимание, немецкий штаб передает оперативную сводку четко в одно и то же время — 2.20-2.00. — Автор В. Г.).

Перед фронтом **2-й армии** противник, по-видимому, продолжает подтягивать подкрепление с востока в направлении г. Белев и к участку прорыва юго-западнее Белева. На восточном фронте подтянуто пополнение (137 с. д.) и, по показаниям военнопленных и местных жителей, подтвердилось перемещение частей 356-й стрелковой дивизии на север. В первой половине дня 16 января установлено сильное движение противника (транспорта) с юго-востока и востока на Белев, юго-западнее Белева, западнее н.п. Паком обнаружен 1 полк, совершающий марш в юго-западном направлении. В ходе нашей атаки противник (части 356 с. д.) отошел в направлении Уколицы.»

Извлечение из оперативной сводки №216.

Штаб-квартира. 17.01.42 г. 2.25

«Положение противника в основном не изменилось. На участке 61-й армии русские продолжают с юго-востока подтягивать силы через г. Белев. В схеме радиосети перед 61-й армией впервые появляется 32-я армия русских. Подтверждение ожидается.»

Извлечение из оперативной сводки группы армий «Центр». Штаб группы армий 2.02.42 г. 8.00. Утреннее донесение.

«После предварительных операций разведывательных частей противника на правом и левом фланге дивизии с 2.00 продолжается атака противника неизвестной численности на населенный пункт 3 км северо-восточнее Кривцово. У р. Выра отмечены скопления войск противника юго-западнее Долбино и в районе Побуж. Отбита атака противника против пос. Дубна.»

ОТ ЛЕТА 42-ГО ДО ЛЕТА 43-ГО

1 января 1942 года в Вашингтоне была подписана Декларация 26 государств. Правительства СССР, США, Англии, Китая и других стран, подписавших Декларацию, обязались использовать все свои ресурсы для борьбы против фашистских государств и не заключать с ними сепаратного перемирия или мира. Фактически этой акцией завершилась международная изоляция фашистского блока.

После разгрома фашистов под Москвой, когда вследствие боев на разных направлениях вражеские позиции были отодвинуты на значительное расстояние против прежних, по состоянию на декабрь 1941 года, начиная с апреля, в предместьях Белева дивизиями 61-й армии велись так называемые бои местного значения. То есть наступление широчайшим фронтом было приостановлено, ибо требовалась перегруппировка сил, нужен был поиск иных, более эффективных средств ведения войны вообще и в целом — стратегии, тактики сражений.

В район позиций 61-й армии гитлеровцы перебросили между тем значительные силы, и в том числе сотни бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Так что и в Белеве было все это ощущимо, бомбы сбрасывались не только на позиции действующей армии, но и на Белев. Воздушные атаки были массированными.

И все же бои местного значения — это также война, тяжелая, изнурительная для солдата, с потерями. Но главное направление удара советских войск, конечно же, было — сражение за Сталинград. «Победа наших войск под Сталинградом,— писал маршал Г. К. Жуков,— знаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало изгнания вражеских войск с нашей территории».

Но вот как представлена ситуация в Белеве после минувшей зимы 1942—1943 года в книге «31-й особый» А. С. Потехина, рассказывающей о боевых действиях в Белеве бронепоезда «Козьма Минин».

«В то время мы действовали уже на другом участке фронта, в районе Белев-Слаговищи в составе 61-й армии. Дорога проходила параллельно линии фронта, километрах в десяти-пятнадцати от передо-

вой, так что вести активные боевые действия против наземных вражеских войск нам не представлялось возможным. Перед дивизионом стояла другая задача: взаимодействуя с гарнизоном города Белев и войсками второго эшелона, уничтожать противника в глубине, если он прорвется через передний край нашей обороны. Кроме того, мы по-прежнему должны были прикрывать железнодорожные узлы и станции от налетов вражеской авиации... На станцию шло несколько десятков вражеских самолетов. Такого массированного налета нам еще никогда не приходилось отражать. Тут одним зенитчикам ни за что не справиться. Дружные залпы башенных орудий нарушили строй стервятников. Разбившись на две группы, они стали обходить станцию... «В налете участвовало шестьдесят три вражеских самолета,— докладывал позднее Анисимов.— Сброшено около двухсот бомб. Почти все они легли за пределами станции. Главные станционные объекты не пострадали. Сбиты три самолета противника».

Но несмотря на частые бомбардировки и артобстрелы противником, Белев жил напряженной фронтовой жизнью. Фактически, имея железнодорожный узел, а также связь с центром посредством сети шоссейных дорог, и в то же время находясь на водном рубеже, Белев, образно говоря, принимал «огонь на себя». Ведь здесь располагались коммуникационные узлы, госпитали и другие мобильные медицинские полевые учреждения; здесь, на станции, выгружались грузы для действующих частей в направлении на Орел, ибо там прочно засел враг. И выбить его удалось только при хорошо подготовленной Орловско-Курской операции. Белев находился в непосредственном соприкосновении с противником. На его территории вплоть до 12 июля действовала 61-я армия.

Белевичи оказывали сражающимся частям 61-й армии всяческое содействие и элементарную помощь в обеспечении продовольствием, причем непосредственно бойцам в окопах. Снабжали теплыми вещами зимой и участвовали в строительстве оборонительных сооружений.

Так, в частности, только к празднику 1 мая 1943 года белевские граждане отправили бойцам в окопы около 10 тысяч яиц, 70 кг сливочного масла, 255 кг творога. В этом же году 61-я армия получила для своих госпиталей 2 314 кг мяса, 12 500 шт. яиц, 75 кг сливочного масла, 255 кг творога, 15 450 литров молока.

Но все это стало возможным при полевых работах и труде на фермах — именно под обстрелом, и в том числе с воздуха, когда фашистские ястребы буквально гонялись за живыми целями в поле, и этими целями становились в том числе подростки, девушки, пастухи и телятницы.

О многом в этой связи говорит тот факт, что Бюро Тульского обкома КПСС приняло решение об отселении жителей города и граждан совхозов, колхозников на расстояние до 30 километров от линии фронта.

Так, наш райком партии, райисполком и РК ВЛКСМ разместились в д. Горбуново, а другие районные организации — в населенных пунктах: Володьково, Георгиевка, Кармань, Жабынь.

А враг, проигрывая в сражениях, глумился над мирными городами в пределах фронта: 7 июня противник обрушил на Белев свой смертоносный груз с 35 бомбардировщиков. На улицах города погибло 870 человек из числа мирных жителей. 10 июня враг повторил налет. Действовало уже 55 бомбардировщиков.

И все же и в этой схватке перелом наступил в нашу пользу, и мы погнали врага с белевской территории. Давайте вчитаемся в строки живых свидетелей тех событий. Вот что рассказали ветераны 1282-го армейского зенитно-артиллерийского полка, сформированного по приказу Брянского фронта в течение двадцати дней июня.

«12 июля войска нашей 61-й армии в составе Брянского фронта начали наступление по прорыву сильной укрепленной обороны противника — «Восточного бастиона» немцев — с целью ликвидации Орловско-Болховского плацдарма с захватом города Орла.

Нашему полку было доверено прикрытие аэродрома истребительной и штурмовой авиации в районе Болото.

30 июля группа самолетов противника «ФВ-190» и «МЕ-109» пыталась блокировать аэродром в Болото. Батареи полка интенсивным огнем заставили самолеты противника значительно увеличить высоту полетов и тем самым дали нашим истребителям возможность подняться в воздух.

На этом направлении под Белевом действовал 41-й истребительно-противотанковый дивизион.

Артиллеристы крушили врага, не давали ему спуску на всех направлениях в предместьях левого берега Оки».

Документы военных лет рассказывают, что в конце 1942 года и с января по 12 июля 1943 года основная тяжесть тактических и стратегических военных операций была возложена Ставкой на подразделения 61-й армии, и прежде всего на 342-ю и 356-ю дивизии. Однако было бы справедливо напомнить, что войсковые части и многих других родов войск внесли свою лепту в разгром врага в сражении на Болховском уступе Орловско-Курской дуги.

Так, в частности, упоминается любопытнейший эпизод боев 707-го Краснознаменного Дунайского ордена Кутузова III степени авиационного полка (действующего в мае-июле 1943 года в районе Белева, Болхова, Орла) — в книге «В лучах прожекторов». Написал ее Герой

Советского Союза Н. А. Шмелев. Книга была выпущена в свет Военным издастельством в 1962 году. Он написал в связи с упомянутыми нашими событиями о том, как было применено новое средство из отечественных разработок современного на тот час оружия. Наверное, оголтелые фашисты заслуживали этой кары. Речь — о бомбажке вражеских позиций так называемыми ампулами с самовоспламеняющейся жидкостью «КС».

«14 июля 1943 года,— говорится на одной из страниц книги Шмелева,— авиационный полк получил задание нанести удар в районе около села Алтухово, где было сосредоточено много огневых точек противника... Мы в воздухе.

— Впереди изгиб Оки, под нами Будоговищи,— сообщил штурман.

Над Алтухово, покачиваясь, повисла мощная осветительная авиа-бомба. Ее сбросил самолет Габидулина. Село и его окрестности стали видны как днем. Тысячи пуль и снарядов из леса, деревни и оврагов устремилась к нам.

— Сейчас даст Ангушкин!

Командир второй эскадрильи должен был первым сбросить ампулы с «КС». Через минуту десятки факелов выросли внизу. Еще два самолета сбросили свой груз на восточной окраине вражеского опорного пункта. В районе пожаров стали рваться фугасные и осколочные бомбы, сброшенные другими самолетами. Все шло строго по задуманному плану. Огненные ленты зенитных снарядов из Алтухово потянулись на запад, вслед удалявшимся самолетам.

Еще несколько ночей вылетали мы с ампулами и бомбами. Горело все: и танки, и машины, казалось, горела и земля во вражеских окопах. Зарево видно было далеко от передовой».

В этом же ряду письменных свидетельств ожесточенности сражений на границе Белевского и Болховского районов в решающей битве находится и книга В. В. Бешанова «Год 1942 — «учебный». Автор пишет о том, что «с 5 по 12 июля под личным руководством командующего Западным фронтом развернулись ожесточенные действия на участке между Жиздрой и Болховом. В боях проходили обкатку новые образцы вооружения и тактические приемы.

В частности, Ставка ВГК поручила командующему гвардейскими минометными частями генералу В. В. Аборенкову испытать в фронтовых условиях новую реактивную систему М-30.

Генерал выехал в район города Белев, где в это время 61-я армия, которой теперь командовал генерал П. А. Белов, готовилась к наступлению. Туда же срочно направлялись 8 только что сформированных дивизионов М-30, сведенных для удобства управления в полки. Командарм определил цели — узлы сопротивления противника в деревнях Анино и Верхние Дольцы.

Огневые позиции были выбраны с таким расчетом, чтобы стрельбу можно было вести на дальности, близкой к предельной: 2400—2600 м. В этом случае рассеивание снарядов ожидалось меньшим. Но пусковые станки пришлось установить на опасном расстоянии от переднего края противника — они попадали в зону его ружейно-пулеметного огня. На автомашинах снаряды подвозить было нельзя. Пришлось ночью доставлять их на руках личного состава дивизионов.

Днем 5 июля на противника в Анино и Верхних Дольцах обрушились два полковых залпа. Оба узла сопротивления были стерты с лица земли, после чего пехота заняла деревни без каких-либо потерь.

То есть и здесь, под Белевом, войска Советской армии учились воевать тактически грамотно, стратегически продуманно, проявляя и личное мужество, и изобретательность, в сочетании с высочайшим уровнем развития советской науки боя, применяя наивременнейшую технику, новое оружие, которое не имело аналогов в мире. В Орловско-Курском сражении была одержана решающая победа, очень важная для Летней кампании 1943 года.

Двадцать девятого июля был освобожден Болхов, пятого августа — Орел. Орудийными залпами Москва салютовала освободителям.

А лютый враг покатился на запад — к полному закату своего оружия».

Дом Пастуховых.
1836 г.

Реальное училище
им. В. А. Жуковского

Наводнение в Белеве. Начало XX века

Карта-схема «Общий ход боевых действий под Тулой в 1941 г.»

БЕЛЕВЦЫ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В. Н. Азаров

А. Е. Борисук

В. И. Анисенков

В. И. Голосов

П. И. Коростелев

В. П. Морозов

И. В. Маслаков

С. Я. Сухарев

И. Ф. Титков

Н. М. Чепурной

И. И. Ларкин

М. Г. Фомичев

Г. И. Тимошин

В. И. Широков

А. Г. Котиков, генерал-майор,
комендант г. Берлина
в 1946–1950 гг.

На улице им. Котикова в Берлине

Курган Славы. 2005 г.

Ветераны 356-й стрелковой дивизии 61-й армии. 1973 г.

Бывший командующий 10-й армией Ф. И. Голиков в Белеве

Е. Высоцкий, Герой Советского Союза

И. И. Ефимов, Герой Социалистического Труда

Артель кружевниц г. Белева. 1923 г.

Белевские кружева. Художественно-краеведческий музей

Привечаем вас чаем из тульского самовара
с белевской пастилой

Кружевницы Р. Н. и Н. Г. Мудровы

Белевские кружева

Площадь им. 25-летия Октября

Бывшая гостиница Лямина

Преподобный МАКАРИЙ Жабынский,
белецкий чудотворец

Святая блаженная МАТРОНА

Жабынь.
У 600-летнего дуба

Архиепископ Тульский и Белевский
АЛЕКСИЙ

Архиепископ Тульский и Белевский АЛЕКСИЙ на богослужении

Крестный ход, посвященный 200-летию Тульско-Белевской епархии. Лето 1999 г.

Экскурсия в Жабыни

Икона святого Николая Чудотворца

Глава администрации Белевского муниципального образования М. И. Бочаров (слева), настоятель Свято-Троицкого храма, благочинный Белевского района протоиерей Александр Сергеев (в центре), спонсор И. Е. Здоров (справа)

Справа налево: протоиерей А. Сергеев, А. Е. Митин, кавалер ордена Преподобного Серафима Саровского III степени (награжден за благотворительную деятельность), и отец Роман

Колокол храма Рождества Богородицы

С. И. Плюханов, генеральный директор ОАО «ТРАНСМАШ»

Один из цехов завода «ТРАНСМАШ»

ЗА ДРУГИ СВОЯ

«**В**еликое историческое событие свершилось в столице Москве 8 сентября (26 августа) 1943 года в день празднования иконы Божией Матери Владимирской. В этот, отселе ставший замечательным, день собравшийся Собор епископов православной русской церкви единогласно избрал Патриаршего местоблюстителя митрополита Московского Сергия на вдовствующую в течение 17 лет патриаршую кафедру Патриархом Московским и всея Руси, а также избрал и священный Синод.

Идея созыва собора для избрания патриарха была сочувственно встречена главою нашего правительства И. В. Сталиным».

«Журнал Московской патриархии».
1944 год. № 2.

ПОМОЩЬ ФРОНТУ

Из отчета архиепископа Саратовского и Сталинградского за 1943 год

В течение 1943 года на нужды, связанные с войной, внесено в отделение госбанка от церквей и духовенства, находившихся в ведении архиепископа Саратовского и Сталинградского, 2 338 776 рублей.

* * *

«Управляющему Московской епархией Николаю, митрополиту Крутицкому Иларию, епископу Дмитровскому, викарию Московской епархии.

Прошу передать духовенству и верующим города Москвы, собравшим 1 225 000 рублей в фонд помощи детям, оставшимся без родителей в дни Отечественной войны,— мой привет и благодарность Правительства Союза ССР.

И. Стalin.»

«Орел. Ктитору Богоявленского собора
Люкину, Председателю церковного Совета
Лискину, председателю ревкомиссии Голикову.

Прошу передать верующим прихожанам Богоявленского собора го-
рода Орла, собравшим 100 000 рублей на усиление бронетанковых сил
Красной Армии, мой привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин.»

К о р р е с п о н д е н ц и и с м е с т

«г. Москва. Митрополиту Николаю.

Вручая нам от имени духовенства и верующих православной рус-
ской церкви танковую колонну «Дмитрий Донской», построенную на
средства из их пожертвований, Вы говорили: «Гоните ненавистного
врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Дмитрия Донского
ведет вас на битву за священную русскую землю. Вперед, к победе,
братья-воины!»...

...От имени личного состава мы благодарим Вас за врученную нам
грозную боевую технику и заявляем, что она находится в верных и
надежных руках...

Командир части подполковник (подпись).

Заместитель командира по политчасти майор (подпись).

Парторг, капитан (подпись).

Комсорг, лейтенант (подпись).

30 июня 1944 года. Полевая почта 321 45.»

* * *

«Новосибирск. Архиепископу

Новосибирскому и Барнаульскому Варфоломею.

Прошу передать верующим и духовенству г. Новосибирска, собрав-
шим 100 000 рублей на подарки воинам Красной Армии и 130 000
рублей в фонд помощи семьям красноармейцев и инвалидов Отече-
ственной войны, мой привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин.»

С о о б щ е н и я с м е с т

Архиепископ Ставропольский и Пятигорский Антоний пишет, что
на нужды, связанные с войной, внесено в отделение госбанка с марта
1943 года по июнь 1944 года 2 157 258 рублей.

* * *

Воодушевленные замечательными победами Красной Армии на фронтах Отечественной войны, верующие и приходский совет Покровского кафедрального собора г. Куйбышева с января по июнь 1944 года внесли на нужды обороны страны 2 179 500 рублей.

* * *

В час испытаний, в годину бедствия и разора от внешнего врага мы невольно обращаемся к опыту прошедших десятилетий и веков, отыскиваем похожие черты стойкости и мужества и примериваем все из бранных доспехов пращуров наших, чтобы не посрамить Землю Русскую и достойно сразиться с захватчиками. А еще взываем к тому в нашей земной жизни, что называют Духом священным, которого ни ощутить, ни услыхать за шумом сечи, но который удесятеряет наши праведные силы и страшит поганых интервентов.

Не случайно же в первый день нашествия фашистских полчищ прозвучали веющие слова в хоровой соборности нашей клятвенной песни: «Вставай, страна огромная...» И до сего дня, в смене поколений, звучат державные слова из того рокового 41-го: «Идет война народная, священная война...»

Уверен, такие слова приходят в сознание творческого человека в озарении, в состоянии осиянности Гением подвижничества во имя Отечества. Даже великий словотворец, признанный поэт, не начертает подобных слов русского Глагола, не будь он сам прежде всего в состоянии наивысшего подъема патриотического духа.

«Крылами бьет беда!» — сказал поэт Александр Блок по поводу нашествия иноплеменных орд и обратил взор свой к исконному в российской сущности — к вере православной, причем употребил при этом евангельское, и по праву: «О, Русь моя, Жена моя!», — имея в виду под словами «Жена моя» матерь общечеловеческую у православных — Пресвятую Мать Богородицу.

И ведя сейчас нашу речь именно в этом аспекте, следует подчеркнуть, что во время Великой Отечественной войны Верховный Главнокомандующий — в час беды — увидел в нашем общественном устройении то именно, ранее как бы непостижимое с позиции материалиста, что явилось одним из важнейших слагаемых единения народа, как и в 1380 году на Поле Куликовом. В русской религиозности он счастливо подметил одну национальную особенность нашу — возводить любовь к Отечеству в одну из ипостасей святости в самую тяжелую для Родины годину.

В это скептикам и ныне трудно поверить, но ведь именно при нем, а точнее, и не без его инициативы, — восстановлено патриаршество,

вследствие чего 8 сентября 1943 года в Москве, в большом зале дома патриархии, состоялся собор епископов русской православной церкви, созданный для избрания патриарха Московского и всея Руси и образования при нем священного синода. С этим церковь обрела новые духовные силы и в дни войны она встала на новый путь созидания духовных начал в обществе страны, на которую посягнул сильнейший враг не только Европы, но и всего мира,—фашистская Германия со своими сателлитами и прочими приспешниками, грозившими России православной не раз, и не два, и даже не три за столетия подряд.

Видимо, в Верховном Главнокомандующем никогда, ни при каких обстоятельствах — и даже в сложнейших политических перипетиях революционного времени не угасало пронзительное ощущение всей неизбывной трагедийности российского патриаршества. А это, последовательно, означает и следующее: ощущение всей высокости исторического назначения патриаршества. Почему? Потому что в России, «пока сердца для чести живы», нерасторжима связь державности и патриаршества. Это он ощущал во всей полноте и цельности.

Церковь окрылила в то время логически обоснованные устремления наши к отмщению злайшему врагу эпохи, придала патриотическому движению черты глубоко народные, а само воодушевление миллионов вознесла до вершины священной. Сделала это, опираясь на догматы Священного Писания и евангельское учение: «И будете прогонять врагов ваших, и падут они пред вами от меча. Пятеро из вас погонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча. Призрю на вас и благословлю вас» (Лев. 26,3 — 9). И о том, что святая обязанность христианина положить живот свой «за други своя», дословно из Еванг. от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»).

Однако проследим движение души христианской обывателя, поставленного нашествием неприятеля в особые условия жизни и быта, к осознанию защиты Отечества. Для этого заглянем в церковные издания: в народный журнал «Кормчий» за 1915 год, и в «Журнал московской патриархии» за 1944 год.

Бот подшивка (полная) — «Кормчего» с приложением — «Еженедельный вестник современной, церковной и общественной жизни». Беру наугад. Листаю. Мелькают заголовки. Среди них, типичных для издания сугубо церковного, вдруг — ощутимо, едва ли не предметно осязаемо, страшно знакомое: «Великая Отечественная война». Вглядываюсь, немножечко сомневаясь в подлинности; вчитываюсь: верно! — это о том, что происходило, как и с нами в 1941—45-м, в той России, но только в Первую, как мы недавно читали в учебниках школьных и даже в институтских, империалистическую мировую и т. д. Но боже мой, как

спроектировано все здесь на нас, на современность. А ведь о событиях почти столетней давности. Как долго сердцу. Как больно за то, что происходило с нами сто лет назад.

«В настоящей войне, наряду с разного рода оружием, столкнулись в великой борьбе два рода различных чувствований воюющих народов: злобных, кровожадных и насильтственных побуждений — со стороны начавших эту войну германцев, и братского, гуманного, снисходительного, сострадательного — со стороны невольно вовлеченного в войну русского народа. Эта нравственная «подкладка» войны теперь не подлежит сомнению, ибо никто теперь не сомневается в «варварстве» германцев и миролюбии русских...»

Из публикаций за 22 августа 1915 года: «...иногда и естественное чувство любви извращается под внушением врагов. Враги начинают нашептывать, а то и разбрасывают прокламации, что родина наша — варварская страна, что народ русский — лентяй, невежа, свинья, червь, одно мясо, что порядки у нас плохие. Так делают враги внутренние — революционеры и демократы, так делают враги наши внешние — немцы».

Ну, как тут прокомментировать? О нет, тут как у любимого поэта нашего, фронтовика Александра Твардовского, сказавшего так: «Тут ни прибавить, ни убавить, так это было на войне...»

Авторы «Кормчего» и приложения к этому журналу обращаются к прошлому, находя там родственное, близкое по ситуации, сложившейся, скажем, в 1812 году. В статье «Великие уроки» за 8—15 августа 1915 года читаем следующее: «Вспомним первую Отечественную войну нашу... Тогда на Россию шел первоклассный военный гений, во главе войск всей Европы. И что же? Через год после вступления в наши пределы грозные полчища врага превратились в жалкий сбор голодных и полузамерзших голодранцев, которых сотнями и тысячами гнали в плен даже наши безоружные бабы... Совершилось величайшее чудо милости Божией, враг был побежден буквально и без малейшего преувеличения — не силою оружия, не конями и колесницами, но Божию всемогущую властью. Дивен Бог во Святых!..»

Преемственность, лежащая своим неколебимым основанием в общенародном существе, в чревном, заложенная в генетический код славянства, вновь и вновь, опять и опять, в суровое лихолетье, когда над родиной... «крылами бьет беда» (А.Блок), животворно проникает в энергию наших поступков, становится силовым полем подвижничества Матросовых, Гастелло, Маресьевых, Чекалиных и Кошевых.

А вот и пример переклички поколений, отстоящих друг от друга в своих деяниях без малого на сто лет. И каких лет — ну чего уж греха то таить? — богоборческих лет!

«Журнал московской патриархии» пишет в номере за 1944 год в статье «Патриотизм православного духовенства»:

«11 октября 1943 года группе православного духовенства Ленинграда во главе с Ленинградским митрополитом Алексием были вручены медали за оборону Ленинграда. Правительство оценило патриотические труды духовенства в переживаемую историческую эпоху Отечественной войны. Верующие нашего Союза, без сомнения, с большим удовлетворением прочли об этом внимании нашего правительства к православному духовенству и, возможно, это побудило многих к сугубым патриотическим подвигам. Ленинградское духовенство в эти годы военной страды проявило себя немалыми подвигами...»

В Тульской епархии, в белевском духовенстве дух патриотизма был достаточно высок. Одно упоминание в источниках о том, что в Белеве в годы войны обрел храм Рождества Богородицы значение кафедрального, говорит красноречиво о многом в служении народу, Отечеству, в прославлении Бога единого.

Берем наугад в подшивке номер. Вот, за 13 августа 1944 года, статья — под рубрикой «Церковная жизнь». Журнал пишет, что состоялись назначения на архиерейские кафедры и что в Московском Богоявленском патриаршем соборе совершена была божественной литургией хиротония, а совершили ее в том числе митрополит Крутицкий Николай и архиепископ Тульский и Белевский Виталий.

Из номера в номер журнала этой подшивки публикуются сообщения о том, что прихожане вносят посильные суммы денежных средств на нужды сражающейся Красной Армии. Сообщается о создании фонда помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Говорится о том, что, в частности, патриархия «...для начала этого дела вносит один миллион рублей».

В номере 10-м, под заголовком «Родина оценила заслуги», сообщается, что «6 октября в Совете по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР, в торжественной обстановке, были вручены медали «За оборону Москвы» православному духовенству». Среди удостоенных этой награды — «protoиерей Петр Турбин, настоятель Всехсвятской церкви в г.Тула; protoиерей Михаил Понятский, настоятель церкви 12 апостолов в г. Тула и благочинный Тульской области».

В номере двенадцатом журнала много места отведено публикации о поездке патриаршего местоблюстителя Алексия в Тулу. Для белевичей тем более любопытно было бы узнать, что в бытность свою ректором Тульской духовной семинарии Алексий посетил однажды Белев, о чем мало кто знает, а ведь патриарх Алексий — личность легендарная.

Итак, в Туле он был встречен архиепископом Тульским Виталием, который, приветствуя его, сказал, в частности: «Я имел счастье

познакомиться с Вами в городе Белеве, где я служил законоучителем реального училища и куда Вы прибыли в бытность свою ректором семинарии.

С особенным высоким чувством я вспоминаю, как Вы тогда в Белевском женском монастыре в понедельник первой недели Великого поста читали на Повечерии канон св. Андрея Критского. И сейчас в моих ушах звучат произнесенные Вами слова канона: «Откуду начну плакати окаянного моего жития деяний?»

Наверное, для православного человека самопожертвование во имя Отечества есть пресветлый способ спасения души.

МАГИЯ ОТЕЧЕСКОГО, РОДНОГО

Беликая Отечественная война, отображенная во всех жанрах литературы и искусства, в эпохальных мемориалах, памятниках, величественных изваяниях и скромных обелисках, непрятязательных изображениях — на земле, на воде и в поднебесье — ныне все глубже проникает в индивидуальное сознание людей. И, наверное, печально-горестная память меньше кровоточит, ибо зарубцевались и душевные раны. Однако боль остается. Боль потерь. Боль вселенских страданий — хотя бы одного ребенка, оставшегося сиротой посреди пепелища.

Боль превечно в сердце каждого из нас, начиная от фронтовика преклонного возраста до гражданина средних лет и завершая подростышем (и это без преувеличения, надо только прислушаться к пульсу страны, к биению сердца твоей малой родины!). Поэтому состояние души нашего человека и на стыке тысячелетий, на перекрестке смены эпох, переменчивое во всякое неустойчивое время, все же не станет умиротворенное, не сделается таким комфортабельным (не исключая и тех из нас, сердце которых как бы временно очерствело в сытом-пресытом теле, а чувство сострадания залегло в сезонной спячке, подобно домашней мухе!).

Зиждясь на прочном фундаменте хроникально-документальных мемуарах участников и свидетелей тех грозных событий, память о герическом восходит как по ступеням пресветлой звонницы к венцу душевых впечатлений. И вот тогда-то первичное восприятие войны — то ли боя, то ли артналета, то ли крушения поезда! — обретает теперь, на гребне новых потрясений, истинно легендарное звучание. Вершиной подобного соприкосновения с героическим прошлым являются более чем будничные письма с фронта, бытовые записи, которые стали своеобразными апокрифами в период возвышенного осмыслиения сущности подвига народа в целом.

Так пусть же восторжествует ныне правда фрагмента, части, крошечного эпизода, минута, а то и всего лишь одного мгновения до рокового выстрела, взрыва — до гибели, до одной лишь во всем белом свете очень и очень безмолвной смерти. Потому что незыблемы на Святой Руси огневые слова — «Смертью смерть поправ!»

* * *

Это сыновнее письмо родителям с фронта вряд ли кого оставит равнодушным, хотя написано оно было в марте 1943 года. Да и в этом ли суть? Нет, не в этом дело. А дело в том, что оно излилось на бумагу, изойдя со дна души. Чем оно трогает нашего современника, отстоящего на полвека от той войны? Бравадой? — Нет! Молодеческой удалью? — Нисколько! Готовностью героически сложить голову? — Вряд ли, ибо, как скажет начитавшийся всякой идеологической дребедени: «Мы это проходили!..»

Оно трогает и подкупает неподдельностью чувств, непоказной любовью к отеческому, когда осознаешь, как эта самая война тяжко дышит в спину этому человеку, сидящему за листком полковой бумаги где-либо в затишье. Оно трогает не книжностью слога, хотя по стилю чувствуется, что писавший вещие строки домой из окопа есть человек грамотный, очень и очень молодой человек, крепкий духом, энергичный и со свойственным юношескому возрасту максимализмом.

«31.3.43.

«Дорогие!

Получил ваше письмо от 3 марта. На 21 месяце войны нельзя так беспокоиться о судьбе своих сыновей. Надо приучить себя к мысли, что в этой великой войне во имя спасения нашей родины многие из лучших сынов ее кладут голову.

Нельзя знать, где и когда настигнет тебя смерть, но лучше об этом не думать (мы уже целиком прониклись этой мыслью,— она нам облегчает борьбу, и в тяжкие минуты она вливает в нас те сопротивляемость и ожесточение против фашистской сволочи, которые вызволяют из беды).

Единственное желание — если придется погибнуть, чтобы вокруг тебя лежал десяток трупов мерзавцев (для этого я никогда не расстаюсь с автоматом)».

В этой главе мы еще расскажем о событиях 1941–43 годов в городе и на территории района в хроникальном порядке, а сейчас посвятим несколько строк фронтовой работе врачей, медсестер, санитаров, о коих поведано пока все еще мало иль скучо.

Неплохо информированные о том, что с нами происходит, мы кое-что знаем и о так называемой «Клятве Гиппократа». И это замечательно, но вот о том, что медработник всегда помнит о живых, призывает их к благородству всем образом своей личной жизни, мы знаем мало. Во всяком случае, не столь ревностно прислушиваемся к их голосу. Уж скоро двадцать лет тому, а все не оставляет память одна деталька из письма в белевскую школу №4 участницы войны медицинской сестры госпиталя Анны Даниловны Горбачевой. Как магнитная вспышка молнии резанула сознание мое фраза из письма на третьей страничке, где, в частности, сообщалось, что во время авианалета фашистских стервятников одна из сброшенных на Белев бомб, возможно, не взорвалась: «...Или она была бомбой замедленного действия и взорвалась после, или она и сейчас покоятся в своей земляной колыбели. Эта мысль, которая пришла мне в голову только теперь, и заставила меня написать вам это письмо... Не мешало бы пригласить из военкомата саперов и пусть бы они поискали ее там — в правом углу ограды: на всякий случай!»

Это трогательное письмо школьникам бывшей фронтовички следовало бы опубликовать полностью, настолько оно значимое для нашего времени, для поколения, перешагнувшего тысячелетний рубеж. Но — увы! — не позволяют сделать это без ограничений объемы книги. И все же выделим примечательное, что вносит в характеристику ситуации в Белеве в далеком и военном 41-м.

«Вспомнились мне дни и ночи, пережитые в стенах вашей школы (Белевской школы №24, МПС.— Прим. автора), о чем и захотелось вам рассказать.

Наша травматологическая группа в составе 5 человек — ведущего хирурга, двух старших операционных сестер, одной из которых была я, младшей хирургической сестры и санитарки из 30-й роты медицинского усиления, в срочном порядке прибыла поздно вечером, 5 июля 1942 года, в вашу школу. Надо отметить, что роты медицинского усиления — это были специализированные группы, придавались они армейским (полевым) госпиталям.

В школе уже работал какой-то госпиталь,— я так впоследствии и не выяснила его номер и какой он армии. Школа и весь ее обширный двор, как я убедилась на следующий день, до отказа были заполнены ранеными бойцами и офицерами,— они лежали на носилках и прямо на соломе в коридорах, классных комнатах, во дворе.

От раненых нам стало известно, что наше командование предприняло контрнаступление против гитлеровцев, занимавших выгодные позиции в деревнях Анновка и Зайцево. Но наступление это оказалось неудачным для нас: в период длительной обороны на Тульском участке фронта фашисты сильно закрепились и вооружились, встретили нашу

атаку массированным огнем с земли и воздуха. В результате мы понесли здесь значительные потери...

...Работали всю ночь при коптилке, изготовленной из гильзы,— копоть от нее была в операционной такой, что на расстоянии 1,5—2 метров мы не различали друг друга. Коптилку держала в руках санитарка во время операции. Наутро мы перешли в общую операционную, развернутую в зале, где работали совместно с госпитальными медиками. Здесь было установлено шесть операционных столов и работало на них по 4 и 5 госпитальных хирургов со своими медсестрами и санитарами. Теперь здесь работал и наш хирург со своей медгруппой — Иван Иванович Щеглов.

А затем, утром очередного дня, случилось следующее. Мы зашли в столовую, чтобы позавтракать и заодно и поужинать, так сказать, за вчерашний день. Нам подали чистые тарелки. Не успели мы расположиться за столиком, как услышали гул самолетов. Я высказала предположение, что «летят наши!» (Я хорошо определяла по звуку фашистские самолеты, летавшие поодиночке: тогда они издавали такой вот звук: «Гу-у, гу-у!» Когда же они, то есть, бомбардировщики, летали группами, то одиночные звуки сливались в сплошной и тогда их можно было принять за своих).

Одна из медсестер возразила мне: «Вот всыплют сейчас, то будут «наши!» И действительно, только мы обменялись репликами, как завизжала первая бомба, за ней и вторая, затем и третья, а после было уже и не до счета.

На столе стали подпрыгивать пустые тарелки от взрывов, которые следовали один за другим. Молодость есть молодость, и мне стало любопытно: а что там, во дворе, что творится сейчас?

Я выскочила из столовой, перешагнула через носилки с ранеными в передней комнате и выбежала во двор, остановилась у двери центрального входа.

Сначала ничего не могла понять: откуда такая темень? — ведь сейчас солнечное утро! Вскоре увидела, как оседают вздыбленные взрывом глыбы земли и клубы пыли. И вот сквозь окошечко в этом облаке, которое все более увеличивалось, проглянул чудесный кусочек синего-синего неба. Таким вот синим видится оно, наверное, только космонавтам из иллюминатора космического корабля. На этом-то синем небе я и увидела трех «юнкерсов»; от брюха каждого из них как будто одновременно отделились гроздья черных «груш». Падая, эти зловещие «груши» разлетались причудливым веером в окружающем пространстве, все увеличиваясь по мере приближения к земле.

Самолеты летели прямо на школу, и поскольку в момент отрыва бомб они находились примерно в 350—400 метрах, то, разумеется, упасть

эти бомбы должны были именно на здание школы и в школьном дворе.

Одна из этих бомб летела, как мне тогда показалось, на меня. Я инстинктивно прижалась к земле там, где только что стояла, и стала ожидать своей участи, не упуская из поля зрения эту самую «свою» бомбу.

Как мне это увиделось, «моя» бомба упала внутри двора, где-то в ее правом углу (по отношению к главному входу!). Какое-то время я ждала взрыва, но взрыва не последовало. Множество бомб, которые падали теперь в беспорядке, взрывалось то тут, а «моя» — нет!»

Я как-то уже писал в своих статьях по существу сражения под Белевом, о боях на правом крыле Орловско-Курской битвы, об оккупации части Белевского района захватчиками вплоть до июля 1943 года. Причем подчеркивалось, что гитлеровцы подвергали Белев в течение полутора лет страшным по их масштабам авиационным бомбежкам. И все же город выстоял, победил разруху — горожане по кирпичику восстанавливали, насколько это было возможно, старину, хотя утрачено из архитектурных памятников немало. Фашисты не пощадили центральные улицы, подвергая их бомбовым ударам, три площади, станцию Белев и другие исторические постройки. Однако здания школ сохранились, и вот наша героиня-фронтовичка пишет не без потаенной радости за белевцев: «*К счастью, ни одна фашистская бомба не попала тогда в школьное здание и ни одна не взорвалась на школьном дворе...*»

Но вот о том, что в целом захватчик был беспощаден к городу, красноречиво говорят строки нашей очевидицы Анны Даниловны Горбачевой.

«...Как я написала выше, в нашей походной операционной, размещенной в зале школы, было шесть операционных столов. Работа шла по конвейеру: заканчивая операции на первых 3-х столах, хирурги сразу же переходили к другим трем столам. Работа не прекращалась ни на минуту и днем, и ночью, и под непрерывный, душераздирающий вой авиа-бомб, их разрывы где-то рядом.

Если бы тогда кто-нибудь посмотрел со стороны на нашу работу, то сказал бы, наверное, что мы не имеем души,— ибо внешне мы никак не реагировали на кошмар за стенами школьного здания: порой казалось, что вместе с землей вздыбится от взрыва и сама школа.

Но это было только внешне. Наше спокойствие определялось огромным чувством ответственности за судьбу раненых, поступивших к нам в операционную, и за тысячи тех, которых — потенциально! — мы обязаны были спасти. Вот почему каждый медик, невзирая на опасность для личной жизни, четко и ответственно, в совершенстве исполнял свое дело.

К этому следовало бы добавить и следующее. За все 5 дней беспрерывных бомбежек лишь одна госпитальная сестричка не выдержала напряжения — сорвалась в момент очередного авианалета и убежала во двор. Однако вскоре она пришла в себя, как говорится, опомнилась, и вернулась обратно. Ведь там, во дворе, оказалось еще страшнее быть одной под бомбами.

Суть в том, что когда находишься под открытым небом во время бомбометания, то тебе невольно кажется, что летящая вниз бомба не просто падает, а как бы ввинчивается с визгом и свистом именно в то место, где стоишь ты. И вот я в такие моменты мысленно молила судьбу: «Только бы сразу! Только бы наповал!»

Больше всего я боялась того, что здание рухнет и раздавит своей тяжестью меня, живую еще! По-видимому, к третьему дню работы в таких условиях напряжение в каждом из нас достигло своего предела. Наконец, доктору Полякову, квартира которого была через дорогу (квартировал у старушки), разрешили отдохнуть. Но как на зло авианалет усилился, и минут через пять доктор возвратился в операционную, а на вопрос, почему вернулся, заявил: «Не хочу умирать в одиночку, лучше здесь, вместе!»

А через трое суток работы нашей группы в целом также было позволено отдохнуть... 3 часа.

Квартира наша находилась по отношению к школе в третьем квартале. Пока бежали к дому, продолжался авианалет, и мы трижды останавливались, прячась от взрывов — то под козырьком какого-то кирпичного погреба, то плотно прижавшись к стене кирпичного дома. К тому времени город обезлюдел — пусто было и в нашем доме: жители спешно покинули Белев.

Попытка снять сапог — не тут-то было: от длительного стояния у операционных столов ноги отекли, распухли так, что, казалось, сапоги вросли в них. Оставив эту напрасную затею, мы замерство попадали кто куда, а я повалилась в поломанное кресло. Спали под грохотом бомбовой канонады, если можно так выразиться. Однако мы ничего не слышали. И через три часа нас разбудил посланный за нами санитар. Каждого из группы он тряс со всей силой за плечи (он был здоровенный парень!) — иначе бы было не добудиться.

И вот мы снова у операционных столов, и снова препротивно визжат и рвутся бомбы. Отчетливо вижу и сейчас такую картину: стою у операционного стола со стерильными инструментами и материалами и слежу за падением бомбы — прямо в домик напротив окна, в 200 метрах от школы — прямое попадание. Сперва подпрыгнула крыша, этак метра на два, затем разнесло, рванув, в разные стороны стены дома, и лишь после кровля снова осела, целая и невредимая, как бы спланировав, ут-

вердилась на прежнем месте, но только теперь уж на остаты стен, разрушенных взрывом.

Я быстренько укрыла инструменты простыней, так как сверху посыпалась штукатурка с пылью, и все мы скоренько отошли на время к глухой стене, подальше от окон, чтобы избежать осколочных поражений битым стеклом. Потом и еще два дня кряду дышался и сотрясался от бомбовых взрывов город Белев... Пять дней и шесть ночей изнурительной работы в условиях беспрерывных налетов вражеской авиации, наверное, до сих пор снятся всем медикам того госпиталя, расположенного в школе,— естественно, снятся тем, кто выжил, кому и теперь есть что рассказать о сражающемся Белеве».

«Идет война народная...» — эти слова из песни стали не только легендарными, но вещими, своеобразным знаком времени. О глубинах народности можно судить по письмам с фронта. Они являются уникальнейшей приметой эпохи. Сколько семей в городе и районе, столько и адресатов в действующих армиях страны. Пока был жив и сражался боец, он посыпал знаменитые фронтовые «треугольнички» в тыл: родителям, любимой, подруге, однокашнику...

А письма женщин-фронтовичек «...с войны»? Еще не известно, если вот взять и бросить на одну чашу весов все письма того времени, а на другую мемуарную литературу, то что перевесит? В одном уверен: если бы сумели люди материализовать окопную правду писем, то они, эти «треугольнички», оказались бы в этом случае во много раз тяжелее всего многотомья из написанного о войне и по поводу войны.

Так когда же война пришла и на территорию Белевского района? И каким образом?

Задолго до того часа, как ступить на белевскую землю захватчикам, как ворвалась страшная весть о вероломном нападении на Советский Союз фашистской Германии, в нашем городе, согласно мобилизационным предписаниям на случай войны, уже на второй день по ее объявлении был создан эвакогоспиталь 1866 во главе с начальником — Александром Александровичем Леонидовым. Ранее он возглавлял амбулаторию знаменитой белевской железнодорожной больницы. Причем, госпиталь формировался согласно все тому же «Предписанию» на случай войны, кадрами из Тульских областных медицинских учреждений самого разного профиля. Война грянула 22 июня, а уже 29 июня эвакогоспиталь 1866 был готов к приему раненых. И тотчас повеяло на улицах города всем тем, что приносит с собой это лихолетье, эта суровая година, именуемая войной. В первых числах июля, а точнее 4-го, поступили первые раненые — аж из-под города Минска, где шли тяжелые бои.

Тревога поселилась среди горожан. Обитатели Белева невольно взвирили на торопящихся в здания вновь открытых отделений госпиталя озабоченных медработников, толпами собирались у платформ станции, на перроне железнодорожного вокзала, куда прибывали составы с места жестоких боев.

Таким образом, каждый прибывающий к пакгаузу железнодорожного узла санитарный поезд становился предвестником грядущего лихолетья, символом свершившейся на глазах у всего человечества вселенской катастрофы.

В то же время здесь, в отделениях эвакогоспиталя, получили добрую закалку в качестве врачей и медсестер высокого профессионального уровня наши землячки: Ольга Сергеевна Филатова (Новикова), Вера Алексеевна Матвеева, Мария Петровна Федотова (Кузьмина), Анна Федосеевна Морозова, Клавдия Александровна Сальникова (Сенедяк), Дарья Васильевна Чернова, Прасковья Ивановна Иванова, Елена Ивановна Николаева.

Эвакогоспиталь 1866 действовал до октября 1941 года, пока не был дан приказ передислоцироваться глубоко в тыл и развернуть свою работу в г. Чапаевске. Закончился первый этап военного положения в Белеве и его районе.

Каково же было настроение людей в нашем kraе, оказавшихся в оккупации? Конечно же, были и малодушные, и переметнувшиеся на сторону врага по отчаянию, по нравственному упадку, но и по убеждениям, а в основном они приняли оккупацию как свалившееся на их голову зло. Нельзя исключить и того, что некоторые из обывателей поджидали «блестителей» нового, германского, порядка. Но вот что пишет в этом контексте сам захватчик, Гейнц Гудериан: «О настроениях, господствовавших среди русского населения, можно было, между прочим, судить по высказываниям одного старого царского генерала, с которым мне пришлось в те дни беседовать в Орле. Он сказал: «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны начать все сначала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины».

Во что это настроение выливалось в повседневности под фашистской пятой конкретно? Было и глухое сопротивление, было и активное содействие разрозненным подразделениям, конкретно бойцам, выходящим «к своим» из затянувшегося окружения, было участие в партизанском движении,— причем, как говорится, хотя и не поголовно, но «по зову сердца» — от пионера до пенсионера. Как умели и как могли. Вот

только малая часть того, что долгое время оставалось неизвестным. О характерном в нравственном облике белевичей в ту пору поведали нашему современнику корреспонденты ТАСС О. Московский и А. Сыроваткин в очерке «Гарнизон старой Величны». Очерк был опубликован в газете «Красная звезда» за 21 сентября 1976 года под рубрикой «Малоизвестные страницы войны». Полагаю, что было бы небезынтересно перенести на страницы нашей книги полностью этот очерк.

«Осень 1941 года. Огненный шквал грозно катился к Москве... Второй месяц вокруг Тулы грохотала канонада. Героически сражались с гитлеровцами защитники города. На линии огня непоколебимо стояли и солдаты, и рабочие. Молва о них разнеслась далеко, поднимала сотни и тысячи новых бойцов на борьбу с врагом.

Враг злобствовал, жестоко расправлялся с советскими людьми. Вот документы того времени:

«...Гитлеровские бандиты повесили 42 жителей в поселке Дубна, сожгли заживо 20 колхозников в деревне Прудная. В селе Алексеевка фашисты зверски замучили колхозника К. Н. Жетевского. Фашистские палачи поочередно отрубили у своей жертвы пальцы на руках и ногах и выкололи оба глаза... В деревне Колодезная фашисты без малейшего повода расстреляли 50 колхозников и колхозниц». (Из сообщения Совинформбюро 21.12.41 г.)

Но ничто не могло сломить советских патриотов. Не испугались фашистов и жители прифронтовой деревни Старая Велична.

В доме колхозника Петра Степановича Прасолова собрались люди. Вопрос один: как жить дальше? Все уже знают, что гитлеровцы-факельщики сожгли дотла соседнюю деревню Кожурово, что из деревни Темряни угнали в Германию молодежь.

Встал комсомольский вожак Коля Радюков, сказал:

— А дубенские-то колхозники вилами разогнали факельщиков...

Кто-то добавил, что в Контееве жители побили немцев их же оружием, что подрывают по ночам партизаны железнодорожную ветку...

— А мы разве хуже, постоять за себя не сможем? — выразил общую мысль Николай Радюков.

И сход постановил:

1. Создать штаб самообороны.

2. Мобилизовать все мужское население, способное носить оружие (кто уклонится от мобилизации, вопрос рассматривать по законам прифронтовой полосы).

3. Запретить собираться на ночь в одном доме по нескольку семей, спать только одетыми, соблюдать светомаскировку.

4. Держать самооборону вокруг Старой Величны круглосуточно.

В отряд записались все подростки и старики. Женщинам отказали. Пусть кормят ополченцев и за детишками смотрят. Одобрили.

— А чем воевать? Где взять вооружение?

— Оружие есть,— сказал Коля Радюков.

Еще осенью Николай Радюков и Василий Гаврильский — вчерашние школьники, когда фронт от Старой Величны откатился на восток, начали собирать на месте боя в лесу у деревни Темрянь винтовки, патроны...

«В нашу группу мы с Николаем Радюковым привлекли Ивана Прасолова. Вступили в нее моя сестра Поля, Дмитрий Ковалев, Илья Филатов, Леша Уваров. Добывали оружие, где могли. Появились ручные пулеметы, винтовки, противотанковые и ручные гранаты. Уже тогда мы учились обращаться с оружием и готовились дать отпор фашистам. Если не удастся отстоять Старую Величну, решили уйти в лес и создать партизанский отряд...» (Из воспоминаний Василия Гаврильского).

Деревня вооружилась внушительно. Конечно, против танков и регулярных частей она долго бы не выдержала. Это понимали все. Но дрались поклялись до последнего патрона. Начальником гарнизона избрали Николая Радюкова, заместителем — Василия Гаврильского, а начальником штаба — Ивана Прасолова. На западной окраине деревни, примыкающей к Оке, отрыли окопы, положили в них солому — для тепла. Установили пулеметы. Разложили в ячейках противотанковые и ручные гранаты. Один пулемет оставили при штабе. Пока было тихо, обучались владеть оружием. Руководил всем этим Николай Радюков.

«Коля Радюков до войны был гордостью школы в Старой Величне. Его избрали секретарем комсомольской организации. Учился он отлично и проявил себя хорошим организатором. Не по летам взрослый, собранный, решительный — он стал душой обороны». (Из воспоминаний А. Уварова и Д. Ковалева).

А фронт снова, теперь уже на запад, прошел мимо Старой Величны. За Окой, напротив Старой Величны, у деревни Фединское окопались битые фашистские вояки. Бой громыхал где-то рядом, но в Старой Величне не было наших войск. Гарнизону из молодых сельчан пришлось надеяться лишь на собственные силы.

Ночью, в мороз, занимали боевые позиции. С рассветом шли в деревню, оставляя в окопах лишь дозорных. Гитлеровцы, расположившиеся за Окой, пока вели себя спокойно.

Но как-то утром в штаб ворвался вестовой:

— Фашисты!

— В ружье! — подал команду Радюков.

Гитлеровцы в белых халатах, рассыпавшись по пойме Оки, цепью охватывали Старую Величну. Удалили винтовочные залпы и пулеметные очереди. Полетели гранаты. И фашисты не выдержали меткого огня, отошли, волоча за собой убитых и раненых.

Через три дня была новая атака. Вражеские снаряды кромсали сады и деревенские хаты. Жители укрылись в земляных погребах. Пулеметчикам пришлось чаще менять позиции, парням — поглубже зарываться в землю. Но как ни пытались фашисты прорваться, им это не удалось.

Но таяли и силы гарнизона. Появились убитые и раненые. Кончались патроны, гранаты. Тогда Николай Радюков послал связного к командованию Красной Армии с просьбой помочь боеприпасами. О другом не мечтал: время тяжелое, до них ли командованию. Но помочь пришла вовремя.

...Строй ополченцев Старой Величны с изумлением обходили два командира. Седоусые деды и совсем «зеленые» парни. Одет кто во что: дырявые отцовские кожухи, старые треухи, «разнокалиберные» валенки. Но зато у каждого красная звездочка на шапке, оружие за плечами.

Прошли командиры по позиции. Огневые точки оборудованы по всем правилам. И еще больше поразились они, когда на стол легла схема укреплений фашистов в деревне Фединское: траншеи, артиллерийские орудия, блиндажи.

А когда подошла в Старую Величну регулярная часть Красной Армии и заняла оборону по берегу Оки, Коля Радюков подписал свой последний приказ по гарнизону: старикам и подросткам сдать оружие и идти по домам, готовиться к первой военной весне, к посевной. Сам же Радюков, его товарищи Василий Гаврильский, братья Прасоловы, Илья Филатов, Дмитрий Ковалев и другие защитники деревни стали бойцами Красной Армии».

Что ж, читатель-скептик, заглянув в нашу историю, возможно, не без иронии и даже снисходительно пролистает страницы с рассказом московских журналистов о старовеличинском гарнизоне. Не исключаю, что и обычатель «местного масштаба» предостаточно поиронизирует на досуге по поводу изложенного в «Красной звезде». Бог им судья!

ШАГАМИ КРАСНЫХ БЕСПОЩАДНЫХ ПЯТИЛЕТОК

Белевич по природе своей — максималист, и у него всё — сверх меры. Работать, так до кровяных мозолей. Плясать — до упаду, пить — до дна, любить — до гроба, драться — насмерть, а если говорить «за жизнь» — так непременно «обо всей Рассее-матушке», радеть и радовать,— ему Вселенную подавай, на меньшее не согласен.

И вот в связи с этим качеством души, ума пытливого, повеяло буквально легендами о событиях двадцатых и тридцатых годов советского периода в драматичной истории Белева.

Первая половина двадцатых. Кому неизвестно, что это годы тревожные, переменчивые, без опоры и надежд, ибо всё вокруг зыбко. А в Белеве нет недостатка в горячих головах: загорелось мост через реку Оку переоснастить, да не как-нибудь, а фундаментально! И это в годину разрухи и во всем крайнего недостатка? Тут бы, как здесь говорят,— не до жиру, быть бы живу, ан нет, Совнархоз белевского уездного исполнкома принял решение изготовить металлические плашкоуты, так как старые, деревянные плашкоуты, то есть плоскодонные баржи, удерживающие настил многотонный, поизносился.

Как правило, два раза в год, на один-полтора месяца, сообщение города с селениями, расположенными по правому берегу Оки, прерывалось. В начале зимы мост разбирался, перекрытия настила укладывались на баржи и обе эти баржи отводились в устье впадающей в Оку небольшой речки Вырки «на зимовку». Проезд через реку возобновлялся по льду, когда лед достигал достаточной толщины. Весной, после спада талой воды, баржи выводились к месту установки моста. Укладывался настил, производилась отсыпка подъездных площадок, и — движение восстановливалось.

Но это в мирно-благополучное время, когда «отцы» города брали на себя и ответственность, и расходы. А тут, когда, как сказал поэт А. Блок, «...каждый раздет и разут», — вдруг этакое, фундаментальное, без гроша за душой? Но, однако, — знай наших!

«Голь на выдумки хитра», была бы удаль и голова на плечах. Для изготовления именно металлических плашкоутов рационализатор местного масштаба предложил использовать баки одного из бездействующих из-за Гражданской войны спиртовых заводов уезда.

К лету всё было согласовано, даже на губернском уровне, было решено распопрошить спиртзавод в д. Будоговищи — раклепать пять баков и из полученных таким нехитрым способом листов скроить и крепить заклепками две баржи с прямоугольными стенками, а затем уже на месте моста уложить громоздкий настил.

К работам были привлечены котельщики-железнодорожники. Руководить работами вызвался опытный строитель-техник, некий Урусовский — местная знаменитость по технической части. Он же подготовил проект сооружения.

Но дело застопорилось, как только пораскинули мозгами: ведь для доставки изготовленных металлических баков-плашкоутов надо же и специплатформу построить, — шутка ли, за тридцать километров, да на конной тяге, тащить из Будоговищ в Белев. А что если листы металлические доставить отдельно, а на месте изготовить? И так, и эдак — всё едино получалось очень и очень дорого.

Но земля ведь слухами полнится. Неведомыми путями дошли они и до жителей Будоговищ. И вызвался смекалистый самородок: нашел иной путь и способ доставки баков-плашкоутов к месту их установки. Его самого со всеми известными предосторожностями доставили в город — прямо к руководству Совнархоза.

Дозволение на эксперимент он тотчас получил, и уже через двое суток ценнейший груз грандиозной стройки швартовался в условленном месте нового причала, и, как писал местный журналист, «работа закипела!»

Чем подкупил смекалистый? Он прямо-таки огородил гениальным по простототе решения способом: их «сплавили» по воде в сопровождении пловцов из числа молодежи, поговаривали, комсомольцы местные вызвались на такое невиданное дело.

Мост был фундаментально обновлен, стал более устойчивым, — и без лишних затрат.

Война. Наконец-то в июле 43-го врага изгнали с территории Белевского района окончательно, очистив от недруга южные территории. Изгнанники стали понемногу возвращаться в родные места, где гитлеровцы похозяйничали в свое удовольствие, и «цивилизованно»: было

уничтожено всё из каменных строений, а о деревянных срубах и говорить не приходится.

С чего начинали вернувшиеся на пепелище? С землянок. В землянках разместилось 4000 семей колхозников. И тотчас начали действовать с прежним упорством 204 сельхозартели. То есть в каждом населенном пункте — свой колхоз.

Цивилизованно немчура поработала и в уничтожении на оккупированной земле всей живности. За что стал хвататься в глубокой скорби белевич в порушенном селе? Кинулся сколачивать деньги, чтобы коровенку захудалую купить, чтобы детишек голодных на ноги поднять? Да ничуть! — стали судить-рядить, как земельку вспахать, тяжкую на подъем от осколков, да как объегорить её, родимую, чтобы посеять хотя бы малость, хотя бы кроху. А чем её вспашешь, да ещё в прифронтовой полосе, когда фашистский стервятник, резвясь в небе, гоняется за каждой движущейся целью?

Смекалистые и тут обнаружились — не в тех же Будоговищах, но поблизости — в Железнице, в колхозе «Горняк». Хоть и пошатывало некоторых от недоедания, покачивало ветром в поле, однако в поголовном безлошадье вспахивали, — точнее сказать, вскапывали, потому что орудовали на пашне лопатами, вплоть до саперных, по-своему насаженных на самодельные ручки, — до 0,30 га при норме 0,04 га. Таким вот образом обработанные участки засевали рожью, опять-таки вручную, затем бороновали и сдавали учетчице под расписку: на проверку, ибо, не дай бог, некачественно заделаны семена, стыд и позор на всю округу. Таким образом, в первый год изгнания врага с родной земли, здесь было засеяно 179 га.

С высоты первого десятка лет нового тысячелетия, когда своя рубашка стала ближе к телу и общественное прилипает насмерть к рукам, и ловким и не очень ловким, а так себе, лишь бы хапнуть, всё то, что происходило на горестной земле в 43—45 годах, укладывается ли в здравый рассудок? Вот именно, в этом, а не в лукавых циников и лицемеров от природы своей, фарисейской, Россию «не понять». В этом, исходящем из недр глубоко национальных.

А между тем оперативные сводки о весенних работах изобиловали новообретенными терминами, и в том числе — «Ручная обработка полей». Кто они, достойные того, чтобы их имена навечно вписать в книгу подвигов? Молодые хлеборобы из колхоза «Горняк»: Ольга Никишина, Варвара Ермакова, Василий Бирюков, Дмитрий Ахрамеев, Василий Ретюнский, Алексей Ермаков, Степан Митин, Михаил Федин, Екатерина Гавrilova, Екатерина Мешкова, Александра Ермакова.

Что же, это горький по форме и героический по сути опыт остался незамеченным, как былинка в чистом поле? Примеру последовали другие,

и вышло с лопатами в поле, чтобы «пахать» и сеять — несколько тысяч в районе. Около 6 000 га было засеяно зерновыми культурами.

Лиха беда начало? В том-то и дело, что и в 1944 году, опять-таки вручную, было посевено 5 000 га яровых.

Но не поторопились ли мы с выводами? Ведь времена изменчиво, а мудрость народная превечна — «Цыплят по осени считают». И посчитали, собрав урожай вручную, дедовским методом, только не на дедушkinых десятинках, а на коллективных необъятных просторах — по 185 пудов с каждого га, усыпанных металлом страшных боев, где полегло свыше одиннадцати тысяч воинов. Уму непостижимо сие...

В колхозе «Пролетарская победа» и в колхозе «На страже», в звеньях Ксении Гусевой и Екатерины Назаровой, был собран урожай проса — по 33 центнера с гектара.

Стопудовый урожай зерновых вырастили в тот год звенья колхозов «Верный путь», «1 Мая», «Новое Ганьшино», «Новый мир».

На себя работали, работой каторжной изнуряя? И сейчас спроси старожила любого из прежних хозяйств, на кой же черт ломили за десятерых? На кого работали? — ответит скромно, но с достоинством: «На фронт».

В деревне Сныхово и по сей день стоит на окраине, на холмике, в резной ограде, памятник Ленину. История под стать нашему разговору о нравах Белева. Жили да были в селе, расположеннном на береговой осыпи Оки, подобно монастырям Белева, — в Сныхово. Время в коллектив — прислоняться. Объединились, назвались колхозом им. Владимира Ильича. Хорошо так поработали, слаженно, и слава о них пошла до самых высших начальников. Коллектив отличился на сельхозвыставке в столице. Премировали героев — машиной, а затем и большую сумму денег перечислили за заслуги перед социалистическим отечеством.

Вместе премию заработали, вместе и уселись судить-рядить, куда бы её половине да понадежнее определить. Придумали: на те деньги, всё одно нечаянные, употребить на памятник вождю революции. Сказано — сделано. Поставили. А тут и война вскорости. Едва уберегли от нечисти свое детище.

А как только поколотили супостата, все как один на бывшее поле брали высыпали пахать и сеять. Раздобыли на собственные деньги 250 кг картошки, посадили во взрыхленную лопатами землю, и вроде бы что ещё надо им, как здесь молвят, от Господа бога? Жди осени, а там и собирай урожай, откладывай на будущее семенной клубень. Не тут-то было: знай наших, белевских...

Едва проклонулись всходы, полеводы отламывали ростки и высаживали их на новые посевные площади — рассада своя, доморошенная. И поливали её, и окучивали, и земельку вручную рыхлили, словно не осталась за многие лета пропашная культура в грядке, а привередливый росток заморского цветка для царской оранжереи. Поглядеть, как это делается на самом деле в Белеве, в Сныховской артели по совместной обработке общественной земли, приезжали гости, сказывали, даже и из Москвы, представители ВДНХ.

А урожай? По 450 центнеров с га собирали на круг. А с тех участков, где высаживали так называемым Сныховским, то есть рассадным методом, — по 300 ц клубней с каждого га. Страйная автоколонна из военных грузовиков ушла в ту осень прямым назначением на фронт, в родную 61-ю армию, в окопы, — сражавшимся на Орловско-Курской дуге бойцам.

Это теперь, за обломенным от яств столом сидя, ловко сказки сказывать, а тогда не обошлось и без горечи. Не случайно же как притчу из уст в уста повторяли в пятидесятых о председателях колхозов, что они нередко, из райкомовских дверей выходя, хватались за половину груди прогнувшейся рукой, как раз напротив сердца...

Председатель здешнего колхоза в тот роковой год В. В. Чернов рассказывал:

«Помню, приезжает представитель из района. Спрашивает: «Не начинали зерновые косить?» — Да рано, отвечаю. Через недельку начнем.

А он мне: «Поздно будет!» и с на jaki мом: «Хлеб нужен фронту!» — но ведь это зерно не размелешь, зеленое.

Сушите или же придумайте ещё что-нибудь. Фронту же, не как-нибудь!»

Ну, значит, уехал. Что прикажешь предпринять? То-то. А в поле — посмотреть я сбежал ещё разок, ох и хорош же зреет. Вот уж удалось, так что надо. Собрал людей, рассказал, спрашиваю: что будем делать? Задумались...

А подумавши, говорят: «У каждого из нас есть зерно. Припасено. Не помногу. Но — хорошее. Если соберем все, может, и хватит? А?»

Ну вот так-то, значит, опросили всех, подсчитали, и вышло, что хватит. А тут сметливые возьми и предложи: «Послушайте, если на фронт, то не сподручнее ли сперва размолоть, а опосля и мукой-то свести на позиции «прямой наводкой». Надо же. А? Ну, народец, понимаешь ли...»

И что ж ты думаешь? Так и сделали! Куда как с добром получилось. Только вот меня на другой день — в район кличут. Доложил. Вот квитанции, говорю. Ведь меня собирались наказать по числу по первое. Ну,

стало быть, пронесло. Обошлось. Колхозникам ещё и благодарность от имени командования объявили. Бывает же! А вскорости и урожай благополучно убрали, серпами, чтобы ни одного колоска не оставить в поле...»

* * *

И всё-таки. Не очень страшно перед тяжестями бытия и предпогибельной силой злого рока, когда ты не один, когда — плечом к плечу. А если один на один?

В колхозе «1 Мая» Тататухинского сельсовета 68-летняя Аграфена Терентьевна Болотина весной 1944 года посеяла 45 га яровых культур — вручную,— и ведь одна же, Господи, одна. Скажите на милость, люди добрые, — ну откуда что тут бралось?

Семидесятичетырёхлетний крестьянин колхоза им. Ильи Кузьма Филипович Кузин засевал по 5 га в день при норме вручную — 2 га.

Территория Бакинского сельсовета вплоть до 43-го года оставалась под пятой немчуры. Отогнали прочь, как говаривали в то время в этих краях, отогнали куда подальше, к границе с Калужской областью, и вышли пахать и сеять. Копали землю лопатами — дотемна. Бригадир бригады Анна Егоровна Поленова, крестьянки — Феодора Петровна Петрушина и Елизавета Гавриловна Поленова выполняли нормы сева (немыслимо даже представить!) на тысячу процентов.

В Белевском уезде многое держалось на личной инициативе очарованных величием человека, красотой обывательской жизни. Многое держалось на умельцах и дерзновенно-страстной увлеченности неординарных натур, мыслявших нестандартно, а действовавших как генераторы и — вопреки устоявшимся правилам. Все это проявилось масштабно и рельефно в годы Красных беспощадных пятилеток. А были ли у этого массового самопожертвования предтечи? Генераторы духа? Поборники душевного самосожжения во имя отечественной корысти?

Долгое время в Белеве по ночам улицы освещались керосиновыми фонарями. Но с декабря 1913 года мрак помаленьку стал отодвигаться, в Белеве впервые вспыхнул свет электрической лампочки.

Откуда чудо света? Проект строительства электростанции был подан ещё в 1911 году энтузиастом-техником И. М. Чукановым. Илья Михайлович страстно желал видеть свой город благоустроенным.

К сожалению, скучость в решительный момент взяла верх над практичесностью здравомыслящих в Управе, и проект был отклонен: дескать, «свет электроламочек себе дороже станет».

Но свято место пусто не бывает — на смену Илье Михайловичу Чуканову явился новый энтузиаст, но уже российского масштаба: приехал из Москвы концессионер — инженер фирмы. Просил Думу профи-

нансировать по концессии на 50 или, как минимум, 25 лет строительство типовой электростанции. Отказали. Однако предложили продемонстрировать новшество. Инженер рискнул. Он упросил фирму выделить ему в кредит небольшой нефтяной движок, динамомотор в 20 лошадиных сил на 110 вольт, 15 пудов медной проволоки и 10 фонарей. Снял у одного гражданина в аренду сарай и установил в нем электростанцию-времянку. Помощников к нему набежало со всех дворов, лишь власти сохраняли стойческую выдержку.

С помощью обывателей появились на улицах Большой Козельской (К. Маркса), Калужской (Советской), Пушкинской столбы, а вскоре засветились и лампочки. Народ валом повалил поглазеть на чудо, но гласные отказали и на этот раз, сославшись на губернатора — не дал денег.

Незадачливый энтузиаст всеобщего благополучия погрузил свою аппаратуру в вагон и покинул город. Но короткая вспышка вольтовой дуги озарила умы скопидомов, и вскоре Дума вспомнила о местном умельце — Илье Михайловиче Чуканове, предоставила все проистекающие из обстоятельства дела полномочия, а он, в свою очередь, предложил теперь новый проект — электростанции мощностью 2 500 лошадиных сил, чтобы уж освещать, так все улицы любимого города.

Естественно, скучные и недалекие, власти предержащие стали пуще прежнего упираться, дескать, кому нужна эта машина — хлопот не оберешься, расходов уйма!

Но коренных белевичей не надо долго поджигать светлыми идеями, и вот в июле у горожан по займу нашли достаточную сумму — 40 000 руб. А благодаря дарованию умельца И. М. Чуканова электростанция за короткий срок, т. е. за четыре с половиной месяца, была установлена — и это была победа обывателя. (Впрочем, на заявленные 12 лош. сил белевичи в своем рвении не потянули, однако настояли на своем.)

Послевоенные пятилетки — как один день, и все с именем Сталина. Белев восстанавливался, напрягая последние силенки. Наверное, во всей области не сыскать такого гражданина из коренных, как белевич, который бы каждой клеточкой мозга осознал, что такое Сталинград в прицелах Великой Отечественной войны. И что такое Сталинград в руинах. Потому что отдельные двухэтажные здания, сожженные бомбёжками в кромешное лето 1942-го, сумели с горем пополам восстановить лишь к лету 1956 года. Столь значительными были разрушения, потому что особенно изощренно бомбил враг город Белев в июне 42-го — силами до 55 самолетов-бомбардировщиков.

И восстановили город, и в селах из землянок в добротные дома поселили попавших в беду.

И покатились с горы кувырком оттепели, словно ребячья радость по весне: ручьи. Оттепель — как сон, как утренний туман, но успели накудесничать немало чего. Нагреховодили. Было всё — подлинная химизация, но и химеризация тоже — была. Остановились, оглянулись: батюшки светы, вроде бы приближали как могли светлое будущее, хотели, как лучше, чтобы нынешнее поколение жило при коммунизме, но, однако, чего только не накуролесишь, когда Бог спит. Поняли, воочию убедились, до коммунизма — как до горизонта: чем ходче идешь к нему, темшибче он отодвигается — всё дальше и дальше от очерченной отметины старта.

1967 год. Ого! — целая эпоха позади. После смерти Сталина — всего-то два раза по семи лет. Взвесили, ахнули: всё, что было до разоблачителя культа, достойно кисти Шекспира, а далее — Салтыкова-Щедрина. Дважды не повторяется история. И — опять переучиваться: «Даешь стабильность!»

Важно, порешили, не фантазировать по поводу того, дескать, из какого оно рожна, изобилие-то это самое, сотворено и отkelь оно польётся потоком, а — вкалывать.

Ну, вкалывать нашему-то белевичу не в диковинку. И не в корысти дело. Был бы начальник по нраву. Чтоб за ним и в огонь, и в воду, а то можно и жизнь отдать.

В начале семидесятых, едва преодолели последствия оттепельного волонтаризма, в Белеве впрыглись, накрепко хомуты засупонив, в тяжеленный воз расстроенного хозяйства. Поняли и крестьяне, что целина — здесь, а не за морем. У кормила власти стали люди, презиравшие пустозвонство. Стало меньше лозунгов, разве что в заказных передовицах ортодоксальных газет. И сразу, с 1974 года начиная, концентрация сил: производительных, технологических, творческих.

Заседание бюро райкома партии, это уже не «проработка» и не «пропесочивание»; но и не производственная планерка иль пятиминутка в заводской «нарядной». Урок преподан: отгрохали животноводческий комплекс, «как у всех», с виду — загляденье, а недоделок — тьма. И ни поправить, ни снести до основания; до сего дня один и тот же изъян: чугунные плиты-монолиты настильного пола обрушаются в ангар — накопитель навоза вместе с животными.

Заседание бюро — это чистилище, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Здесь изгоняют прочь ротозеев и приспособленцев; здесь крутые нравы и требовательность невзирая на лица; здесь не либеральничают, а нерадивых и ловкачей загоняют в угол, строптивых — ломают об колено.

Белев 70-х. От напряжения у некоторых лопаются жилы. И все же воз пошел.

В 1970 году общий объем промышленной продукции по сравнению с 1965 годом составил 147 %. За счет чего, спрашивается? Увеличили количество работяг? Увеличили количество посевных площадей?

Нет, не угадали, ибо численность производственно-промышленного персонала в 1970 году к 1965 году составила — 104%.

А производительность труда? Она выразилась во внушительной цифре: 142 % к уровню её по состоянию на 1965 год.

Неубедительно? Что ж, обратимся к другим показателям, достаточнокрасноречивым.

Темпы роста общего объема продукции промышленности за 1965—1980 гг. выглядят следующим образом:

- к 1965 году — 100%,
- к 1971 году — 160,6%,
- к 1978 году — увеличение в 2 раза.

Итак, с 1968 по 1978 г.— это подъем духа, но без трескотни и фарисееких возваний. Прирост общего объема продукции за счет роста производительности труда составил:

- за 1976 — 1980 гг.— 68%,
- за 1980 г.— 80%.

То есть подъем духа реализовался в материальные ценности. Однако,— возразит скептик,— всё это понятия отвлеченные; предоставьте-ка мне, пожалуйста, то, что можно осязаемо ощутить на благополучии человека.

Извольте: темпы роста среднемесячной заработной платы промышленно-производственного персонала по предприятиям за 1976—1980 гг.

Вся промышленность:

- в 1976 г.— 91,6%,
- в 1978 г.— 118,6%,
- в 1980 г.— 104,3%.

Мебельная фабрика, которая пала под натиском реформ одним из первых промпредприятий, в 1978 году достигла наивысшего в районе на тот период рубежа: 172,3% в темпах роста среднемесячной зарплаты.

Какой ценой? Только ли ценой замены руководителя? За счет волового решения?

Здесь стали осуществлять комплексную программу перевооружения производства с перспективой, причем, пусть и не по всем цехам одновременно, но всё-таки производили замену на более совершенное оборудование. Исключительно стало уделяться внимание поставкам заготовок изделий с лучших деревообрабатывающих предприятий Украины.

Судите сами:

Фондоооруженность труда за 1976—1980 гг. у мебельщиков составила к уровню 1975 г.:

- 1976 г.— 100,4%,
- 1977 г.— 106,6%,
- 1980 г.— 100,6%.

В сельском хозяйстве, значительно подорванном хрущевскими нововведениями, которые ничем иным не были обоснованы, как только личным волевым решением в земледелии, обнаружились, с 1965 по 1976 год, запасы энергии, хотя настрой самих земледельцев был хуже среднего. Неверие в кремлевских вождей породило скептицизм, и крестьянин, бывший и без ограничений как бы «сам по себе и сам себе на уме», замкнулся, и даже здравым умом рожденные перемены воспринимал с циничной иронией: «Плетью обуха не перешить».

И всё же оплата труда колхозников составила: в 1975 году — 5 215 000 руб., в 1978-м — 6 058 000 руб.

Среднегодовая оплата труда:

- 1975 г.— 953 руб.,
- 1978 г.— 1397 руб.,
- 1980 г.— 1469 руб.

Среднемесячная оплата труда колхозников и среднемесячная зарплата одного работника, занятого в сельскохозяйственном производстве, выразилась в следующих показателях:

— в среднем по развитию в районе колхозе им. Ленина в 1975 году она составила — 84 руб., в 1978 г., соответственно — 124 руб.

В совхозе «Западный», который самым первым рухнул под давлением реформ в небытие, в 1995 году среднемесячная зарплата составила:

в 1975 году — 100 руб., в 1978 году — 130 руб., а вот в 1980 году — 138 руб.

Значительно увеличилось строительство жилых зданий в колхозах и совхозах. Так, в хозяйстве среднего достатка, в колхозе им. Ленина, в 1971—1975 годах было введено в строй 58 кв. м полезной жилой площади, а в 1976—1980 — 316 кв.м.

В колхозе наиложнейшем и даже запущенном в предыдущие годы, в 1971—1975 г. было освоено 383 кв. м жилой полезной площади, а в 1976—1980 г.— 983 кв.м.

В районе в целом, по этим показателям, цифры выглядели так: 1884 кв. м и 6 436 кв. м жилья полезной площади.

Но какая сила материальная может сравниться с силой духа? Казалось бы, век прагматиков, время меркантильных запросов, цинизм и ничем не прикрытое фарисейство обжегшихся на молоке хрущевских свобод, и вдруг — в Белеве вновь водружен на прежнее место отличия выдающихся достижений — красно-трепетный флагок, со слабым отблеском пламенного знамени стахановского движения.

Нет, это даже в принципе далеко не стахановского движения блики; это всего лишь ристалище удальцов, где можно молодцу показать, на что годен. Особенно это проявилось в состязании умельцев среди трактористов. Состязаться в дарованиях — это же так естественно для неродинарных людей.

ОТ ПООКСКОГО КРАЯ – ДО ПОЛЯ СЛАВЫ

На почве социалистического реализма С. П. Бородин, как писатель, — древо не парниковое, но, однако, и не реликт ботанического сада. Он и его творчество принадлежат безраздельно эпохе, которая вобрала в своем становлении и развитии все трагические краски XX столетия.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

А. Блок.

Культуролог по своей стезе в драматичном времени, православный христианин в годы гонения на церковь, литератор, мыслящий историческими категориями, писатель по призванию, поэт, и больше поэт, владеющий мастерством пластической драматургии, государственник по духу и поборник всего отеческого — Сергей Петрович Бородин до конца дней своих оставался коренным белевичем.

И это последнее находило, соответственно, преломление в его художественном Слове, если вести речь о нем как о писателе в контексте Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Если в этом духе говорить предметно, то надо отметить, что в его романе «Дмитрий Донской» многое (если не все) пронизано лучами, отраженными в исторической памяти художника его малой Родиной.

И не в этом суть, что в романе упоминается несколько раз Белев. Совсем не в этом. А в том, что колорит повествования исполнен очарования поокских мест, поокских далей неоглядных, очарования всего Верховья Оки, Окского бассейна, или же, как говорили встарь,— Окорья. С чем это состояние можно сравнить? — разве что с обертонами яркого по сочности голоса оперного певца или с неосознанной тайной тончайших оттенков талантливой живописи.

Именно в этой связи Бородин достигает уникального, так называемого эффекта присутствия, что придает всему характеру повествования свойственное только ему, автору с Оки, звучание художественного слова. Отсюда неповторимость красок поокских говоров. Отсюда народность языка и главных героев, тем более исторических лиц и персонажей.

Однако укажем только на некоторые, особенно значимые в контексте нашего разговора о творчестве С. П. Бородина, фрагменты романа, в которых в определенной логической последовательности упоминается Белев — его родина.

В 12-й главе боярин Бренко говорит своему доверенному человеку, выполнявшему роль доглядчика и, как теперь говорят, мастера сыскных дел, Грише Капустину, посылая его в путь трудный, чтобы найти (изпод земли достать) некоего Кирилла — героя вымысленного, но центрального в романе, на котором в превосходной степени удерживается сюжет повествования.

«— С весны тебя не тревожил. Послужи, Гриша. Жывам достань. Надо спытать: как живым от стражи ушел? Как на великого князя гонца руку поднял? Какие злодейства ныне творит?

— Спытаю, Михайло Ондреич. У меня рука твердая.

— Зорок будь. Не в Рязань ли кинулся, не в Литву ль? Такой народ в Смоленск либо в Белев бежит...»

Собственно, почему в Смоленск или Белев? Потому что к тому времени, о котором повествует роман Бородина, на прежней территории государства Российского сосуществовали, попеременно нападая друг на друга, два великих княжества, Московское и Литовское. Причем оба выступали с притязаниями объединить раздробленные земли под одну могучую руку, с тем чтобы государство в Евразии было единственным и неделимым. А вот Смоленск и Белев как раз и находились в составе Литовского княжества. Существовало на редкость любопытное порубежье княжеств, и прежде всего так называемых Верховских, служивших Литве и Москве на обе стороны. Подобно клиньям граничили княжества с разным соподчинением на правах вассалов: и это прежде всего кня-

жества Белевское, Одоевское, Воротынское, Волконское, Мышагское, Карабчевское и так далее. Все они находились на землях, составлявших Верховье Оки.

Во второй части романа, в 18-й главе, любопытна сцена, когда в короткой беседе обмениваются планами житья-бытъя всё тот же вышеупомянутый Кирилл и его сопутник в скитальческой жизни Тимоша:

«— Куда же ты?

— Ведать не ведаю. В Белев, что ль?.. А чего?

— Да там, сказывают, Литва рядом. Овраг перешел и — прощай, Дмитрий Иванович, здравствуй Ольгерд Литвиныч!

— Ольгерд-то помер.

— Свято место не бывает пусто. Одного схоронят, другого найдут.»

В главе 41-й, озаглавленной «Воинство», находим более пространное известие о делах белевичей в ту драматическую пору, когда решалась судьба Родины, когда белевичи, несмотря на страх перед литовским князем, сателлитом Мамая, выступили на стороне Москвы, в составе ратей Дмитрия Ивановича, князя Московского.

«В полдень прибыл гонец с Оки: из Белева шла к Дмитрию дружина белевичей. Вел дружину скотобой Василий Брадин с сыном Максимом да внуками — Петром, Андреем, Михайлой и Александром. А с ним Федор Мигунов да белевские бочары, маслобои, шестьсот человек.

Дмитрий сказал гонцу:

— Не то дорого, что много вас, а то любо, что с литовских рубежей да по Рязанской земле идете. Скачи: велю, мол, на Москву не идти, а спуститься ниже по Оке, дожидаться нас в Коломне.»

Ниже следует в этом тексте следующее, в достаточной степени показательное, с акцентом на то, что Русь единится,— в одночасье сдвинулись с мертвой точки и возобладали в княжествах центростремительные силы: «Великие запасы сберегла Москва, чтоб прокормить всю силу, но ополчения пришли и со своим запасом. Когда Белевский гонец Петр Брадин по княжьему велению согласился поесть перед дорогой, от множества золов голова у него закружилась: звали и новгородцы к своим харчам, и суздальцы к своей трапезе, и ружане к своей еде, и можай к своему столу, и белозеры к Белозерской съти, и костромичи к яствам, и переславичи к рыбной снеди, и володимерцы к вареву, и москвики — к угощению.»

В главе 44-й, «Коломна», автор не преминул и еще раз упомянуть белевичей, и, разумеется, не из так называемого местечкового патриотизма, а в силу своей авторской заземленности и согласно следованию логике развития сюжета: сдвинулись навстречу объединительным силам

многие и многие литовские земли наперекор угрозам из литовского центра.

«Здесь, как в полном котле, уже кипели многие ополченья, ожидавшие Москву. Стояли сорок тысяч, пришедшие с Ольгердовичами: с Андреем да с Дмитрием. Подошел князь Федор Елецкой со своими полками да воевода князь Юрий Мещерский — со своими. Да великое число сошлось малых ратей — нижегородские купцы с посадов пришли, не спросясь своего князя, да белевичи, да, может и не осталось на Руси города, откуда хоть малое число не пришло бы. И еще иные шли торопясь...»

В письмах землякам-белевичам Сергей Петрович был не просто вдумчивым собеседником и талантливым рассказчиком. Он не столько предавался воспоминаниям, но оживлял давно минувшее и вовлекал в историю Белева, преображая ее, как бы творя ее с эффектом непосредственного участия в отгремевших над Окой событиях.

Он не вспоминал, он побуждал некие замечательные черты прежнего, былого и далекого генерировать в сознании людей, представителей нового поколения белевичей. Таким образом, он создавал эпоху в лицах. А она, эпоха ровесников века двадцатого, была чрезмерно насыщенной явлениями беспрецедентными. Явления и события проходили в его письмах перед глазами респондентов волна за волной: зримо, ощутимо и предметно осозаемо.

Давая наставления своим землякам-краеведам, Сергей Петрович советовал не замыкаться на изолированном, самодостаточном факте истории, а изучать этот факт в совокупности с происходящим в народе и со страной; советовал познавать опосредованно — по меньшей мере, а лучше всего — в тесной временной взаимосвязи; не вырывать из контекста общеобластной и общероссийской истории любой факт — вот то русло, которое он видел сам и которое предлагал краеведам.

Так, говоря об истории белевского театра, он советовал ставить в одну плоскость все последовательные события той эпохи, особенно беря период зарождения театра. Причем он просит изучить детали жизни и деятельности белевского градоначальника. При этом оперирует тем, что градоначальник, в свою очередь, сам по себе интересный для истории Белева человек.

Почему?.. А уже потому, пишет Сергей Петрович, что градоначальник встречал печальный поезд следовавший из Таганрога в столицу государыни Елизаветы Алексеевны в апреле-мае 1826 года, жены почившего в бозе накануне императора Александра I. Градоначальник — непосредственный участник всей церемонии отпевания умершей в Белеве государыни Елизаветы Алексеевны и сопровождения траурной процесии с ее гробом до границы с Калужской губернией.

Казалось бы, а при чем здесь все это, если речь о театре? О прекрасном?

А вот при сем при том... Он воспринимал жизнь как она есть, в совокупности, в нераздельности прекрасного и безобразного, однако художнически страстно, с открытым сердцем, с пытливым умом.

Как романист, Бородин исследует эпоху становления российской государственности в единстве и борьбе противоположностей. Он соединил в связи с этим несоединимое: он провел линии драматических взаимоотношений подлинного героя истории, князя Дмитрия Донского, и вымыщенного Кирилла — человека колоритного, бунтаря, сильного духом, свободолюбивого.

Кирилл, как представитель самого народа, человек среды того времени, искатель истины, сурово и неуклонно противостоит государю. И в то же время коллизии таковы, что он одновременно и сопутствует великому князю московскому в его деяниях.

Противореча, восставая, делая ошибку за ошибкой, попирая закон,вольно или невольно, Кирилл — весь со своими поступками в логической цепи исторических событий и свершений. Исторических!.. Вот что примечательно для Бородина-романиста. Для Бородина — автора исторических произведений.

Вот уж, воистину, по-пушкински: «Над вымыслом слезами обольюсь...» Бородин вместе с тем следует установившейся до него традиции исторического повествования, и дорога его светла, ибо художнический вымысел сродни общечеловеческой истории народов. А иначе что бы мы имели и что делали без Гомера, Шекспира? — в познании не самой истории, что глубоко важно, но познания самого себя в истории? Что бы ведали мы о состоянии души человека: Ахилла, Гектора, Карла Великого, Короля Лира, Наполеона и Кутузова?

А между тем Сергей Бородин — одним из первых в советское время поведал нам об образе отрока Андрея Рублева.

А чьими глазами в романе «Дмитрий Донской» мы увидели первые опыты в рисунке и в живописи Андрея Рублева? — Кирилла! Выдуманного героя, но с непридуманной, а художественно типичной жизнью во времени, в истории.

«Когда он утром проснулся и глянул с печи, мальчик быстро метнулся от стола и скрылся под одеялом.

— Любопытствуешь?

Андрей не откликался.

Кирилл полежал еще, думая о рисунке, прежде чем взглянуть на него. Потом слез и подошел к столу.

Сперва он хотел гневно кинуться к одеялу и вытащить грешника, но, всмотревшись, подивился: широкие простенки меж окнами были заполнены какими-то склоненными людьми, цветами и птицами.

Мальчик не успел дорисовать: оброненный уголек валялся на краю стола. Но окна, соединенные рисунком, сливались в широкий пояс вокруг всего терема, и верх словно висел в воздухе, приподнятый стеблями цветов и крыльями птиц.

— Да глянь-ко, какой ты мастер! — приласкал Кирилл Андрея.— Да ты откроися».

Исторические герои романа — не застывшие восковые фигуры, не типы, сошедшие со страниц «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Радуешься их удачам, с ними бьешься над проклятыми вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?», — и тебе больно за их нелепые просчеты, и ты в нервной дрожи трясишься, если им угрожает смерть.

...Пред нами образ митрополита Митяя. Палитра художника слова в обрисовке характера и всей фигуры этого человека светится красками веселого и какого-то очень здорового солнца,— если можно так о планете!

Из прочих исторических материалов и прочих источников мы многое знаем об этом человеке; и что его жизнь оборвалась при загадочных обстоятельствах — то же самое. И тем более образ Митяя в романе Бородина — это очень и очень притягательное существо. С первой строчки в главе о нем тебя, как читателя, так и подымает над реальной действительностью и подмывает перенестись в то время. Вот как пишет о нем, коротко и сочно, Бородин: «Книжник, красавец, жизнелюб, Митяй лишь после настойчивых уговоров Дмитрия принял постриг.»

Писателю Бородину не чужды редкие литературные приемы в воссоздании художественной правды образа, даже балаганно-ярмарочные краски.

Заглянем в главу 3-ю, «Москва». То есть в зачин. Сколько неподдельного юмора в короткой сценке — забавного, потешного, в духе скоморошьего, а в целом — неиссякаемо национального, и в то же время типичного для поведенческого характера в любом из народов.

Представим себе: московская уличка той поры. Дело происходит у терема князя Дмитрия Ивановича. Вот поглядела в окошко жена князя, удивилась:

«— Глянь-ко!»

Улица взбухла от весенней влаги и от недавних дождей. Люди ходили по узким деревянным мосткам, настланным близ стен. На мостках стоял татарин Бурхан...

...Народ шел и, обходя татарина, сступал с мостков в грязь, тотчас увязая в ней по щиколотку; идя по грязи, люди кланялись мордастому Бурхану...»

Нарисованная картинка, скажем прямо, простая. Но поворот вносит Михайло Ондреич Бренко, сподвижник Дмитрия Ивановича, человек княжьего терема-кремля. Как намозолил глаза ему этот доглядчик та-

тарский, как опостылел, и отчего же энергичному человеку, знающему толк в юморе, не поозорничать — соответственно, так сказать, предла- гаемым обстоятельствам. И он созорничал. Подозвал не менее озорного, чем он сам, здоровенного малого, великана московского, некоего Гришу, которого и подослал к Бурхану,— а тверд ли, дескать, на ногах-то этот самый привередливый и всему свету надоевший Бурхан.

И вот что произошло:

«Гриша вышел со двора и вдалеке перешел улицу.

Широко расставив руки, на тяжелых неповоротливых ногах, не спеша пошел он по мосткам к татарину.

А мурзе нравилось на город глядеть, нравилось от прохожих почет иметь. Завидев Гришу, Бурхан слегка скосил на него глаз и отвернулся: не мурзе же сворачивать, уступать дорогу.

- Нуко-ся! — сказал Гриша.
 - Чего нуко-ся? — покосился мурза.
 - Посторонись-кось.
 - Что, что?
 - Дайко-ся пройтить.
- Бурхан разгневался:
- Обезумел, холоп?
 - Чай холоп?

И Гриша слегка посторонил татарина... Чалма развилась змеей, Бурхан опрокинулся и, перевернувшись, влип в грязь посреди дороги.

Баскак не успел ещё вспомнить подходящих русских слов, как Гриша спрыгнул к нему в грязь, выдернул плеть из Бурхановых рук, оседлал Баскакову шею и потыкал мурзу всем лицом по уши в добрую дорожную грязь...

...Мурза еще не выплюнул глины, залепившей рот, а уж из велиокня- жеского терема выбежали пристава поднимать ордынского гостя:

— Батюшка, Бурхан Агуреевич, как же ж это ты обступился?»

Таких озорных картинок немало, и серьезное пересыпано у Бородина сказами, прибаутками, бывальщинами. В данном отрывке это что? Ша- лость? Площадная грубость?

У Бородина как романиста все здесь органично. И в этой связи напрашивается в порядке иллюстрации площадной юмор, гротесковость в обрисовке персонажей маленьких рассказов Пантелеимона Сергеевича Романова, земляка Бородина. Своеобразный литературный прием у Бородина и Романова — это как два сообщающихся сосуда.

Язык Бородина в «Дмитрии Донском» — от народных корней. Более того, от адресных корней — белевско-вятических; этот корневой язык замешан еще и на диалектах соседних губерний — Калужской и Орловской. Не случайно же, что Верховье Оки — это чудные литературные

места: творческое пространство гигантов духа и корифеев отечественной литературы: Левшина, Киреевских и Василия Андреевича Жуковского, Толстого и Тургенева.

В использовании говоров Бородин свободен, широк и поэтически талантлив, а талант подразумевает (что естественно) прежде всего безупречный литературный вкус.

Можно многое отыскать в тексте из характерного и примечательного для чисто белевского диалекта, но остановимся на одном примере.

Речь об одном слове — «огород», которое варьируется с гениальной легкостью в небольшом контексте.

В главе 35-й, «Цна», автор живописует прохождение суда, пишет, как «Дмитрий сел на крыльцо, а перед крыльцом во дворе сели бояре, стала стража, начался опрос».

Суть разбирательства заключалась в том, что молодой крестьянин, пришедший на реку Цну из рязанских земель на поселение, стал испытывать на себе притеснения со стороны здешних властей и так далее. В частности, у него стоят овцы посевы в огороде, на что он и «жалобился» (в тексте С. П. Бородина):

«...А вон Евсей зарится на мое поле. Я ж то поле разделял, оно нынче, как перина хорошая, он и уговаривал: отдан да отдан,— я мол, тут исконный, а ты, мол, рязан, тебя, мол, ветром сюды придуло.— Нет, говорю, не дам: покопай себе землю сам так, коли сил станет. А он мне горожу растворил да на овес моих же овец запустил...»

Что же ответчик? Какова его речь? А вот послушаем:

«— А видал он, как я его огород ломал? — но вдруг взгляд его скользнул по крыльцу, и он, потупившись, тихо договорил: — Очень уж обидно было, вот я и разгородил.»

Чудесно, не правда ли? — один говорит, что обидчик «горожу растворил», а ответчик молвит свое: «...вот я и раз-го-ро-дил».

Однако суд продолжается, и вокруг огородов по тяжбе следует такой разговор. Дело некоей Звонаревой вдовы, о потраве, «...а потравил ее огород,— поясняет автор романа,— сам пристав».

«Дмитрий Иванович спрашивает:

— ...А городьба-то добная ль?

— Да какая ж городьба при моем вдовстве.

Пристав опять ввернул:

— В судебнике речется: огород ставить около поля...»

Таким образом, еще в Судебнике, как своде законов того времени и, естественно, письменном источнике, участок под овощами значится как «огород». Но в соответственном речевом, диалектном преломлении слово произносится по-разному.

Во время суда к Дмитрию Ивановичу является гонец с дурным известием, настроение великого князя меняется в худшую сторону, и, стало быть, дело идет в ином русле.

«Дмитрий Иванович обращается к ответчику:

— Тогда ты, пристав, поставь вокруг ее овощей городьбу сам; чья скотина, тому и городить. А у кого скотины нет, тому городиться не от кого. Да чтоб огород был по твоему слову, как сам ей вычитывал,— по девять жердей меж двумя колами... А лук давно пора было с огорода собрать... А если городьбу худо поставишь, дам тебе плетей за нерадение.

На этом велел кончить суд до завтра.»

ОБЕССМЕРТИВШИЕ ИМЯ ТВОЕ, БЕЛЕВ (Факты, события, люди, предания)

В 1357 году митрополит Московский Алексий, направляясь в Золотую Орду для исцеления Тайдулы от глазной болезни, проезжал через Белев. Жители города приветливо встретили его, гостеприимно приняли. На прощание он сказал, что город будет преуспевать и стоять во веки веков.

С возникновением Белевского удельного княжества (XIV—XV вв.) дань платили на княжеский двор — медом пчелиным, а с присоединением Белева к Москве оброки, соответственно, уплачивались Москве. Примечательно в этой связи, что с XVI века в документах Белев стал упоминаться как «стоящий на бортне» («на дупле»). Однако впервые это название города (на бортне) отражено еще задолго до княжеского периода, и относится к XII—XIII вв.

(Из соч. И. Афремова).

Около 1360 года св. Митрополит Алексий утвердил раздел между Рязанской и Крутицкой епархиями (она же Сарская и Подонская), и отдал первой земли по левую, а второй — по правую сторону Дона.

Таким образом, Новосильское княжество с городами Новосилем, Белевом, Одоевом и Чернью отошли от Рязанской епархии к Крутицкой.

Спасо-Преображенский монастырь служил родовой усыпальницей белевских князей. На их гробах во второй половине XVII века была построена князем Юрием Солнцевым деревянная церковь во имя Великомученика Димитрия, а вместо нее (оной) в 1706 году построена по челобитной князя Семена Юрьевича Солнцева каменная церковь во имя Иоанна Предтечи. Из надгробных камней к XX столетию уцелели лишь

немногие, остальные заложены были в стену соборного храма при его построении.

С древнейших времен на Руси существовал обычай ставить на торговых площадях идолов-истуканов как покровителей торговли. С принятием христианства эта особенность сохранилась, и теперь здесь строили церкви, Никольские и Пятницкие.

До великого пожара 1719 года в Белеве насчитывалось более 30 церквей, не считая приделов и так называемых домовых церквей.

С 1674 года главным зиждителем всех каменных зданий Спасо-Преображенского монастыря был архимандрит Иов.

(Прибавление к «Тульским губернским ведомостям». №23, 1844 г.)

В этом же году «декабря 30 похоронен благочестивый вкладчик в монастырь Думный дворянин Парфений Павлович Сомов, с надгробным памятником-доской, заделанной в церковной стене».

В 1693 году — января 17, архимандрит Иов воздвиг каменным зданием новую теплую церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

(Церковный словарь — II; стр. 150)

В 1697 году он же выстроил над воротами монастыря каменный храм во имя святителя Алексия Митрополита,— рядом со зданием Духовного управления.

1625 год — основание Кресто-Воздвиженского женского монастыря.

В 1745 году «принесен в дар монастырю сему напрестольный крест со Святыми мощами, пожалованный царем Иоанном Алексеевичем окольничему Тимофею Борисовичу Юшкову (хранить за стеклом на налое)».

(Прибавление к «Т.Г.В.» №23, 1844 г.).

При западной стене храма «Воздвижения честного Креста Господня» открыта каменная плита с надписью: «1756 г. Мая 1-го преставися Белевского Крестовоздвиженского монастыря игуменья Прокла Степанова.

Судя по архитектуре монастыря и году кончины игумены Проклы, должно отнести обновление сего храма к ея времени».

(Там же).

1772 год — второй большой пожар в Белеве, сгорело около 70 домов; убытков сочтено на 10 000 руб.

1755 год – в связи с губернской реформой этого года началось развитие производств в городах и уездах, особенно в г. Алексине и Белеве.

1762 год – Третья подушная ревизия: в уезде – 203 селений; 12,5 тысячи мужского пола.

1763 год – 15 декабря сформирован Белевский 71-й пехотный полк из жителей города Белева и уезда: его включили в Украинский корпус.

1765 год – отобраны в казну монастырские крестьяне. За Белевским Спасо-Преображенским монастырем, в частности, согласно третьей ревизии числилось 2 329 душ мужского пола.

1764 год – согласно указу Крутицкой консистории, разработано Положение о духовных штатах: Белевская Жабынская пустынь вместе со многими подобными была упразднена: «...церковь ея оставлена приходскою, а другие по времени перевезены в село Петровское Одоевского уезда».

1768 год – «замечательное разливание реки Оки; во время больших снегов и дружной весны Ока разливается под Белевым верст на пять и более».

Там же: «восстановлен Крестовоздвиженский монастырь с положением его в третий класс...»

1766 год – «Восстановлена Жабынская пустынь...»

1770 год – «...в первой Турецкой войне Белевский полк упомянут при форсировании Буга, Днепра и осаде крепости Бендера...»

1776 год – Евангелие печатн. (1606 г.) перенесено из Шаровского монастыря в Белевскую Жабынскую пустынь.

1713 год – в дар Белевской Жабынской пустыни: «Евангелие напрестольное, окладное, Московской печати, 1703 года, верхняя доска покрыта посеребренной медью, обложена синим плисом, средник – Спас Вседержитель; по листам надпись: «1703 г. мая 11 дня построил сие Евангелие в Белевский уезд в Макариеву пустынь, что в кладезе-Жабынце, кодашевец Иван Астафьев сын Томилин». (Кодашевец – из слободы Кодашевской, занимавшейся церковными ремеслами).

– того же мая были пожертвованы им «напрестольный крест с мощами, сребро-позлащен, в нем частицы мощей святых: весом один фунт семьдесят пять золот» (по количеству святых мощей около ста)».

1706 год – «...при архимандрите Иове, Симеон Юрьев Солнцев-Засекин воздвиг каменным зданием, вместо береговой стены, больницу и на углу ея домовую церковь св. Иоанна Крестителя, на место деревянной церкви св. Дмитрия Солунского...»

1715 год – в дар Жабынской пустыни с надписью: «...сия книга окоихъ дань вкладу Белевскому уезду, в Жабынскую пустынь, в церковь Введения Пресвятой Богородицы и чудотворца Макария, царствующего града Москвы купеческого человека Данилы Евстафьевы Томилина». (Являлся братом кодашевца Ивана).

1712 год — Евангелие, 1681 г.: «Сию книгу дал вкладу городу Белеву посадский человек Дмитрий Онисим, в Макариевскую пустынь в церковь Пречистыя Богоматери».

1708 год — Указ об учреждении губерний, согласно которому Белев приписан к Киевской.

1717 год — Киевским губернатором, князем Голицыным, учреждена «годовая ярмонка во время праздника Успения...».

(Извлечение из «Тульских губернских ведомостей» за 1872 г.)

1719 год — сгорела дубовая крепость, а также церковь Дмитрия Солунского. В том же году Белев приписан к Белгородской губернии Орловской провинции.

(Извлечение из «Т.Г.В.» за 1844 г.)

«...В сенях паперти Спасо-Преображенского монастыря, на стене при входе в храм, каменная доска с монографическим письмом, указывающая место, где в 1718 году похоронен храмоздатель архимандрит Иовъ. Вечным монументом незабвенному и приснопамятному пастырю сему служат кругом все монастырские здания.»

(«Т.Г.В.» №82, 1872 г. П. Мартынов)

Там же напечатано: «О кладах Тульской губернии», стр. 637. Недавно крестьянин Белевского уезда продал одному моему знакомому в Белеве небольшой мешочек серебряных копеечек, с надписью: «Великий князь Иван (Грозный).»

О чаше водосвятной.

«Чаша водосвятная. Из низкопробного серебра; построена в 7150, а от Р. Х. в 1642 г. Чаша в виде полушиария, несколько вытянутого по направлению высоты; ширина верхнего края по диаметру 10 вершков, глубина чаши 4 вершка, с двух сторон проделаны рукоятки в виде двух массивных скоб. Подставка в виде цилиндра.

По верхнему краю чаши, вызолоченным и украшенном резным травчатым орнаментом, вырезана крупною славянскою вязью надпись, содержащая имена рода бояр Веригиных-Волконских, именно: «Лета 7150 году боярина Семенова жена Василевича Головани Ульяна Федоровна дала сию чашу... в монастырь Иоанна Предтечи по отце своем князе Федоре Юрьевиче Веригине Волконском и по матери своей княгини Марине...»

1801 год — большой пожар в Белеве.

1815 год — открыто Белевское духовное училище; помещалось в Белевском Спасо-Преображенском монастыре.

(«Т.Г.В.» №12, 1872 г.)

1822 год — «...в монастырской ограде поставлен пирамидальный каменный памятник по благословению преосвященного Дамаскина, архимандритом Стефанием наставнику его, архимандриту Киприану, скончавшемуся и погребенному здесь января 12 дня».

1872 год — «Тульские губернские ведомости» № 52. «Завырская слобода в Белеве». Петр Мартынов.

«Завырье при Годунове считалось дворцовым (дворцовая вотчина). По старым актам именовалась Беломестною слободою.

После Московского разорения, по примеру других дворцовых вотчин Завырье было дано в награду стольнику Федору Михайловичу Толочинову и думному дворянину Афанасию Ивановичу Прончищеву.»

1640 год — царь Михаил Федорович причислил в этом году Завырье к Белевскому посаду.

1644 год — предписание Белевскому воеводе Ждану Кондареву уничтожить межи... Колединские; то есть, те самые, которые, соответственно, были причислены в 1640 году в составе Завырья к посаду. Колединский Юрий отмежевывал именно земли посадских.

Василий Алексеевич ЛЕВШИН — писатель и ученый конца XVIII века

В 7 километрах от Белева в живописном месте находится село Темрянь. Оно принадлежало старинному роду Левшиных, издавна осевшему в этих краях. В XVI—XVII веках о них ходила поговорка: «Левшины из Белевщины».

В августе 1536 года на Белев напали крымские татары, но были отбиты белевцами во главе с воеводою Семеном Семеновичем, Левшиным.

В синодике темрянской церкви по этому случаю была такая запись: «Лета 704 месяца августа в 18 день погребеша тело убиенного на брани с Агаряны раба божия Даниила Семеновича Левшина, сына воеводы белевского Семена Семеновича, здесь в трапезе церкви Покрова Пресвятые Богородицы. Сего бо месяца придоша к Белеву татары Азовские и Гиреем ханом Калгою. Воевода Белевский Семен Семенович собра вси православные, детей боярских и иных людей и изыде на нечестивых и бысть сеча велия. И Богу помогающему одолели и побили нечестивых Агарян и Оки реки под Темрянью. Сын же воеводы юн бе и возгореся сердце его и нападе на самого Гирея, но убиен бысть от него. Воевода же возскорбе о чаде своем и потече сам на Гирея, гна его и достиже и уби ратною палицею».

(«Журнал политический, статистический
и географический», 1807, № 5, стр. 127).

После мужественного воеводы, давшего отпор врагу, Темрянь оставалась в его роду. С течением времени потомство его размножилось не только в Белевском уезде, но и в других уездах. Обосновалось оно и в Москве. В районе Пречистенки и Арбата в Левшином переулке была построена церковь по образцу Темрянской и называлась — церковь Покрова в Левшине.

По данным родословцев, русский дворянский род Левшиных идет от выехавшего «из немец» к великому князю Дмитрию Ивановичу (Дмитрию Донскому) в 1365 году Сцеволы Левенштейна, получившего русское прозвание — Сувола Левша. Один из потомков Сувола Левши — Семен Левший — в первой половине XVI века и был в Белеве воеводой.

В середине XVIII века воеводою в Белеве был полковник Алексей Денисьевич Левшин (1710—1772). У воеводы Левшина было 22 человека детей: 12 сыновей и 10 дочерей. Василий Алексеевич Левшин родился 6 (17) августа 1746 года в селе Темрянь, в возрасте 19 лет был определен на военную службу. Через 7 лет, в 1772 году, после смерти отца, вышел в отставку и жил в родовом поместье в Темряни, занимаясь хозяйством и литературной деятельностью.

В 1780—39 годах печатался в приложении к газете «Московские ведомости», в журнале «Экономический магазин»; принимал активное участие в журнале «Городская и деревенская библиотека». Он один из составителей журналов, выходивших в Москве.

К 1792 году им было издано не менее 15 книг, включавших в себя литературные, философские сочинения и переводы. Литературная и издательская деятельность В. А. Левшина тесно связана с историей русского просветительства XVIII века.

Именитейший литератор, он является членом и непременным секретарем Петербургского императорского вольного экономического общества. С 1806 года — член Итальянской академии наук в Неаполе.

Ввел в печатную литературу русский эпос в качестве исторического и художественного материала. Им опубликовано свыше 80 сочинений и 190 томов, в том числе драма «Торжество любви», «Словарь русской натуральной истории», «Всеобщее и полное домоводство», «Полная хозяйственная книга». Создано до 50 драматических произведений — оригинальных и переводных опер, драм, комедий.

Рукопись книги «Топографическое, историческое и камеральное описание Тульской губернии», написанная в 1803 году, была опубликована в наши дни, хранится в Центральном государственном архиве СССР и архиве Ленинградского отделения института истории. В этой работе подробно освещена история уездных городов Алексина и Белева.

В 1807 году, четыре года спустя после написания книги, вторая глава топографического описания В. А. Левшина под названием «Историчес-

кие, статистические и камеральные известия, относящиеся до Тульской губернии» опубликована в «Политическом, статистическом и географическом журнале».

Сборник «Русские сказки» издан в 1780—83 годах, переиздавался в последующие годы.

В конце 80-х и начале 90-х годов исследовал историю рода Левшиных. В 1791 году в Москве издана «Родословная книга благородных дворян Левшиных». В результате дополнительных генеалогических разысканий в 1812 году издана книга «Историческое сказание о выезде, военных подвигах благородных дворян Левшиных». Содержит подробную биографию В. А. Левшина. В последние годы жизни был в Белеве судьей. Умер 29 июля (10 августа) 1826 года.

После его смерти село Темрянь перешло к его внучке Екатерине Степановне Левшиной, вышедшей замуж за Владимира Соловцова. Сын Екатерины Степановны — Александр Владимирович Соловцов (1847—1923) был последним владельцем Темрянского родового гнезда Левшиных.

Сыновья Соловцова — Александр Александрович (1896—1957) и Анатолий Александрович (1898—1965) — одаренные музыканты. Анатолий Александрович окончил в 1931 году Московскую консерваторию, занимался преподавательской деятельностью. Член Союза композиторов с года его основания (1932).

Две младшие сестры В. А. Левшина, хотя сами не занимались литературой, оставили после себя потомство, которое проявило себя на этом поприще. Серафима Алексеевна была замужем за Богданом Михайловичем Броневским. Пять ее сыновей были причастны к литературе, и почти все оставили воспоминания. Из них наиболее известным был Владимир Богданович (1784—1835), морской писатель, автор известных «Записок морского офицера» и ряда других трудов.

Сын другой сестры, Ольги Алексеевны Афремовой, Иван Федорович Афремов (1794—1866) — замечательный тульский историк-краевед. «Историческое обозрение Тульской губернии» (М., 1850) — фундаментальный труд по истории тульского края.

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ — выдающийся русский поэт, создатель русского романтизма в литературе

В 70-х годах XVIII столетия, в эпоху войн между Россией и Турцией, крепостной крестьянин села Мишенского, находящегося в 3 километрах от Белева, отправился маркитантом на войну. Его барин Афанасий Иванович Бунин, владевший родовым поместьем, сказал, как бы в шутку, чтобы маркитант, возвратясь в Мишенское, привез ему из похода хо-

рошеньку турчанку. Маркитант воспринял шутку Афанасия Ивановича всерьез, вернулся в Мишенское из похода с двумя турчанками, взятыми в плен под Бендерами. «Это были девица Фатима и 16-летняя вдова Сальха, муж которой погиб в сражении. Фатима вскоре умерла, а Сальха стала в доме помещика няней при младших дочерях Бунина: Варваре и Екатерине. При крещении получила имя Елизаветы Дементьевны, впоследствии стала домоправительницей у Буиных.

Афанасий Иванович Бунин не на шутку увлекся Сальхой, и в результате их связи, длившейся много лет, 29 января 1783 года у него родился сын — будущий поэт Жуковский.

А незадолго перед этим Буины пережили тяжелое горе — у них в 1781 году во цвете лет умер их единственный сын, тогда студент Лейпцигского университета.

Марья Григорьевна Бунина очень горевала об утрате сына, не случайно поэтому приняла самое живейшее участие в судьбе новорожденного ребенка Сальхи. Мальчика усыновил бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский. Воспитанием мальчика Васи занялись сами Буины — Афанасий Иванович и Марья Григорьевна. Первые свои годы будущий великий поэт провел сперва в Мишенском, затем в Туле.

Учился в Тульском пансионе Х. Ф. Роде, в главном народном училище. После окончания Благородного пансиона при Московском университете весной 1802 года вернулся в Мишенское. Здесь была написана первая из самых замечательных элегий «Сельское кладбище». Элегия сделала Жуковского широко известным в литературном мире. В 1807 году получил приглашение редактировать «Вестник Европы». Редактировал в течение 3 лет, вплоть до 1810 года. К тому времени относится целый ряд произведений, составивших ему литературное имя. Это отрывок исторической повести «Вадим», сказка «Три пояса», повесть «Марьина роща» и первая часть его баллады «Двенадцать спящих дев», заимствованной из популярных тогда романов Шписа.

Через все творчество поэта проходит тема любви к Маше Протасовой. Но счастье семейное не состоялось, несмотря на то, что Василий Андреевич добивался, и очень настойчиво, руки Маши. Мать Маши, Екатерина Афанасьевна Протасова, нашла, что Жуковский связан по крови с Марией Андреевной в такой степени, что устав православной церкви делает немыслимым брак между ними.

Жуковский — участник войны 1812 года. Но в сражениях в качестве ополченца не участвовал, хотя был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени и чина штабс-капитана за отличие под Бородином и Красным.

Главной его заслугой стало не участие в сражениях, а создание литературного шедевра — стихотворения «Певец во стане русских воинов».

Став основателем романтического направления в русской литературе, Жуковский был прекрасным переводчиком, познакомил российских читателей с большим количеством произведений классиков зарубежной литературы. А. С. Пушкин считал Василия Андреевича Жуковского своим литературным учителем.

В последний раз посетил родные места в 1837 году. Сопровождал в поездке по России престолонаследника, то есть будущего царя Александра II, наставником которого был некоторое время. В этой поездке поэт побывал в Мишенском, Белеве, Туле.

Посещение оставило неизгладимый след в жизни поэта в России и за ее рубежами, нашло отражение в творчестве, дневниках и письмах.

**Замечательными деятелями культуры
первой половины XIX века были братья КИРЕЕВСКИЕ –
Петр Васильевич и Иван Васильевич**

Происходили из семьи столбовых дворян Белевского уезда. Родовое имение находилось в с. Долбино. Большой дом, окруженный садами, построенный во вкусе XVIII века, с мраморной внутренней облицовкой, стоял на высоком холме, у подошвы которого расстилались заливные луга реки Вырки. Дом сохранялся некоторое время еще после революции, но пришел в ветхость и был разобран крестьянами в середине 20-х годов.

Иван Васильевич КИРЕЕВСКИЙ родился 22 марта 1806 года в Москве. Уже 10 лет от роду прочитал лучшие произведения русской и французской литературы. К 12 годам хорошо знал немецкий язык.

В 1822 году Киреевские переехали в Москву (в 1817 году мать Киреевских вышла замуж за Елагина Алексея Андреевича).

В 1824 году поступил на службу в Московский архив иностранной коллегии. В 1830 году выехал за границу, а через 8 месяцев вернулся в Россию. В 1831 году получил разрешение издавать журнал «Европеец». Журнал был запрещен при подготовке второго номера по подозрению в политической пропаганде. Заступничество Жуковского предупредило высылку Киреевского из Москвы.

В 1852 год переезжает в с. Долбино. Славянофильский кружок задумал издавать журнал «Русская беседа», и Киреевский послал друзьям статью «О необходимости и возможности новых начал для философии». Это по сути дела было вступление к изложению собственной системы, но предложение осталось ненаписанным, так как 13 июня 1856 года Киреевский умер.

Петр Васильевич КИРЕЕВСКИЙ родился 11 января 1808 года в с. Долбино. Наиболее светлые и яркие воспоминания о детстве и отрочестве у Киреевского связаны с народными традициями и обычаями, которые неизменно проникали в дворянский быт того времени.

Село Долбино было известно как центр культуры, где проводились народные гулянья и ярмарки. Петр Киреевский изучил 7 иностранных языков, на которых писал и говорил. Для пополнения своего образования ездил за границу, где слушал лекции знаменитых германских философов. По возвращении из-за рубежа в 1832 году должен был поступить на службу. При содействии Жуковского был принят в Московский архив Министерства иностранных дел.

Работа в архиве, собирание народных песен, литературные занятия, в том числе переводы Шекспира, Кальдерона свидетельствовали о многосторонности интересов Петра Васильевича.

Умер П. В. Киреевский 25 октября 1856 года. Похоронен рядом с могилой брата в Оптиной пустыни.

Киреевский собрал более 10 тысяч песен, однако в тяжелых условиях цензуры была напечатана только 31 песня. Издание полного собрания песен в 10 выпусках появилось уже после смерти Киреевского в 1860–1874 гг.

Петр Васильевич отдал немало сил изучению художественной культуры народа, создал замечательное собрание произведений народной поэзии.

В конце 1850 года с. Долбино посетил **Николай Васильевич ГОЛЬ**, предпринявший путешествие по России по пути к своей матери на Украину.

В 1829 году Белев посетил **Александр Сергеевич ПУШКИН**, хорошо знавший произведения Левшина, фольклорные собрания П. Киреевского. Знаменитое «Путешествие в Арзрум» начинается такой строкой: «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел...»

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ родился в г. Орле, однако некоторые факты из жизни и творчества имеют отношение к тульскому краю. В частности, с тульским краем связана часть рассказов из цикла «Записки охотника»; в Белевском уезде писатель встретил русскую девушку Лукерью, образ которой раскрыт в рассказе «Живые мозги».

Трижды бывал в Белеве **Лев Николаевич ТОЛСТОЙ**.

В 1881 году он совершил путешествие из Ясной Поляны в Оптину пустынь. Путь его пролегал через Крапивну, Ченцово Дворы, Манаенки,

Белев. В белевском трактире Лев Николаевич пробыл несколько часов. Пил чай за одним столом с крестьянами, интересовался их жизнью. Свои наблюдения, фрагменты разговоров с крестьянами и употребляемые ими народные выражения писатель заносил в записную книжку.

В 1889 году писатель решил съездить в Белев и навестить сестру Марии Николаевну, жившую зимой 1889—90 гг. в Крестовоздвиженском монастыре в г. Белеве.

28 октября Толстой тайно покинул Ясную Поляну. Он отправился на станцию Щекино в сопровождении врача Маковицкого. Они взяли билеты на Козельск, а в Горбачеве пересели на товарно-пассажирский поезд. «...На станции Белев Лев Николаевич вышел из вагона,— вспоминает Маковицкий,— вошел в буфет второго класса, где и победал».

В с. Троицком Белевского уезда, ныне Арсеньевский район, родился представитель критического реализма в музыке, создатель опер «Русалка», «Каменный гость», ряда уникальных романсов, фортепианных и вокальных произведений **Александр Сергеевич ДАРГОМЫЖСКИЙ**.

Иван Федорович АФРЕМОВ — историк-краевед

Родился в селе Сальница Белевского уезда (ныне — Чернский район).

С начала 20-х годов XIX столетия регулярно печатал очерки по истории, экономике, географии тульского края. В 1850 году опубликован главный труд Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии», в котором был собран огромный фактический материал по истории тульского края. Книга Афремова была издана на средства автора в Москве. Но в продажу книга не поступила. Цензор предложил убрать титульный лист книги, поскольку эпиграфом на нем стояли слова Белинского. Сделать это Афремов отказался. И только в 1856 году ему разрешили выпустить книгу. Вырученные от продажи деньги были переданы Афремовым на нужды просвещения.

В 1844 году в «Тульских губернских ведомостях» опубликована крупная работа Афремова: «Краткое историческое описание города Белева с уездом его». В ней он широко использовал общеисторические труды Н. М. Карамзина, Г. Рычкова и др.

Вслед за В. А. Левшиным он попытался на современном ему уровне историографии ответить на вопрос о первом упоминании города Белева в летописях.

Ведущим методом изучения белевского края, как и в целом тульского, явилось исследование истории его в прочной взаимосвязи с историей всего государства.

В галерее замечательных людей белевского края занимает достойное место **Михаил Федорович Бурцев**, священник Воскресенской церкви города, краевед, общественный деятель, литератор и публицист.

Родился 8 июля 1842 года в селе Барятине Богородицкого уезда Тульской губернии в семье священника. Окончил Тульское духовное училище, Тульскую духовную семинарию.

Правление семинарии предлагало ему отправиться за казенный счет продолжать образование в духовной академии, но он отказался от этого заманчивого предложения, и с июня 1865 года и до последнего своего часа служил священником в Белеве (см. «Тульские епархиальные ведомости», № 10 от 8 марта 1906 г., стр. 196).

Внес крупный вклад в просвещение нашего края. Был директором уездной библиотеки. По его настоянию в Белеве открыто Белевское епархиальное женское училище — в 1900 году. Именно по его предложению Тульский епархиальный съезд в октябре 1899 года под помещение училища решил приобрести дом купцов Сорокиных. («Тульские епархиальные ведомости», № 3 от 1 февраля 1900 г., с. 134—135). Долгие годы он был председателем совета Белевского женского епархиального училища.

Отмечая заслуги Михаила Федоровича в развитии народного образования, совет установил в рекреационном зале училища его портрет и учредил стипендию его имени для воспитанниц (там же).

Занимался литературным трудом и был известен далеко за пределами Тульской губернии своими очерками и повестями: «Владиславлев», «Монашеские деньги впрок не пошли». Публиковал в «Тульских епархиальных ведомостях» статьи по истории церквей Тульской и Белевской епархии.

Немало сил отдал разработке темы краеведения,— «О древности существования города Белева». Первым обратился к топонимике в изучении истории белевского края.

Некоторые выводы на основе топонимики были положительно восприняты исследователями белевского края, историками.

С Белевом связаны жизнь и творчество блистательного рассказчика 20-х годов нынешнего столетия, романиста **Пантелеимона Сергеевича РОМАНОВА**.

П. С. РОМАНОВ родился в мелкопоместной дворянской семье, учился в Белевском ремесленном училище им. В. А. Жуковского, затем в Тульской гимназии.

Окрестности Белева и Тулы отражены в повестях «Детство» и «Русская душа», в рассказе «Свой человек».

В истории нашей родины особое место занимает подвиг декабристов. В славной их когорте и белевцы — **братья Алексей Иванович и Петр Иванович ЧЕРКАСОВЫ**.

Алексей Иванович ЧЕРКАСОВ родился 15 ноября 1799 года в селе Володькове (Волотково) Белевского уезда Тульской губернии в семье богатого помещика, секунд-майора Ивана Петровича Черкасова.

Воспитывался в доме отца, затем — в Московском университете пансионе. В доме Чекасовых не раз гостил поэт Василий Андреевич Жуковский.

После окончания пансиона будущий декабрист поступает в широко известную в то время Муравьевскую школу колонновожатых с зачислением в свиту по квартирмейстерской части. В ноябре 1817 года после успешного экзамена выпущен прапорщиком. Службу проходил в разных воинских частях. В 1823 году получил чин поручика и орден Св. Анны 4-й степени.

В конце 1824 года вступил в Южное тайное общество, вел пропаганду среди офицеров своего полка. Арестован по месту службы во 2-й армии 2 января 1826 года и из Тульчина доставлен в Петербург жандармскимunter-офицером Любенко; помещен в Петропавловскую крепость.

10 июля 1826 года А. И. Чекасов осужден по VII разряду и приговорен к двум годам каторжных работ, затем срок был сокращен до одного года. Из Петропавловской крепости отправлен в Сибирь, в Читинский острог.

По отбытии каторжного срока, в апреле 1828 года, Чекасов переведен на поселение в город Березов Тобольской губернии, а 25 ноября 1832 года последовало разрешение на перевод в Ялуторовск.

В 1837 году царь направил А. И. Чекасова на Кавказ, под пули горцев. А до этого, в июне 1837 года, Василий Андреевич Жуковский, сопровождавший наследника престола, будущего императора Александра II, во время пребывания в Ялуторовске обратил его внимание на своего земляка, которого знал еще мальчишкой, и постарался вызвать сочувствие к нему у престолонаследника.

Более того, в письме, отправленном с дороги императрице, поэт Жуковский описывал бедственное положение декабристов, лишенных элементарной медицинской помощи, и обстановку, в которой они находились, просил милости к Чекасову. «Милостью» оказался перевод на Кавказ.

В августе 1838 года А. И. Чекасов произведен вunter-офицеры и 3 мая 1839 года переведен в Кабардинский егерский полк. Летом 1841 года, находясь в Пятигорске, познакомился с М. Ю. Лермонтовым. В

1842 году за проявленную храбрость награжден солдатским Георгиевским крестом и произведен в прапорщики.

В конце января 1843 года уволен со службы без права выезда за пределы Белевского уезда. Но ему было разрешено отлучиться из имения мачехи Пелагеи Андреевны Полонской в Володьково, где он жил под строгим надзором полиции, в соседнюю Орловскую губернию.

Там он купил себе имение, а позднее получил право выезжать и в другие губернии для управления делами мачехи и ее детей. В феврале 1851 года ему разрешен приезд в Москву.

Проживая в Володькове, Алексей Иванович поддерживал дружеские отношения с братьями Киреевскими и их матерью **Авдотьей Петровной ЕЛАГИНОЙ**, владевшей имением в с. Петрищево, содержавшей в Москве литературный салон, где бывали Пушкин, Крылов, Гоголь и другие выдающиеся люди современности. Другом семьи Елагиных был декабрист Гавриил Степанович Батеньков, чей прах покоялся в Петрищево — на белевской земле.

Под влиянием Петра Киреевского, знаменитого собирателя русских народных песен, проживавшего в то время в Орловской губернии, Алексей Иванович Черкасов занялся сбором песен.

Умер А. И. Черкасов в Москве в конце апреля 1855 года, как пишет об этом декабрист Розен. Но сведений о его могиле в Москве не имеется. В трудах Тульской губернской ученой архивной комиссии об этом также нет сведений.

Петр Иванович ЧЕРКАСОВ, брат Алексея Ивановича, родился 22 сентября 1796 года. С ним, бароном, поручиком, адъютантом генерала Бороздина, судьба обошлась более благосклонно. Он подозревался в принадлежности к тайным обществам, был арестован, но из-за недоказанности обвинения по высочайшему повелению освобожден с оправдательным атtestатом.

Выйдя в отставку в звании полковника, Петр Иванович Черкасов поселился в Володькове Белевского уезда, в родовом имении, умер 12 февраля 1867 года. Похоронен на кладбище в Жабыни (Белевская Свято-Введенская Макарievская Жабынская пустынь).

Гавриил Степанович БАТЕНЬКОВ (1793–1863) – декабрист, подполковник корпуса инженерных путей сообщения. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Член Северного общества. Осужден на 20 лет каторги. С 1846 года – на поселении в Томске.

После окончания сибирской ссылки путь Гавриила Степановича пролег в Белев, где ждала его семья покойного друга – Алексея Андреевича Елагина. Семья всячески поддерживала его, находившегося в

ссылке, и в целом принимала в его судьбе большое участие. Прибыл в Белев в конце ноября 1856 года. Поселился в имении Елагиных в с. Петрищеве Белевского уезда.

Г. С. Батеньков — человек поистине энциклопедических знаний. Живя некоторое время в Калуге, принимал самое активное участие в работе губернского статистического комитета, занимался вопросами благоустройства, торговли, общественного питания, водоснабжения, заботами целого слоя ремесленников, службой полиции, а кроме того — вопросами градостроительства, архитектуры. Вел переписку делового и дружественного характера. Переводил с нескольких языков книги по философии, административным, юридическим, педагогическим, статистическим вопросам, по политэкономии, по крестьянскому вопросу и железнодорожного строительства.

Скончался 29 октября 1863 года в Калуге. Выполняя волю покойного, Авдотья Петровна Елагина (мать братьев Киреевских — Ивана Васильевича и Петра Васильевича) перевезла его тело в Петрищево и похоронила у ограды церкви рядом с могилой друга его молодости — Алексея Андреевича Елагина. Рядом с ними была погребена и сама Авдотья Петровна Елагина.

Большое значение в культурной жизни Белева играл театр. В первой половине 1834 года опустошительный пожар уничтожил большинство зданий Тулы, не пощадив и здание губернского театра. Содержатель труппы тульских актеров И. Турчанинов, ссылаясь на создавшееся положение, обратился к военному губернатору города с просьбой разрешить гастроли в Белеве.

В середине августа в специально переоборудованном для театра здании, а оно находилось в центре Белева, близ Нижней площади (ныне это площадь Революции), собрались празднично одетые горожане, наградившие артистов горячими аплодисментами за показанные водевили. Всего в этом году было сыграно: 4 оперы, драма, трагедия, 26 комедий и водевилей.

Во второй половине августа 1835 года труппа Турчанинова вновь выехала в Белев на гастроли, продолжавшиеся до октября. Репертуар был показан оперой-водевилем «Женщина-лунатик», драмой «Невеста разбойника» и т. д.

В 1836 году на сцене Белевского театра выступала и калужская труппа. Была поставлена комедия Н. В. Гоголя «Ревизор».

«Ревизор», поставленный в Белеве через четыре месяца и 10 дней после его представления на сцене Александринского и через три месяца — Малого театров, белевским зрителям стал известен раньше, чем калужанам и тулякам. Не исключено, что именно Белев оказался первым

вым уездным городом России, на сцене которого нашла свое воплощение гоголевская комедия.

В январе 1902 года в Белеве играла украинская труппа под управлением Португалова. Гости дали 8 спектаклей. Репертуар составили: пьесы «Катерина», «Тарас Бульба» и некоторые другие. Весной 1907 года в Белеве работало товарищество русских драматических артистов под руководством Баянова.

Летом 1919 года по предложению первого редактора газеты «Белевский пролетарий» Д. Г. Джулина бывший артист Московского театра (временно находившийся в Белеве в доме отца, так как столичные театры испытывали всяческие затруднения в связи с Гражданской войной и разрухой) Николай Николаевич Сабинин, сын богатого купца, приступил к созданию городской труппы. Помогал ему Ростяков — руководитель украинской труппы. В состав труппы вошли местные любители сцены. Театру было присвоено наименование «Белевский народно-художественный театр». В распоряжение театра был предоставлен клуб им. Карла Маркса (ныне это Дом культуры). Из спектаклей имели неизменный успех «Бесприданница», «Мещане», «Чайка».

Звание народного театра было присвоено Белевскому драматическому кружку в 1959 году.

В Белеве родился и учился в Белевском реальном училище им. В. А. Жуковского крупнейший писатель **Сергей Петрович БОРОДИН** (25.09.1902—1974). Был активным участником пролеткульта, печатался в «Белевском пролетарии», примыкал к театральной труппе.

В 1922 году Сергей Петрович поступил в Московский высший литературный художественный институт.

Широкую известность принес Бородину роман «Дмитрий Донской». В 1942 году удостоен Сталинской премии.

Примечательна судьба **Ильи Давидовича УСЫСКИНА**, как представителя поколения, чья юность совпала с годами дерзновенного строительства нового общества после революции 1917 года.

Родился Илья Давыдович Усыскин 13 ноября 1910 года и прожил очень короткую, но исключительно яркую жизнь.

Будущий стратонавт, приват-доцент Ленинградского физико-технического института родился в семье рабочего. Детские годы прошли в Белеве. Здесь он поступил в школу.

И. Д. Усыскин в 14 лет в совершенстве владел немецким языком и читал в подлиннике «Фауста». Хорошо рисовал, глубоко интересовался радиотехникой, поэзией, философией и шахматами.

Досрочно, в 1925 году, окончил школу II ступени. Пятнадцатилетним парнем переправил дату своего рождения в документах и пытался поступить одновременно в два технических вуза Ленинграда. В оба вуза успешно сдал приемные экзамены, но ни в один из них не был зачислен из-за недостатка мест. Срочно переезжает в Москву и поступает в Бауманское училище. Через полтора года, увлекшись квантовой механикой, переводится в Ленинград, где в то время образуется центр теоретической физики.

В возрасте двадцати одного года становится аспирантом политехнического института и автором двух серьезных научных работ по «дифракции быстрых электронов». В 22 года — приват-доцент Ленинградского физико-технического института и автор открытия, которое, по словам академика А. Ф. Иоффе, имело «мировое значение».

Но жизнь молодого талантливого ученого вскоре оборвалась. Добровольное общество Осоавиахим сконструировало крупнейший по тем временам стратостат и готовилось把他 включить в состав экипажа ученого. Откликнулся Илья Усыскин. Старт был дан в Кунцеве утром 30 января 1934 года. Стратонавты в 12 часов пополудни достигли рекордной высоты — 22 тысячи метров. После полудня связь оборвалаась.

1 февраля 1934 года ЦИК СССР наградил Илью Давыдовича Усыскина орденом Ленина посмертно. Ленсовет Осоавиахима учредил стипендию имени Усыскина в физико-техническом институте академика Иоффе.

Семен Иванович ЧЕЛЮСКИН (1707—11.1764) родился в с. Мишина Поляна Белевского уезда (ныне — Арсеньевский район). Полярный исследователь, мореплаватель и землепроходец, участник Великой Северной экспедиции XVIII века.

За годы Великой Отечественной войны многие белевцы отличились в боях за родину и в героическом тылу. 12-ти из них присвоено звание Героя Советского Союза, а М. Г. Фомичеву — дважды. Белевцу, паровозному машинисту депо Горбачево Московско-Курской железной дороги Ивану Ивановичу Ефимову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1943 года за исключительные заслуги перед государством в деле обеспечения перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени.

Неизгладимый след в неуклонном и поступательном развитии совхоза «Белевский» оставил директор А. М. Деев. В нем плодотворно сочетались черты неутомимого труженика, рачительного хозяина и умного

руководителя, мудрого воспитателя. Он умел и учил других работать с перспективой, не чурался черновой повседневной работы. За заслуги в развитии сельского хозяйства ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Примечательна судьба овощевода **Марии Ивановны ЗВЕЗДОЧКИНОЙ**.

Выросла в семье потомственных хлеборобов. Работала овощеводом в суровые дни, когда немецко-фашистские оккупанты удерживали за собой часть Белевского района — вплоть до 13 июля 1943 года. Поэтому приходилось трудиться в поле нередко и в часы артиллерийского обстрела захватчиками как Белева, так и его окрестностей. Дело в том, что территория совхоза «Белевский» вплотную прилегает к городским предместьям, включая пойму Оки, на левом берегу которой и находится город Белев.

В мирное время бригада Марии Ивановны добивалась наивысших результатов труда. Звание Героя Социалистического Труда присвоено 12 декабря 1973 года.

Белев на протяжении полутора веков известен своими садами. Не случайно прославился яблочной пастилой отменного вкуса. Крупнейшим хозяйством по производству плодов стал совхоз «Заря», где долгие годы агрономом-садоводом трудилась заслуженный агроном РСФСР **Полина Давидовна ГЕРАСКИНА**. В 1960 году Полина Давидовна награждена орденом Ленина, а затем была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда.

Анна Петровна ЗОНТАГ (1786—1864)

А. П. ЗОНТАГ (урожденная Юшкова) — автор детских книг, помещница Белевского уезда. Родилась в с. Мишенском, в детстве воспитывалась в семье отца поэта В. А. Жуковского — своего деда — А. И. Бунина. Была близким другом В. А. Жуковского на протяжении всей жизни. В 1810 году унаследовала имение Мишенское, где прожила большую часть своей жизни. Дочь В. А. и П. Н. Юшковых, чей дом в 1790-е годы был своеобразным культурным центром г. Тулы и округи. Родная сестра А. П. Елагиной, матери известных деятелей-славянофилов П. В. и И. В. Киреевских, хозяйки знаменитого литературного салона в Москве.

Выйдя замуж за Е. В. Зонтага, американца на русской морской службе, жила в Одессе, Крыму и Николаеве, где познакомилась с А. С. Пушкиным, другими писателями. После смерти мужа в 1841 году вернулась в Мишенское.

С 1858 г. была почетным членом Общества любителей российской словесности. Среди ее литературных произведений имеются как оригинальные, так и переведенные с иностранных языков. Сотрудничала в детских журналах, издавала сборники для детей: «Волшебные сказки» (1861) и др. Ее сказки, рассказы, повести и пьесы для детей и взрослых, переводы и пересказы сказок и рассказов Ш. Перро, Гауфа, Гизо, Эджворт и других имели занимательный сюжет, были несколько сентиментальны и содержали обычно нравоучительную концовку. Наиболее популярностью пользовалось ее сочинение «Священная история для детей», выдержавшая 9 изданий и получившая Демидовскую премию. Широко известен был ее перевод «История Англии для детей» Ч. Диккенса. Она же автор мемуаров «Воспоминания о детстве В. А. Жуковского» (Русская мысль, 1883 год, №2).

Лит.: Бекетова Н. А. Зонтаг Анна Петровна /Материалы по истории русской литературы: 1750–1855 гг.— М. 1927.

Глаголева О. Е. Русская провинциальная старина; Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX вв. Тула, 1993; Литературная энциклопедия.— М., 1930. Т 4.

Зинаида Николаевна ГИППИУС (1869–1945)

З. Н. ГИППИУС (8.11. 1869, г. Белев – 9.09.1945, Париж) – поэтесса, прозаик, литературный критик.

Родилась в семье юриста, жила в г. Белеве, в г. Туле.

В 1889 г. вышла замуж за Д. С. Мережковского и переехала в Санкт-Петербург. Получила домашнее образование, некоторое время училась в Киевском женском институте, в Московской гимназии Фишер. С детских лет писала стихи. В начале 1920 г. супруги Мережковские нелегально перешли русско-польскую границу, с 1921 года в Париже. Последние годы работала над книгой «Дмитрий Мережковский» (Париж, 1951, не окончена).

Соч.: Живые лица.— СПб, 1991;

Петербургские дневники.1914–1919 гг.— Нью-Йорк.— М.,1990;

Стихи и проза. Избранные произведения. Воспоминания, Тула, 1992;
Стихотворения, Живые лица.— М.,1991

Авдотья Петровна ЕЛАГИНА (1789–1877)

А. П. Елагина (урожд. Юшкова) – хозяйка литературного салона в Москве, помещица Белевского уезда, дочь В. А. и П. Н. Юшковых, чей дом в 1790-х гг. был своеобразным культурным центром Тулы и округи. Родная сестра А. П. Зонтаг (детской писательницы). Детские годы провела в Мишенском Белевского уезда, на родине поэта В. А. Жуковского,

в семье его отца — своего деда — А. И. Бунина. Была близким другом В. А. Жуковского на протяжении его жизни. Поэт подолгу жил в имении Елагиной селе Долбино.

А. П. Елагина получила прекрасное образование, имела основательные познания в русской и западной литературе, владела иностранными языками, неплохо рисовала, любила музыку, народное пение. Литературная и эстетическая направленность в воспитании, близкое общение с выдающимися людьми (В. А. Жуковский, семья декабристов А. И. Черкасова и Тургеневых, историк Н. М. Карамзин, писатель и композитор А. А. Плещеев и др.) развили природные дарования и сделали ее замечательной женщиной своего времени.

Выйдя 16 лет замуж за В. И. Киреевского (ум. 1812 г.), она сумела привлечь к своему дому в с. Долбино лучших представителей дворянской интеллигенции, сделав его местным культурным центром. Литературные и общественные связи семьи значительно расширились после второго брака А. П. Елагиной в 1917 г. с А. А. Елагиным (умер в 1846 г.), участником войны 1812 года. В 1822 году семья Елагиных переехала на постоянное место жительства в Москву, возвращаясь в Долбино лишь на летнее время.

В доме Елагиных у Красных ворот возник литературный салон, где бывали Пушкин, Мицкевич, Чаадаев, Языков, Герцен, Огарев, Жуковский, Хомяков, Гоголь и многие другие общественные деятели, учёные, писатели. Здесь не только обсуждались театральные новинки, но и шли ожесточенные политические дискуссии. Высокоинтеллектуальная, свободолюбивая атмосфера благотворно действовала на развитие детей А. П. Елагиной: собирателя фольклора П. В. Киреевского (1808—1856); философа, публициста, одного из основателей славянофильства И. В. Киреевского (1806—1856); историка Елагина В. А. (1818—1879); издателя древних документов Н. А. Елагина (1822—1876).

В 1850-е годы Елагина вместе с сыном Николаем переселилась в свое имение село Петрищево Белевского уезда, где в 1856—57 годах вместе с ней жил вернувшийся из ссылки близкий друг семьи декабрист Г. С. Батеньков.

Александр Георгиевич КОТИКОВ

А. Г. Котиков родился 27 августа 1902 года в д.Бакино Белевского уезда Тульской губернии — в семье крестьянина.

До 13 лет жил в деревне, учился и приобщался к труду — по найму у помещика.

1915 год. Он уезжает в Москву, где находится под опекой своего дедушки. В Москве работает на ситценабивной фабрике Эмиля Цинделя.

1919 год. Возвращается в Белев. Проходит военные сборы всеобуча. Зачисляется в состав Частей особого назначения (ЧОН). Одновременно учится в Реальном училище им. В. А. Жуковского. Создает в д.Бакино комсомольскую ячейку.

1920 год. В возрасте 18 лет вступает в РКП(б). Его направляют на учебу в Тульский коммунистический университет им.В.И.Ленина. Впоследствии работает здесь зав. отделом пропаганды Привокзального района РКП(б) Тулы.

1921 год. Направлен на Украину, в Харьков, в отряд ЧОН при ВЧК, где вскоре назначается ответственным секретарем Губернской комиссии помощи голодающим Волынской губернии (ГУБКОМПОМГОЛ.)

1922 год. Возвращается в Белев. Заведует политпросветотделом Уездного комитета комсомола. Избирается секретарем комсомольской организации Белевского железнодорожного узла, затем — секретарем Уездного комитета комсомола Белева.

1923 год. А. Г. Котиков — секретарь Тульского уездного комитета комсомола и член бюро Губернского комитета комсомола.

1924 год.— Призван в Красную Армию.

В 1924 году окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина.

1943 г.— год окончания курсов Высшего политического состава Красной Армии.

1941—1945 гг. На разных должностях; непосредственно в сражениях с гитлеровскими полчищами, в том числе в составе 61-й армии, участвовавшей в боевых действиях на территории Белевского района.

С июня 1941 года по март 1942 года — А. Г. Котиков зам. начальника оргинструкторского отдела Главного политического Управления, а с *августа 1942 года* — в действующей армии в должности начальника политического отдела армии на Волховском направлении, затем — на Первом Белорусском и на Третьем Прибалтийском фронтах.

Принимал участие в освобождении Белоруссии, Прибалтики, а вслед за тем и в Висловско-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях.

1945 год. Август. А. Г. Котиков назначается на должность начальника Управления Советской военной администрации провинции Саксония-Анхальт (г. Галле, Германия.)

1946 год. Апрель — назначен комендантом Берлина.

Правительством Германской Демократической Республики награжден орденом «За заслуги перед отечеством» и медалями: «Борцу против фашизма», «Братство по оружию», «Национального фронта ГДР».

Польское правительство наградило А. Г. Котикова орденом Грюнвальда и медалью за освобождение Варшавы.

Советским правительством награжден орденом Ленина (дважды), тремя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Суворова, орденом «Знак почета» и многими медалями.

Анна Федосеевна МОРОЗОВА

Заслуженный врач РСФСР, родилась 7 января 1921 г. в Белеве, умерла 2 декабря 1980 г.

Училась в Белевском медицинском училище и Куйбышевском медицинском институте. Стояла у истоков создания в отдаленном Белевском районе акушерско-гинекологической службы. Была делегатом Всесоюзного съезда акушеров-гинекологов в Ленинграде. Врач первой категории, имела много учеников и последователей, долгое время находилась на преподавательской работе. В условиях районной больницы самостоятельно делала уникальные операции. Участница Великой Отечественной войны, работала в эвакогоспитале.

Лиза ШАМШИКОВА

Отец Лизы Александр Яковлевич родился в деревне Зеново Белевского района, в семье священника.

Лиза окончила среднюю школу г. Щекина, поступила в Московский государственный университет и перед войной успешно его окончила. Когда началась война, она поступила на курсы медсестер. После окончания курсов была назначена военфельдшером в 10-ю действующую армию.

В декабре 1941 года в д. Беседино, оказывая помощь 70 тяжело-раненым бойцам, командир санвзвода Лиза Шамшикова была схвачена фашистами, зверски расстреляна и вместе с красноармейцами сожжена.

Елизавета Александровна Шамшикова посмертно награждена орденом Красного Знамени.

НАШИ СЛАВНЫЕ СОВРЕМЕННИКИ

Акопова Серафима Александровна (род. 16.06.1919), учитель начальных классов. Заслуженный учитель РСФСР, звание присвоено в 1959 году.

Астахова Марина Ивановна (род. 21.08.1924), учитель немецкого языка. Заслуженный учитель РФ, звание присвоено в 1997 году.

Булдыгина Надежда Валентиновна (род. 2.01.1952), учитель химии и биологии. Заслуженный учитель РФ, звание присвоено в 1993 году.

Бабайцева Антонина Никитична (род. 2.03.1928), с 1954 по 1956 г. заведующая районной библиотекой. 1976—1978 гг. директор Централизованной районной объединенной библиотеки. 1978—1986 гг. заведую-

щая районным отделом культуры райисполкома. Заслуженный работник культуры, звание присвоено в 1982 году.

Бандурович Любовь Архиповна (род. 4.01.1940), учитель географии, заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней школы №1. Заслуженный учитель РФ, звание присвоено в 2001 году.

Бугаков Анатолий Афанасьевич (род. 16.05.1951), первый заместитель начальника тылового управления Государственного таможенного комитета, генерал-майор таможенной службы.

Бирюков Николай Васильевич (род. 22.05.1927), почетный железнодорожник, звание присвоено 9.09.1970 г.

Вереникина Клавдия Николаевна (род. 5.11.1928), заслуженный работник культуры РСФСР, звание присвоено в 1984 г.

Высоцкий Евгений Васильевич (род. 4.04.1947), российский военачальник, генерал-полковник. Герой Советского Союза, звание присвоено 20.09.1982 г.

Глотов Александр Георгиевич (род. 1.01.1951), директор предприятия ООО «Дорожник». Инженер-конструктор, талантливый изобретатель, мастер спорта по моторалли, неоднократный победитель всесоюзных и международных соревнований. Кандидат технических наук. Имеет ряд патентов на конструкторские разработки по дорожным машинам, результаты многих работ опубликованы в центральных отраслевых изданиях.

Голубенко Александр Александрович (род. в 1945 г.), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева.

Греков Виктор Яковлевич (род. 22.01.1940), прозаик, член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого, почетный гражданин города Белева. С 1995 г. директор Белевского художественно-краеведческого музея.

Демкин Владимир Григорьевич (род. 2.02.1930), председатель районного совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, заслуженный строитель РСФСР, звание присвоено 9.09.1970 г., почетный гражданин города Белева.

Денисова Мария Алексеевна (род. 20.11.1947), директор Ровенской средней школы. Заслуженный учитель РФ, звание присвоено в 1995 году.

Дорофеев Владимир Игоревич (род. 1.03.1950), спортсмен-футболист, член сборной олимпийской команды СССР, вице-чемпион Европы 1972 года в составе молодежной сборной СССР по футболу, тренер по футболу.

Елизарова Таисия Михайловна (род. 4.06.1935), учитель начальных классов. Заслуженный учитель РСФСР, звание присвоено в 1987 году.

Ежова Антонина Александровна (род. 8.11.1957), учитель математики. Заслуженный учитель РФ, звание присвоено в 2000 году.

Кашеваров Анатолий Николаевич (род. 19.04.1952), доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, преподаватель отечественной истории, ответственный секретарь журнала для ученых «КЛИО», член редакционных коллегий журналов «История Петербурга» и «Русский военно-исторический журнал», действительный член Академии гуманитарных наук, автор ряда монографий по истории русской православной церкви.

Коротаев Владимир Прохорович (род. 10.06.1951), директор НИИПИ Генерального плана Москвы, член-корреспондент Международной академии архитектуры, почетный строитель России.

Кирюшкина Анна Георгиевна (род. 25.12.1928), учитель русского языка и литературы. Заслуженный учитель РСФСР, звание присвоено в 1981 году.

Лихоманов Александр Васильевич (род. 10.04.1930), директор Буровицкой основной школы. Заслуженный учитель РФ, звание присвоено в 2001 году.

Никулин Валерий Афанасьевич (род. 9.03.1949), кандидат исторических наук, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей.

Никишов Владимир Дмитриевич (род. 9.11.1940), академик РАЕН, профессор Московского государственного университета леса.

Панфилов Олег Петрович (род. 5.02.1930), доктор биологических наук, профессор. Специалист в области физиологии и биохимии мышечной деятельности, теории и методики физической культуры, автор 136 научных и методических работ.

Панина Мария Никифоровна (род. 11.07.1927), учитель немецкого языка. Заслуженный учитель РСФСР, звание присвоено в 1970 году.

Парfenов Геральд Борисович (род. 12.07.1936), зам. начальника ЦАМа, за разработку двигателя к космическому кораблю «Восток» награжден орденом «Знак Почета».

Романов Алексей Владимирович (род. 16.02.1908), журналист, писатель, кинематографист. С 1963 по 1972 г.— председатель Комитета по кинематографии, министр кинематографии СССР.

Сазонова Светлана Митрофановна (род. 28.01.1933), учитель русского языка и литературы. Заслуженный учитель РСФСР, звание присвоено в 1979 году.

Сафонов Дмитрий Павлович (род. 11.11.1926), почетный железнодорожник, звание присвоено 13.06.1984 г.

Суденкова Лидия Алексеевна (род. 4.03.1928), учитель математики. Заслуженный учитель РСФСР, звание присвоено в 1972 году.

Хурхулу Юрий Семенович (род. 6.08.1945), кандидат технических наук, доцент кафедры электроники Тульского государственного университета.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ БЕЛЕВСКОГО КРАЯ

К 1917 году в Белевском уезде было 18 волостей.

За 1917 — март 1924 годы Дураковская волость переименована в Жуковскую, которая была объединена вместе со Стрелецкой в Толстовскую.

Кроме того, Будоговицкая волость переименована в Фурсово-Будоговицкую, а Сныховская — в Ивановскую.

12 октября 1923 года решено районировать губернию.

В Белевском уезде были созданы районы:

1. Арсеньевский — создан 28 июля 1924 года.
2. Белевский — 28 апреля 1924 года.
3. Комаревский — 28 июня 1924 года.
4. Лучанский (центр — село Жеморино) — 28 июня 1924 года.
5. Петрищевский (центр — село Уткино) — 28 марта 1924 г.

Постановлением ВЦИК 31 августа 1925 года ликвидирован Петрищевский и Лучанский районы.

Белевский уезд был ликвидирован в январе 1925 года.

(остались 3 ступени: с/с, райисполком, губисполком).

12 июля 1929 г. образована Московская область, в неё входило 10 округов, в том числе Тульский округ. Таким образом, губерния была ликвидирована.

В июле 1929 года к Тульскому округу отошли 8 сельсоветов Березовской волости Лихвинского уезда Калужской области: Сытичевский, Березовский, Свинской, Марковский, Карабечевский, Ретюньский, Костищевский (видимо — Костищевский), Зюзневский.

В июле 1929 года ликвидирован Комаревский район.

21 августа 1930 г. ликвидирован Тульский округ, теперь районы продолжали оставаться в составе Московской области.

26 сентября 1937 г. Московская область разделена на Тульскую, Рязанскую и Московскую области.

5 февраля 1963 года Белевский район преобразован в Белевский сельский район. Передан в подчинение, включен в состав Суворовского промышленного района г. Белев вместе с Суворовом и Чекалином.

21 ноября 1964 года были восстановлены единые советские органы в краях и областях.

12 марта 1965 года Белевский сельский район преобразован в район. Белев включен в состав Белевского района и оставлены сельсоветы: Астафьевский, Березовский, Болотский, Величиненский, Вязовенский, Давыдовский, Железницкий, Жуковский, Ивановский, Кочеровский, Кураковский, Мишенский, Новодолецкий, Петрищевский, Пронинский, Ровенский, Таратухинский.

ФЛАГМАНЫ ВЕДУЩИХ ОТРАСЛЕЙ

Белев — это характер... В известные недалекие времена беспощадных красных пятилеток Белеву категорически было отказано в промышленном пути развития. Даже в годы послевоенные, в состоянии разрухи, его удерживали на задворках сельхозотрасли.

Но импульсы прошлого, когда он числился «первым после губернского города» и в промышленном отношении, будили инициативу энергичных и предпримчивых. И лед тронулся все-таки... Ныне действуют градообразующие предприятия, и флагманами отраслей среди них являются по достоинству и призванию — ОАО «Трансмаш», швейная фабрика «Бефо», а с некоторого времени — это «БЕФО-сервис», руководит которым обаятельная женщина Татьяна Сергеевна Тунегова.

Доподлинно флагман, «Трансмаш» начал строиться в 1971 году, причем как завод тормозного оборудования именно всесоюзного значения. А годом рождения предприятия считается 1974-й. Невелик срок... Но уже в 1992-м на базе Белевского завода машин и приборов для железнодорожного транспорта было организовано открытое акционерное общество «Трансмаш».

В период реформ и всякого переустройства на государственном уровне, когда сбои в экономике страны в целом стали «нормой», мозговой центр завода находился в труднейшем поиске альтернатив. И выход был найден — предприятие дополнительно взяло курс на производство первичных средств пожаротушения и композитных баллонов высокого давления. В частности, с 1996 года здесь были разработаны и запущены в производство порошковые огнетушители газогенераторного типа с объемом корпуса 2, 3, 5 и 6 литров. Более того, уже с 1998 года совместно с ЗАО НПП «Трансмаш — Балко» (город Тула) предприятие производит баллоны высокого давления для углекислотных огнетушителей.

Каковы его масштабы ныне? Является одним из флагманов Российской Федерации в своей отрасли. А это означает, в популярном изло-

жении сути дела, что предприятие сотрудничает с крупными промпроизводствами, как ОАО МТЗ «Трансмаш» (г. Москва), ООО «Вагонсервис» (г. Тверь), ЗАО «Транспневматика» (г. Первомайск), ОАО «Днепровагонмаш» (г. Днепродзержинск), Украина, ОАО «Азовобщемаш» (г. Мариуполь) Украина, ОАО «Крюковский вагоностроительный завод» (г. Кременчуг), Украина и т. д.

По результатам участия в конкурсе «Сто лучших товаров России», камера 295М, 002, тормозной цилиндр 002 и огнетушитель порошковый закачного типа ОП-3 (з) в 2005 году были награждены дипломами первой степени.

Дальнейшее совершенствование технологии производства, использование самых современных достижений в организации производства, всесмерное повышение культуры производства, самого стиля работы и жизни коллектива — вот над чем работает коллектив, возглавляемый С. И. Плюхановым, директором нового типа, именно масштабного мышления, подлинно профессионалом высокого класса, человеком тонкой душевной организации, искусно владеющим рычагами производства.

В этом ряду находится предприятие, чей коллектив благодаря его руководителю стал для Белева близким по духу и сотворчеству. Речь о сверхсовременной организации ОАО «Центргаз» и ее генеральном директоре Викторе Владимировиче Соколовском.

Предприятие под его руководством поставило перед собой задачу в короткий срок газифицировать Белевский район по максимуму и тем самым оздоровить финансово-хозяйственный микроклимат Белева как самого древнего города, раскрыть возможности и резервы для эффективного градостроительства, помочь возродиться белевским духовным святыням.

Несомненно, как только пришло голубое топливо в район, так значительно прибавилось энергии на больших и малых предприятиях и даже принципиально изменился стиль и ритм жизни древнего края в целом.

Кроме того, именно промышленный облик приобрела инфраструктура, появилось новое комфортабельное жилье. По инициативе В. В. Соколовского на средства «Газпрома» и «Центргаза» был возведен 36-квартирный жилой дом.

Оказывая благотворительную помощь в устроении Свято-Введенской Жабынской Макарьевской пустыни, Виктор Владимирович пожертвовал 300 тысяч рублей личных средств на восстановление и другой святыни — Николо-Часовенского храма в Белеве.

Граждане Белева и района высоко оценили заслуги Виктора Владимира, избрав его своим депутатом Тульской думы. Также ему оказана высокая честь — он почетный гражданин Белева.

В СТРОЮ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В декабре 1956 года произошла передача артели «Красный производственник» вновь строящейся швейной фабрике № 1 на основании распоряжения правления Совета промысловой кооперации Тульской области за № 204 от 12 ноября 1956 года. Областное управление легкой промышленности получило еще одно предприятие. 29 декабря 1956 года директор Белевской швейной фабрики № 1 Нина Ивановна Кащенко приступила к исполнению обязанностей. В наличии были швейные машины с ножным приводом, ручные иглы, утюг на углях, ручные ножницы и т. д. Применялся так называемый крой на настилах — исполнялся ножом по специальным прорезям в настилочном столе. Цеха освещались слабыми лампами накаливания от «местной» электростанции. С января 1957 года принята новая программа развития. Были созданы два производственных потока с работой в две смены. Причем с поэтапной сдачей цехов в новом корпусе. Вступил в действие и новый ассортимент изделий мужской одежды, а также детской, преимущественно из хлопчатобумажных тканей.

На 1 января 1958 года на фабрике были установлены 64 машины универсального оборудования и 11 единиц спецмашин. В конечном счете, частично модернизировав технологическую цепочку производства, став по праву фабрикой, коллектив осваивал принципы индустриализации, служа примером для других белевских промпредприятий.

К 1965 году фабрика имела численность занятых в производстве людей более 800 человек. Только инженерно-технических работников насчитывалось более 40 человек, служащих — более 20 человек.

Вдумчивое руководство, рационально используемый интеллект и значительный потенциал технологической мысли позволили эффективно распорядиться трудовыми ресурсами. Производительность труда возросла в три раза.

Преображаясь внутри себя, фабрика становилась полнокровным градообразующим предприятием.

После череды трудовых лет пришло признание в масштабах области, затем и в целом в отрасли.

Сложилось мнение, что швейники Белева — корневая система легкой промышленности области.

Нет сомнения, что Белевская швейная фабрика выходит самостоятельно из глубокого кризиса последнего десятилетия прошлого века.

Директор «БЕФО-Сервис» Татьяна Сергеевна Тунегова организовала стабильное производство. Увеличивается количество заказов, растет объем производства.

С

РОДНИЧКИ СВЯТОСТИ

Город Белев расположен на высоком крутом берегу реки Оки. Впервые он упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 годом.

РЕКА ОКА

РЕКА БЕЛЕВКА

В XVI веке в Белеве было до 30 церквей (уничтожены пожаром 1719 года). До 1918 года действовало более десятка церквей и два монастыря: Мужской Спасо-Преображенский (основ. в 1525 г.) и Крестовоздвиженский женский (основ. в 1625 г.)

В настоящее время действуют три церкви: Свято-Троицкая, Богородице-Рождественская, Николая Угодника (Николо-Часовенская).

В 1903 г. открыто Реальное училище им. В. А. Жуковского (ныне — школа № 3 им. Чернышевского). В 1904 г. открыта гимназия (ныне — средняя школа № 4).

На территории города две братские могилы, в которых покоятся прах павших воинов в сражениях за Белев и в окрестностях Белева в боях 1941—1943 годов в период Великой Отечественной войны. Всего захоронено 790 воинов. 730 из них — известны. Две одиночные могилы.

Город освобожден 31 декабря 1941 г. подразделениями 61-й и 10-й армий.

РЕЧКА ЖАБЫНКА

с. Жабынь

Белевская Свято-Введенская Жабынская Макариевская пустынь — в 7 верстах северо-восточнее Белева по Лихвинскому тракту.

По состоянию на 1859 год население составляет 29 человек мужского пола и 26 человек женского пола.

Пустынь основана в 1585 году старцем Онуфрием по жалованной Грамоте царя Федора Иоанновича. Неоднократно разорялась и на время прекращала свое существование. Была сожжена и опустошена бандами польско-литовских интервентов в Смутные времена, но восстановлена и возвращена к жизни. «Возгладителем» Жабынской пустыни при первом царе из династии Романовых, Михаиле Федоровиче, стал Белевский Чудотворец — преподобный Макарий.

В настоящее время Пустынь восстанавливается.

Три православных храма: Церковь Введения Пресвятой Богородицы; церковь Знамения — с трапезной; храм Макария Жабынского.

РЕЧКА ГАСТУНКА

с. Николо-Гостунское (ранее Лихвинского уезда).

Изначально расположено в 15 верстах на север от Белева по Лихвинскому тракту. Упоминается в Московских летописях в начале XVI столетия по случаю перенесения чудотворной иконы Николая Угодника из названного села в Москву в 1507 году. Находится под охраной государства.

Пятиглавая церковь во имя Николая Чудотворца, по преданию, построена Иоанном Грозным во времена объезда им своих вотчин (в 1563 и 1566 гг.) в память победы, одержанной над литовцами. Исторические сведения, относящиеся к существующей церкви, встречаются в начале XVII столетия в Белевских писцовых книгах – 1628–1630 гг., где церковь значится каменной и названа соборной.

Озеро Жупель

Самое большое озеро Белевского уезда. Длина – 125 сажень согласно старым источникам, ширина – 60 сажень. Глубина – до 2 сажень.

Озеро примечательно подземным протоком.

Село Сныхово

Очень древнее, существовало ещё во времена Ивана Васильевича Грозного и было его дворцовым селом; впоследствии перешло во владение помещиков. По давней версии, название произошло от слова «сноха», которое закрепилось за селом в силу того факта, что один из удельных белевских князей передал село во владение своей снохе, лишившейся якобы мужа, отчего и само село переименовано было в Снохино, а затем получило измененное название «Сныхово».

Население, по состоянию на 1859 год, составляло 209 человек мужского пола и 198 человек женского пола.

Село Сныхово расположено в 10 верстах на север от Белева, исстари — по проселочному Лихвинскому тракту.

В настоящее время Сныхово входит в состав Ивановской сельской администрации, 54 человека.

Храм – во имя св. Троицы, с двумя приделами. Существует с 1709 года.

Согласно сведениям П. И. Малицкого (Тула 1859 год.) — здесь к местночтимым иконам принадлежали:

Икона Флора и Лавра, древнего письма — дар Ивана Грозного в дворовое село Сныхово, где был царский конный завод, покровителями которого считались эти святые.

Складень, состоящий из двух половинок, с изображением на одной явления св. Троицы Аврааму, на другой — явлении Божией Матери преподобному Сергию и ученику его Михею,— также дар царя Иоанна Грозного новокрещенному татарскому князю, от которого он перешел в церковь села Сныхова.

При церкви имелось земское училище, открытое в 1862 году и просуществовавшее вплоть до 1918 года.

В селе Сныхове братская могила с прахом 177 воинов, павших в боях за предместья Сныхова в 1941 году. Из 177 павших известно, по состоянию на 2002 год — 155 воинов.

Освобождено 26 декабря 1941 г. воинами 688-го стрелкового полка 342-й стрелковой дивизии. 61-й армии.

РЕЧКА ВЕЖНА

Деревня Кураково

Находится в 4 верстах южнее Белева, по правую сторону Лихвинского тракта. Число жителей, по состоянию на 1899 год,— 342 человека мужского пола и 319 женского пола.

В настоящее время входит в состав Кураковской администрации.

Население 464 чел. Школа.

Село Кураково освобождено 25 декабря 1941 года воинами 65-го стрелкового полка 322-й стрелковой дивизии 60-й армии. Здесь располагался 9-й походный полевой госпиталь.

Братская могила. В ней — прах 177 павших советских воинов. На 2002 год — 155 известных.

Село Будолдино

В 13 верстах северо-восточнее Белева, по правую сторону Тульского тракта. В настоящее время не существует. Предположительно, исчезло во второй половине XX века).

Село Красавка

В 14 верстах северо-восточнее Белева, по правую сторону Тульского тракта. Жителей — 20 человек мужского и 17 — женского пола, по состоянию на 1859 г. В настоящее время не существует.

Сельцо Булычево

В 16 верстах от Белева, по правую сторону Тульского тракта; жителей — 82 человека мужского и 92 — женского пола, по состоянию на 1859 год. В настоящее время не существует.

РЕЧКА ВЫРКА

Бёret начало в Лихвинском (ныне — Чекалинский) уезде и впадает в реку Оку ниже Белева.

Деревня Староселье

Исстари — в 21 версте севернее Белева по левую сторону Лихвинского тракта. Жителей, по состоянию на 1859 год,— 70 человек мужского пола и 93 — женского пола.

В настоящее время входит в состав Ивановской сельской администрации.

Жителей — 9 человек.

Деревня Пашково

В 8 верстах севернее Белева, по правую сторону Козельского тракта. Число жителей на 1859 год — 52 человека мужского пола и 60 человек женского.

Ныне входит в состав Давыдовской сельской администрации, жителей — 10 человек.

РЕЧКА ВЫРКА (Долбинская)

Берет начало в Лихвинском уезде и впадает в р. Оку выше Белева.

Село Каменка

В 3 верстах западнее Белева по левую сторону Козельского тракта. По состоянию на 1859 год, население составляло 72 человека мужского и 69 — женского пола.

В настоящее время входит в Ровенскую сельскую администрацию, число жителей — 32 человека.

Храм во имя св. Николая Чудотворца. Был построен в 1769 году на средства премьер-майора Ивана Ивановича Павлова. В 1888—1893 годах храм был исправлен и обновлен.

При с. Каменка на тот период имелась школа грамоты, открытая в 1894 году, реорганизована в 1918 году в системе народного образования.

Сельцо Ровны (ныне — Ровно)

Исстари — в 7 верстах западнее Белева, по левую сторону Козельского тракта, число жителей на 1859 год — 148 человек мужского пола и 149 — женского. Ныне — в составе Ровенской сельской администрации, жителей — 347 человек. Школа.

Три братские могилы, в которых захоронено 483 человека, из них известно — 294 человека. Освобождено 5—6 января 1942 года 1050-м стрелковым батальоном 1103-го стрелкового полка 328-й стрелковой дивизии 10-й армии.

д. Фатьяново

Находится в полутора верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта. На 1859 год — жителей 180 человек мужского и 208 женского пола.

В настоящее время жителей 63 человека, деревня входит в состав Мишенской сельской администрации.

РЕЧКА РУКА (правый приток реки Оки)

с. Семьюново

Очень древнее. Первоначальное название — Семьюкова, по речке Семьюковке. С течением времени стало называться Семьюново. Существовало ранее 1622 года.

По состоянию на 1859 год число жителей составляло: 157 — мужского и 168 женского пола. В селе на тот период существовала школа грамоты. В настоящее время входит в состав Кожуринской сельской администрации, жителей — 21 человек.

Дубовый храм с колокольней во имя св. Николая. Неизвестно, кем и когда построен, но известно, что обновление произведено в 1863 и 1879 годах.

Деревня Волосатовские Выселки

Исстари — в 8 верстах от Белева, по Болховскому тракту. По состоянию на 1859 год, число жителей: 158 человек мужского и 160 человек женского пола.

(В настоящее время село не существует).

РЕЧКА РУКА (левый приток реки Оки)

Село Бакина (ныне Бакино)

Название села произошло от Бакинского стана, заключавшего в себе 12 селений. Издавна находилось в 10 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

По состоянию на 1859 год, число жителей — 53 человека мужского и 56 человек женского пола, в настоящее время насчитывается 13 человек.

Входит в состав Таратухинской сельской администрации.

Две братские могилы, в которых 288 останков павших воинов — участников сражений под Белевом на Орловско-Курском направлении, из них известных, по состоянию на 2002 год, — 274 воина.

Освобождено 1 апреля 1942 года 1150-м стрелковым полком 342-й дивизии, 61-й армии.

В Бакино возникновение прихода относится к первой четверти XVII столетия.

Первоначальный храм — во имя св. Иоанна Златоуста и св. Великомученика Георгия был известен около 1620 года. Впоследствии заменен каменным — во имя св. Иоанна Златоуста, на средства помещицы Евдокии Гавриловны Кошелевой.

С 1887 года при церкви находилась приходская церковь, упраздненная при советской власти. (Церковь находится под охраной государства).

Сельцо Леонтьево (Марьино)

Издавна располагается в 8 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

По состоянию на 1859 год, население насчитывало 60 человек мужского и 43 человека женского пола. Ныне относится к Мишенской сельской администрации, жителей 20 человек.

Сельцо Фединское

Издавна находится в 7 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта, жителей насчитывалось на 1859 год — 206 человек мужского и 198 человек женского пола. Ныне относится к Мишенской администрации. Школа.

Братских могил — 3. Захоронено 266 человек, из них известных — 207 человек. Деревня была освобождена 14 апреля 1942 года 1150-м стрелковым полком 342-й дивизии 61-й армии.

Село Лабодино

Известно ещё в первой половине XVII столетия. Название село получило по урочищу Лабодинка. Со дня основания находилось в 9 верстах от Белева, по левую сторону Болховского тракта.

По состоянию на 1859 год, было 6 человек мужского и 9 человек женского пола.

В селе Лабодине приход существовал в первой половине XVII столетия. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенная на средства помещика Бунина, просуществовала с 1789 г. по 1878 год. Затем была построена новая каменная церковь с двумя приделами, завершенная в 1886 году. При церкви — церковно-приходская школа — с 1887 года.

В настоящее время села не существует.

РЕЧКА РУКА (правый приток р. Оки)

Сельцо Савинки

В 17 верстах от Белева, по Чернскому тракту; население на 1859 год составляло 225 человек мужского и 230 человек женского пола. Известно, что в описании г. Белева и Белевского уезда на 1792 год значилось как село Савенково, имевшее 108 дворов. Душ мужского пола — 457 и женского, соответственно, — 389.

Церковь каменная Трёх Святителей. Помещичья усадьба Марии Васильевны Левшиной; дом господский деревянный с плодовым садом.

В настоящее время д. Савенки входит в Астафьевскую сельскую администрацию и насчитывает 20 человек жителей.

Деревня Тутовка.

В 15 верстах на юго-восток от Белева по правую сторону Чернского тракта с числом жителей 75 мужского и 100 человек женского пола.

Ныне входит в состав Кожуровской сельской администрации, жителей 2 человека, по состоянию на 2004 год.

Село Погорелое

Очень древнее, существовало ещё в XVI столетии. Название село, как полагали в XIX веке, получило от поселков на месте выгоревших некогда дремучих лесов, окружавших со всех сторон данную местность. На 1859 год население исчислялось 140 душами мужского и 154 женского пола Занятие жителей на тот период — земледелие, разработка каменного угля для чугуноплавильных заводов.

Село Погорелое исстари находилось в 17 верстах юго-восточнее Белева, по правую сторону Чернского тракта.

(В настоящее время никем не заселено)

Здесь находятся две братские могилы, в которых покоятся прах 104 воинов, павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в ноябре-декабре 1941 года; 82 из них известны. Освобождено 27 декабря 1941 года 1183-м стрелковым полком 356-й стрелковой дивизии 61-й армии.

Первоначальная церковь во имя св. мучеников Флора и Лавра существовала в начале XVII столетия. Храм этот время от времени переделывался и с 1760 года, вместо Флоровского, стал называться Богояленским; в 1880 году был заменен каменным на средства штабс-капитана Василия Васильевича Левашова.

К священным ценностям храма относится Евангелие, напечатанное в 1654 году при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне. С 1887 года — церковно-приходское училище.

РЕЧКА ЛЮТИМКА

Берет начало внутри Белевского района и впадает в реку Оку.

Село Дураково — изначально, ныне — деревня Жуково.

Название села легенда связывает с именем первого его поселенца крестьянина, слывшего в народе дураком.

Население на 1859 год составляло 276 душ мужского и 285 женского пола.

Происхождение прихода относят к первой половине XVII столетия. При храме — школа грамоты. Храм каменный. Во имя св. Пророка Илии и во имя св. Александра, епископа Константинопольского. Устроен в 1790 году старанием прихожан и благотворительным участием корнета Дениса Александровича Чичерина. Храм имеет продолговатую форму: наподобие корабля, с величественным куполом, как явствует из его описания конца XIX века.

Здесь ныне 8 братских могил с прахом воинов, павших за освобождение д. Жуково и города Белева с предместьем в декабре 1941 года. Всего предан земле 151 воин, из них известны имена 141 павшего. Здесь же, среди них, покоятся прах павших воинов, перенесенный из соседних сел бывшего Жуковского сельского совета.

Д. Жуково освобождена 29—30 декабря 1941 года 1109-м стрелковым полком 330-й стрелковой дивизии 10-й армии.

Примечательно, что, по состоянию на 1792 год, в деревне Жуково находилось 46 дворов. Проживало здесь 179 душ мужского и 185 женского пола. Здесь же дом господский с плодовым садом, а земля серо-глинистая, хлеба и покосы отмечались как посредственные; лес дровяной, а крестьяне — на пашне. Земли по обеим сторонам речки Лютимки принадлежали Денису Ивановичу Чичерину и Аграфене Алексеевне Яновой.

Ныне деревня относится к Жуковской сельской администрации, население 636 человек. Школа. В настоящее время за счет строительства промпредприятий, размещенных на окраине города, расстояние между городом Белевом и деревней Жуково значительно сократилось, ранее же считалось, что с. Дураково находится от Белева в двух верстах, по Лихвинскому тракту.

РЕЧКА ЛЮТИМКА

Деревня Ламоново

Ранее называлась Ламонова.

В двух верстах от Белева, севернее его, по левую сторону Лихвинского тракта. На 1859 год насчитывалось жителей: 144 человека мужского и 130 — женского пола.

В настоящее время относится к Жуковской сельской администрации. Жителей — 122 человека.

Примечательно для Ламонова: по состоянию на 1792 год, находилось в ведомстве Коллегии Экономии крестьян. Дворов здесь было количеством 28, в них проживало на то время 84 человека мужского и 83 женского пола. Причем под усадьбой находилось 9 десятин; всего пашни 220 дес. 1191 с., сенных покосов — 26 десятин 1850 с. Земля здесь серо-глинистая. А крестьяне — на казенном окладе.

РЕЧКА ХОМИГА (ХОЛХА)

Впадает в речку Вежну (Веженку).

Село Болото

Название произошло от топкой болотистой местности. По состоянию на 1859 год, население исчислялось: 342 души мужского пола и 347 — женского.

Родовое имение князей Львовых. Исстари находится в 11 верстах по Тульскому тракту, ныне — слева от шоссе Белев—Тула. Школа.

В настоящее время входит в состав Болотской администрации, жителей — 543 человека.

Одна братская могила. Захоронено — 95 человек, известных — 78 человек. Освобождено 24 декабря 1941 года 1103-м стрелковым полком 328-й дивизии 10-й армии. Здесь размещался 112-й походно-полевой госпиталь.

Храм во имя св. Николая Чудотворца, с приделом св. Сергия Радонежского, построен в 1784 году на средства подпоручика князя Николая Никитича Львова.

Примечательны: пятиярусный иконостас итальянской резной работы и настенная живопись. (Ныне не существует).

РЕЧКА ПОЛЯНКА

Впадает в речку Веженку.

Сельцо Пронино (деревня Пронино)

В 16 верстах восточнее Белева по Тульскому тракту; жителей — 110 человек мужского пола и 107 — женского пола.

Две братские могилы, в которых предан земле прах воинов, павших в боях под Белевом в 1941 году. Всего — 258 останков воинов, 211 из них имена известны. Освобождено 24 декабря 1941 года 1103 стрелковым полком. 1085-м стрелковым полком 328-й 322-го стрелковыми дивизиями 10-й армии.

В настоящее время деревня Пронино относится к Болотской сельской администрации, жителей 55 человек.

РЕЧКА ВЕЛИЧЕНКА

Впадает в р. Оку.

Деревня Новая Велична

Издавна — в 11 верстах на юго-восток от Белева по Чернскому тракту, жителей на 1859 год: 73 человека мужского и 81 женского пола.

В настоящее время в составе Кожуровской сельской администрации. Жителей — 62 человека.

Деревня Старая Велична

В 11 верстах юго-восточнее Белева, по правую сторону Чернского тракта, жителей на 1859 год — 168 душ мужского и 195 женского пола. Известно тем, что здесь белевские купцы добывали редкую по качеству синюю глину и отправляли на зарубежные рынки сбыта. Широко использовалась глина для производства кирпича, и не случайно образовавшийся здесь колхоз получил название в конце двадцатых годов прошлого столетия «Красный кирпичник».

В настоящее время деревня Старая Велична относится к Кожуровской администрации. Население составляет 62 человека. Школа (бывший дом купца Фандеева).

Одна братская могила. Захоронено — 771 человек, известных — 771 человек. Освобождена 24 декабря 1941 года 1150-м стрелковым полком 342-й стрелковой дивизии 61-й армии.

РЕЧКА ДЕВОША

Впадает в реку Вежну (Веженку). В советское время здесь образован пруд, имеет промысловое значение.

Деревня Новые Выселки (Сергиевка, а также Сергеевка)

В 7 верстах восточнее Белева по Тульскому тракту. Жителей на 1859 год было: 28 душ мужского и 35 — женского пола. Принадлежала князьям Льзовым. В настоящее время относится к Кураковской администрации, жителей — 25 человек.

РЕЧКА ТУШИНКА

Впадает в речку Веженку.

Село Семеновское

В 14 верстах северо-восточнее Белева, находилось издавна по левую сторону Тульского тракта, население на 1859 год составляло 310 душ мужского и 311 жен-

ского пола. В настоящее время относится деревня Семеновское к Болотской сельской администрации; население составляет 36 человек.

Братских могил — 10. Захоронено — 161 человек, известных 132 человека.
Село освобождено 25 декабря 1941 года воинами 1150-го стрелкового полка, 108-го стрелкового полка, 342-й стрелковой дивизии. 61-й армии.

Храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Строился по частям. Церковь — в 1707 году, на средства помещиков Воецовых и г. Юшкова. Трапезная — в 1770—1780 гг.— усердием А. И. Юшковой и князя Ухтомского. В начале XIX века женой генерала Тимирязева был устроен новый шестиярусный иконостас. Придел во имя св. Николая Чудотворца, возведен на средства помещика Огарева.

РЕЧКА СЕТУХА

Деревни Березово, Долболово, Сытичи — быв. Калужской губ.

Берет начало в Лихвинском (Чекалинском) уезде и впадает в речку Свинку.

Деревня Беседина (Беседино)

В 5 верстах севернее Белева, по левую сторону Лихвинского тракта; жителей: 96 душ мужского и 104 — женского пола.

В настоящее время относится к Жуковской сельской администрации, 20 человек жителей.

Деревня Болтенки

Издавна — в 6 верстах севернее Белева, по левую сторону существовавшего ранее Лихвинского тракта; жителей на 1859 год — 62 человека мужского пола и 63 женского.

В настоящее время относится к Жуковской сельской администрации, жителей 28 человек.

Деревня Рядова (д. Рядово)

В 4 верстах севернее Белева, по правую сторону ранее существовавшего Козельского тракта. Жителей: 38 человек мужского и 45 — женского пола, по состоянию на 1859 год. Относится к Жуковской сельской администрации, жителей — 2 человека.

РЕЧКА ИСАЙКА

Берет начало в существовавшем ранее Лихвинском уезде (ныне Чекалинский район). Впадает в речку Вырку.

Село Ильино

Исстари находилось в 10 верстах на север от Белева, по левую сторону бывшего Лихвинского тракта; население на 1859 год составляло: 71 человек мужского и 74 человека женского пола.

Ныне относится к Давыдовской сельской администрации. Жителей — 4 человека.

Каменный храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, устроенный только наполовину в 1882 году стараниями коллежского асессора Андрея Ивановича Полонского; имел один престол в трапезной — во имя св. мученицы Параскевы. В

1892 году к храму была пристроена настоящая каменная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и устроена каменная колокольня — в основном странием церковного старосты крестьянина Владимира Ивановича Карасева и частично коллежского советника Виктора Алексеевича Чижова.

РЕЧКА СКАГОЩЬ

Впадает в Вырку.

Деревня Зенова (Зеново)

Находится в 12 верстах севернее Белева, по левую сторону существовавшей ранее Лихвинского тракта. Жителей на 1859 год имелось — 54 человека мужского пола и 54 — женского.

Относится к Ивановской сельской администрации. Число жителей 22 человека.

Сельцо Кудрино (деревня Кудрино)

Находится в 15 верстах севернее Белева, по левую сторону ранее существовавшего Лихвинского тракта, относится к Ивановской сельской администрации. Число жителей — 10 человек.

РЕЧКА РАДОБЕЦА

Берет начало в существовавшем ранее Лихвинском уезде (ныне Чекалинский район) и впадает в речку Городну.

Сельцо Кунилово

Находится в 20 верстах севернее Белева, по левую сторону Лихвинского тракта. По состоянию на 1859 год, жителей: 60 душ мужского и 72 женского пола.

В настоящее время относится к Ивановской администрации, 8 человек жителей.

РЕЧКА КОЛОМНА

Впадает в реку Оку. Некогда действовала мучная мельница, в настоящее время — пруд промыслового значения.

Сельцо Володьково

Издавна — в 8 верстах севернее Белева, по правую сторону Лихвинского тракта. По состоянию на 1859 год, население составляло: 141 человек мужского и 152 женского пола.

Бывшая усадьба барона Черкасова, в которой родился декабрист Алексей Иванович Черкасов.

В настоящее время относится к Кураковской сельской администрации, жителей — 44 человека.

РЕЧКА СЕСТРИК(А)

Впадает в реку Оку.

Сестриковские Постоялые Дворы

В 5 верстах на юго-восток от Белева, по Чернскому тракту.

По состоянию на 1859 год, жителей: 18 человек мужского и 24 — женского пола. В настоящее время пустует.

РЕЧКА БОРОВНА

Впадает в р. Оку

Сельцо Боровна

Находится в 6 верстах на северо-восток от Белева, по правую сторону от Лихвинского тракта. Жителей: 34 души мужского и 36 душ женского пола. В настоящее время относится к Кураковской администрации, население — 20 человек.

РЕЧКА ГОСТИЧКА

Берет начало в Лихвинском (Чекалинский район) уезде, впадает в речку Паниковку.

Сельцо Кондратово

Находится в 15 верстах севернее Белёва, по проселочному Лихвинскому тракту, число жителей составляет 105 человек мужского пола и 109 — женского пола.

В настоящее время относится к Ивановской сельской администрации; население — 22 человека.

РЕЧКА СТРЕЛЬНЯ

Впадает в реку Вырку.

Сельцо Давыдово (д. Давыдово)

Издавна в 11 верстах севернее Белева, по левую сторону Лихвинского проселочного тракта; по состоянию на 1859 год число жителей составляет 159 человек мужского и 169 человек женского пола.

В настоящее время относится к Давыдовской сельской администрации, население на 2002 год — 77 человек.

В братский могиле захоронено 227 павших воинов, 23-х из них имена известны. Село освобождено 28 декабря 1941 года воинами 889-го АП 61-й армии.

РЕЧКА ПАНИКОВКА

Берет начало в Лихвинском (а ныне — в Чекалинском р-не) и впадает в р.Оку.

Сельцо Иваново (д. Иваново)

Издавна — в 14 верстах севернее Белева, по левую сторону Лихвинского тракта (проселочного).

По состоянию на 1859 год, число жителей: 89 человек мужского и 80 — женского.

Бывшая усадьба Константина Дмитриевича Кавелина, историка, философа, общественного деятеля.

В настоящее время входит в состав Ивановской сельской администрации, население 291 человек. Школа.

РЕЧКА МАЛАЯ ВЫРКА (ВЫРА)

Впадает в реку Оку. На ней стояла мучная мельница.

Деревня Ганьшино (Ганьшина)

В 2-х верстах на запад от Белева, по правую сторону Козельского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 115 человек мужского и 109 человек женского пола. В настоящее время входит в состав Жуковской сельской администрации. Население 64 человека.

Деревня Умрышенки

Находится в 4 верстах западнее Белева, по левую сторону Козельского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 85 человек мужского и 93 человека женского пола.

В настоящее время входит в состав Жуковской сельской администрации; жителей — 24 человека.

РЕЧКА КАРЦОВКА

Впадает в р. Малую Вырку.

Деревня Карцева (ныне Карцово)

Издавна в 6 верстах западнее Белева, по левую сторону Козельского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 43 человека мужского и 48 человек женского пола.

В настоящее время относится к Ровенской администрации, жителей — 30 человек.

РЕЧКА СЕМЬЮНКА

Впадает в Вырку. (Фатяновскую)

Село Мишенское (ныне — д. Мишенское)

Издавна находится в 2,5 версты южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта. Упоминается как существовавшее в XVI веке.

Население на 1859 год — 699 человек мужского и 752 человека женского пола.

С 1883 года — земская школа. Родина поэта Василия Андреевича Жуковского. В настоящее время относится к Мишенской сельской администрации. Число жителей — 153 человека. Школа.

В трех братских могилах захоронено 123 человека, имена которых известны. Село освобождено 2 января 1942 года воинами 1150 СП 342 СД 61А.

Каменный Храм с приделами: во имя Покрова Пресвятой Богородицы и трапезной — во имя св. Николая Чудотворца, построен в 1784 году на средства помещика коллежского асессора Афанасия Ивановича Бунина.

РЕЧКА МОКРАЯ РУЧИЦА

Впадает в речку Руку.

Деревня Таратухино (ранее — Таратухина)

В 12 верстах южнее Белева по Болховскому тракту.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 93 человека мужского пола и 84 человека женского пола.

В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации. Всего проживают 209 человек.

В братской могиле захоронено 313 павших воинов, имена всех известны. Село освобождено воинами 1148 СП 342 СД 61А.

Деревня Маршуково

Находится в 12 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 67 мужского и 73 женского пола.

В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации. Население — 31 человек.

Деревня Слобода

Находится в 13 верстах на юго-запад от Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 211 человек мужского и 224 человека женского пола.

В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации.
Население — 47 человек.

РЕЧКА ЗЛОКОМА

Впадает в р. Оку.

Село Новые Дольцы

Находится в 22 верстах южнее Белева, по Болховскому тракту.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 300 мужского пола и 269 человек женского пола.

В настоящее время относится к Новодолецкой сельской администрации. Население — 319 человек.

В братской могиле захоронено 195 воинов, павших в боях в 1941—1943 гг., известны имена 187 человек.

Село освобождено 24 июня 1942 года воинами 105 СП 61А.

Примечательно, что в Новых Дольцах находилась почтовая станция, так как через Новые Дольцы пролегал почтовый тракт.

Храм во имя св. великомученика Георгия Победоносца, стараниями князя Ивана Дмитриевича Трубецкого — в 1798 году, возобновленный — в 1854—1860 гг. церковным старостой М. П. Плюхановым. С 1884 г.— церковно-приходская школа.

Деревня Коптева (ныне — Коптево)

Исстари находилась в 19 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 131 человек мужского пола и 143 женского.

В настоящее время относится к Бобриковской сельской администрации. Население — 7 человек.

Деревня Зубкова (ныне — Зубково)

Находится в 22 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 186 мужского и 109 женского пола.

В настоящее время относится к Новодолецкой сельской администрации.

Население — 215 человек.

Деревня Верхние Дольцы, или — село Старые Дольцы

Находится в 23 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 5 человек мужского и 8 женского пола.

Занятие — земледелие, отхожий промысел.

В настоящее время относится к Новодолецкой сельской администрации, насчитывается 22 человека жителей.

Церковь во имя св. великомученика Георгия. Очень древняя. Пятиярусный иконостас с иконописью XVII века. В 1873 году была капитально обновлена благодаря усердию церковного старосты М. С. Коняхина.

РЕЧКА ЛУКОМОЙКА

Впадает в Большую Кузнецовку.

Село Лиховищи

Находится в 5,5 версты юго-западнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год — 92 человека мужского и 83 женского пола.

В настоящее время относится к Мишенской сельской администрации, население — 44 человека.

Первоначально храм существовал до 1730 года. Сгорел во время пожара. В 1786 году был построен каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя иконы Тихвинской Божией Матери.

Храмостроителем был помещик того же села Сергей Желябужский, впоследствии иеромонах Серафим, настоятель Белевской Введенской Жабынской пустыни.

РЕЧКА БОЛЬШАЯ КУЗНЕЦОВКА

Берет начало в Козельском уезде и впадает в р. Вырку (Фатьяновскую).

Деревня Кузнецова (ныне — Кузнецово) Находится в 8 верстах юго-западнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год — 155 человек мужского пола и 149 — женского пола.

В настоящее время относится к Ровенской сельской администрации. Население 20 человек.

РЕЧКА СУХАЯ РУЧИЦА

Впадает в р. Мокрую Ручицу. Святой источник.

Село Сухочево (прежнее название — Покровское)

Получило название от речки Сухая Ручица. В 12,5 версты южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год — 116 человек мужского пола и 115 женского пола.

В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации. Население — 38 человек.

В братской могиле захоронено 290 павших воинов во время боев на Орловском направлении 1942—1943 гг. Известны имена 176 человек. Село освобождено 5 июля 1942 года воинами 1181 СП 342 СД 61А.

Каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Местночтимая икона Живоносного источника Пресвятой Богородицы. При церкви с 1894 года — церковно-приходская школа.

РЕЧКА МАЛАЯ КОРИНА

Впадает в Большую Корину.

Деревня Уткина (ныне Уткино)

Находилась со дня основания в 15 верстах южнее Белева по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 60 душ мужского и 59 душ женского пола.

В настоящее время относится к Бобриковской сельской администрации. Население — 30 человек.

Братская могила, в которой покоится прах 615 воинов, все захороненные известны. Деревня освобождена 4 апреля 1942 года воинами 1185 СП 342 СД 61А.

Уткино — усадьба Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы поэта Василия Андреевича Жуковского. Мать братьев Киреевых, Ивана Васильевича и Петра Васильевича.

РЕЧКА БОБРИК

На речке в XIX веке действовали две мучные мельницы. Впадает в Оку.

Деревня Николаевка

Находится в 20 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 136 человек мужского и 141 женского пола.

В настоящее время относится к Бобриковской сельской администрации, насчитывается 29 человек жителей.

РЕЧКА ГОРОДЕНКА

Впадает в речку Бобрик.

Деревня Зайцево

Находилась в 18 верстах юго-западнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 963 человек мужского и 1077 женского пола.

Занятие жителей — земледелие и отхожий промысел. (Санкт-Петербург и южные губернии России). С 1862 года здесь действовало Земское училище.

Братская могила, в которой покоится прах 1120 воинов, в том числе и погребанные с полей сражений в течение 1942—1943 гг. Особенно ожесточенными были бои в период Орловско-Курской битвы. Деревня освобождена 3 апреля 1942 года воинами 148 СП 342 СД 61 А.

Особо примечательно то, что во время Великой Отечественной войны, в частности, в период авианалетов и артобстрелов во время Орловско-Курского сражения деревня Зайцево была полностью разрушена и уничтожена огнем пожаров. В послевоенное время частично восстановлена. В настоящее время относится к Бобриковской сельской администрации. Население 207 человек.

Храм во имя св. великомученика Георгия Победоносца существовал ещё в 1741 году. В 1851 году был расширен пристройкою двух арок. В 1878 году были устроены два придела.

РЕЧКА МАЛАЯ РУЧИЦА

Впадает в речку Руку (правый приток Оки)

Деревня Астафьево

Находится в 13 верстах юго-восточнее Белева, исстари — по Чернскому тракту.

На 1859 год население составляло 130 человек мужского и 136 человек женского пола.

В настоящее время относится к Астафьевской сельской администрации, население 228 человек.

РЕЧКА МОКРАЯ РУЧИЦА

Впадает в р. Руку (левый приток р. Оки)

Деревня Петрово

Исстари находилась в 11 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 160 человек мужского и 169 женского пола.

В настоящее время относится к Таратухинской администрации, население — 32 человека.

РЕЧКА ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Село Шамордино

Находится в 30 верстах южнее Белева, расположено по правую сторону Болховского тракта.

Согласно источникам, относящимся к 1859 году, население составляет — 57 человек мужского и 70 человек, соответственно, женского пола.

Занятие жителей села Шамордино на тот же период: земледелие и разработка каменного угля в южных городах России.

Деревянный храм во имя Казанской Божией Матери. Построен храм, согласно преданию, в 1751 году князем Николаем Ивановичем Трубецким. С 1795 года по 1893 год храм несколько раз обновлялся изнутри и снаружи — на средства состоятельных прихожан, среди которых особенно памятным остается имя г-жи Параскевы Алексеевны Мухановой.

В настоящее время, к сожалению, село нежилое.

РЕЧКА МАЛАЯ КОРИНА

Впадает в речку Большая Корина.

Село Петрищево

По преданию, существовало в первой половине XVII века и составляло вотчину Петра Ивановича Юшкова.

Число жителей, по состоянию на 1859 год,— 160 человек мужского и 176 женского пола.

Село Петрищево со дня основания находилось в живописном месте, привлекало своим местоположением замечательных людей края, в то же время оно стало местом упокоения знаменитых людей из рода Юшковых-Киреевских — Елагиных. Здесь, у стен храма, предано было земле тело усопшего декабриста Гавриила Степановича Батенькова; покоятся прах Батенькова рядом с могилой фронтового дру-

га — Алексея Андреевича Елагина, отчима замечательных патриотов Отечества — братьев Киреевых Ивана Васильевича и Петра Васильевича.

Село Петрищево истари находилось в 15 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

Здесь исправно действовала земская школа. В настоящее время относится к Бобриковской сельской администрации, население — 66 человек.

Каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Устроен в 1802 году на средства местного помещика П. Н. Юшкова. Утрачен в советское время.

РЕЧКА ПЛЕСНА

Впадает в реку Оку.

Деревня Боркова (ныне — Борково)

Сельцо Артемовка (Шубенка)

Село Алтухово.

Своим названием обязано бывшим владельцам — помещикам Алтуховы-м. Располагалось истари — в 28 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

По данным на 1859 г., в Алтухове проживало 146 человек мужского и 143 — женского пола. Здесь имелась земская школа, год основания которой — 1898. Занятия жителей согласно источникам на тот же период: земледелие и разработка каменного угля в южных районах России.

Каменный храм во имя Воскресения Христова, построен в 1767 году на средства местного помещика Ф. Н. Арбузова. В последующие годы также обновлялся на средства помещиков Арбузовых. (Охраняется государством).

РЕЧКА МОКРАЯ ДОЛИЦА

Впадает в р. Оку.

Сельцо Ментилово (Ментилово, Ильинское)

Изначально — в 25 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

Проживало на 1859 год 182 человека мужского и 193 женского пола.

Занятия жителей: земледелие и отхожий промысел.

В настоящее время — в составе Новодолецкой сельской администрации, население — 38 человек.

Храм во имя св. Пророка Божьего Илии. Основан в 1789 году на средства прихожан. В последующие годы обновлялся и перестраивался усердием священника Иоанна Павлertова и церковного старосты крестьянина Л. И. Ермолова.

Деревня Кочерова (ныне — Кочерово)

Изначально — в 26 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта.

С числом жителей на 1859 год — 167 душ мужского пола и 189 женского.

В настоящее время насчитывается 50 человек.

Деревня относится к Новодолецкой сельской администрации.

Братские захоронения: 135 воинов, павших в боях в течение 1942—1943 гг.

РЕЧКА СЕЛЬНЯ.

Впадает в речку Плесну.

Деревня Ключниково (ныне – Ключниково)

Изначально в 27 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта. (Нежилая).

РЕЧКА ОСТРОВЧИНКА

Впадает в речку Малую Ручицу.

Сельцо Животово

Изначально находилось в 10 верстах на юго-восток от Белева, по Чернскому тракту.

Число жителей на 1859 год – 36 душ мужского пола и 44 женского.

В настоящее время относится к Кожуринской администрации. Население – 8 человек.

РЕЧКА УСТЬ

Впадает в речку Исту, правобережье р. Оки

Сельцо Кудеяровка

Изначально – в 24 верстах на юго-восток от Белева, по Чернскому тракту. Находится в Арсеньевском районе, образованном из Белевского уезда в конце 20-х годов прошлого столетия согласно новому административному делению.

РЕЧКА ИСТА.

Впадает в р. Оку. На ней располагалось 7 мукомольных мельниц.

Сельцо Байдино

Изначально находится в 30 верстах на юго-восток от Белева, по Чернскому тракту. Входит в Арсеньевский район.

Деревня Васильевское

Изначально – в 32 верстах юго-восточнее Белева по Чернскому тракту. Входит в состав Арсеньевского района.

Деревня Синяковка

Изначально в 32 верстах юго-восточнее Белева по Чернскому тракту, относится к Арсеньевскому району.

Сельцо Араны

Арсеньевский район.

Село Литвиново (Владимирское)

Входит в Арсеньевский район.

Каменный храм во имя св. Дмитрия, митрополита Ростовского; построен в 1806 году на средства князя В. И. Щербатова.

С 1861 года действовала церковно-приходская школа, упраздненная в советское время.

Село Юрьково

Входит в Арсеньевский район

Сельцо Прехвальное (Круг)

Относится к Арсеньевскому району.

Село Княгинино

Изначально — в 36 верстах от Белева, по левую сторону Чернского тракта. По местному преданию, село Княгинино принадлежало некогда одной из русских княгинь.

Проживало на 1859 год 408 человек мужского и 516 человек женского пола.

Занятия жителей: земледелие и отхожий промысел.

Деревянный храм во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. По преданию — построен в 1-й половине XVIII столетия. В 1876 году храм был построен на средства г. Пущенниковых. С 1887 года действовала школа грамоты, упраздненная в советское время. (Входит в Арсеньевский район)

Сельцо Кологрировка

Относится к Арсеньевскому району.

Село Покровское (Мокрое)

Изначально — в 50 верстах от Белева, по левую сторону Чернского тракта.

На 1859 год — жителей: 326 человек мужского и 316 — женского пола.

Занятия жителей — земледелие и отхожий промысел. Относится к Арсеньевскому району.

Каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, сооружен на средства местного помещика, коллежского советника А. И. Угрюмова. С 1886 года при церкви действовала школа грамоты, которая упразднена в советское время.

РЕЧКА ГОРОДЕНКА

Впадает в речку Исту, правый приток Оки.

Село Фурсово

Изначально — в 38 верстах от Белева по Мценскому тракту.

Село существовало ещё во времена царя Алексея Михайловича.

Число жителей на 1859 год — 212 душ мужского пола и 216 женского. Занятия жителей: земледелие, ремесла.

(Относится к Арсеньевскому району)

Первоначальный храм очень древний. Каменный храм во имя св. Афанасия и Кирилла строился по частям: трапезная в 1821 году — на средства генеральши Уваровой. В 1828 году храм с колокольней строился на средства статского советника И. П. Холодовича. С 1890 года действовала одноклассная церковно-приходская школа.

Деревня Князевские Постояльные Дворы

Относится к Арсеньевскому району.

Сельцо Голубочки

Относится к Арсеньевскому району.

РЕЧКА МАЛАЯ ИСТИЦА

Берет начало в Одоевском районе, впадает в р. Исту.

Село Монаенки

Изначально находится при большой Белевско-Чернской дороге; в 22 верстах

от Белева. Население на 1859 год составляло; 1100 человек мужского и 1260 женского пола. Занятие жителей — земледелие и обработка лыка. В настоящее время входит в состав Арсеньевского района.

Приход села в начале XVII века был вотчиной Белевского мужского Спасо-Преображенского монастыря.

Ср времен Екатерины II Монаенки составляли самостоятельный приход.

Новый каменный храм Великого Страстотерпца Христова Егорья был построен в 1892 году благодаря единодушному участию прихожан и попечителей, среди которых был и великий князь Константин Константинович, пожертвовавший вызолоченный крест для купола.

РЕЧКА СУХАЯ ДЕБРИНКА

Сельцо Варварино.

Входит в состав Арсеньевского района.

РЕЧКА СЕМЬЮНОВКА

Впадает в речку Руку.

Деревня Аlopово Верхнее

Изначально в 10 верстах юго-восточнее Белева, по правую сторону Чернскоготракта. На 1859 год число жителей: 25 человек мужского и 28 — женского пола.

(Нежилое).

Село Аlopово Нижнее

(Нежилое).

РЕЧКА АБИНКА

Впадает в речку Руку, правый приток р. Оки.

Деревня Абинь

Изначально — в 17 верстах юго-восточнее Белева, по правую сторону Чернскоготракта. На 1859 год проживало 207 человек мужского и 116 — женского пола. В настоящее время относится к Кожуровской сельской администрации. Население — 26 человек.

РЕЧКА ГУРИКОВКА (ЧЕРЮКОВКА)

Впадает в р. Руку.

Деревня Каратеева

Современное название Каратеево.

Изначально находилось в 16 верстах юго-восточнее Белева, по правую сторону Чернскоготракта; жителей, по состоянию на 1859 год, — 80 человек мужского и 79 человек женского пола. В настоящее время относится к Астафьевской сельской администрации. Население — 8 человек.

РЕЧКА РЫДОНКА

Деревня Рыдань

РЕЧКА НЕЗОВКА

Деревня Лелохина

Изначально находилась в 25 верстах от Белева, по правую сторону Чернского тракта; в настоящее время относится к Арсеньевскому району.

РЕЧКА ВОНСКАЯ

Село Савинково

Изначально в 40 верстах от Белева, по правую сторону Чернского тракта; население на 1859 год составляло 107 человек мужского и 125 человек женского пола. Занятия жителей села — земледелие, отхожий промысел. С 1870 года вплоть до упразднения действовала земская школа.

(В настоящее время относится к Арсеньевскому району).

Деревянная церковь во имя Трех Святителей была построена в 1682 году сыном московского воеводы И. Д. Левшина — Демидом Ивановичем Левшиным. В 1763 году была заменена каменным храмом, строителем которого был полковник Д. Д. Левшин. В последующие годы храм неоднократно обновлялся.

РЕЧКА РУКА

Впадает в р. Ока.

Деревня Кожурова (Кожурово)

Изначально находилась в 14 верстах юго-восточнее от Белева, по Миценскому тракту; число жителей на 1859 год: 145 человек мужского пола и 148 — женского пола.

В настоящее время относится к Кожуровской администрации; жителей — 74 человека.

РЕЧКА СТРУНКА

Деревня Черногрязка

Находится изначально в 21 версте южнее Белева, по Миценскому тракту. В настоящее время относится к Беляевской сельской администрации.

Население 37 человек.

Примечательно: под охраной государства находится редкий культурный памятник далекого прошлого — селище.

В настоящее время относится к Арсеньевскому району:

Сельцо Астахово

Сельцо Гремячка

Сельцо Бибино

Сельцо Сальница

РЕЧКА САЛЬНИЦА

РЕЧКА РАКИТНЯ

Впадает в речку Исту.

Деревня Старая Земляковка

РЕЧКА МОЛОТОВКА

Село Стромки

Изначально в 30 верстах от Белева.

Население на 1859 год составляло 108 человек мужского и 114 человек женского пола.

В настоящее время относится к Арсеньевскому району.

Деревянный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построен в 1866 году старанием местного приходского священника о. Петра Воскресенского и церковного старосты Герасима Каданина. В последние годы до установления советской власти обновлялся.

Деревня Рахлеева

РЕЧКА РУДЕНКА

Сельцо Захарово

Сельцо Рожново

Сельцо Рудино

Изначально в 3 верстах от Белева. Название произошло от слова «руда» и, по преданию, в верховьях речки Руденки были рудники.

В селе Рудино действовала школа грамоты.

Каменный храм во имя Казанской Божией Матери с двумя приделами построен в 1812 году. В последующие годы обновлялся.

РЕЧКА ЗЫРОТОВКА

Впадает в речку Исту.

Сельцо Боброво

РЕЧКА ЛЫЧНЯ

Сельцо Сидорово

РЕЧКА ГРЯЗЬ

Деревня Прилепы

РЕЧКА ДЕРТИГИ

Село Дертягино

Изначально — в 35 верстах от Белева, по левую сторону Чернского тракта.

Каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, построен в 1775 году помещиком С. И. Кологривовым. С 1891 года действовала школа грамоты.

РЕЧКА ДОРОГОМЫЖКА

Сельцо Дорогомыжска

РЕЧКА БОРЩОВКА

Село Борщовка

РЕЧКА КАМЕНКА

Деревня Каменка

РЕЧКА СНЕЖЕДЬ

Село Богородицкое (Жиморино)

Изначально в 50 верстах от Белева. Относится к Арсеньевскому району.

Каменный храм во имя Казанской Божией Матери, построен, предположительно в середине XVIII века помещиком полковником А. А. Левшиным. В 1874 году был приписан к приходу села Щетинина.

Село Лучки

Изначально — в 45 верстах от Белева. Действовало земское училище. В настоящее время относится к Арсеньевскому району.

Деревянный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы; устроен в 1768 году на месте старого, ранее существовавшего, усердием коллежского асессора Д. М. Шепелева.

Деревня Будоговищи

Изначально в 30 верстах южнее Белева, по Мценскому тракту. Жителей, по состоянию на 1859 год, — 492 человека мужского и 488 — женского пола. В настоящее время относится к Беляевской сельской администрации, население составляет 139 человек. На территории Будоговицкой школы находятся братские захоронения. Всего захоронено 377 воинов, павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в декабре 1941—1942 гг.

КОЛОДЦЫ

Деревня Дмитриевка

Изначально в 10 верстах восточнее Белева, по Тульскому тракту.

Жителей на 1859 год было: 39 человек мужского и 36 — женского пола.

В настоящее время относится к Болотской сельской администрации, жителей — 13 человек.

Деревня Георгиевка

Изначально в 10 верстах севернее Белева, по правую сторону Лихвинского тракта.

Проживало на 1859 год 46 душ мужского и 51 — женского пола.

В настоящее время относится к Кураковской сельской администрации. Население: 21 человек.

Деревня Алексеевка

Изначально — в 15 верстах на северо-восток от Белева, по правую сторону Лихвинского тракта.

Всего жителей на 1859 год составляло: 41 человек мужского и 42 — женского пола.

В настоящее время относится к Кураковской администрации, жителей — 9 человек.

Деревня Ходыкино

Изначально — в 3 верстах на северо-запад от Белева, по правую сторону Ко-

зельского тракта, число жителей на 1859 год составляло: 41 человек мужского и 53 женского пола.

В настоящее время относится к Жуковской сельской администрации, жителей — 18 человек.

Деревня Сенюхина (Сенюхино)

Изначально в 5 верстах западнее от Белева. По левую сторону Козельского тракта, число жителей на 1859 год составляло: 176 человек мужского и 151 человек женского пола.

В настоящее время относится к Ровенской сельской администрации. Жителей — 91 человек.

Сельцо Собакино

Переименовалось в советское время в д. Садовую

Изначально находилось в 6 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта, число жителей на 1859 год составляло: 59 человек мужского и 51 человек женского пола.

В настоящее время относится к Мишенской сельской администрации.

Сельцо Шишкино (ныне деревня Шишкино)

Изначально в 9 верстах южнее от Белева, по правую сторону Болховского тракта, число жителей на 1859 год составляло: 132 человека мужского и 129 человек женского пола.

В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации. Население, по состоянию на 2002 год, — 12 человек.

Деревня Мочилки

Изначально — в 10 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта. Проживало на 1859 год 49 человек мужского и 57 человек женского пола. В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации. Население — 12 человек.

Деревня Башкина (ныне Башкино)

Изначально находилось в 25 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей на 1859 год — 296 душ мужского и 360 женского пола.

В настоящее время относится к Новодолецкой сельской администрации. Население — 47 человек. Братская могила на территории д. Башкино. В ней покоятся прах 293 воинов, павших в боях 1942–43 гг., имена всех известны.

Деревня освобождена 6 июня 1941 года бойцами 105 СП, 356 СД, 61А.

Деревня Боровая, в прошлом Боровое

Изначально находилась в 27 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей по состоянию на 1859 год составляло: 65 человек мужского и 69 — женского пола.

В настоящее время относится к Новодолецкой сельской администрации.

Жителей на 2002 год — 13 человек.

Деревня Железница

Изначально находилась в 32 верстах на юго-восток от Белева по Чернскому тракту.

Число жителей, по состоянию на 1859 год, составляло: 56 человек мужского и 70 человек женского пола.

В настоящее время относится к Беляевской сельской администрации.

Население по состоянию на 2002 год – 95 человек.

В деревне находится братская могила, в которой покоится прах 360 воинов, павших в ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками в декабре 1941 года и в январе 1942.

Полностью освобождена 27 декабря 1941 года. За её освобождение сражались воины 1283-го и 166-й стрелковых полков и 110-й стрелковой бригады 149-й стрелковой дивизии 61-й армии.

Деревня Мишина Поляна

Изначально находилось в 33 верстах юго-восточнее Белева, по Чернскому тракту.

В настоящее время входит в состав Арсеньевского района.

Деревня Губина (ныне – Губино)

Изначально находится в 15 верстах от Белева – на юго-восток, по правую сторону Чернского тракта.

Проживало на 1859 год – 72 человека мужского и 89 человек женского пола. В настоящее время относится к Кожуринской сельской администрации, проживают 2 человека.

Село Бельмово

Изначально находилось в 19 верстах от Белева.

Приход села Бельмово располагался в гористой местности, по обеим сторонам большой дороги, соединяющей города Белев и Чернь.

В писцовых книгах впервые упоминается в 1632 году с указанием на бывшую в нем деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, с приделами во имя св. Григория Богослова и св.мчц. Параскевы. Основателями этого храма были местные помещики Киреевские. Спустя более ста лет сведений иных о храме не имелось.

Затем, в 1778 году, вновь обнаруживаются сведения о том, что существует церковь Успения Пресвятой Богородицы, но уже без двух вышеупомянутых приделов.

По состоянию на 1859 год – в с. Бельмово деревянный храм Успения Пресвятой Богородицы, устроенный тщанием прихожан, имеет крестообразную форму с куполом в два яруса.

В пятидесятых годах XIX столетия храм вновь капитально исправлен после обветшания, приведен в надлежащий вид тщанием вдовы коллежского регистратора Надежды Алексеевны Сендуковой. Храм снабжен достаточной и благолепной утварью. Из местных, наиболее чтимых икон, особенное к себе благоговейное внимание привлекающая на тот период икона св. мученицы Параскевы.

Деревня Дмитриевка

Изначально находившаяся в 47 верстах от Белева, по левую сторону Чернского тракта.

Относится к Арсеньевскому району.

Село Черный Верх

Изначально находившееся в 35 верстах от Белева, по правую сторону Чернского тракта. Относится к Арсеньевскому району.

Деревня Лапочки

Изначально находилось в 50 верстах от Белева, по правую сторону Чернского тракта.

В настоящее время относится к Арсеньевскому району.

Лазы хутор (Лазы)

Поселение мещанское, изначально — в 20 верстах от Белева, по правую сторону Тульского тракта.

Число жителей — 3 человека мужского пола и 6 — женского,— по состоянию на 1859 год (Нежилое).

Деревня Слободка

Изначально находилось в 21 версте на восток от Белева, по правую сторону Тульского тракта.

Проживало 29 человек мужского пола и 26 — женского пола. В настоящее время относится к Богдановской сельской администрации, жителей 8 человек.

Деревня Ивановка

Изначально в 15 верстах восточнее Белева по левую сторону Тульского тракта.

Число жителей — 141 человек мужского пола и 125 человек женского пола.
(Не существует в настоящее время.)

Село Темрянь

Изначально — в 7 верстах на юго-восток от Белева, по Чернскому тракту. Родовое имение потомственных воевод Левшиных. Здесь родился и похоронен Василий Алексеевич Левшин — писатель, ученый-энциклопедист. По состоянию на 1859 год, число жителей составляло: 165 человек мужского пола и 158 душ женского пола. В настоящее время относится к Кожуровской сельской администрации. Население 8 человек.

Каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, заложен в 1667 году стольником и воеводою Афанасием Ивановичем Левшиным, завершен в 1695 году его женой и сыном. В 1880 году к храму пристроена каменная колокольня старанием церковного старосты крестьянина деревни Величны Василия Стефановича Фандеева. К храму пристроен придел во имя св. Николая Чудотворца.

Деревня Горбуново

Изначально находилось в 7,5 версты от Белева, по правую сторону Лихвинского тракта.

Число жителей на 1859 год составляет 122 человека мужского и 138 человек женского пола. В настоящее время относится к Кураковской сельской администрации. Население — 30 человек.

На территории деревни находится братская могила. В ней покоятся прах воинов, павших за освобождение деревни и в других боях в окрестности, всего 384, известны имена 77 воинов. Д. Горбуново освобождена в ожесточенном бою 28 декабря 1941 года воинами 1109-го стрелкового полка 330-й стрелковой дивизии 10-й армии.

Сельцо Карманье

Изначально — в 9 верстах северо-восточнее Белева, по правую сторону Лихвинского тракта .

Число жителей на 1859 год: 119 душ мужского пола и 118 – женского пола. В настоящее время относится к Кураковской сельской администрации, проживают 14 человек.

Деревня Хутора

Изначально – в 10 верстах восточнее Белева, по правую сторону Лихвинского тракта, число жителей 46 душ мужского пола, 50 – душ женского пола.

(Нежилая)

Сельцо Рязанцево

Рязанцево – современное название д. Рязанцево.

Изначально находилось в 7 верстах юго-западнее Белева, по правую сторону Болховского тракта.

Число жителей составляет 68 человек мужского пола и 72 человека женского пола, по состоянию на 1859 г. В настоящее время относится к Мишенской сельской администрации.

Население – 13 человек.

Сельцо Пронино

Современное название – деревня Пронино.

Изначально – в 11 верстах южнее Белева, по правую сторону Болховского тракта, проживало на 1859 год – 81 человек мужского и 75 человек женского пола. В настоящее время относится к Таратухинской сельской администрации. Население 13 человек. В братских захоронениях покоится прах 258 воинов, павших в бою за Пронино, известны имена 211 воинов.

Деревня Пронино освобождена 24 декабря 1941 года воинами 7-го гвардейской кавалерийского корпуса. Здесь располагался 132-й походный полевой госпиталь.

Сельцо Кализна

Изначально находилось в 4 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта. Проживало, по состоянию на 1859 год, 105 человек мужского пола и 131 человек – женского пола.

В настоящее время относится к Мишенской сельской администрации. Население: 89 человек.

Деревня Александровка

Ранее называлось Васькова.

Изначально находилась в 5 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта, число жителей – 105 человек мужского пола и 80 человек женского пола. Относится к Мишенской сельской администрации.

Проживают 23 человека.

Сельцо Игнатьево (ныне – деревня Игнатьево)

Изначально находилось в 18 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта. Число жителей на 1859 год: 295 душ мужского пола и 284 – женского пола. Относится к Бобриковской сельской администрации. Население 104 человека.

Деревня Михнева

Находится в 20 верстах южнее Белева, по левую сторону Болховского тракта, число жителей: 47 человек мужского пола и 71 человек женского пола. Относится к Бобриковской сельской администрации. Население 2 человека.

СБЕРЕГАЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ, ВПЕРЕД В БУДУЩЕЕ

Горожане – от старожила до новосела – любят свой древний Белев, ценят его прошлое, дорожат делами старших поколений, кропотливо трудятся над перспективой развития своей Малой родины.

Нам есть над чем работать. Нам есть на какой опыт опереться. Нам есть на что рассчитывать. Мы ощущаем свет из древнего далека, этот свет обязывает нас ко многому.

А рассчитываем мы конечно же на энергию молодежи, на свой трудовой потенциал. И мы думаем сейчас над тем, как восполнить трудовые ряды молодых, энергичных и грамотных технически, достаточно интеллигентных. И мы не только восполним, мы многократ умножим ряды молодых. Потому что есть, куда бы вложили сильные и интеллектуальные свои знания, прежде всего свои задумки.

Что для всего этого необходимо (вопрос Мы полагаем, что надо добиться такого состояния в обществе, чтобы экономический рост продолжился и приобрел устойчивый характер.

Но источником производительных и, конечно же именно производственных сил была и остается выверенная, четко сформулированная, предельно спланированная, а главное – подкрепленная в финансовом отношении социальная политика. И в этом контексте хочу в первую очередь отметить, что 26 апреля 2006 года вступила в строй действующих Центральная районная больница.

Действуют также три районные целевые программы – «Патриотическое воспитание молодежи Белевского района на 2006–2010 годы», «Формирование молодежной политики на территории Белевского района на 2006–2007 годы».

Но, образно говоря, по-прежнему «Хлеб всему голова». То есть думы наши о насущном, а именно – об аграрно-промышленном комплексе.

На село пришли инвесторы. Растут объемы посевных площадей. И медленнее, чем хотелось бы, однако растет поголовье крупного рогатого скота и есть прибавка в надоях.

Важно в этом плане то, что освоено новое, нетипичное для сельскохозяйственных традиций района, но перспективное направление, речь об кролиководческой ферме как важном шаге в животноводческой отрасли.

Есть подвижки в уровне средней заработной платы – с 1490 рублей в 2001 году до 5684 рублей, соответственно, в 2006 году. И все же нет причин обольщаться. Задача стоит, чтобы закрепить успехи, развить их, как говорится, перестраиваясь «на марше», не сбавляя темпов. Вот почему так остро нужен духовный запас созидательных сил. Сфера культуры должна находиться в органическом взаимодействии с экономикой, в центре внимания и достаточно профинансирована. Здесь планируется объединить сельские учреждения культуры и, в частности, в культурно-досуговой центр на основе организационно-правовых норм. Ставится цель поддержать не учреждения культуры вообще, а конкретно – виды деятельности их. Скажем приоритетно для Кураковского клуба – это фольклор, для Астафьевского – это народные промыслы.

И о реализации национальных проектов. Предусмотрено создание координирующего органа по реализации национальных проектов, определен состав рабочей группы.

Нашу уверенность в успешном выполнении всего намеченного укрепляет желание и решительный настрой на то, чтобы собрать все производственно-экономические, научно-образовательные, творческие силы воедино. А философия этого конструктивного движения такова – «Древним городам – новую жизнь 1»

Исходя из этой философии сформулирована концепция книги, которая выходит в свет благодаря усилиям энергичной творческой группы.

На мой взгляд, знаменательно то, что книга выходит в юбилейный для нас год. Белеву – 860 лет, и он ровесник Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

- «Временник». Журнал Императорского русского исторического общества. М. 1851 г.
- «Кормчий». Еженедельный религиозно-нравственный иллюстрированный «Народный словарь». 1915 г.
- «Летопись Калужская». Калуга. 1991 г. Калужский областной краеведческий музей.
(По изданию «Летопись Калужская от отдальных времен до 1841 года»).
- «Повесть временных лет. Жития.» Преподобный Нестор летописец. Русская православная церковь. Издательство Московской патриархии.
- «Тульские епархиальные ведомости» 1862 г., 1894 г., 1897 г., 1910 г.
- Артамонов М. И. «История хазар». Издание второе. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 2002 г.
- Барсуков А. П. «Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: По напечатанным правительственным актам» — С-П. 1902 — стр. 30—31.
- Битва под Москвой. Хроника. Факты. Люди. М: «Олма-Пресс». 2002 г.
- Бовдзей И. А. «Так было в Белёве». (1917—1920) Рукопись.
- Вестник Тульской областной Думы. Г. Тула, 2002, 2003 г.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента генерального Штаба. Том VI. часть 4. Тульская губерния. С-П: 1852 г.
- Возлинская В. М. «Методы исследования и реконструкции древнего города». М.: Греков Б. Д. «Киевская Русь». Госполитиздат. 1953 г.
- Гумилёв Л. Н. «Древняя Русь и Великая степь». М. 2002 г.
- Гумилёв Л. Н. «Конец и вновь начало». Москва. 1994 г.
- Документы по истории Белёва и его района. (Центральный государственный исторический архив СССР).
- Ермолаев И. П. «Прошлое в лицах. Рюриковичи». Биографический словарь. М.: «Олма-Пресс». 2002 г.
- Жуков Г. К., маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. «Воспоминания и размышления». Изд-во Агентства Печати Новости. М: 1970 г.
- Журнал Министерства внутренних дел. 1856 Апрель. Санкт-Петербург. Типография МВД (Отделение II. «Материалы для статистики России. Описание г. Белева Тульской губернии»).
- Журнал Московской патриархии. 1944 г.
- Журнал современного просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской «Маяк». Т.8. С-П. 1843 г.
- Журналы Белёвского уездного Земского собрания. Тула, 1870 г.
- Забелин М. «Русский народ. Его обычан, обряды, предания, суеверия и поэзия». Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М: Совместное советско-канадское предприятие «Книга ПРИНШТОП». 1989 г.

- Карамзин Н. М.** «История государства Российского». I—III, IV—VI, X—XII. Тула. Приокское книжное излдательство. 1990 г.
- Киреевский И. В.** Журнал «Европеец». 1832 г. Издание подготовил Л. Г. Фризман. «Наука». 1989 г.
- Ключевский В. О.** «Курс русской истории». Сочинения в девяти томах. М: «Мысль», 1987 г.
- «Книга памяти. 1941—1945 гг. Тула»
- Коган В. М.** «История Дома Рюриковичей». (Опыт историко-генеалогического исследования). Издательский дом «Бельведер». Санкт-Петербург. 1993 г.
- Любoshi С.** «Последние Романовы». Ленинград: Книгоиздательство «Петроград». 1924 г.
- Малицкий П.** «Приходы и церкви Тульской епархии. Тула. 1895 г.»
- Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения, при Статическом отделении Совета Министерства Внутренних дел. С-П. Типография МВД. 1841 г.
- Милюков П. Н.** «Древние разрядные книги». (1475—1598 г.).
- Назаров М.** «Кто наследник Российского Престола?» М: «Русская идея». 1988 г
- Народное хозяйство Белёвского района (1976—1980). Статистический сборник. 1981 г.
- Овсянников А.** «История двух тысячелетий в данных». Тула: «Автограф», 1966 г.
- Описание города Белёва и Белёвского уезда, со всеми лежащими в них дачами, в чём они владении, какое число муж. полу душ и сколько меро земель, со внесением экономических примечаний 1792 г. / Москва., 1858 г. В университетской типографии.
- Отречение Николая II. Воспоминание очевидцев, документы. 2-е издание, дополненное. Изд. «Красная газета» Ленинград. 1927 г.
- Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. С-П: Издание императорской Академии художеств. 1891 г.
- Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Документы и материалы по истории народов СССР. Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение. 1936 г.
- Панченко А. М.** «О русской истории и культуре». С.-П. Изд. «Азбука», 2000 г.
- Патриаршая или Никоновская летопись (1063 г.) Судьбиценская битва. О походе из Белёва боярина Шереметьева. (Историческая государственная публичная библиотека).
- Подвиг народа. (Памятники Великой Отечественной войны 1941—1945 г.) Политиздат. 1980 г.
- Полянцев А., Туткус В.** «Гвардейская Витебская». Верхне-Волжское книжное издательство. Ярославль. 1975 г.
- Последние часы жизни императора Николая Первого. С-П. 1855 г.
- Потехин А. С.** «31-й Особый». Горький. Волго-Вятское книжное издательство. 1978 г.
- Прибавления к Тул. епарх. ведомостям. 1870 г.
- «Революция и церковь». Ежемесячный журнал. Январь № 2, 1919 г., стр. 28—32
- Садуль Ж.** Записки о большевистской революции. (октябрь 1917 — январь 1919 г.) М: «Книга», 1990 г.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского. Издательство «Наука» Ленинградское отделение. Ленинград, 1977 г.
- Сумма П. Ф.** «Исторические рассуждения о Хазарах». /М. 1846 г., параграф 12.
- Суханов Н. Н.** Записки о революции. Т. I, II, III. М. Изд. «Республика» 1992 г.
- Тальберг Н.** «История русской церкви». Джорданвиль. Нью-Йорк, 1959 г.
- Тульские губернаторы. г. Тула, 1997 г.
- «Тульские губернские ведомости». С 1838 по январь 1876 г., 1895 г.

Черепнин Л. В. «Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках» М: СОЦЭКГИЗ – 1960 г.

Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической Партии (большевиков). Государственное издательство. 1925.

Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг., часть II. С-П. 1863 г.

Энциклопедический лексикон. Т.7. БРА-БЯЛ. С-П. 1856 г., стр. 519–521.

«Список населенных мест по сведениям 1859 года». Центральный статистический комитет министерства внутренних дел». С-Петербург, 1862. С. 46–55.

П. И. Малицкий. «Приходы и церкви Тульской епархии», Тула, 1859 г.

Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. Опыт исследования по губерниям академика архитектуры М. Г. Преображенского. Издание Императорской Академии художеств.

СОДЕРЖАНИЕ

Духовное начало древнего края, или Заметки о нравах	2
Дорогами доблести и славы	16
Из былинных глубин истории	22
Если отчизна в опасности	27
Из недр государства	34
Твоя Родина — страна князей	50
По следам ордынского изгнаника	64
Многострадальная, всё превозмогшая	72
Из сведений об истории церкви	82
Восхождение	88
Просвещение: от частного, семейного к общественно значимому	98
Государем жалованные за усердие	111
Жизнь и поэзия одно	125
Востребованные временем, извлеченные из забвения	139
Издатель коллективного автора	147
Заступник мужицкого царства	153
И дум высокое стремленье	160
Притяжение заповеданного края	164
В терновом венце революции	173
Ввергнутый в раздел империи	185
В перерывах между боями	196
Весомо, грубо, зримо	201
Драматическая эпоха Гражданской войны в лицах	210
В пекле боев и сражений	218
На стыке двух фронтов	224
На стратегическом направлении	232
За други своя	241
Магия отеческого, родного	248
Шагами красных беспощадных пятилеток	259
От поокского края — до Поля Славы	270
Обессмертившие имя твое, Белев	279
Хронология административного края	303
Роднички святости	309
Сберегая историческое, вперед в будущее	337
Литература	339

ББК 63.3 (2Р-4 Тул)
Г 80

Художник
Н. В. Акиньшин

Фотограф
В. Б. Малахов
В.В. Завадкин

Г 80 Греков В. Я.

Белев: очерки об истории кафедрального города. — Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2007. — 344 с., илл.

Это необычные очерки о кафедральном городе Белеве Тульской области. В них автор — член Союза писателей России В. Я. Греков, хорошо изучивший местные обычаи, характер и нравы белевцев, рассказывает удивительную историю жизни города, правдиво, со знанием дела показывает жизнь, быт жителей, их любовь к родному городу, его значение как в эпоху прошлого для России, так и сегодняшнего дня.

ISBN 978-5-86714-286-5

ББК 63.3(2Р-4 Тул)
Г80

ISBN 978-5-86714-286-5

© В. Я. Греков, 2007.

© Художественное оформление «Пересвет», 2007

ГРЕКОВ
Валентин Яковлевич

БЕЛЕВ:
очерки об истории кафедрального города

Редактор *Н. К. Кирюхин*
Художник *Н. В. Акиньшин*
Корректор *М. А. Семина*
Компьютерная верстка *Д. И. Кузнецов*
Компьютерный дизайн *Ю.Н. Акиньшин*

Подписано в печать 30.03.2007
Формат 60x90/₁₆. Бумага офс. Гарнитура Петербург.
Печать офс. Усл. печ. л. 21,5. Уч. изд. л. 18,1.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1279.

Издательский Дом «Пересвет» 300034, г. Тула, ул. Л. Толстого, 111.
ИД № 06135 от 26.10.2001 г.

Отпечатано в ГУП РО «Рязоблитипография».
390023, г. Рязань, ул. Новая, 6912

*«Пример добрых дел есть лучшее,
что мы можем даровать тем,
кто живет вместе с нами:
память добрых дел есть лучшее,
что можем оставить тем,
кто будет жить после нас».*

В. А. Жуковский

Тула
Издательский Дом «ПЕРЕСВЕТ»
2007